Пьер Монтэ

ЕГИПЕТ РАМСЕСОВ

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Серия «По следам исчезнувших
культур Востока» основана в 1961 году

Пьер Монтэ

ЕГИПЕТ РАМСЕСОВ

Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 63.3(0)3
М77

P. Montet
LA VIE QUOTIDIENNE EN EGYPTE
Aux temps des Ramses
Hachette
Paris, 1946

Перевод с французского Ф. Л. МЕНДЕЛЬСОНА

Ответственный редактор, автор послесловия
и примечаний
О. В. ТОМАШЕВИЧ

Рецензент И. А. СТУЧЕВСКИЙ

Утверждено к печати редколлегией серии
«По следам исчезнувших культур Востока»

М $\frac{0503010000\text{-}154}{013(02)\text{-}89}$ Без объявления

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-02-016592-1

ВВЕДЕНИЕ

Древние египтяне заботились о своих богах и мертвецах больше, чем о живых. Когда они воздвигали новый храм, «обитель миллионов лет», строили на западе Фив гробницы, «дома вечности», они, не считаясь ни с какими расходами, привозили издалека камень, металлы и драгоценное в этих местах дерево. Никакой материал не казался им слишком прекрасным и долговечным для этих сооружений, хотя сами они жили в домах из кирпича-сырца, и только настенная роспись в них имитировала камень и металлы. Поэтому храмы и гробницы просуществовали гораздо дольше, чем города, а в наших коллекциях неизмеримо больше саркофагов и стел, статуй фараонов и богов, чем бытовых предметов живых египтян, намного больше ритуальных и магических текстов, например копий «Книги мертвых», чем воспоминаний или романов. Можно ли, опираясь только на такие свидетельства, попытаться реконструировать повседневную жизнь подданных фараона и не уподобится ли такая попытка поверхностным наблюдениям и наивным суждениям греческих и римских путешественников? [1] Мы склонны думать, что египтяне сразу рождались в погребальных пеленах. Гастон Масперо, который первым перевел любовные стихи, отметил, что ему было очень трудно представить древнего египтянина в роли влюбленного, стоящего на коленях перед своей возлюбленной. А в действительности египтяне были бесконечно благодарны богам, повелителям всего сущего, именно за то, что жизнь на берегах Нила на самом деле была прекрасна, и поэтому они стремились любыми средствами обеспечить себе блага этой жизни в загробном мире.

Они полагали, что добьются этого, если стены гробницы будут покрыты росписями и рельефами, изображающими покойного живым и здоровым в его земных владениях, с женой и детьми, с родственниками и слугами, с толпами ремесленников и земледельцев [2]. Вот он обходит земли пешком, вот его несут в паланкине, а вот он плывет в ладье. Он может просто сидеть в кресле и наслаждаться зрелищем кипящей вокруг него жизни, а может и принимать активное участие в действии: садиться в лодку, под-

стерегать птиц, спрятавшихся в зарослях папируса, гарпунить рыб величиной почти с человека, ловить диких уток, охотиться с луком на газелей и антилоп-ориксов. Все его близкие присутствуют при его утреннем туалете: кто-то делает ему маникюр, кто-то — педикюр, управляющий представляет отчет, стражники бесцеремонно волокут к нему нерадивых слуг, музыканты и танцовщицы услаждают его зрение и слух. В жаркие часы дня он охотно играет со своей женой в игры, напоминающие наши шахматы и французскую игру в гуся.

Чтобы угодить своему клиенту, художник должен был изображать представителей всех профессий. Те, кто жил у приречных болот, занимались главным образом охотой и рыбной ловлей. Папирус являлся материалом для постройки не только хижин, но прежде всего легких лодок и челноков, очень удобных для преследования в водяных зарослях крокодилов и гиппопотамов, для выслеживания птичьих гнездовищ и разведки рыбных затонов. Прежде чем отправиться на охоту, лодки испытывали, и это служило поводом для охотников посостязаться в силе и ловкости. Участники состязания надевали венки, и, вооружившись длинными баграми и громко переругиваясь, старались сбросить друг друга в воду. Затем, уже примирившись, они возвращались в деревню, жители которой занимались починкой сетей и прочего снаряжения, вялением рыбы и разведением птицы.

Земледельцы сеют и пашут, теребят лен, жнут и вяжут снопы, которые ослы перевозят в деревню. Здесь снопы раскладывают на гумне, где ослы и быки, а когда и бараны выбивают из них зерно своими копытами. Затем солому отделяют от зерна. Пока одни возводят скирды, другие меряют зерно и относят его в амбар. Едва заканчиваются эти работы, как созревает виноград. Его собирают, давят и наполняют вином огромные сосуды. В любое время года мельники мелют зерно, поставляя муку булочникам и пекарям.

Ремесленники обрабатывают глину, камень, дерево и металлы. Поскольку дерево в Египте редкость, орудия производства, которые требовались земледельцам, виноградарям, пекарям и поварам, изготовляли из обожженной глины. Кроме того, использовались еще гранит, алебастр, сланец и кость. Небольшие сосуды вытачивали иногда из горного хрусталя.

Египтяне очень любили украшения. Ювелирные мастера поставляли им ожерелья, браслеты, кольца, диадемы,

подвески и амулеты. Все эти прекрасные мелочи хранились в ларцах. В особых случаях девушки вынимали эти украшения из своих тайников и надевали их.

Скульпторы изображали хозяев гробниц в стоячем или сидячем положении, одного или в окружении семьи, используя для этого алебастр, гранит, черное дерево или акацию. И наконец, плотники-корабелы распиливали и обтесывали стволы деревьев для постройки лодок, барж и кораблей, на которых можно было плавать по всему египетскому Нилу, создавать запасы зерна, отправляться в паломничества к святыням Абидоса, Пе и Депа. Об изображениях в гробнице можно сказать словами героя из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», выброшенного на остров доброго Змея: «Нет вещи [на свете], которой бы там не было».

На изображениях в гробницах не хватает лишь одного: хотя бы намека на то, чем именно занимался сам ее хозяин при жизни. Будь то усыпальница воина или придворного, цирюльника или врача, архитектора или везира — повсюду изображены одни и те же сцены. Их может быть больше или меньше, но иероглифические надписи, обрамляющие эти сцены или заполняющие пространство между персонажами, объясняют почти одинаковыми терминами их действия и воспроизводят одинаковые диалоги: всюду одни и те же слова, одни и те же песни. Изображения и тексты восходят к одному и тому же источнику. Таким образом, художники, украшавшие гробницы, имели перед глазами, так сказать, классический образец. Каждый выбирал из него что хотел и располагал по своему вкусу. Этот образец, по-видимому, появился в начале IV династии. На протяжении всего Древнего царства его постоянно обогащали художники, явно не лишенные фантазии и юмора: прохожий, воспользовавшись отсутствием пастуха, доит его корову; ловкая обезьянка опережает слугу, который было протянул руку к корзине, полной фруктов; бегемотиха вот-вот родит, а крокодил терпеливо ждет, чтобы сразу проглотить бегемотика; маленький мальчик протягивает отцу, чтобы тот обвязал челнок, веревочку... длиной в ладонь. Этот список несложно продолжить. Но следует иметь в виду, что художники никогда не упускали из виду главной цели: изобразить жизнь большого поместья.

Этот образец всегда оставался неизменным. Основные темы его мы находим в гробницах Среднего царства в Бени-Хасане, Меире, Эль-Берше, Фивах и Асуане. Несколько веков спустя, когда резиденцией фараонов стали Фивы,

в гробницах изображались те же самые сцены. И в начале эпохи Птолемеев художник не меняет тему изображений. Мы их видим в элегантной гробнице наподобие храма, где погребен знатный сановник города восьми богов (Гермополь) Петосирис, который при жизни носил титул «великий пятерик» (т. е. верховный жрец Тота и других богов). И тем не менее эти гробницы нельзя считать неизменным и скучным повторением образцов, созданных и доведенных до совершенства в эпоху великих пирамид. В Бени-Хасане гораздо больше, чем прежде, изображений игр, борьбы, сражений, да и пустыни. Воины нома упражняются, осаждают крепости. Первый шаг сделан. К сценам классического репертуара примешиваются изображения событий из личной жизни усопшего. Кочевники из Аравии предстали перед правителем нома Орикса с просьбой обменять «зеленый порошок» на зерно и в знак своих добрых намерений принесли в дар пойманную в пустыне газель и каменного барана. Эта аудиенция изображена в гробнице Хнумхотепа между сценами охоты и прогона стад [3]. Правителю нома Зайца не приходилось принимать посланцев столь далеких стран, поэтому он просто заказал скульпторам из алебастровой каменоломни Хатнуб, находившейся поблизости от его резиденции, свою собственную статую высотой в тринадцать локтей. Когда статуя была готова, ее вынесли из мастерской и положили на волокушу. Сотни людей, молодых и старых, уцепившись за четыре каната, медленно потащили статую к храму по каменистой, узкой дороге, по обе стороны которой стоял народ и подбадривал их возгласами и ритмичным хлопаньем в ладоши [4]. В гробницах Древнего царства встречаются сцены перевозки статуй усопших, но эти статуи делались в натуральную величину и предназначались для гробницы. Для их перевозки не было никакой необходимости мобилизовать всех мужчин нома. Это было лишь эпизодом погребального культа, однако Джхутихотеп избрал его, чтобы поразить всех, кто увидит его гробницу, ибо такое событие было поистине исключительным и свидетельствовало о его богатстве и высоком положении при дворе.

В эпоху Нового царства сюжеты росписей в частных гробницах можно разделить на три большие серии. Прежде всего, это сцены из гробниц Древнего царства, но приспособленные к современности, поскольку за тысячу лет многое изменилось.

Затем исторические сцены. Например, везир Рехмира, первый пророк Амона Менхеперра и «царский сын Куша»

(т. е. наместник) царевич Хеви участвовали в великих исторических событиях. Они представляли его величеству фараону иноземных послапников: критян, сирийцев или негров, которые выражали желание «быть на воде царя» (т. е. лояльными) или «получить дыхание жизни». Эти высокие сановники собирали налоги, творили суд, наблюдали за работами, обучали новобранцев. Раньше в гробнице высекали рассказ о жизни усопшего, теперь же все его деяния изображались в сценах.

И наконец, многочисленные сцены посвящаются почитанию богов. Намного больше места отводится погребальной церемонии. Мы видим все его этапы: изготовление огромного количества погребальной мебели, торжественное шествие, переправу через Нил, внос саркофага в гробницу, горестные позы плакальщиц, последние прощания.

Храмы Египта — это гигантские каменные книги, где художники использовали все доступные поверхности. Архитравы, колонны, их основания, пилоны, не говоря уже о стенах изнутри и снаружи,— все покрыто изображениями и иероглифами.

В наиболее сохранившихся храмах Позднего царства изображения и тексты относятся только к культу. Если храм и считался домом бога, он одновременно был и памятником во славу фараона. Фараон — сын бога. Все, что он делал, делалось по воле бога и зачастую с его помощью. Напомнить о деяниях царствовавшего фараона — значит еще раз восславить богов. Поэтому сцены из жизни фараона чередуются в гробницах с религиозными сценами. Прежде всего художники старались напомнить о том, что сделал фараон для украшения храма, и о его богоугодных деяниях, таких, как экспедиция в страну благовоний, войны с Сирией, Ливией и Нубией, откуда царские войска возвратились с богатой добычей и вереницами пленников, ставших рабами храма. Царская охота и торжественные выходы живого бога, окруженного восторженными толпами, завершают эти сцены, интересные вдвойне благодаря объяснительным текстам, передающим речи, приказы и песнопения.

Таким образом, попытка описать повседневную жизнь древнего Египта вполне реальна, несмотря на то что мы еще не знаем некоторых ее аспектов. Древние памятники сохранили нам рельефы и настенные росписи, статуи и стелы, саркофаги и культовые предметы, что уже само по себе немало. Но мы находим там же и другие свидетельства. Разумеется, мы бы предпочли вместо погребальной

мебели Тутанхамона или Псусеннеса[5] увидеть подлинную мебель из дворцов Рамсесов. Но в конечном счете потребности усопшего были скопированы с потребностей живого фараона. К тому же набожные родственники часто оставляли в гробницах те вещи, которыми усопший пользовался при жизни, а также памятные семейные реликвии.

Совершенно очевидно, что пользоваться источниками, охватывающими более трех тысяч лет, следует с предельной осторожностью. Все изменялось. Правда, в древнем Египте это происходило гораздо медленнее, чем в других более поздних цивилизациях. Нил, приносящий жизнь в свою долину, был и остается царственным владыкой. Его повеления неизменны. Однако нравы, учреждения, ремесла и верования не оставались незыблемыми. Эта истина, неоспоримая для любого египтолога, на практике частенько забывается. В некоторых недавно напечатанных исследовательских трудах тексты самых различных эпох цитируются вперемежку. Иногда пытаются объяснить непонятные места в древних текстах ссылками на Диодора или Плутарха, а то и вовсе на Ямблиха. Многие ученые продолжают использовать названия месяцев года, которые вошли в употребление в Саисскую эпоху. И так создается легенда, будто Египет оставался неизменным и одинаковым с начала и до конца его бесконечной истории.

Чтобы не впасть в такое заблуждение, следовало прежде всего выбрать определенную эпоху. Отбросив два Переходных периода, долгий период упадка, последовавший за войной с «нечистыми» *, и саисское возрождение, когда египтяне слишком увлеклись мумификацией животных и переписыванием заклинаний, а также эпоху Птолемеев, которой занимаются не только египтологи, автор последовательно изучил период великих пирамид (Древнее царство), период лабиринта (Среднее царство), славные царствования Тутмосов и Аменхотепов, промежуточный период обожествления солнечного диска с лучами в виде благословляющих рук (XVIII, XIX династию и XX). Все эти периоды по-своему привлекательны. Древнее царство было молодостью Египта. Именно тогда создано все великое и прекрасное, что прославило эту страну. И все же мы выбрали эпоху фараонов Сети I и Рамсесов.

Этот период относительно короток. Он начинается около 1320 года до н. э. с приходом к власти новой династии. Египтяне считали, что теперь царская семья с многочис-

---

* См.: Послесловие.

ленными детьми положит конец борьбе за трон и принесет много перемен. До сих пор владыки Обеих земель происходили из Мемфиса или из Фив, где они создали могущественные номы Среднего Египта между Коптосом и Фаюмом. Впервые трон Хора заняли представители Дельты, чьи предки четыреста с лишним лет поклонялись богу с довольно скверной репутацией — Сетху, который убил своего брата Осириса. Эта эпоха окончилась приблизительно в 1100 году до н. э. короткой эрой «повторения рождений» *, когда Египет окончательно распрощался с наследниками Рамсесов и с их богом [6].

Эти два столетия прославились царствованием трех великолепных фараонов — Сети I, Рамсеса II и Рамсеса III. Новые повелители после жестокого кризиса в конце XVIII династии принесли стране религиозный мир, который заколебался лишь с приближением 1100 года. Войска этих фараонов одерживали блистательные победы. Они вмешивались гораздо активнее, чем прежде, в жизнь соседних народов. Многие египтяне жили тогда за границей. И еще больше иноземцев селилось в Египте. Рамсесы были великими строителями. Фиванские владыки XVIII династии не успели закончить восстановление опустошенных гиксосами районов. Они много сделали в самих Фивах, но после религиозной реформы Эхнатона пришлось начинать все сначала.

Гипостильный зал в Карнаке, пилон в Луксоре, Рамессеум и Мединет-Абу с массой больших и малых сооружений в стовратных Фивах — великолепный вклад Рамсеса I и его преемников. Ни один уголок огромной империи не был обойден их вниманием. От Нубии до Пер-Рамсеса и до Питома было основано столько городов! А сколько храмов они расширили, восстановили или отстроили заново!

Эти храмы, гробницы фараонов и их цариц, а главное, их современников дают нам богатейший материал. Дополняют его многочисленные папирусы XIII и XII веков до н. э., повести, сказки, сборники писем, списки работ и работников, контракты, судебные отчеты и самое драгоценное — политическое завещание Рамсеса III. Вот те источники, по которым писалась эта книга. Но это вовсе не значит, что я не обращался к более древним или, наоборот, к современным источникам. Вопреки тенденции ряда египтологов рассматривать Египет как незыблемый мону-

* Или эрой возрождения, которая началась на девятнадцатом году правления Рамсеса XI.— *Здесь и далее примечания редактора.*

мент, существующий три тысячи лет, и применять к любой эпохе фараонов характеристики, установленные лишь для какого-то одного периода, я построил данный труд на том, что многие обычаи и верования в Египте со временем менялись. Когда античный автор соглашается с мемфисским рельефом, мы вправе думать, что египтяне эпохи Рамессидов в таких случаях поступали точно так же, как их предки и потомки. Поэтому сведения брались из всех доступных источников, когда была уверенность, что не будет внесена фальшь в общую картину повседневной жизни Египта в эпоху Рамессидов.

Глава I

ГДЕ ЖИЛИ ЕГИПТЯНЕ?

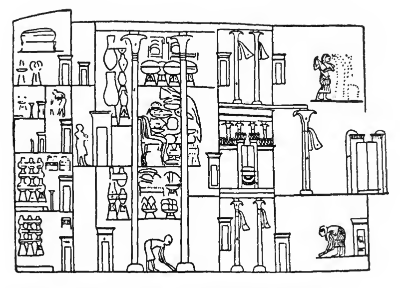
I. ГОРОДА

Города эпохи фараонов превратились сегодня в пыльные холмы, усеянные черепками глиняной посуды и мельчайшими осколками. Нас это не удивляет, потому что города и дворцы строились из кирпича-сырца. Однако некоторые из них находились еще не в столь плачевном состоянии, когда их описывали ученые, приехавшие в Египет вместе с Наполеоном Бонапартом. Множество новых разрушений произошло уже впоследствии, когда местные жители продолжали не только использовать «себах» * из руин, извлекая каменные блоки, но, к сожалению, «пристрастились» к поискам древностей. Поэтому мы можем с уверенностью говорить лишь о двух городах, ибо это были недолговечные города. Их создали по царскому повелению, просуществовали они очень недолго и внезапно были покинуты. Наиболее древний, Хут-хетеп-Сенусерт, воздвигнутый в Фаюме фараоном Сенусертом II, просуществовал менее столетия. Второй город, Ахетатон, стал резиденцией Аменхотепа IV после его разрыва с жречеством Амона. Его преемники жили там до вступления на трон Тутанхамона, который вернулся со своим двором в Фивы **. Весьма полезно бросить взгляд на эти города-призраки, прежде чем мы перейдем к описанию рамессидских городов.

Основатель Хут-хетеп-Сенусерта заключил город в ограду — триста пятьдесят на четыреста метров — и предполагал, что здесь будет проживать довольно много людей [1]. Храм располагался за городскими стенами. Мощная стена разделяла город на две части: одна отводилась для богачей, другая — для бедняков. Квартал бедноты прорезала

* Феллахи до сих пор пользуются в качестве удобрений «себахом» — «вековой пылью» из развалин мертвых городов.

** При Тутанхамоне столица была перенесена в Мемфис, а не в Фивы, что свидетельствует о компромиссном решении конфликта внутри господствующего класса.

Дворец Эхнатона в Ахетатоне (совр. Телль-эль-Амарна)

улица шириной в девять метров, которую пересекали под прямым углом многочисленные узенькие переулки. Дома стояли так, что их фасады выходили на улицу, а задние стены смыкались одна с другой. Поражает теснота комнатенок и коридоров. Квартал богачей пересекали широкие улицы: они вели к дворцам и жилищам высших чиновников; по площади они превосходили примерно в пятьдесят раз домишки бедняков. Египтяне всегда любили сады; например, начальник экспедиций на юг Хуфхор (Хирхуф), привезший из Нубии карлика-танцора для своего юного повелителя (царя Пепи II), рассказывает в надписи в своей гробнице, как он построил дом, вырыл бассейн и насадил деревья; знатная госпожа эпохи Сенусерта велела вырезать на своей стеле, что она очень любила деревья; Рамсес III повсюду насаждал сады. Но, здесь в Хут-хетеп-Сенусерте, ничего не было предусмотрено ни для садов, ни для прогулок.

Город Эхнатона, наоборот, был городом роскоши[2]. Он находился между Нилом и горами и занимал обширное пространство в форме полукруга. Главная улица, параллельная реке, шла через весь город из конца в конец и пересекала другие улицы, которые вели к набережной,

некрополю и алебастровым каменоломням. Царский дворец, храм, здания администрации и торговые дома образовывали центральный квартал. На улицах скромные дома чередовались с роскошными виллами, принадлежавшими членам царской семьи.

Огромные обширные пространства, как в частных владениях, так и на городских площадях, отводились под посадки деревьев и под сады. Работники некрополя и каменоломен жили отдельно, в поселке, обнесенном оградой. Город был покинут жителями, и его планировка осталась неизменной, в то время как в городах с долгой историей — а таких было неизмеримо больше — царил полнейший беспорядок. Мен-нефер — «постоянна красота» (фараона или бога), который греки переименовали в Мемфис, назывался также Анх-тауи — «жизнь Обеих земель», Хут-каптах — «Дворец двойника Птаха», и Нехет — «сикомор». Каждое из этих названий может служить названием города, но первоначально они означали либо царский дворец с окружающим ансамблем, либо храм Хатхор, почитаемой в Мемфисе как «госпожа сикомора».

То же самое было и в Фивах, стовратном граде Гомера. Сначала он назывался Уасет, как IV ном Верхнего Египта, на территории которого он располагался. В эпоху Нового царства его стали называть Опет (слово, которое одни египтологи переводят как «гарем», другие как «святилище», третьи как «дворец»). Гигантский комплекс сооружений, связанный сегодня с названием деревушки Карнак, со времен Аменхотепа III назывался Опет Амона [3].

Аллея сфинксов ведет от него к храму Луксора — Южному Опету. Оба Опета были некогда окружены стенами из кирпича-сырца со множеством монументальных каменных входов с воротами из ливанской пихты *, окованными бронзой и изукрашенными золотом. В случае опасности ворота затворяли. Пианхи рассказывает, что ворота города закрылись при его приближении. Однако в известных нам текстах нет и намека на закрытие ворот, и поэтому надо полагать, что в мирное время через них можно было свободно входить и выходить днем и ночью.

---

* Обычно пишут о знаменитом ливанском кедре. Однако еще в 1916 г. В. Лорэ доказывал, что термином «аш» обозначали благородную киликийскую пихту. Этой точки зрения придерживается его ученик П. Монтэ, и в настоящее время она наиболее популярна.

Внутри города почти все пространство между стенами и храмом занимали жилые дома, лавки и ныне исчезнувшие склады. Сады и огороды радовали глаз своей зеленью. Стада Амона паслись в загонах. Один из этих садов изображен на стене «зала Анналов» его создателем, Тутмосом III; сам фараон предстает там перед нами среди растений и деревьев, вывезенных из Сирии [4].

Между двумя оградами по обеим сторонам аллеи сфинксов и на берегу реки стояли вперемежку официальные здания и дворцы. Каждый фараон хотел иметь собственный дворец, но и везиры, и высшие чиновники были не менее тщеславны. Поскольку город не переставал расти на протяжении правления трех династий, вполне вероятно, что более скромные дома и жилища бедняков оказывались среди этих роскошных дворцов, а не в отдельном квартале, как в Хут-хетеп-Сенусерте.

Напротив Карнака и Луксора, на западном берегу Нила, разрастался второй город, Джеме, или, вернее, не город, а скопление отдельных памятников с прилегающими домами и складами, окруженных стенами из кирпича-сырца; площадь каждого такого ансамбля была триста на четыреста метров, если не больше [5]. Длина ограды, сооруженной при Аменхотепе III, превышала пятьсот метров по каждой стороне. Эти огромные кирпичные стены имеют ширину у основания до пятнадцати метров, а высоту — более двадцати. Они почти полностью скрывали от глаз то, что находилось внутри; над ними возвышались только пирамидионы обелисков, верхняя часть пилонов и колоссальных статуй. Бо́льшая часть этих ансамблей оказалась жестоко разрушена временем и людьми. Колоссы Мемнона сегодня возвышаются среди пшеничных полей, но они создавались совсем не для того, чтобы в одиночестве стоять среди этого идиллического пейзажа. Первоначально они украшали фасад огромного храма, окруженного со всех сторон домами из кирпича-сырца, где жило многочисленное население, и складами с огромным количеством разнообразных товаров. Лишь колоссы устояли перед веками, остальное все исчезло, оставив после себя жалкие холмики. Да и сами колоссальные статуи не избегли общей участи. То, что удалось обнаружить во время непродолжительной кампании раскопок, сегодня быстро исчезает под натиском наступающих полей. Только монументальное сооружение Рамсеса III в Мединет-Абу, Рамессеум и, естественно, ступенчатый храм царицы Хатшепсут до сих пор поражают своим величием.

Особенно выделяется Мединет-Абу. Здесь можно наглядно представить, какими были те, окруженные стенами древние города в пору их расцвета [6]. Ладья перевозчика доставляла паломника к подножию двойной лестницы. Он проходил между двумя сторожевыми башенками через ворота в довольно низкой каменной ограде с зубцами, пересекал идущую по всему периметру дозорную дорогу и оказывался перед воротами внутренней высокой стены из кирпича-сырца. Эти ворота напоминали сирийский бастион. Между двумя мощными башнями стояла третья, шириной в шесть метров, с проходом посредине, через который могла пройти только одна колесница. Рельефы на стенах восславляли могущество фараона. Консоли подпирали головы извечных врагов Египта — ливийцев, азиатов, негров и нубийцев. Каждый, проходящий через эти ворота, наверное, испытывал гнетущее чувство.

В верхних помещениях сюжеты настенных росписей были повеселее: например, Рамсес в окружении своих любимцев ласково держит за подбородок очаровательную египтяночку. И тем не менее все это сооружение было не чем иным, как крепостью на случай мятежа. Обычно там располагалась только стража. Сам же дворец и гарем находились немного дальше, рядом с храмом.

За укрепленными воротами открывалась обширная площадь, где и находились храм, дворец, гарем, жилые строения и дворы, и все это было окружено третьей оградой; с трех сторон эту третью ограду окружали маленькие дома, стоявшие вплотную друг к другу. Здесь жили жрецы храма и ремесленники, которые могли понадобиться фараону, когда он наезжал в свой маленький город на левом берегу Нила со своими женами и многочисленными слугами.

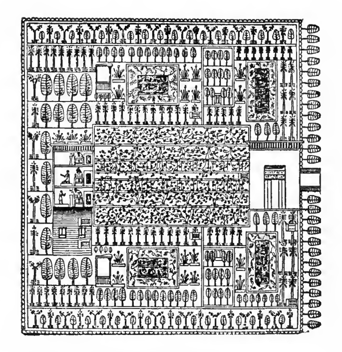
Таков был укрепленный дворец Рамсеса, властителя Она во владениях Амона. Таков был Рамессеум. И подобными же были все двадцать или тридцать царских городов на левом берегу Нила. Снаружи царил довольно беспечный хаос архитектурных причуд, золоченых дворцов и серых лачуг. Весь цвет Египта с царевичами и царевнами время от времени заполнял эти аллеи и площади. Смех, песни и музыка разносились по царским покоям. А когда празднества заканчивались, через укрепленные ворота в город проходили только стада и вереницы рабов с ношами на головах или на плечах, воины, писцы, каменщики и ремесленники и растекались по мастерским и складам, по конюшням и бойням. Да еще школьники и подмастерья

приходили сюда за ежедневной порцией знаний и палочных ударов [7].

Города Дельты ничем не уступали городам Верхнего Египта — ни древностью, ни великолепием памятников. Их опустошили гиксосы и оставили в небрежении властители XVIII династии. Восстановили, расширили и украсили эти города только Рамессиды. Рамсес II очень любил Восточную Дельту, колыбель своего рода. Он ценил ее мягкий климат, водные просторы, луга и виноградники, дававшие вино слаще меда. На берегу Танисского рукава, посреди лугов, овеваемых ветрами, стоял Хут-уарет (Аварис) — древний город жрецов, центр культа бога Сетха, а также центр школы художников, возникшей в незапамятные времена. Гиксосы превратили его в свою столицу. После того как Яхмос изгнал их из Египта, город пришел в упадок. Рамсес обосновался там сразу же после того, как воздал последние почести своему отцу, и немедленно начал большие работы, дабы вернуть этому району жизнь и былое благоденствие, а древний город превратить в блестящую царскую резиденцию [8].

Здесь, как и в Фивах, храм и другие сооружения окружала большая кирпичная стена с четырьмя воротами, от которых отходили в каждую сторону света дороги и каналы. Из Асуана, не считаясь ни с трудностями, ни с расстояниями, доставили каменные блоки небывалых размеров для возведения храма, святая святых, и многочисленных стел и обелисков, которые вытачивали искусные мастера. По сторонам аллей, вымощенных базальтом, стояли друг против друга львы из черного гранита с человеческими лицами и сфинксы из розового гранита. Ворота охраняли лежащие львы. Перед пилонами выстроились группы из двух и трех статуй богов, стоящих и сидящих, многие из которых соперничали с колоссами Фив и превосходили мемфисские.

Дворец сверкал, украшенный золотом, лазуритом и бирюзой. Повсюду были цветы. Тщательно возделанные поля пересекались дорогами, обсаженными деревьями. Склады ломились от товаров из Сирии, с островов и из страны Пунт. Кварталы поблизости от дворца отводились отрядам пехоты и лучников, эскадронам колесниц, экипажам военных судов. Многие египтяне переселились сюда, чтобы быть поближе к «солнцу». «Сколь велика радость находиться здесь,— восклицает писец Пабаса,— лучшего не пожелаешь! Малый подобен великому... Равны здесь все, кто хочет обратиться с просьбой».

Усадьба с прудами и виноградником

Как и в других больших городах, среди египтян жило много ливийцев и негров. Но особенно азиатов, и даже после Исхода. Потомки сыновей Иакова и другие кочевники, получив разрешение проживать в Египте, не хотели больше его покидать, так же как пленники из Ханаана, Амора и Нахарины, чьи дети со временем, вероятно, становились свободными земледельцами и ремесленниками. Вскоре царский город оказался в центре нового, более обширного города с многочисленными домами, лавками и складами. В этих новых кварталах появились свои храмы, окруженные кирпичными стенами, как большой центральный храм. Нужно было выделить место для кладбища[9], потому что египтяне Дельты не имели возможности хоронить своих мертвецов поблизости, в пустыне, как это делали на юге — в Верховье. Поэтому они возводили гробницы для своих родственников и для священных животных порой вне стен города, а порой и внутри его, в двух шагах от храма. Поскольку места не хватало, здесь невозможно было возводить столь грандиозные монументы, как

в Мемфисе. А потому гробницы независимо от ранга покойного были здесь — будь то в Танисе или в Атрибисе — довольно небольшими.

Рамсес II построил так много, что его преемникам почти ничего не оставалось делать. Так, Рамсес III занимался главным образом поддержанием и расширением садов и лесов. «Я заставил плодоносить,— говорит он,— все деревья и растения на земле. Я сделал так, чтобы люди могли сидеть в их тени» [10].

В резиденции своего прославленного предка он разбил огромные сады, проложил прогулочные дороги среди полей, насадил виноградники и оливковые рощи, а вдоль священного пути — роскошные цветники [11]. В Опе фараон очистил священные пруды храма и извлек все нечистоты, которые накопились в них «с тех пор, как существует земля». Он всюду обновлял посадки деревьев и растений. Он посадил виноградники, чтобы у бога Атума было вдоволь вина, а также оливковые рощи, которые давали «наилучшее в Египте масло, чтобы ярко горело пламя в священном дворце». Храм Хора был для него дороже всех других храмов: «Я заставил расцвести священную рощу, которая находится в его ограде. Я заставил зазеленеть папирусы, как в болотах Ахбит (где, согласно мифу, жил Хор-младенец). Они были в небрежении с древнейших времен. Я сделал цветущей священную рощу твоего храма и дал ей место, которое было пустыней. Я назначил садовников, чтобы все плодоносило» [12].

Это называется сочетать приятное с полезным. Геродот заметил, что храм Бубаста, окруженный высокими деревьями, был одним из самых привлекательных во всем Египте. Несомненно, в XII веке до н. э. путешественник испытывал то же чувство удовлетворения во многих египетских городах. Суровая строгость высоких стен компенсировалась яркой зеленью. На берегах рукавов Нила горожане наслаждались свежестью в тени деревьев. Цветы на храмовых дворах оттеняли достоинства скульптур.

Животным, растениям и, конечно, людям требовалось много воды. Было бы крайне неудобно и даже неприлично ходить за ней на канал, находящийся вне стен города, даже в Мединет-Абу и в Пер-Рамсесе, где каналы подходили к самым монументальным воротам. Поэтому в большинстве городов, окруженных стенами, существовали каменные резервуары [13]. В них были проделаны ступени, по которым спускались к воде в любое время года. Кроме того, в городах были прорыты колодцы, во всяком случае с

начала Нового царства. Их обнаружили в ряде частных владений, а также в городских кварталах [14]. В ограде Пер-Рамсеса насчитали по крайней мере четыре колодца. Они построены капитально и выложены камнем [15]. Самый маленький, находящийся к западу от храма, имеет три метра десять сантиметров в диаметре. К нему спускались по крытой лестнице с двадцатью тремя ступенями, а затем по спиральной лестнице с дюжиной ступеней. Самый большой колодец, к югу от храма, имеет пять метров в диаметре. К воде ведет крытая лестница в сорок четыре ступени, состоящая из двух пролетов и площадки для отдыха. Далее в колодец спускались по подковообразной лестнице и черпали воду кувшинами даже в самый засушливый сезон. В остальные времена года египтяне считали более удобным поднимать воду из колодца с помощью шадуфа * в резервуар, откуда она по каменному желобу самотеком достигала другого резервуара в самом храме.

В восточной части города были обнаружены многочисленные глиняные трубы канализации различных образцов, пролегавшей глубоко под землей. Наиболее часто встречающаяся из этих систем состояла из вставленных друг в друга сосудов без дна с тщательно зацементированными швами. К сожалению, до сих пор не удалось проследить эти системы на всем их протяжении и выяснить наконец, где они начинались и где кончались. Мы не знаем, когда они были проложены, и не знаем даже, для чего служили — для доставки питьевой воды или для отвода использованных вод. Тем не менее мы рассказываем об этих системах, дабы подчеркнуть, что администрация фараонов заботилась об удобствах и здоровье горожан.

Царские резиденции и храмы были могучими центрами притяжения. В смутные времена все, кто опасался за свою жизнь, укрывались за городскими стенами. Они строили свои жилища в парках и фруктовых садах, портили прекрасную перспективу, спланированную первыми строителями. Они преграждали даже подступы к храму, селились прямо на стенах, мешали священным церемониям и службе часовых. Врач по имени Уджахорреснет, пользовавший своих пациентов во времена Камбиза, с горечью замечает, что чужеземцы устроились даже в самом храме Нейт, владычицы Саиса [16]. Поскольку он имел доступ к великому царю, он уговорил его изгнать всех этих

---

* Шадуф — колодец, «журавль», изобретенный в Египте в эпоху Нового царства.

пришельцев из храма, снести их лачуги со всеми пожитками, чтобы можно было совершать праздничные церемонии и процессии, как это делалось раньше. Примерно тогда же чародей-исцелитель по имени Джедхор, живший в Атрибисе, рассказывает, что какие-то простолюдины построили свои глинобитные домишки прямо над гробницами священных соколов [17]. Он не располагал такими связями, как саисский врач, но смог уговорить самовольных застройщиков покинуть гробницы и переселиться в другое вполне удобное место, которое сам же и указал им. Прежде там, правда, было болото, но его завалили обломками тех домов, которые разрушили. Так жители Атрибиса получили хорошо расположенный, удобный и чистый участок, правда немного сыроватый в период наивысшего подъема вод в Ниле. В Танисе мы обнаружили следы нашествия «новоселов» и на дворцах, и на храмовых стенах.

Некий Панемерит, персона, видимо, значительная, построил себе дом на первом дворе храма вплотную к пилону, видно, для того, чтобы его статуи присутствовали на священных церемониях [18].

Панемерит жил гораздо позднее врача из Саиса и чародея-исцелителя из Атрибиса, но Египет — страна традиций. Мы еще приведем этому немало доказательств. А потому эти факты, установленные на основании более поздних документов, показывают, что подобные явления наблюдались в Египте во все времена. Пользуясь невнимательностью или слабостью городских властей, жители покидали свои менее удобные кварталы и самовольно переселялись под высокие стены, возможно даже в надежде на какую-нибудь поживу. Когда власти спохватывались, они сметали эти скопища лачуг, и храм и царственный город вновь обретали свое великолепие, пока все не начиналось сначала. Во времена Сети I, великого Сесостриса * и Рамсеса III никому бы и в голову не пришло поселиться на священной земле, но это вполне могло произойти между царствованиями Мerenптаха и Сетнахта, а при последних Рамсесах городские дела вообще пошли из рук вон плохо.

---

* П. Монтэ полагает, что именем Сесострис античные авторы называли Рамсеса II. Однако это собирательный образ, включивший черты нескольких великих царей (в частности, кроме Рамсеса II — Сенусерта III), а в более поздних античных сочинениях, видимо, и Александра Македонского.

II. ДВОРЦЫ

Современников безмерно восхищал царский дворец в Пер-Рамсесе. К сожалению, их описания ничем не подтверждены. Даже точное местоположение дворца неизвестно. Раскопки не принесли на этот счет никаких позитивных результатов.

В Дельте известны и другие царские резиденции. Остатки дворца были обнаружены в Кантире *, деревушке под сенью двух пальм, в двадцати пяти километрах к югу от Пер-Рамсеса [19]. Когда фараон ожидал свою невесту, дочь хеттского царя, которая, стремясь к своему нареченному, пересекла в середине зимы всю Малую Азию и Сирию, он из галантных побуждений построил в пустыне между Египтом и Финикией укрепленный дворец, где собирался ее встретить. Несмотря на удаленность, в этом дворце было все, что душа могла пожелать [20].

В своем городе к западу от Фив Рамсес III имел дворец, который называл «домом радости». Остатки его были раскопаны и изучены археологами Чикагского восточного института [21]. Фасад дворца выходил на первый двор храма. Украшавшие его рельефы красноречиво свидетельствовали о могуществе фараона. На них Рамсес избивал врагов булавой, в сопровождении блестящего эскорта посещал свои конюшни, на колеснице, в боевых доспехах готовился повести войска в бой и, наконец, вместе со всем своим двором следил за борьбой и упражнениями своих лучших воинов. В середине фасада был пристроен богато изукрашенный балкон для появлений царя перед народом, под балконом четыре изящные колонки в форме стеблей папируса несли трехчастный рельеф: в нижнем регистре был изображен крылатый солнечный диск, в среднем — пальмы, а верхнем — уреи с солнечными дисками на головах. Здесь появлялся фараон, когда народ допускался на храмовой двор в честь праздника Амона. Отсюда он раздавал награды. Балкон этот сообщался с царскими покоями. Они представляли собой анфиладу множества залов с колоннами (в том числе тронный зал, личный покой фараона и ванная комната). От покоев царицы их отделял вестибюль. Покои царицы тоже насчитывали множество комнат. Длинные прямые коридоры облегчали переходы из одних апартаментов дворца в другие, а также

* См. Послесловие.

наблюдение и охрану, потому что Рамсес III, наученный своим горьким опытом, был подозрителен и осторожен.

Тронный зал, если судить по глазурованным плиткам, найденным здесь более тридцати лет назад, и фрагментам рельефа, обнаруженным сравнительно недавно американской экспедицией, выглядел довольно сурово. Фараон повсюду представлен в виде стоящего сфинкса, а также его царскими картушами *. Враги Египта изображены связанными у его ног. Они облачены в богатые одеяния, расшитые варварскими узорами, при этом художник постарался как можно точнее передать их лица, прически и украшения. На ливийцах мы видим татуировку, на неграх — крупные серьги, у сирийцев на шее — медальоны, у кочевников-шасу ** — заколотые гребнями длинные, отброшенные назад волосы [22]. Однако, надо думать, личные покои фараона и царицы украшали росписи и рельефы на более приятные темы.

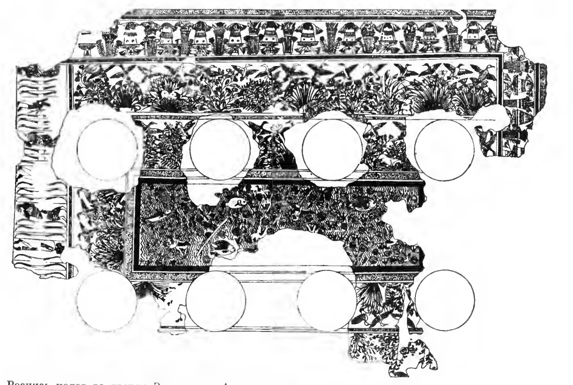
Царские жилища занимали не особенно большую площадь. Это было квадратное сооружение со стороной менее сорока метров. Несомненно, фараон не останавливался здесь надолго, потому что у него был дворец и на другом берегу. В Дельте дворцов построено предостаточно, только выбирай! Мемфис, Он, Пер-Рамсес всегда радовались приезду фараона. Но он затеял еще одно строительство между Оном и Бубастом, на месте, которое арабы называют Телль-эль-Яхудиа; здесь и найдены глазурованные плитки того же типа, что в Мединет-Абу [23].

Время так безжалостно обошлось с дворцами фараонов Сети и Рамсесов, что, для того чтобы составить более ясное представление о дворцах фараонов Нового царства, нам приходится обратиться к царской резиденции Эхнатона, отстоящего по времени от этих фараонов совсем недалеко.

Пол колонных залов украшает мозаика — пруд с рыбами и водяными лилиями, окруженный зарослями камыша и папируса, с летящими над ним водоплавающими птицами; с воды взлетают дикие утки. Колонны обвиты виноградными лозами и плетями вьюнка. Капители и карнизы прекрасно инкрустированы. На стенах изображены сцены из жизни царской семьи: царь и царица сидят друг

* В картуш — овал — заключалось имя фараона, данное ему при рождении. Выделение в текстах царских имен картушами сыграло важную роль при дешифровке египетских иероглифов.

** Племена, кочевавшие на Синайском полуострове и в Южной Палестине.

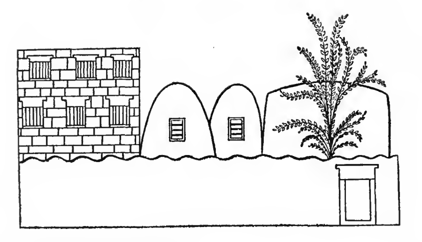
Роспись полов во дворце Эхнатона в Ахетатоне

против друга: Эхнатон — в кресле, Нефертити — на подушке. На коленях у нее младенец; старшая из царевен обнимает младшую; две другие играют рядом на полу [24]. Многие ученые утверждают, что не встречали более очаровательной сцены в египетском искусстве, но это, пожалуй, преувеличение. В самом деле, пруды, папирус, птицы, животные — все это классические персонажи рельефов. А в Мединет-Абу мы видим фараона, окруженного очаровательными наложницами. Можно с уверенностью утверждать, что дворцы фараонов XIX и XX династий украшались с такой же роскошью. Как и во времена Эхнатона, стены, потолки, мозаичные полы, колонны и карнизы радовали глаза и душу свежестью красок и образов. Богатая мебель, роскошные украшения и одежды создавали исключительно изысканный ансамбль.

III. ЖИЛЫЕ ДОМА

Состоятельные египтяне пытались подражать роскоши и комфорту царских дворцов. Их резиденции в городе или в деревне занимали порой более гектара и были окружены, так же как владения царя или бога, толстыми и высокими стенами с каменными воротами, через которые можно было попасть к дому хозяина. Дополнительные двери, простые проходы в стене, вели к хозяйственным службам и в сады. Таким был и дом в Бубасте, куда коварная Табубуи завлекла своего возлюбленного. А вот дом Ипуи походил на маленький храм. Перед фасадом стоял ряд колонн в форме стеблей папируса. Архитрав поддерживал карниз, украшенный пальмами [25]. Дом, в котором фараон Эйе принял и вознаградил супругу Неферхотепа, имел террасу с колоннадой. Последняя поддерживала легкий навес, он со всех сторон выступал за террасу и опирался краями на высокие тонкие колонны, образующие вокруг дома перистиль [26]. Мы имеем представление об этих домах благодаря тому, что Ипуи и Нефрхотеп приказали изобразить их на стенах своих гробниц.

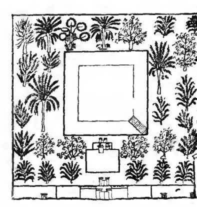
Чтобы представить себе внутреннее устройство дома, достаточно посетить раскопки в Телль-эль-Амарне. Через входной портик попадаем в вестибюль, а за ним в приемные залы с колоннами, поддерживающими кровлю. К этим проходным залам примыкают своего рода гардеробные, где найдены кирпичные сундуки для белья и одежд, а также кладовые, в которых хранились провизия и про-

Двухэтажный дом и амбары

хладительные напитки. Остальную часть дома занимали покои хозяев и ванные. Стены этих ванных комнат облицованы камнем. В одном из углов такой ванной стояла сложенная из камня перегородка; за ней слуги могли обливать купающегося водой. Хозяин после купания, наверное, усаживался в кресло, стоявшее поодаль, для массажа. Уборная позади ванной комнаты была выбелена известью; в ней находился стульчак из известняка: плита с отверстием, положенная на кирпичные ящики с песком [27]. Весь дом с его минимальными удобствами окружали многочисленные дворы. В одном из них были амбары в форме ульев. Псарня и конюшни располагались на северной стороне. На восточной обычно находились кухня, пекарня и кирпичные домики слуг. Таким образом, слугам приходилось бегать довольно далеко с блюдами к столу хозяев. Впрочем, служебный вход позволял им проходить прямо в приемные залы.

Домики слуг состояли обычно из четырех комнат: прихожей, центральной комнаты с колонной, которая поддерживала крышу, кухни и жилой комнаты. Вся семья теснилась в этих комнатах, разделяя их порой с домашними животными. Впрочем, по лестнице можно было подняться на крышу-террасу. Дома управляющих, расположенные за лачугами слуг, были обширными и комфортабельными [28]. Питьевую воду обычно брали из каменных колодцев.

Сад с водоемом

Сады разделялись на квадраты и прямоугольники прямыми, пересекающимися под прямым углом тенистыми аллеями из деревьев и виноградных шпалер с цветниками. Египтяне высоко ценили деревья и цветы. Анена собрал у себя почти все деревья, росшие в долине Нила: фиговую пальму, дум-пальму, кокосовую пальму, называемую «пальмой кукушек», сикомор, финиковую пальму, ююбу (зизифу), акацию, иву, тамариск, гранат, персик, тис и другие деревья, которые не удалось определить, общим числом восемнадцать [29]. Рехмира тоже выращивал в своем саду, окруженном мощными стенами, все виды деревьев и растений, известных в его время [30]. Часто под деревьями ставили изящную беседку, где летом хозяева устраивали дневные трапезы. Повсюду стояли деревянные навесы, под которыми в больших кувшинах, накрытых листьями, охлаждались напитки, а рядом — столы и подставки с искусно размещенными на них яствами египетской кухни.

Невозможно представить себе сад без пруда или бассейна. Как правило, они были квадратными или прямоугольными и облицованы камнем. Покрывали их водяные лилии, между которыми плавали утки. Каменные ступени спускались к причалу, где почти всегда стояла лодка для услаждения хозяев и их гостей [31].

Дома представителей среднего класса обычно имели несколько этажей. Иногда на крышах устраивали небольшие зернохранилища. Фасад украшался. Дверь, обрамленная по бокам и сверху каменными блоками, располагалась ближе к углу дома, и свет в нижний этаж проникал только через нее. Окна в верхних этажах, числом от двух до восьми на каждом, были маленькими, квадратными, со ставнями для защиты от жары и пыли.

Мы нашли в Танисе каменную раму окна со сторонами не более локтя. Плита с ажурной резьбой, видимо, играла роль ставня или шторы. В том же Танисе мы нашли два ажурных картуша фараона Мерентаха, вписан-

ных в квадратное окно. На некоторых фиванских росписях видны горизонтальные полосы, как если бы они были сложены из бревен или обшиты досками. Объяснение этим полосам мы нашли в Танисе, где удалось установить, что каменщики наносили на стены известковый раствор горизонтально, а вертикальные связки были из ила. Таким образом, после окончания работ на стенах оставались белые горизонтальные полосы.

Нижний этаж обычно занимали ремесленники. Так было, например, в Фивах, в доме некоего Джхутинефера. Женщины пряли, мужчины стояли у ткацких станков, в соседней комнате мололи зерно и выпекали хлебы. Хозяева жили на втором этаже в довольно обширных комнатах с маленькими, высоко расположенными окнами; потолок поддерживали небольшие колонки в виде стеблей лотоса. Дверь, очевидно, украшали глазурованные плитки или же резные деревянные косяки. На стенах ничего нельзя различить, но следует помнить обычай египтян покрывать росписями все доступные поверхности. В Танисе, в доме довольно поздней эпохи с оштукатуренными стенами, мне удалось найти плитки с изображением танцовщиц и лодок. Вне всяких сомнений, мода эта была традиционной, и мы имеем все основания полагать, что комнаты жилых домов весьма походили на комнаты в фиванских гробницах, где на потолках изображены виноградные лозы, а на стенах — сцены охоты, паломничества в священный город Осириса и тому подобное.

На третьем этаже до потолков можно было дотянуться рукой, даже не вставая на цыпочки. В одной из комнат этого этажа хозяин занимался своим туалетом. Вот он сидит в кресле, слуги приносят ему чашу на подносе, веер и мухобойку. Писцы склоняются перед ним в ожидании новых приказаний. Другие слуги бегают по лестницам и коридорам с какими-то ношами на головах и кувшинами с водой на коромыслах через плечо [32].

В доме некоего Меху этажи распределялись по тому же принципу: кувшины хранились на первом этаже, на втором находилась столовая, третий заполняли щиты, оружие и различная утварь. Поскольку Меху был начальником полиции, можно предположить, что почевал он именно здесь: в случае тревоги ночью он сразу же мог вооружиться и броситься в погоню за злоумышленниками.

Крыши домов, как правило, были плоскими. На них поднимались по лестнице. Кое-кто, например Джхутихотеп, установил на крыше большие кувшины для хране-

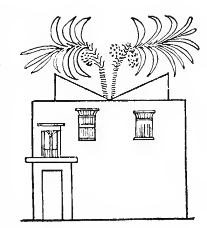
ния зерна. Другие возводили по краям ограждения, чтобы дети случайно не упали с крыши или просто чтобы заслониться от нескромных взглядов соседей, когда хозяева проводили ночь под открытым небом. А вот Небамон и Нахт установили на своих крышах пристройки в виде равносторонних треугольников; это, по-видимому, были вентиляторы. Но в Египте встречались дома и с остроконечными крышами. В одной из гробниц в Абу-Роаше, близ Каира, времен фараона Дена, царствовавшего почти за две тысячи лет до Рамсесов, я нашел две игральные фигурки из слоновой кости в форме домиков с наклонными крышами [33]. Такая рациональная и сложная кровля поразительна для столь отдаленной эпохи. Она характерна лишь для страны, где часто идут дожди и где нет недостатка в дереве.

В Египте же дожди выпадают только вблизи побережья, где сегодня все дома имеют плоские крыши-террасы. Поэтому вполне возможно, что фигурки из Абу-Роаша воспроизводили вид жилища, нетипичного для Египта. Но у нас нет никаких сведений, что такие дома строились в эпоху Рамсесов.

Даже в Фивах, где жилища располагались очень скученно и каждый клочок земли был драгоценен, все-таки находилось место для цветов и деревьев либо на маленьком внутреннем дворике, либо перед фасадом. У Небамона две пальмы растут вроде бы прямо из крыши, но тем не менее они усыпаны финиками. У Нахта пальма и сикомор укрывают от солнца входную дверь. В фиванской гробнице № 23 изображен необычный дом — его высота больше, чем площадь основания,— окруженный двумя рядами деревьев. Другой дом, из гробницы № 254, украшают с фасада три гранатовых дерева, посаженных в кирпичные ящики с разноцветным орнаментом, и две дум-пальмы [34].

Египтяне, даже малоимущие, делали все возможное, чтобы их дома были удобными и приятными. И в то же время им приходилось защищаться от всяких нарушителей домашнего покоя, которых в Египте немало,— от насекомых, крыс, ящериц, змей и птиц. Медицинский папирус Эберса сохранил нам несколько полезных рецептов [35]. Как избавиться от насекомых в доме? Надо все вымыть раствором натрия или посыпать порошком из толченого угля, смешанного с *бебитом* (что это такое, не выяснено). Если насыпать натрий, или истолченную сушеную рыбу, тилапию нильскую, или хотя бы семена лука

перед входом в змеиную нору, змея уже не вылезет из этой норы. Жир иволги — великолепное средство от мух, а сушеная рыба или лягушачья икра — от блох. Если помазать кошачьим салом мешки с зерном, крысы к ним ни за что не подойдут. А еще можно отвадить грызунов, если сжечь в амбаре помет газели или опрыскать раствором этого помета стены и пол.

Двухэтажный дом

А вот самое верное средство отпугивать коршунов. Надо воткнуть в землю ветку акации и сказать: «Коршун воровал и в городе и в деревне... Лети (за ним), изжарь его и съешь!» Если произнести эти слова, насадив на ветку акации кусочек пирога, коршун никогда не прилетит воровать цыплят. Окуриванием можно освежить воздух в комнате, придать приятный запах одежде. Но такое окуривание оказалось доступно далеко не всем, потому что для этого нужно было смешивать благовония со скипидарной смолой и разными пряностями египетского и иноземного происхождения. Этот рецепт, как и все другие, свидетельствует о желании египтян содержать свой дом в чистоте и порядке. Это столь естественное желание побуждало городские власти принимать меры по отводу загрязненных вод, уничтожению мусора и кухонных отбросов. Однако из-за отсутствия документальных свидетельств мы ничего больше не можем сказать по этому поводу.

IV. МЕБЕЛЬ

В приемных залах дворцов и в домах богачей мебель была представлена в основном различными креслами, например очень простыми вроде квадратного ящика со спинкой высотой всего в ладонь. По бокам такое кресло украшал узор в виде чешуи, обрамленный египетским багетом или полуваликом. Только ценность материала и совершенство работы компенсировали такую простоту. Более эле-

гантные и удобные ажурные кресла имели четыре ножки в виде львиных лап, высокую спинку и подлокотники. Но для фараона или царицы этого было недостаточно. Спинка их кресел, а также подлокотники изнутри и снаружи украшались сценами классического репертуара, выполненными разной техникой (резьба по дереву, тиснение кожи, чеканка по золоту, серебру или меди с инкрустациями из драгоценных камней). На этих мини-рельефах фараон предстает в виде грифона или сфинкса, увенчанного уреем, или же в образе коршуна или сокола, раздирающего когтями какого-нибудь азиата или негра. Нелепые существа, которых за большие деньги привозили из страны Пунт или из Верхнего Египта *, танцуют под аккомпанемент бубнов. Фараон получает из рук своей супруги цветок, пробуждающий его любовь. Царица надевает на шею фараону ожерелье. Головы львов, соколов или женщин украшают подлокотники. Между ножками кресла символические растения Юга и Севера поднимаются вверх и сплетаются вокруг большого иероглифа, обозначающего объединение [36].

У египтян в ходу находились два типа табуретов. Простейшие имели вертикальные ножки, более роскошные — перекрещивающиеся в форме буквы X и оканчивающиеся утиными головами [37].

Пол устилали циновки, и повсюду лежало множество подушек: их подкладывали под спину и под ноги тех, кто садился в кресла. Когда гостей собиралось больше, чем в доме было кресел, опоздавшие и те, кто помоложе, усаживались на подушках или прямо на циновках на полу.

Столовая, если она была отделена от приемного зала, обставлялась креслами и небольшими столиками, а также подставками для корзин с фруктами, блюдами с мясом и овощами, кувшинами и вазами. Египтянам никогда не приходило в голову делать большие столы, где могли бы сразу устроиться все многочисленные гости. Они садились поодиночке или парами.

В древние времена египтяне использовали посуду двух видов: повседневную — из глины и парадную — из камня. Последняя делалась главным образом из черного или синего сланца, алебастра, гораздо реже — крапленого мрамора, гранита — для больших, вместительных ваз и горного хрусталя — для маленьких кубков. Из этих различных материалов изготовляли также бокалы, чаши, тарелки, кувшины, жбаны, миски и тазы. Более искусные

* Речь идет о карликах. См.: Хрестоматия по истории древнего Востока (ХДВ). М., 1980, ч. I, с. 26.

ремесленники украшали свою посуду рельефными сетками или придавали ей форму лодки или животного [38].

Во все времена в Египте делали превосходные каменные вазы. В гробницах Нового царства найдено множество образцов. И тем не менее египтяне охотнее пользовались золотой или серебряной посудой. Золотыми или серебряными были кувшины для ритуальных целей и множество другой посуды для повседневных нужд [39]. Горячие напитки готовили в сосудах, напоминающих наши чайники, с внутренними ситечками перед носиком. При желании можно было наливать горячий напиток через ситечко или дуршлаг, который держали над чашей гостя. Знаменитый горшок с нарисованной на нем косулей из сокровищницы Бубаста скорее всего предназначался для молока. Для разлива жидкостей пользовались самыми разнообразными сосудами: чашками с носиком и закругленным донышком, круглыми кру́жками с ручкой и носиком, цилиндрическими кру́жками с длинной ручкой вроде тех, какими наши молочницы наливают молоко. Чаши с выгнутыми краями весьма подходили для сливок и сладких пирожков. Рамсес III никогда не отправлялся в поход без своего золотого кубка с ушками, вмещавшего до трех литров, и своего золотого графина, которые носил его ординарец [40]. Те, кто не мог позволить себе столь роскошной посуды, удовлетворялись глиняной. Издревле гончары изготовляли прекрасные глиняные сосуды, украшенные либо геометрическим или цветочным орнаментом, либо живыми сценками, подобными тем, которые гравировали на металлической посуде, где птица клевала рыбу или мчались животные.

С начала Нового царства Египет получал из-за границы, из Сирии, Нубии и с островов Средиземного моря, чисто декоративные изделия из металла и драгоценных камней — чаши, амфоры и столики; на них изображали всевозможные растения и животных, реальные и воображаемые. Бо́льшая часть этих драгоценных предметов поступала в храмы, однако фараон отбирал для себя лучшие образцы. Мода на эти экзотические предметы распространилась среди населения, и египетские ювелиры начали сами их изготавливать. Царевич Кенамон, занимавший одну из высших должностей в государстве, должен был, помимо всего прочего, подносить фараону подарки к Новому году. В своей гробнице он повелел изобразить полный комплект таких подарков, изготовленных в царских мастерских [41]. Среди них выделяется мебель, на которой как бы растет целая роща дум-пальм и сирийских маленьких

пальм вперемежку с водяными лилиями и маргаритками. Обезьяны карабкаются по стволам, чтобы добраться до плодов. Остальные предметы выдержаны в более традиционном стиле. Статуи из черного дерева, инкрустированные золотом, изображают фараона и его супругу со всевозможными атрибутами царской власти, на тумбе и на шкафу вырезаны сфинксы с человеческими головами и с головами соколов; газели и козы украшают стол и ларцы. Все эти предметы, очевидно, предназначались для царских дворцов, и многие стояли в приемных залах.

В спальне центральное место занимала кровать. Кровати были очень простые: деревянная рама с решеткой опиралась на четыре ножки. Ножки эти зачастую кончались бычьими копытами или львиными лапами. В гробнице Тутанхамона сохранились три роскошных ложа, изображавших животных: корову, пантеру и гиппопотама. Кроме этого в комнате стояли деревянные с инкрустацией шкафы для белья и одежды. Туалетные принадлежности, зеркала, гребни, головные заколки и парики хранились в сундучках и ларцах всевозможных размеров, косметические средства, мази и духи — в маленьких сосудах из обсидиана и слоновой кости. В комнатах, предназначенных для членов семьи, детей и девушек, находились музыкальные инструменты и коробки с игрушками.

В рабочих кабинетах стояли специальные шкафы, где хранились рукописи, пергаментные или папирусные свитки, а также все писчие принадлежности. Исписанный папирус сворачивали в свиток, перевязывали и запечатывали. Свитки связывали в пачки, эти пачки укладывали в кожаные сумки и прятали в шкафы [42].

Писцы не нуждались в столах. Они разворачивали папирус на коленях, при необходимости могли писать стоя, держа папирус в левой руке и не сворачивая его. Когда им приходилось выходить из дома, то укладывали все писчие принадлежности в своего рода ранец с плоским дном.

Обстановку кухни составляли столы на четырех ножках и толстенные глиняные сосуды всевозможной формы и размеров. Очаги выкладывались из огнеупорной глины. Металлические жаровни на длинных ножках, где жарили гусей, употреблялись, по-моему, только в храмах и не соблазнили бы ни одного уважающего себя повара.

В самых бедных домах меблировка сводилась к циновкам, а кухонная посуда — к глиняным сосудам. В таких домах даже несколько подставок или сундуков уже считались признаками благополучия.

Глава II

ВРЕМЯ

I. ВРЕМЕНА ГОДА

Для египтян год определялся не солнечным циклом, а временем, необходимым для сбора урожая. Они изображали слово «год» («реннет») в виде молодого ростка с почкой. Этот же знак встречается в родственных словах: «ренни» — «быть свежим, сильным», «реннут» — «плоды года».

Но урожай в Египте зависел от разливов Нила. Каждый год в начале июня в стране наступала засуха. В Ниле почти не оставалось воды. Пустыня грозила поглотить долину. Людей охватывала смертельная тревога. Отношение египтян к милостям природы складывалось из благодарности и страха. Они боялись искалечить божество, вырубая камни в каменоломнях, удушить его, зарывая семена в землю, поранить его во время прополки, обезглавить — во время жатвы. На памяти людской разливы еще никогда не обманывали египтян. Порой они бывали разрушительными, порой недостаточными, но почти всегда благодетельными. Однако вековой опыт не обнадеживал полностью жителей долины.

Когда ты гневаешься, исчезает рыба,
Тогда ждут люди большой воды,
Тогда богатый подобен бедняку.
Тогда заметен всякий, идущий на поля с орудиями,
И нет друга, оставшегося ради друзей.
Нет тканей, чтобы одеться.
Нет украшений для детей из знатных семей.
Нет никого, ночью слышащего воду.
И нет в речах желанной прохлады [1].

Перевод А. Ахматовой

Набожные египтяне издавна причисляли Нил, Хапи, к сонму богов. Его изображали в виде тучного мужчины с отвислыми сосками, жирным, в складках животом, перепоясанным поясом, в сандалиях, что считалось символом богатства. На голове у него был надет венок из водяных растений. Руками он раздавал символы жизни или дер-

жал поднос для приношений, заваленный рыбой, утками, цветами и снопами пшеницы. Многие города носили его имя. Его называли «отцом богов». Его следовало одаривать не менее щедро, чем остальных богов. Рамсес III так и поступал. В Оне во время всего его царствования и в Мемфисе в течение трех лет он учредил или возобновил «книги Хапи», где записывались жертвоприношения реке — огромное количество съестных продуктов и зерна. Мастерские изготовляли тысячи маленьких фигурок Хапи из золота, серебра, меди и свинца, из бирюзы и лазурита, из фаянса и других материалов, а также печатки, подвески и статуэтки Репит *, супруги Хапи [2]. Когда должен был начаться разлив, божественному Нилу приносили жертвы во многих храмах, «книги Хапи» бросали в озеро храма Ра-Хорахти в Оне, которое называлось Кебеху, как Нил у своих порогов. Очевидно, туда же бросали статуэтки Хапи [3]. Те же церемонии повторялись два месяца спустя, в самый пик разлива. И покорный Нил, покрывавший всю долину между двумя пустынями, где города и деревни превращались в острова и островки, а дороги походили на дамбы, постепенно начинал спадать. Через четыре месяца после начала разлива река окончательно возвращалась в свои берега. Этот четырехмесячный период был первым временем года и назывался «ахет» («разлив», «половодье»).

Лишь земля появлялась из-под воды, пока она не отвердела, земледельцы выходили на поля, пахали и сеяли. Затем в течение четырех или пяти месяцев им оставалось только поливать поля. А потом наступало время жатвы, обмолота, закладки зерна в хранилища и другие работы. Таким образом, после сезона разлива наступал сезон сева, «перет» («выхождение» земли из вод или прорастание всходов), а за ним — сезон сбора урожая, «шему» («засуха», «сухость»). Всего три времени года вместо четырех, как у древних евреев и греков.

Как ни регулярны разливы Нила, по их началу трудно было точно определить наступление Нового года. Однако, когда нильские воды начинали подниматься, наблюдали еще одно явление природы, которое помогало составителям календаря: на востоке перед самым восходом солнца появлялась на мгновение звезда Сириус, по-египетски Сопдет (эллинистическое: Сотис) **. Египтяне издавна заме-

* Устаревшая точка зрения: богиня Репит (греч. Трифис) с богом Нила связана не была.

** По Юлианскому календарю, это происходит 19 июля (наблюдения в районе Мемфиса).

тили совпадение этих двух явлений. Они приписывали разлив слезам, пролитым Исидой. И звезда Сириус (Сопдет) отождествлялась с богиней, которую стали считать покровительницей года. День, когда появлялся Сириус, и был признан первым днем Нового года. Это исчисление записано в книгах «домов жизни», своего рода хранилищах традиций и знаний со времени Древнего царства и до позднейшего периода [4]. В календаре, который по повелению Рамсеса III высечен на стене его храма в Мединет-Абу, указано, что празднество в честь богини Сопдет, отмечаемое по случаю появления ее звезды на небосклоне, совпадает с наступлением Нового года [5]. В одной любовной песне влюбленный сравнивает свою красавицу со звездой, которая сияет в начале совершенного года, «ренпет неферт» [6]. Но случается еще год дурной, ущербный — «ренпет геб», когда бог Шу больше не появляется, когда вместо лета приходит зима, когда месяцы перепутываются. Народу, естественно, это было не по душе. «Сохрани меня от дурного года!» [7] — восклицает писец.

Земледельцы, охотники, рыбаки, моряки, врачи, жрецы, празднества которых отмечались по определенным дням,— короче, все, чьи занятия зависели от времени года, использовали для летосчисления «совершенный год», когда месяцы и сезоны шли своим чередом, то есть сначала шел «ахет», означавший четыре месяца разлива Нила, затем «перет» — время сева, совпадающее с прохладным сезоном, и, наконец, «шему» — сезон уборки урожая и жары. Именно поэтому во время «шему» фараона называли источником прохлады и в сезон «перет» — теплым солнечным лучом [8]. Добытчики бирюзы на Синае прекрасно знали, что нельзя дожидаться месяцев «шему», так как в это время горы раскаляются докрасна, как железо, что портит цвет камней [9]. Врачи и ветеринары знали, что некоторые болезни и недомогания появляются в определенные времена года: одни — в сезон «шему», другие — в сезон «перет». Они даже точно различали, какое лекарство следует предписывать в первые дни месяца «перет», а какое на третий и четвертый месяцы того же сезона. И наоборот, ряд снадобий благотворно действовали и в «ахет», и в «перет», и в «шему», иначе говоря, в течение всего года [10].

Для удобства все три сезона сделали равными и разделили на двенадцать месяцев по тридцать дней, которые с глубокой древности, а также в эпоху Рамсесов различались по старшинству в каждом сезоне: первый, второй, третий и четвертый месяцы сезонов «ахет», «перет» и «ше-

му». Названия месяцев произошли от соответствующих месячных праздников и вошли в обиход только в Саисскую эпоху. К последнему месяцу «шему» добавляли пять дней, чтобы общее число дней в году равнялось 365. А как же поступали египтяне, чтобы новогодний праздник не отставал от календаря на один день каждые четыре года? Документы фараонов ничего об этом не говорят. Страбон довольно невнятно отмечает, что через определенные интервалы добавлялся один день [11]. Проще всего было добавлять один день каждые четыре года, и египтяне поступали именно так в период счастливого царствования таких фараонов, как Сети I и его сын. Можно предполагать, что об этом дополнительном дне забыли в эпоху смут. И тогда календарь выходил из графика, пока очередной фараон, просвященный учеными «дома жизни», не приводил календарь в соответствие с природой и вновь назначал новый год на день праздника Сопдет.

II. ПРАЗДНИКИ И ВЫХОДНЫЕ ДНИ

Первый день Нового года был не только праздником богини Сопдет — его отмечали по всей стране. В храме Упуаута слуги дома подносили в этот день подарки своему хозяину [12]. Под этим следует понимать, что жрецы совершали жертвоприношения своему богу из принесенных в храм даров.

Царевич Кенамон оставил в своей гробнице копии роскошных даров, доставленных его заботами фараону по случаю Нового года [13]. Пожалуй, из этого можно заключить, что все египтяне обменивались на Новый год пожеланиями счастья и подарками. В Египте существовало великое множество праздников во все времена года, но особенно в сезон «ахет», когда сельскохозяйственные работы прерывались.

Великое празднество Опет продолжалось в середине этого сезона более месяца. Я не берусь утверждать, что это был месяц всеобщих каникул, но мы знаем наверняка, что бесчисленные толпы египтян приветствовали в эти дни священную ладью Амона и сопровождали ее по берегу, когда она поднималась по Нилу к Опету на юге. Для того чтобы присутствовать на празднествах в Бубасте, египтяне охотно оставляли все свои занятия и отправлялись к городу на судах и лодках: женщины — с трещотками, мужчины — с флейтами. На всем пути они не переставая пля-

сали и пели и обменивались шутками со всеми встречными. Во время празднества выпивалось столько же вина, сколько в течение всего остального года.

Праздник «техи», что означает «опьянение», отмечался в первый день второго месяца, и его старался никто не пропустить. Первый день первого месяца сезона посева считался праздничным во всем Египте. В каждом номе и в каждом городе хотя бы раз в году устраивали празднества в честь местного бога и покровителя. Поскольку боги египтян отличались любовью к путешествиям, а также гостеприимством, каждый мало-мальски значительный храм предоставлял убежище многим богам. Так, Птах из Мемфиса имел свой алтарь в Карнаке, а покровительница Имета богиня Уаджет — в Танисе. В праздниках местных богов обязательно участвовали все египтяне, но при этом они не должны были забывать и добрых богов соседей. Умащенные маслами, в новых одеждах, люди стекались в храм, приносили дары и получали право пить, есть и кричать во всю глотку. Некоторые праздники отмечались даже тогда, когда в ближайшем храме не было святилища чествуемого бога. В такой праздничный день не следовало начинать новое дело и вообще рекомендовалось воздерживаться от всяких работ.

Крестьянин или ремесленник тех времен мог бы справедливо сказать, как наш соотечественник, что у господина кюре найдется проповедь на каждого святого.

Кроме того, вполне вероятно, что первый день каждой декады (десятидневки) считался как бы воскресным *. В надписи на стеле, воздвигнутой Рамсесом II на восьмом году царствования в Оне, в храме Хатхор, фараон обращается ко всем мастерам, которые украшали его дворцы и храмы, со следующими словами:

«Я наполнил для вас кладовые пирожками, мясом, печеньем, сандалиями, одеждой и благовонными маслами, чтобы вы могли умащать свои головы каждые десять дней» [14].

Вряд ли следовало ожидать, что те, кто совершил столь тщательный туалет, да еще наелся до отвала, примется после этого за работу.

---

* Каждый десятый, в иные годы одиннадцатый день был выходным, но не для всех слоев населения.

III. СЧАСТЛИВЫЕ И НЕСЧАСТЛИВЫЕ ДНИ

Исполнив свой долг перед богами и отдохнув в положенный день, египтянин все же не безоглядно предавался наслаждениям или занимался полезной работой. Все дни разделялись на три категории — счастливые, опасные и несчастливые — в зависимости от событий, которые отметили их в те времена, когда на земле жили боги. Хор и Сетх прервали свою ужасную борьбу в конце третьего месяца половодья, и земле был дарован мир.

Хор получил во владение весь Египет, пустыня отходила Сетху. Боги радовались, ибо смертоносная борьба захватила всех обитателей неба. Перед пантеоном богов, наконец-то примиренных и успокоенных, Хор возложил себе на голову белую корону, а Сетх — красную. Это были три счастливых дня.

Такими же счастливыми считались первый день второго месяца сезона «перет», когда Ра своими могучими руками поднял небесный свод, и двенадцатый день третьего месяца того же сезона, когда Тот занял место Атума во владении храмовым «Озером двух истин».

Однако вскоре Сетх опять принялся за свои злодеяния. На третий день второго месяца сезона «перет» он со своими сподвижниками воспрепятствовал плаванию Шу. Это был опасный день, подобный тринадцатому дню того же месяца, когда становятся ужасными глаза Сехмет — богини, насылающей болезни. Что же касается двадцать шестого дня первого месяца сезона «ахет», то этот день был попросту несчастливым, ибо на него приходилась годовщина великого сражения Хора с Сетхом. Оба бога приняли человеческий облик и начали ломать друг другу ребра, затем они превратились в гиппопотамов и продолжали сражаться три дня и три ночи, пока Исида, мать Хора и сестра Сетха, не заставила их покинуть столь уродливое обличье, угрожая им своим гарпуном. День рождения Сетха, который падал на третий из пяти дополнительных дней года, считался особенно несчастливым. Фараон в этот день до наступления ночи не вел никаких дел и даже не занимался собой.

Простые египтяне тоже вели себя в зависимости от дней. В несчастливые дни они старались не выходить из дома, особенно на закате и ночью, но, впрочем, и в дневные часы. В такие дни нельзя было купаться, плавать на лодках, отправляться в дорогу, есть рыбу и все, что происходит из воды, нельзя убивать утку, козу или быка.

В девятнадцатый день первого месяца сезона «перет» и во многие другие дни тяжкий недуг угрожал всем, кто осмелится приблизиться к женщине. Были дни, когда не разрешалось зажигать в доме огонь, возбранялось слушать веселые песни, произносить имя Сетха, жестокого бога — убийцы и грабителя. Если кто-либо упоминал это имя при свете дня, в доме его начинались нескончаемые ссоры и раздоры.

Откуда же египтяне знали, что им можно делать, от чего воздерживаться, а чего избегать любой ценой? Разумеется, главную роль играли традиции. Но чтобы освежить память и подсказать правильное решение в сомнительных случаях, существовали календари с отмеченными счастливыми и несчастливыми днями.

До нас дошли довольно значительный отрывок одного такого календаря и фрагменты двух других [15]. Если бы в нашем распоряжении был полный текст, мы бы, наверное, узнали, на чем основаны все эти запреты. В оракулах Египет никогда не испытывал недостатка. Календари со счастливыми и несчастливыми днями наверняка составлялись в храмах, где пророчествовали эти оракулы. Они, несомненно, противоречили друг другу, и это выручало простого египтянина: если ему позарез нужно было выйти из дома, отправиться в дорогу или заняться срочным делом в неблагоприятный день, он всегда мог обратиться к предсказателю, который считал этот день счастливым. Так, коварные деяния Сетха вызывали возмущение во всех местах, посвященных Осирису, Хору и Амону, однако в Папремисе [16], во всей Восточной Дельте и в ее центре, в XI номе, в Верхнем Египте, в Небете и в Оксиринхе — короче, там, где поклонялись Сетху, те же злодеяния рассматривались как подвиги и связанные с ними даты, разумеется, считались счастливыми днями.

Предположим, однако, что у нашего египтянина не было возможности обратиться к другому оракулу или же он свято верил только своему. В конце календаря ему наверняка подсказывали, как выйти из положения и что нужно сделать, чтобы обнять любимую, не опасаясь страшной болезни, искупаться в реке, не страшась крокодила, и без риска встретиться с быком. Для этого достаточно было произнести подходящее заклинание, прикоснуться к своему амулету, а еще лучше — сходить в храм и оставить там хотя бы маленькое подношение.

Египтяне разделяли год на двенадцать месяцев и точно так же делили на двенадцать часов день и на двенадцать — ночь. Вряд ли они делили час на более мелкие отрезки времени. Слово «ат», которое переводится как «мгновение», не имеет никакой определенной продолжительности. Каждый час имел свое название. Первый час дня назывался «блистающим», шестой — «час подъема», двенадцатый — «Ра сливается с жизнью». Первый час ночи был часом «поражения врагов Ра», двенадцатый — часом, который «видит красоту Ра» [17]. Возникает впечатление, что продолжительность часов с подобными названиями менялась изо дня в день. Однако это не так. Дневные и ночные часы были одинаковы в периоды равноденствий. В остальное время египтяне знали, что солнце отстает либо забегает вперед. Это их нисколько не смущало, точно так же как нас не беспокоит то, что летние шесть утра и восемь вечера весьма отличаются от тех же часов зимой.

Названия часов, которые мы привели, были в ходу лишь среди ученых и жрецов. Их мы находим во многих гробницах, потому что путь солнца над двенадцатью областями потустороннего мира являлся традиционным сюжетом росписи гробниц. Простые же египтяне называли часы по номерам. Это наводит нас на размышление: насколько интересовало их точное время и как они могли его узнавать? Определенная категория жрецов носила название «унуит», производное от слова «унут» — «час»; эти жрецы должны были сменять друг друга каждый час и, таким образом, беспрерывно служить богам. Один чиновник фараона Пепи I утверждает, что он подсчитывал все часы работы на благо государства, как он считал провизию, скот и прочие вещи, внесенные в качестве налога [18]. В своем письме к правителю Элефантинского нома Хуфхору, привезшему из южных стран танцующего карлика, фараон Неферкара (тронное имя фараона Пепи II) рекомендует приставить к этой драгоценной диковинке умудренных людей, умеющих считать каждый час [19]. Вряд ли из приведенных текстов следует, что приборы для измерения времени были тогда широко распространены. Неферкара, когда он писал Хуфхору, был еще ребенком и, возможно, по своей наивности полагал, что приборы, которые он видел во дворцах, были доступны всем и каждому. Но тем не менее такие приборы в ту эпоху уже существова-

ли. Их можно видеть в наших музеях, а по времени они восходят к эпохе от XVIII династии до Позднего царства.

Ночью час определялся по звездам, с помощью линейки с прорезанной щелью и двух наугольников со свинцовым отвесом на бечевке. Для определения времени требовалось два человека — наблюдатель и помощник. Помощник становился спиной к звезде, а наблюдатель перед ним. Наблюдатель пользовался заранее составленной таблицей. действительной только на пятнадцать дней, где указывалось, что такая-то известная звезда должна находиться в первый час прямо над головой помощника, в другой час другая звезда — над его левым глазом или под его правым глазом [20].

Когда трудно было наблюдать за звездами, использовали конические вазы высотой в локоть с отверстием в дне [21]. Объем вазы и величина отверстия рассчитывались таким образом, чтобы вода вытекала из нее ровно за двенадцать часов. Снаружи вазу часто украшали астрономические знаки или надписи, расположенные на определенных горизонтальных уровнях: наверху — божества двенадцати месяцев, ниже — тридцать шесть знаков зодиака, еще ниже — посвятительная надпись и, наконец, в самом низу, в маленькой нише,— фигурка павиана, священного животного бога Тота, покровителя ученых и писцов. Именно между ног павиана находилось сливное отверстие. Двенадцать вертикальных полос разделяли вазу изнутри на одинаковые части, на которых изображались иероглифы — символы «жизни», «продолжительности» и «незыблемости». На полосах были проделаны неглубокие ямки на примерно равном расстоянии. В принципе каждая полоса обозначала определенный месяц. В действительности же ямками можно было пользоваться до бесконечности в любое время года.

Подобные водяные часы, *клепсидры,* служили египтянам не только ночью, но и днем, однако в такой стране, как Египет, где всегда светит солнце, днем предпочитали пользоваться солнечными часами. Они существовали двух видов [22]. Эти «часы» не слишком интересовали простых египтян. Лишь в исключительных случаях они сообщают нам, в какой час произошло то или иное событие. Молодая женщина в трогательном рассказе, который можно прочесть на стеле в Британском музее, сообщает нам, что ее ребенок родился в четыре часа ночи. Но она была женой жреца [23]. Шел седьмой час дня, когда Тутмос III достиг берега реки Кина в Сирии (около Мегиддо) и разбил там

лагерь, однако писец не сообщает нам, что это время уточнено по солнечным часам [24]. Простой взгляд на солнце мог подсказать, что было уже немного за полдень. А когда писец доходит до рассказа о сражении, он просто говорит, что в двадцать третий год царствования, в первом месяце лета, на двадцать первый день, день праздника Ра, его величество встал с рассветом.

В повести о бегстве Синухета рассказчик ограничивается весьма расплывчатыми определениями времени вроде «когда земля озарилась», «в час вечерней трапезы», вполне, впрочем, здесь уместными, потому что несчастный беглец совершенно не нуждался в довольно громоздких приборах для измерения времени [25].

Однако те же выражения или подобные им мы находим в описании битвы при Кадеше и в папирусе Эбботта, где дается отчет о судейском расследовании и приводятся протоколы допросов. Даже эти расплывчатые указания на время совершенно отсутствуют на изображениях, где везир принимает сборщиков налогов, начальников служб или представляет фараону чужеземных послов. Часто пишут, что фараон созвал совет, однако не считают нужным хотя бы приблизительно указать, в котором часу. Диодор утверждает, что фараон вставал рано утром и весь день его был строго поделен между работой, молитвами и отдыхом [26]. Возможно, так оно и было, однако его счастливые подданные, по-видимому, никогда не торопились. Они просто доверялись потребностям желудка и высоте солнца, чтобы определять время дня. А ночью честные люди спали, а бесчестных не заботило, который час. *Клепсидры* и солнечные часы, *гномоны*, предназначались не для частных лиц и не для воинов. Они принадлежали храмам, где верующие и жрецы сверялись с ними для аккуратного отправления культа во славу богов.

V. НОЧЬ

Супруги спали в отдельных комнатах, во всяком случае в состоятельных домах. Жил некогда фараон, у которого не было сыновей, и это его очень печалило. Он молился о наследнике своим богам, и те решили удовлетворить его просьбу. Фараон провел ночь с женой, и она понесла [27]. Безусловно, автор «Обреченного царевича» выразился бы иначе, если бы фараон обычно проводил свои ночи с женой. Кроме того, на остракa (черепках) довольно часто встречаются изображения на женской половине до-

ма[28], где супруг отсутствует, а изображены только женщины да маленькие дети. На одной сцене женщина возлежит на ложе в прозрачном одеянии, на другой — сидит, занимаясь своим туалетом с помощью служанки, на третьей — кормит грудью младенца. Ложе — главный предмет обстановки спальни. Ножки ложа делались в виде бога Бэса, этого гримасничающего божества с юга, которое охраняло домашних от всяких неприятностей, например от падений. Туалетные принадлежности и скамеечки хранились под кроватью. Потолочные балки поддерживались стройными колоннами в виде стеблей папируса. Гирлянды естественных или искусственных растений обвивали колонны и поднимались до потолка. Комната супруга была обставлена так же, как и комната жены: ложе, табурет, скамеечка. Одежда и украшения хранились в ларцах.

Египтяне, и прежде всего сам фараон, придавали большое значение своим снам. Царевич Тутмос (будущий царь Тутмос IV) отправился на охоту, утомился и уснул в тени Сфинкса. Во сне он увидел этого Сфинкса, тот просил освободить его от тяжкого груза песка, а за это пообещал царевичу процветающее царство[29]. Тутмос не заставил просить себя дважды.

Фараоны считались со своими сновидениями даже в самых критических ситуациях. На пятом году правления Мернептаха бесчисленные орды «народов моря» (ливийцев, ликийцев, шерданов, ахейцев и племен турша) обрушились на Дельту. Фараон хотел двинуться против них, но во сне ему явился бог Птах и повелел остаться на месте, а послать войска только в земли, захваченные врагами[30].

Когда сновидение бывало недостаточно ясным, фараон призывал толкователей снов. Иосиф превзошел самого себя, когда истолковал фараону сон о тучных и тощих коровах *.

Один эфиопский царек — а Эфиопия была «вторым» Египтом — увидел во сне двух змей: одну справа, другую слева от себя. Толкователи решили, что царьку предназначено блестящее будущее, что он скоро завоюет весь Египет и будет увенчан короной с коршуном, символом Юга, и коброй, символом Севера[31].

Простые египтяне, у которых не было толкователей снов, прибегали к помощи сонников. Образец такого текста сохранился на папирусе Честер-Битти III времен Ра-

---

* Бытие 41, 1—36.

мессидов [32]. Текст разделен на две части. В первой описаны сны поклонников бога Хора, которые считались египетской злитой *. Во времена Рамсесов приверженцы бога Сетха были весьма многочисленны и влиятельны, поскольку царская семья вела свое происхождение по прямой линии от Сетха, а основатели династии были его верховными жрецами. Поэтому остальным поневоле приходилось с ними считаться. Сторонники Сетха общались со жрецами и поклонниками Амона и Хора, которые в глубине души презирали их. Они говорили, что раздоры, оскорбления и кровь — их рук дело и что они не отличают мужчину от женщины — намекая на то, как развратный бог Сетх провел ночь со своим племянником Хором [33]. Поэтому приверженец Сетха, даже если он был «известен самому фараону», считался простолюдином. После смерти он становился не обитателем Запада, а добычей хищников в пустыне. Поэтому сны последователей Сетха рассматривались отдельно, во второй части текста. Если бы он был полным, мы бы, наверное, обнаружили еще немало таких подразделов. Во времена Геродота в Египте насчитывалось семь оракулов и у каждого были свои способы для предсказаний [34]. Но, увы, от второй части текста сохранилось только начало. Поэтому мы можем судить о том, что снилось египтянам и как они толковали свои сновидения, лишь по снам поклонников Хора, да и то приблизительно из-за многочисленных лакун в папирусе.

В большинстве случаев толкователь действовал по аналогии. Хороший сон предвещает выгоду, плохой — всяческие беды. Если человеку приснилось, что ему дали белый хлеб, зто хорошо. Все для него обернется к лучшему. Если он увидит себя во сне с головой леопарда — он выйдет в начальники, если увидит себя великаном, зто тоже хорошо: бог увеличил его. И наоборот, нехорошо: если он во сне пьет теплое пиво — он понесет убытки; если укололся шипом колючки — ко лжи; если во сне у него вырывают ногти — лишится работы; если приснится, что выпадают зубы,— к смерти кого-нибудь из близких; если заглянул в колодец — бросят в тюрьму; если вскарабкался на мачту — значит, его бог возвышается; если вкусил пищу храма — значит, бог ниспошлет ему жизнь; если во сне искупался в Ниле — омыт от всех грехов.

* Скорее следует говорить не об элите, а о добропорядочных людях в противоположность злым и рыжим (это цвет пустыни, цвет Сетха).

Но не все случаи так просты. Иначе все могли бы сами истолковывать сны и ключ к ним был бы доступен каждому. Вот несколько примеров, когда сон приобретает неожиданное значение. Если спящий во сне ласкает свою жену при свете солнца — это плохо, ибо бог увидит его нищету, если он дробит камни — это знак, что бог отвратился от него, но если выглядывает с балкона — бог услышит его молитвы. Править лодкой всегда приятно. Царевич Аменхотеп охотно сам брался за это дело. Однако если такое приснится, значит, ты проиграешь тяжбу. Нельзя также объяснить, почему любовь покойного отца защитит того, кому приснятся азиаты. Иногда толкователь выходит из положения, прибегая к игре слов. Мясо осла на столе предвещает рост, увеличение, потому что слово «осел» и «большой» — омонимы. Нехорошо, если тебе во сне вручают арфу, ибо арфа, «бенет», напоминает слово «бин» — «плохой». Повторяющиеся эротические сны не предвещают ничего хорошего. Если кому-либо приснится, что он совокупляется с коршуном, значит, его обворуют: наверное потому, что коршун — коварный хищник, и существует даже заклятие против коршуна. Ничего доброго не сулят также сны, связанные с религиозными ритуалами. Возжигать курения перед богом — поступок достойный, однако, если это тебе приснилось, могущество бога обернется против тебя.

Но человек, увидев тревожный сон, не должен отчаиваться. Тощие коровы — предупреждение, с которым следовало считаться, а не знак неминуемой катастрофы. В подобном случае надо воззвать к Исиде; она придет и защитит того, кто видел страшный сон, от всевозможных бед, которые иначе обрушит на несчастного неумолимый Сетх, сын Нут. И еще надо перемешать кусочки хлеба с рубленой травой, смочить все пивом, добавить в смесь благовоний, а затем вымазать ею лицо. И тогда никакие дурные сны тебе не страшны.

Глава III

СЕМЬЯ

I. ЖЕНИТЬБА

Каждый глава семьи жил в своем доме, будь то роскошный дворец с драгоценной мебелью или жалкая лачуга с циновкой на полу. Понятия «построить дом» и «взять жену» были для египтян синонимами. Мудрый Птахотеп советовал своим ученикам совершать то и другое в благоприятное время [1]. В одной египетской сказке старший из двух братьев имел жену и дом. Младший, у которого ничего не было, жил у брата на положении слуги, ходил за скотом и спал в хлеву («Сказка о двух братьях»).

Яхмес, прежде чем прославиться при осаде Авариса, с юности вел суровую жизнь моряка и спал в гамаке, как все ветераны. Он воспользовался перерывом в военных действиях, чтобы вернуться в свой город Нехеб, построить дом и жениться. Но ему недолго довелось вкушать покой домашнего очага. Война возобновилась. Вербовщики фараона не забыли о храбрости Яхмеса и тут же призвали его на службу [2].

Один из садовников царицы сообщает нам, что царственная повелительница женила его на одной из своих приближенных, а когда он овдовел — на другой. Жаловаться ему не пришлось, потому что царица дала за своими любимицами хорошее приданое [3]. Отсюда можно сделать вывод, что во многих случаях браки заключались по воле родителей или господ. Однако лирические стихи, донесенные до нас папирусами из музеев Лондона и Турина, свидетельствуют, что молодые люди пользовались значительной свободой [4].

Юноша увидел красавицу:

Отроковица, подобной которой никогда не видели,
Волосы ее чернее мрака ночи.
Уста ее слаще винограда и фиников.
Ее зубы выровнены лучше, чем зерна.

И вот он уже влюблен. Чтобы привлечь внимание красавицы, он придумывает уловку:

Улягусь я на ложе
И притворюсь больным.
Соседи навестят меня.
Придет возлюбленная с ними
И лекарей сословье посрамит,
В моем недуге зная толк[5].

Хитрость не удалась. И влюбленный по-настоящему заболевает, как в знаменитой поэме Андре Шенье:

Семь дней не видал я любимой.
Болезнь одолела меня.
Наполнилось тяжестью тело.
Я словно в беспамятство впал.

Ученые лекари ходят —
Что́ пользы больному в их зелье?
В тупик заклинатели стали:
Нельзя распознать мою хворь.

Шепните мне имя Сестры —
И с ложа болезни я встану.
Посланец приди от нее —
И сердце мое оживет.

Лечебные по́боку книги,
Целебные снадобья прочь!
Любимая — мой амулет:
При ней становлюсь я здоров.

От взглядов ее — молодею,
В речах ее — черпаю силу,
В объятиях — неуязвимость.
Семь дней глаз не кажет она![6].

Юная девушка тоже неравнодушна к красоте юноши:

Два слова промолвит мой Брат, и заходится сердце.
От этого голоса я, как больная, брожу[7].

Однако она думает о будущем и рассчитывает на свою мать:

Наши дома — по соседству, рукою подать,
Но к нему я дороги не знаю.

Было бы славно, вступись моя мать в это дело.
Она бы ему запретила глазеть на меня.
Силится сердце о нем позабыть,
А само любовью пылает![8].

Она надеется, что возлюбленный все поймет и сделает первый шаг:

Вот он какой бессердечный!
Его я желаю обнять, а ему невдомек.

Хочу, чтоб у матери выпросил в жены меня,
А ему невдогад.

Если тебе Золотою * заступницей женщин
Я предназначена, Брат,
Приходи, чтобы я любовалась твоей красотой,
Чтобы мать и отец ликовали,

Чтобы люди чужие тобой восхищались,
Двойник мой прекрасный! [9].

«Брат», в свою очередь, взывает к «Золотой», богине веселья, музыки, песен, празднеств и любви:

Пять славословий вознес я Владычице неба,
Перед богиней Хатхор Золотой преклонился.
Всевластной вознес я хвалу,
Благодарности к ней преисполнен.

Мою госпожу побудила, внимая мольбам,
Проведать меня Золотая.
Счастье безмерное выпало мне:
Сестра посетила мой дом! [10].

Влюбленные увиделись и поняли друг друга, однако решающее слово еще не сказано. Девушка колеблется между страхом и надеждой:

Шесть локтей отделяли меня от распахнутой двери,
Когда мне случилось пройти мимо дома его.
Любимый стоял подле матери, ласково льнули
Братья и сестры к нему.

Невольно прохожих сердцá проникались любовью
К прекрасному мальчику, полному высших достоинств,
К несравненному юноше,
Чье благородство отменно.

Когда проходила я мимо,
Он бегло взглянул на меня.
Взгляд уловив,
Я ликовала душой.

Хочу, чтобы мать умудрилась раскрыть мое сердце.
О Золотая, не медли,— уменьем таким
Сердце ее надели!
И войду я к любимому в дом.

Его на глазах у родни поцелую,
Не устыжусь и чужих [11].

Переводы А. Ахматовой и В. Потаповой

---

* Золотая — эпитет богини Хатхор.

(Тут следует заметить, что египтяне целовались, соприкасаясь носами, а не в губы, как греки. Этот обычай они переняли только в эпоху Позднего царства.)

Тем временем влюбленная поверяет свои сокровенные чувства деревьям и птицам. Она уже представляет себя хозяйкой дома и то, как они будут гулять по саду рука об руку с возлюбленным супругом [12].

Таким образом, если дело продвигается недостаточно быстро и на пути к свадьбе возникают всякие препятствия, виноваты в этом скорее всего сами молодые люди. Родители на все согласны. Очевидно, они одобряют выбор своих детей. И если сопротивляются, то только для виду.

Фараон намеревался выдать свою дочь Ахури за пехотного генерала, а сына Неферкаптаха женить на дочери другого генерала, однако в конце концов сочетал их браком между собой, когда увидел, что юноша и девушка по-настоящему любят друг друга («Роман» о Сатни-Хаэмуасе) [13].

«Обреченный царевич» прибыл в один из городов Нахарины *, где собрались юноши его возраста для участия в особом состязании. Царь той страны объявил, что отдаст свою дочь за того, кто первым доберется до ее окна. А жила красавица в высоком доме на вершине высокой горы. Царевич решил тоже попытать счастья. Он выдал себя за сына египетского воина, сказал, что ему пришлось покинуть родительский дом, потому что отец женился вторично. Мачеха ненавидела его и сделала его жизнь невыносимой. Царевич выиграл состязание. Взбешенный царь поклялся, что не отдаст свою дочь беглецу из Египта. Но царевна думала по-другому. Этот египтянин, которого она едва успела разглядеть, тронул ее сердце, и, если он не станет ее мужем, она тотчас умрет! Перед такой угрозой отец не устоял и сдался. Он радушно принял юного чужеземца, выслушал его рассказ, и, хотя царевич не признался, что он сын фараона, царь заподозрил его божественное происхождение, нежно обнял царевича, выдал за него дочь и щедро одарил [14].

В любовных песнях юноша называет свою возлюбленную «моя сестра», а та его — «мой брат». Однако нетрудно заметить, что влюбленные не живут под одной крышей и что у жениха и невесты разные родители. После свадьбы муж продолжал обычно называть свою жену «се-

* Нахариной египтяне называли царство Митанни в Северо-Западной Месопотамии, существовавшее в XVII—XIII вв. до н. э.

Мужская прическа времени XVIII династии

нет» — «сестра», а не «хемет» — «супруга» [15]. Этот обычай установился в конце XVIII династии. Мы не знаем, когда он исчез, но на протяжении всего Нового царства он оставался в силе. Правда, в судебных процессах не обращали внимания на такие тонкости и употребляли слова «сен», «хаи» и «хемет» в их обычном смысле: брат, муж, жена. Тем не менее сначала греки, а за ними многие современные историки утверждали, будто в древнем Египте браки заключались, как правило, между братьями и сестрами [16]. Да, фараоны женились на своих сестрах и даже на своих дочерях, но по этому поводу можно привести ответ царских судей Камбизу на его вопрос: позволяет ли закон египтянам жениться на сестрах? «Никакой закон этого не разрешает, но закон дозволяет фараону делать все, что он хочет» [17]. До сих пор нам не известен ни один случай, чтобы сановник, горожанин или простолюдин был женат на своей сестре по матери или отцу. Но брак между дядьями и племянницами, по-видимому, разрешался, потому что на изображении в гробнице некоего Аменемхета дочь его сестры, Бакетамон, сидит рядом со своим дядей, как если бы она была его супругой [18].

Мы почти ничего не знаем о свадебных обрядах: тексты и изображения на рельефах дают мало материала. Когда фараон из «романа» о Сатни-Хаэмуасе* решает поженить своих детей, он просто говорит: «Пусть приведут Ахури в дом Неферкаптаха этой же ночью! И пусть принесут с ней превосходные дары!»

Так и было сделано, и теперь рассказывает молодая жена:

«Они привели меня, как супругу, в дом Неферкаптаха. Фараон повелел, чтобы мне доставили красивое бога-

* Хаэмуас — старший сын Рамсеса II. В сказках, записанных в греко-римский период, он выступает в качестве «сетома» («сетона») — жреца мемфисского бога Птаха.

тое приданое золотом и серебром, и все люди царского дома мне его преподнесли»[19].

Музыкантша
(остракон из Дейр-эль-Медина)

Таким образом, главной частью брачной церемонии являлся переход невесты с ее приданым из отцовского дома в дом жениха. Легко представить, что этот свадебный кортеж был не менее красочным и шумным, чем процессии во время приношения даров в храмах, прибытия иноземных послов, стремящихся «быть на воде царя», или погребальные шествия, которые египтяне в общем-то воспринимали как переселение из одного жилища в другое. Возможно, жених выходил навстречу кортежу, как Рамсес II, построивший крепость между Египтом и Финикией, где намеревался встретить свою невесту, дочь царя Хаттусили.

Египтяне были ужасными бюрократами, и вполне возможно, что молодожены еще представали перед каким-нибудь чиновником, который записывал их имена и регистрировал общее имущество супругов. Когда замужнюю женщину вызывали в суд, ее называли собственным именем, а затем следовало имя мужа, например: «Мутемуйа, супруга писца священных книг Несиамона». Из общего имущества две трети вносил муж и только одну — жена, как уточняет остракон из Фив. После кончины одного из супругов оставшийся в живых имеет право пользоваться всем имуществом, но продать или подарить может только свою долю[20]. Так, некий цирюльник уступил одному рабу все свое дело и выдал за него сироту-племянницу. Она получила в приданое часть из личного достояния цирюльника, который совершил официальный раздел имущества со своей женой и сестрой[21].

Нам кажется маловероятным, чтобы жрецы не участвовали в столь важном событии, как свадьба. Когда женатый человек совершает паломничество в Абидос, он всегда берет с собой жену. Очень часто супруги вместе посещают храм. Так, например, Нефрхотеп, пастырь стад

Амона, изображен со своей супругой, госпожой дома, «любимицей» Хатхор, владычицы Кусе, и певицей Амона в сценах, где он восхваляет Ра, когда тот восходит над восточным горизонтом, и бога Хорахти, когда Ра уходит за западный горизонт. Поэтому я полагаю, хотя у меня нет решающих доказательств, что супруги вместе с близкими родственниками посещали храм городского божества, приносили ему жертвы и получали от него благословения. Когда новобрачные входили в свои супружеские покои, писцы и жрецы, исполнив свой долг, а также гости и приглашенные расходились. Да будет мне позволено подкрепить это предположение тем, что египтяне любили вкушать пищу в узком кругу семьи. Но прежде чем оставить молодоженов наедине, все гуляли в этот день, пировали, ели и пили в меру возможностей или тщеславия породнившихся семей.

II. ЖЕНЩИНА

Художники и скульпторы изображают египетскую семью весьма привлекательно. Отец и мать держатся за руки или обнимают друг друга за талию. Детишки жмутся к родителям [22]. При Эхнатоне стало модным изображать нежные чувства царственных супругов. Вот царица сидит на коленях у фараона. Сам он и его супруга осыпают своих детей поцелуями, а дети в ответ поглаживают маленькими ручками подбородок отца или матери. Эта мода исчезла вместе с «ересью», которую она воплощала или была ее следствием. С начала XIX династии египетское искусство вновь обретает былую строгость, однако в настенных росписях в гробницах муж и жена по-прежнему изображаются рядом, объединенные вечностью, как и при жизни.

Египетская литература не слишком жаловала женщин. Рассказчики и моралисты называли их сонмом всех пороков, мешком всевозможных хитростей и описывали как легкомысленных, капризных, неспособных хранить тайну, лживых, мстительных и, разумеется, неверных [23].

Однажды, когда фараон Снофру помирал от скуки, придворные решили его развлечь: они выпустили на пруд в царском саду лодки с двадцатью девицами, весь наряд которых состоял из украшений и сетей. Одна из них уронила в воду свою подвеску из бирюзы и капризно бросила весло. «Греби! — приказал фараон.— Я тебе дам

такую же». «Я хочу свою вещь больше, чем подобие ее»,— ответила красавица. И фараон был пленен ею. Он призвал своего чародея, и тот отыскал потерянную драгоценность весьма оригинальным способом: положил одну половину вод на другую и обнажил таким образом дно [24].

Женщина из гарема красит губы перед зеркальцем

Божественная Эннеада, заметив одинокого Бату в Долине Кедра, сжалилась над ним и подарила ему бесподобную жену, в которой было «семя всех богов». Вначале та ему во всем перечила, а под конец предала его. Воскрешенный Бата превратился в быка. Его бывшая супруга стала любимой наложницей фараона и, ублажая своего повелителя и господина ласками и лестью, добилась приказа убить быка. Тогда Бата превратился в две большие персеи. Она потребовала, чтобы деревья срубили. Когда Бата был простым слугой у своего старшего брата, он уже испытал на себе коварство женщин. Приближалось время сева. Вода схлынула с полей. Надо было пахать их и засевать. Братья отправились на поля, но им не хватило посевного зерна, и Бата вернулся за ним домой один. Когда он выходил из амбара, легко неся огромную ношу, невестка увидела его и мгновенно загорелась желанием.

« — Идем,— сказала она,— полежим вместе. На пользу будет это тебе — я сделаю тебе красивые одежды.

Бата стал подобен южной пантере:

— Как же это? Ведь ты мне вместо матери, а твой муж мне вместо отца, ведь он старший брат, он вырастил меня. Ах, что за мерзость ты мне сказала! Не повторяй ее мне никогда, я не скажу никому и замкну уста свои, чтобы не услыхал об этом никто из людей» (перевод М. А. Коростовцева).

Он ушел, а униженная жена преисполнилась ненависти к нему. Муж ее был вспыльчив и скор на расправу. Коварной жене ничего не стоило уверить Анупу, что его брат пытался ее соблазнить, она присвоила себе слова добродетельного юноши. Но этого ей было мало. Она до-

бивалась, чтобы мнимый соблазнитель был предан смерти, иначе ее душа не успокоится [25] («Сказка о двух братьях»).

В стародавние времена жена одного распорядителя церемоний (по имени Убаинер) изменяла своему мужу с юношей, которого осыпала подарками. Супруга жреца Ра, Реджедет, тоже изменяла мужу и родила трех незаконных детей. Она уверяла, что отцом этих мальчиков был сам бог Ра, который пожелал дать Египту трех набожных и милостивых правителей [26]. Однажды Реджедет обозлилась на свою служанку и прогнала ее. Служанка догадывалась обо всех ее шашнях и вознамерилась донести кому следует, но по своей наивности рассказала обо всем своему брату, который сурово наказал ее за доверчивость и нескромность [27] («Сказки сыновей фараона Хуфу»).

А вот перед нами благородная дама, Табубуи, настоящая храмовая танцовщица, жрица, а вовсе не уличная девка. Она требует от своего любовника, чтобы он лишил наследства своих детей, а потом убил их [28] («Роман» о Сатни-Хаэмуасе). Другая благородная дама увидела Правду, прекрасного юношу, и отдалась ему. Удовлетворив свой каприз, она тут же забыла о любовнике на одну ночь и равнодушно смотрела, как он выпрашивает милостыню у порога ее дома, и лишь долгое время спустя открывает своему маленькому сыну, что этот нищий — его отец [29] («Сказка о Правде и Кривде»).

Так, согласно египетским сказкам, женщина стоила немногого, зато мужчина верен, заботлив, предан и рассудителен. Однако в тех же сказках фараон предстает как человек ограниченный и взбалмошный, вынужденный по каждому поводу обращаться к своим писцам и чародеям. Таковы были законы жанра. В действительности многие властители Египта отличались воинской доблестью и умением управлять страной в мирное время и многие египтянки были безупречными супругами и нежными матерями. Такова была, например, юная Таимхотеп, история которой нам хорошо известна благодаря стеле из Британского музея.

«О знающие, жрецы, царевичи, благородные и простые люди, все входящие под эту сень, послушайте, что здесь сказано!

В девятый год [царствования] Птолемея XIII, в четвертый месяц разлива, девятый день стал днем моего рождения. В двадцать третий год, в третьем месяце лета, в первый день, мой отец отдал меня в жены великому жре-

цу Пшеренптаху, сыну Петубаста. Весьма огорчалось сердце этого жреца, потому что я трижды была от него беременна, но рожала только девочек и ни одного мальчика. Тогда я обратилась с молениями вместе с великим жрецом к величеству этого благого бога, ниспосылающему сыновей тем, кто их не имеет, к Имхотепу, сыну Птаха. Он услышал наши мольбы, ибо он исполняет желания взывающих к нему... И в награду [за богоугодные деяния великого жреца] я зачала сына, который родился на шестом году царствования Клеопатры, в третьем месяце лета, в пятый день, в первый час дня, в день праздника приношений великому богу Имхотепу. И все люди возрадовались. На шестой год, во втором зимнем месяце, на шестой день настал день, когда я скончалась. Мой супруг, великий жрец Пшеренптах, похоронил меня в некрополе. Он исполнил все ритуалы, подобающие существам совершенным. Он похоронил меня с почестями и поместил в мою гробницу позади Ракотиса» [30].

Покорная воле своего отца и желаниям своего супруга до самой гробовой доски, несчастная Таимхотеп скончалась во цвете лет, оплакиваемая мужем, который не поскупился на расходы для ее пышных похорон.

В связи с этой трогательной историей весьма полезно привести причитания одного вдовца, обращенные к его покойной жене, сохранившиеся на папирусе из Лейденского музея:

«Я взял тебя в жены еще юношей. Я был с тобой вместе. Позднее я получил все титулы, но я тебя не оставил. Я не огорчал твое сердце. Вот что я делал, когда был еще молод и исполнял все важные обязанности на службе фараона, да будет он жив, невредим и здоров, я тебя не покинул, а, наоборот, говорил: „Да будет это все вместе с тобой!“ Каждому, кто заговаривал со мной о тебе и советовал, я отвечал: „Я сделаю, как пожелает ее сердце!..“ И вот смотри: когда мне поручали наставлять военачальников войска фараона и его колесничих, я посылал их, чтобы они простирались на животе перед тобой и приносили всевозможные прекрасные дары. Я никогда не скрывал от тебя своих доходов... Никогда не было, чтобы я пренебрегал тобой, подобно простолюдину, входящему в чужой дом... Мои благовония, сладости и одежды я никогда не отсылал в другой дом, а, наоборот, говорил: „Моя супруга здесь!“ Ибо я не хотел тебя огорчать... Когда ты заболела постигшей тебя болезнью, я призвал врача, и он сделал все необходимое и все, что ты велела ему сделать.

Когда я сопровождал фараона на юг, я во всем поступал, помня о тебе. Я провел восемь месяцев без еды и питья, подобно человеку моего положения. Когда я вернулся в Мемфис, я испросил у фараона отпуск и отправился туда, где ты обитаешь [к твоей гробнице], и я много плакал вместе с моими людьми перед изображением твоим. Три года прошло с тех пор. Но я не войду в другой дом, подобно человеку моего положения... И смотри, хотя есть сестры в нашем доме, я не ходил ни к одной из них» [31].

Этот образцовый муж, неутешный вдовец, дает ясно понять, что другой на его месте действовал бы совсем иначе: став высоким сановником, отверг бы жену скромного происхождения, на которой женился, будучи в самых малых чинах, а потом, овдовев, не стал бы рыдать и плакать в течение трех лет, а зажил бы припеваючи. Когда читаешь о таких добрых и терпеливых людях, остается только устыдиться самих себя.

Из сказок мы знаем, что неверную жену карали смертью. Анупу, старший из двух братьев, когда узнал, хоть и с некоторым опозданием, обо всем, что случилось на самом деле, оплакал своего младшего брата, а потом вернулся к себе, убил жену и бросил ее труп собакам [32]. Бата в конце сказки возбуждает процесс против своей жены перед великими судьями фараона, «да будет он жив, невредим и здоров». До нас не дошел текст приговора, но мы знаем, что богини Хатхор предсказали, что неверная жена погибнет от меча [33]. Жена Убаинера, которая обманывала и ела поедом своего мужа, была сожжена, а прах ее выброшен в Нил. Сообщник ее тоже не избег своей кары [34]. Это было законом*.

«Берегись женщины, которая выходит тайком! — советует писец Ани.— Не следуй за ней; она станет утверждать, что это была не она. Жена, чей муж далеко, посылает тебе записки и зовет к себе каждый день, когда нет свидетелей. Если она завлечет тебя в свои сети — это преступление, и ее ждет смерть, когда узнают об этом, даже если она не насладится своей изменой» [35].

В то же время неверность мужа, насколько мы знаем, не каралась никакими санкциями. Мужу разрешалось иметь в своем доме наложниц. Надпись в одной из гробниц перечисляет всю родню. Из нее видно, что семья

* Древние законодательства предписывали в подобных случаях одинаковое наказание для обоих. Если бы Убаинер не погубил любовника своей жены с помощью волшебного крокодила, фараон мог бы сохранить жизнь женщины.

состояла из отца, матери, друзей, приближенных, детей, женщин, кого-то еще под необъясненным названием «инет-хенет», любимцев и слуг [36]. Известны случаи полигамии, но, правда, они довольно немногочисленны. У одного из грабителей гробниц, над которым состоялся суд, было две жены, и они между собой ладили [37].

В стране, где палка играла такую большую роль, муж имел право бить свою жену, а брат свою сестру, однако в разумных пределах — увечья наказывались законом. Виновный должен был поклясться перед судьями, что больше не тронет свою жену, иначе получит сто палочных ударов сам и будет лишен права на совместно приобретенное имущество. В описанном случае в суд обратился отец жестоко избитой женщины [38]. Поступил он правильно, однако не следует забывать, что он был египтянином и что многие предусмотрительные жены, наверное, не раз одурачивали своих мужей, обращаясь к судебным властям.

III. ДЕТИ

Писец Ани советует своим читателям жениться рано и заводить побольше детей. Совет излишний. Египтяне и так очень любили детей.

«Вот достигнешь ты царского дворца через два месяца,— говорит добрый Змей потерпевшему кораблекрушение,— обнимешь ты детей своих, и помолодеешь в царском дворце, и там же (на родине) будешь погребен» (перевод М. А. Коростовцева) [39].

Во всех гробницах Мемфиса, Телль-эль-Амарны и Фив, на стелах Абидоса и на рельефах мы видим изображение детей. Знатный вельможа эпохи Древнего царства по имени Ти (Чи) посетил свои владения, чтобы проследить за уборкой урожая или за другими работами. Перед ним расстелили на земле циновку. Поставили кресло. Все собрались вокруг главы семьи. Дети держат в руках отцовскую трость. И что бы он ни делал — охотился на уток в высоких зарослях, отплывал в лодке вслед за рыбаками, пробирался среди зарослей папируса, поклонялся прекрасной богине Хатхор, «госпоже Имау» и «владычице сикомора»,— радость его неполна, если рядом с ним нет жены и детей. Подростки упражнялись в метании палок и гарпунов и весьма преуспевали. Когда Аменхотеп II был ребенком, любимцем семьи, он тоже занимался уп-

ражнениями, проявляющими силу, и фараон — его отец — гордился им [40].

На другом рельефе изображены дети пастуха, сопровождающие своего отца. Когда старшего томила жажда, младший становился на цыпочки, чтобы поднять чашу до его рта. Сыновья ремесленников бегают по мастерским, стараясь принести хоть какую-то пользу.

Эхнатона и его супругу Нефертити на царских выходах всегда сопровождали дочери. И даже во дворце, не только в часы досуга, но и во время государственных дел, маленькие царевны не покидают родителей. Они взбираются им на колени и не боятся ласково касаться подбородков фараона и его супруги. Сановники помогают расставлять цветы и вазы. В порыве нежности счастливые родители обнимают детей и осыпают их поцелуями. Рамсес II немало гордился тем, что у него было более ста шестидесяти детей. Страбон отмечает удивительный обычай египтян, которому они придавали большое значение,— выкормить и вырастить всех родившихся детей [41]. Плодовитость египтян объяснялась плодородием страны и благоприятным климатом. Как говорит Диодор, дети почти ничего не стоили родителям. В самом юном возрасте они бегали босиком и нагишом: мальчики носили только ожерелье на шее, девочки — гребень в волосах и поясок. Все кормились почти задаром стеблями папируса и его корнями, сырыми или вареными [42].

Египтяне любили всех детей, но особенно ждали рождения наследника, мальчика. Мы уже знаем, что думал об этом великий жрец Птаха Пшеренптах.

«Жил-был некогда один царь,— так начинается сказка об обреченном царевиче,— у которого не было детей мужского пола. Он просил богов своей страны, и повелели они ниспослать ему сына».

Главная задача сына заключалась в том, чтобы продолжить имя своего отца. Его долг — о чем напоминают сотни надписей — достойно похоронить отца и заботиться о его гробнице [43].

Египтянам всегда хотелось знать, что их ждет впереди, а потому при появлении каждого новорожденного они взывали к семи богиням Хатхор. Невидимые Хатхор слетались к колыбели ребенка и предсказывали предопределенную ему жизнь и смерть.

«Она умрет от меча»,— предвещали они женщине, которую боги хотели отдать в жены Бате [44]. А долгожданному сыну фараона они предсказали: «Он умрет от кро-

кодила, или от змеи, или же от собаки»[45]. Но поскольку богини Хатхор забыли уточнить в каком возрасте произойдет это несчастье, жизнь бедного маленького царевича всячески оберегали, пока он не вырос и не понял, что все эти предосторожности бесполезны и ему не избежать предопределения судьбы. А потому он будет жить, как велит сердце!

Мы не знаем, до всех ли новорожденных снисходили богини Хатхор, но отец каждого ребенка мог получить его гороскоп.

«Затем египтяне придумали еще вот что,— говорит Геродот.— Каждый месяц и день [года] посвящены у них какому-нибудь богу. Всякий может предугадать заранее, какую судьбу, какой конец и характер будет иметь родившийся в тот или иной день» (перевод Г. А. Стратановского)[46].

Например, тот, кто согласно календарю счастливых и несчастливых дней, родился на четвертый день первого месяца сезона «перет», умрет позже всех своих родственников и переживет своего отца, ибо это счастливый день. И еще очень хорошо родиться на девятый день второго месяца сезона «ахет», ибо тогда ты умрешь просто от старости, а еще лучше родиться на двадцать девятый день, потому что умрешь, окруженный всеобщим почетом. И наоборот, четвертый, пятый и шестой дни того же месяца не предвещали ничего хорошего. Те, кто родился в эти дни, должны были умереть от лихорадки, от любви или от пьянства. Если ребенок рождался на двадцать третий день, ему следовало опасаться крокодила, и двадцать седьмой день был не лучше: новорожденному угрожала змея[47]. Самые незначительные с виду события грозили важными последствиями. Медицинский папирус Эберса приводит несколько примеров. Если ребенок сразу говорит «хии», он будет жить, но, если он скажет «мби», он умрет. Если голос его будет скрипучим, как скрип пихты, он умрет; если он повернется лицом вниз, он умрет[48]. Люди, сведущие в религиозных вопросах, знали, что Осирис, принесенный волнами Средиземного моря к Библу, был поглощен волшебным деревом (пихтой?) *. Поэтому крик ребенка, напоминающий скрип веток тем, кто побывал в Сирии, не предсказывал ничего хорошего.

Обнадеженные или опечаленные первыми приметами,

---

* *Плутарх.* Об Исиде и Осирисе.— Вестник древней истории. 1977, № 3—4.

родители тем не менее торопились дать ребенку имя; фамилий в Египте не было. Дочь фараона, найдя подкидыша в корзине, сразу дала ему имя, которое затем прославилось. И в древности, и в наше время многие это имя пытались связать с обстоятельствами чудесной находки и выбивались из сил, отыскивая подходящую этимологию. Однако «Моисей» вовсе не означает «спасенный из вод». Это лишь египетская транскрипция слова «мес» («рожденный»), окончание таких имен, как Тутмес, Яхмес и так далее. Царевна, спасшая младенца, решила, что он сирота, и дала ему первое пришедшее на ум, самое расхожее имя.

Имена египтян порой были очень короткими: Ти, Аби, Туи, То. А иногда они превращались в целую фразу: «Джед-Птах-пуф-анх» — «Птах сказал, что он будет жить». Порой существительные, прилагательные и даже частицы превращались в имена собственные: Джаа — «палка», Шеду — «бурдюк», Нахт — «сильный», Шери — «маленький», Тамит — «кошка».

Большинство родителей старались сделать своих детей как бы «крестниками» богов. Например, «крестники» Хора назывались Хори, «крестники» Сетха — Сети, а «крестники» Амона — Амени. Историк Манефон представлялся свойственником фиванского бога Монту*. Имя зачастую означало, что бог доволен — отсюда неисчислимые Амен-хотеп, Хнум-хотеп, Птах-хотеп — или что он находится впереди ребенка: Амен-ем-хат — «Амон впереди», то есть покровительствует ему или является отцом новорожденного. Многочисленные Сенусерты, чьи имена греки превратили в Сесострисов, были сыновьями богини Усерт, а Сиамоны — бога Амона. Мут-неджем означает «Мут сладостна».

По этим именам можно проследить, как котировались разные божества на протяжении истории Египта. Госпожа Библа в Среднее царство становится крестной многих египтянок. С начала правления Рамсеса I и до войны с «нечистыми» многочисленными были имена Сетх-нахт, Сетх-ем-уиа («Сетх в священной ладье Ра») и тому по-

* Устаревшая этимология. В настоящее время «Манефон» переводится «пастух лошадей». Этот ученейший жрец из Себеннита жил в конце IV—III в. до н. э. На основании древних источников он написал сочинение по истории своей страны, дошедшее до нас лишь в небольших фрагментах, цитируемых более поздними авторами. К Манефону восходит классификация фараонов по династиям.

добные, потому что царствующая семья гордилась своим происхождением от Сетха, убийцы Осириса. После войны Сетх стал презренным богом, и мы больше не встречаем египтян, носящих его имя.

Фараон тоже был богом, и с его покровительством считались. В эпоху XVIII династии были многочисленные Джосер-карасенебы, Менхеперра-сенебы и Небмаатранахты *. А потом на протяжении двух династий множились Рамсес-нахты.

Список имен, как мы видим, был достаточно велик. Родители иногда выбирали их в зависимости от внешних обстоятельств, например от сновидений. Сатни-Хаэмуас не имел наследника. Его жена провела ночь в храме Птаха. Бог привиделся ей во сне и приказал сделать то-то и то-то. Она сразу повиновалась. И зачала. А мужу приснилось, что сына надо назвать Са-Осирисом [49].

Когда родители давали ребенку имя, им оставалось только зарегистрировать его у чиновников.

«Я родила этого младенца, который перед тобой,— говорит царевна Ахури, жена Неферкаптаха.— Ему дано имя Мериб, и он занесен в списки „дома жизни"» [50].

«Дом жизни», о котором мы уже неоднократно упоминали, был своего рода египетским университетом **, где астрономы, историки и мыслители сохраняли все накопленные драгоценные знания и старались их приумножить. Эти высокие устремления, видимо, сочетались с более скромными. Помимо ученых в «доме жизни» наверняка были простые писцы, которые регистрировали рождение, бракосочетание и смерть. Но поскольку это предположение не доказано, разумнее будет согласиться с Г. Масперо, что детей приносили в «дом жизни», чтобы составить на них гороскоп и согласно ему принять все меры, дабы оградить новорожденного от предназначенных ему бед.

В любом случае гражданские власти наверняка старались регистрировать все рождения, женитьбы и кончины. В юридических документах сначала называются собственные имена обвиняемых и свидетелей, затем идут имена их отцов и матерей и в конце указываются их профессии. Несмотря на огромное количество имен, которые родители могли дать своим детям, у египтян было множество омонимов; Аменхотеп, фаворит и советник фараона Амен-

* В состав этих имен входят тронные имена Аменхотепа I, Тутмоса III и Аменхотепа III.

** Это мнение не подтверждается источниками, но несомненно, что «дома жизни» были центрами духовной жизни страны.

хотепа III, имел прозвище Хеви. Аменхотепов было великое множество. Поэтому фаворит Аменхотепа III догадался прибавить к своему имени и прозвищу еще имя своего отца Хапу. Такое добавление не было капризом, а носило официальный характер. Это еще раз свидетельствует о том, что власти старались вести точный учет населения.

Ребенок обычно оставался при матери, которая носила его в особой сумке, висящей на шее спереди, чтобы руки были свободны [51]. Писец Ани высоко оценивает преданность египетских матерей:

«Воздай своей матери за все, что она сделала для тебя! Снабди ее хлебом в изобилии и носи ее, как она тебя носила. Ты был для нее нелегкой ношей. Когда ты родился после положенных месяцев, она еще долго носила тебя на своей шее, и три года ее грудь была у твоего рта. И она не отворачивалась с отвращением от твоих нечистот» [52].

Очевидно, царицы и другие знатные дамы не так обременяли себя. Мать Кенамона имела звание великой кормилицы: она вырастила бога. Этим богом был не кто иной, как фараон Аменхотеп II, и он до конца остался признателен своей кормилице. Он навещал ее и присаживался ей на колени, как в раннем детстве [53]. Малолетних царевичей обычно доверяли надежным людям, постаревшим на царской службе. Пахери, «князь» Чени и управитель Нехеба (совр. Эль-Каб), изображен в своей гробнице с голеньким младенцем на коленях. Одна прядь волос закрывает младенцу правую щеку. Это царский сын Уаджмес. И могущественный правитель с гордостью добавляет к своему титулу звание царского воспитателя, точнее — кормильца [54].

Один известный воин, Яхмес из Нехеба, рассказывает: «Я достиг превосходной старости, будучи среди приближенных фараона... Божественная супруга, великая царская супруга Мааткара * обратила свои милости ко мне. Именно я воспитывал ее великую дочь, царскую дочь Нефеорура с младенческого возраста» [55].

Однако старый вояка, видимо, не мог уделять девочке достаточно времени, а потому у нее был еще один отец-кормилец — главный архитектор Сененмут, который создал один из прекраснейших храмов Египта в Дейр-эль-Бахри, а также воздвиг обелиски в Карнаке. Великий зодчий и девочка, видимо, очень любили друг друга. Скульпторы трогательно выразили эту их нежную привязанность. Ста-

* Тронное имя царицы Хатшепсут.

туя Сенеимута представляет собой сплошь покрытый иероглифами куб, из которого выступает только голова отца-кормильца, а перед нею — маленькая головка царевны.

Наступал день, когда ребенку уже нельзя было бегать нагишом с одной только ниткой бус на шее. Тогда мальчику давали пояс и набедренную повязку, а девочке — платье. Первые одежды были событием в жизни ребенка. Старые придворные, такие, например, как Уна или Птахшепсес, хорошо помнили день, когда они впервые «застегнули пояс» при фараоне таком-то. Правда, этот день, очевидно, совпадал для них с первым днем обучения в школе. Дети же крестьян, ремесленников и простолюдинов оставались дома, обучались пасти скот, пользоваться разными орудиями — короче, приобщались к занятиям своих родителей, чтобы заменить их, когда придет время.

IV. СЛУГИ И РАБЫ *

Среди лиц, окружающих знатную особу, порой нелегко отличить помощников в делах от слуг. Но сами египтяне их никогда не путали. Хапиджефаи, номарх Сиута, иногда распоряжался имуществом дома своего отца, то есть своим личным, а иногда — имуществом царского дома, то есть государственным, которым ему доверили управлять. Именно из своих средств он вознаградил тех, кто участвовал в заупокойном культе отца. Но заупокойный культ был для египтянина лишь продолжением земной жизни, поэтому мы можем с полным основанием заключить, что хозяин содержал и вознаграждал своих слуг из своих личных средств.

Множество египетских терминов приблизительно соответствуют нашим понятиям «слуга» или «прислуга»: «послушные призыву», *кравчие* — «убау» (это слово писали с определителем «сосуд» или просто иероглифом «кувшин»), и, наконец, «шемсу». Последнее слово изображалось сложным иероглифом, состоящим из длинной трости с загнутым концом, свернутой и перевязанной ремнем циновки и маленькой метелки. «Шемсу» сопровождал сво-

* В этом параграфе автор дает идеализированную картину положения низших слоев египетского общества. См. указанные в списке литературы работы О. Д. Берлева и Е. С. Богословского, а также их статьи в сборнике «Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке» (М., 1984).

его хозяина при выходах. Когда тот где-либо останавливался, «шемсу» разворачивал и расстилал циновку, брал в руку длинную трость, а другой рукой время от времени помахивал метелочкой. Таким образом, хозяин мог с удобствами принимать управляющих и выслушивать отчеты. Другой «шемсу» носил за ним сандалии. Когда хозяин останавливался, он вытирал ему ноги и обувал его [56]. *Кравчие* прислуживали во время еды. Они накрывали на стол. Они всегда были рядом с хозяином, выслушивали доверительные признания, могли вовремя что-то подсказать, о чем-то напомнить, а потому обладали значительным весом. Кравчие фараона участвовали во всех крупных процессах и расследованиях.

Все вышеперечисленные слуги, по-видимому, были свободными людьми. Они могли уйти от хозяина, заняться ремеслом или приобрести поместье и, если позволяли средства, в свою очередь, нанять себе слуг и наслаждаться жизнью. Бата, после того как старший брат жестоко с ним обошелся, заявляет, что не будет больше ему служить. Анупу придется отныне самому пасти свои стада. В данном случае хозяин и слуга были братьями, но мы вправе думать, что, даже если бы между ними не было никакого родства, Бата все равно оставил бы свое место. Реджедет, жена жреца, родившая трех сыновей от самого Ра, поссорилась со своей служанкой и велела ее высечь («Сказки сыновей фараона Хуфу»). Служанка ушла от нее без всяких объяснений. Правда, ее сурово наказал собственный брат, а потом сожрал крокодил, орудие божеского мщения,— она была наказана за то, что вознамерилась открыть фараону тайну Реджедет, а не за то, что оставила свое место. И, разумеется, хозяин всегда мог прогнать слугу.

И наоборот, людей, которых называли «хемуу» или «баку», можно рассматривать, во всяком случае в эпоху Нового царства, как рабов. С ними не только жестоко обращались, но в случае побега пускались за ними в погоню. Писец сообщает своему хозяину, что «два человека сбежали от конюшего Неферхотепа», приказавшего их бить. С тех пор как они исчезли, больше некому пахать. Говорю об этом моему хозяину» [57]. В один прекрасный день двое рабов сбежали из резиденции Рамсесов либо потому, что их били, либо из любви к свободе. На их поиски был отправлен начальник лучников Какемур. Он выступил из Пер-Рамсеса и на следующий день прибыл к укреплению Чеку. Здесь ему сообщили, что беглецы

прошли южнее Чеку в тот же день. Когда военачальник достиг крепости, то здесь узнал, что рабы перебрались через степы севернее башни Сети-Мернептаха. От дальнейших поисков пришлось отказаться, и дело было закрыто [58]*. Однако не всем рабам так везло. В гробнице Нефрхотепа писец выстраивает рабов перед лицом своего повелителя. У одного раба руки связаны, и его ведут на веревке. Двое других уже наказаны, и стражник готовится их связать. Сцену эту можно было бы назвать: «Возвращение беглецов» [59].

По большей части все или почти все рабы были чужеземцами. Их захватывали во время победоносных кампаний в Нубии, Ливии, Восточной пустыне или Сирии, а затем по приказу фараона или отдавали тому, кто их пленил, если речь шла об индивидуальном подвиге, или распределяли между воинами, когда в плен попадало сразу много врагов. Доблестный Яхмес таким образом приобрел за свою многолетнюю службу в армии девятнадцать рабов — десять женщин и девять мужчин — главным образом с иноземными именами: Памеджаи, Паам, Истарумми, Хедеткуш; другие рабы с египетскими именами, видимо, достались Яхмесу во время кампании в Дельте, а возможно, он сам заменил их ханаанейские или нубийские имена на египетские, как это произошло с Иосифом [60].

Хозяин мог продать своего раба или отдать внаем. Человек, которому понадобились новые одежды, нанял на два-три дня сирийскую рабыню. Неизвестно, какую работу она должна была выполнить, но цену за рабыню запросили немалую [61].

Одного из горожан Фив заподозрили в том, что он участвовал в ограблении гробниц, потому что он вдруг начал вести роскошную жизнь. Судья спрашивает его жену:

«— На какие средства ты купила рабов, которые были с ним?»

Она отвечает:

«— Я не видела серебра, которое он за них заплатил. Он был там [в отлучке]» [62].

Недавно изданный папирус из музея в Каире приводит несколько способов покупки раба. Торговец по имени

---

* Конец письма Какемура к двум другим начальникам лучников свидетельствует об обратном: «Пришлите мне описание всего случившегося с ними, кто найдет бежавших, какие люди преследуют их... Да пошлете вы многих людей за ними» (полностью см.: ХДВ, ч. I, с. 104).

Райа предлагает одному человеку купить у него молодую сирийскую рабыню. Они договариваются. Плату за рабыню покупатель вносит не серебром и не золотом, а различными предметами. Стороны произносят клятвы при свидетелях, и суд их регистрирует. Рабыня становится собственностью нового хозяина и сразу же получает египетское имя [63].

Когда правительство занялось грабителями гробниц, многие рабы были признаны виновными. Судьи не церемонились с ними, назначая двойное и тройное количество палочных ударов. Впрочем, с преступниками из свободных людей обходились не лучше.

Хозяин бил своих рабов, но точно так же угощал палками пастухов, слуг и злостных должников. Поэтому лишь немногие могли похвастаться, как некий Неджемиб, живший в эпоху Древнего царства, что его со дня рождения ни разу не били палками перед лицом сановников [64]. Впрочем, никто не знает истины. Вполне возможно, что этого счастливейшего из смертных не раз угощали палками без свидетелей, о чем он, разумеется, умалчивает.

Короче говоря, если учесть все препятствия, которые мешали простолюдинам вырваться из тисков нужды, поменять свое положение на лучшее, станет ясно, что участь свободных людей самых низших классов мало чем отличалась от участи тех, кого мы называем рабами. Мы уже цитировали документ, рассказывающий, как бывший раб цирюльника получил свободу, унаследовал дело своего бывшего хозяина и женился на его племяннице. Таким образом умелые и ловкие рабы обретали свободу и становились равными с прочими египтянами.

V. ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Собака, верный друг и помощник человека на охоте, имела право входить в дом. Она скромно устраивалась под креслом хозяина и дремала [65]. Собака пастуха тоже не отходила от своего хозяина, который голосом или жестами приказывал ей собрать стадо или гнать его в нужном направлении [66].

Пастушьи или сторожевые собаки были в основном борзыми на высоких ногах, с вытянутой мордой и длинным хвостом, с большими висячими или заостренными и стоячими ушами. В эпоху Нового царства уже почти не встречаются ни африканские борзые с торчащими трубой хво-

стами, ни сторожевые псы средней величины со стоячими ушами, а еще реже — таксы, которые были в моде во времена Среднего царства. Кроме борзых получила распространение порода небольших собак, «кеткет». Именно такого «кеткета» подарили «обреченному царевичу», но он с презрением отверг его и потребовал настоящую собаку *.

Борзых, как правило, держали на привязи, но иногда позволяли свободно бегать повсюду.

Другими привычными для египтян домашними животными были обезьяны, которые иногда даже выполняли обязанности слуг. Например, на одном изображении Монтухерхепешефа[67] обезьяна держит собаку на довольно коротком поводке. Собаке такое своеволие не нравится, и она скалится на обезьяну и, наверное, рычит.

Собакам давали клички. В эпоху I династии одну собаку звали «Неб», то есть «господин». Она была похоронена рядом с хозяином, и сохранилась стела с ее именем и изображением. Фараон Интеф дал своим четырем псам берберские имена. Он так ими гордился, что повелел изобразить всех четырех на стеле, хранящейся в Каирском музее. Кроме того, он приказал поставить перед своей гробницей статую, ныне исчезнувшую, описанную в одном из судебных отчетов по поводу ограбления царских могил. На этой статуе собака по кличке Бахика, что на берберском языке означает «орикс», стояла у ног фараона. В Абидосе среди гробниц женщин, лучников и карликов встречались и погребения собак. Такое же погребение обнаружено в Сиуте, где найдена известняковая статуэтка сторожевого пса: вид у него довольно свирепый, несмотря на подвешенный к ошейнику колокольчик. (В настоящее время она находится в музее Лувра.)

Египтяне не отказывали своим собакам в пышных погребальных почестях, но следует заметить, что художники никогда не изображали человека, ласкающего собаку или играющего с ней. Таким образом, между людьми и собаками сохранилась известная дистанция.

Обезьяна, видимо, была человеку ближе. С эпохи Древнего царства она получает доступ в дом. Она всех развлекала своими ужимками и прыжками, а также участвовала в представлениях карликов и горбунов, которые жили в каждом знатном доме. Особенно ценились карлики. Их порой доставляли из дальних стран. Как мы уже говорили,

---

* Эта трактовка отличается от общепринятой: скорее всего, царевичу подарили щенка.

Хуфхор привез с юга танцующего карлика. Подобного не видывали уже сто лет, со времен царствования Исеси. Одна из самых роскошных гробниц вблизи пирамиды Хефрена принадлежит карлику по имени Сенеб. Номархов Менат-Хуфу (совр. Бени-Хасан) тоже окружают карлики и горбуны, но в эпоху Нового царства они уже не встречаются ни при дворе фараона, ни в частных домах. Зато мода на обезьян не прошла. В. Лорз нашел в гробнице Тутмоса III мумию павиана, возможно, потому, что в его образе почитали бога письма и знаний (Тота), а также, наверное, потому, что он забавлял фараона при жизни и должен был служить ему и в загробном царстве Осириса, точно так же как верный пес, чья мумия похоронена у входа в гробницу Псусеннеса.

Обезьяны любили сидеть в кресле своего хозяина [68]. Если не было ни карликов, ни горбунов, они играли с хозяйскими детьми или с негритятами, которым порой доставалось от их проказ [69]. Когда созревали плоды, обезьяны карабкались по деревьям [70]. Наверняка они съедали больше фиников и фиг, чем собирали, но садовника это не огорчало. Египет — страна плодороднейшая, и в ней всего хватало для всех. Амон создал все живое, и Хапи разливает свои воды на благо всем существам.

Обезьяна неплохо ладила с собаками и кошками, чего нельзя сказать о египетском гусе, которого ей приходилось порой наказывать за сварливый нрав [71].

Кошку до эпохи Среднего царства не допускали в дом. Она пряталась в камышовых зарослях и разоряла гнезда, подобно генетте и другим мелким хищникам, которые живут за счет пернатых [72]. Конкуренция охотников кошку не беспокоила. Пока те пробирались среди папирусов и прежде чем они успевали метнуть бумеранг, кошка ухитрялась прыгнуть и завладеть двойной добычей. Мы видим, как она держит в зубах дикую утку, а в когтях ее уже две иволги [73]. В конце концов кошка стала жить в доме человека, но не утратила своего независимого характера и не забыла охотничьих инстинктов. Более дерзкая, чем собака, она тихо сидит под креслом хозяина, но иногда внезапно вскакивает ему на колени и запускает когти в одежды из тончайшего льна [74]. Кошка позволяет надевать на себя ошейник. В этом нет ничего неприятного, однако, когда кошку привязывают к ножке кресла, да еще так, что ей не дотянуться до чашки с молоком, она понимает, что с ней сыграли злую шутку. Шерсть ее встает дыбом. Она выпускает когти и изо всех сил рвется с поводка [75].

Обычно кошка ладит с другими домашними животными, с обезьяной и нильским гусем. На одном маленьком памятнике кошка изображена напротив гуся. Они поразительно спокойны, однако не следует забывать, что в данном случае они олицетворяют всемогущего бога Амона и его супругу Мут. Сознавая свою роль священных животных, они держатся подобающим образом. Оба они при нужде могли бы пустить в ход одна — свои когти, другой — свой могучий клюв, и еще неизвестно, кто бы вышел победителем из драки [76].

Египтяне знали, что кошка — смертельный враг мышей [77]. Для того чтобы привязать ее к дому надежнее, чем поводком, хозяин угощает ее превосходной рыбиной, которую кошка пожирает под его креслом [78]. Однажды Ипуи на своей ладье с носом в форме дикой утки отправился вместе с женой и слугой поохотиться на водоплавающих птиц и взял с собой кошку, ту самую, которая, как мы видели, точила когти об одежды хозяина. Подобно своим диким предкам, кошка бросается к гнездам в камыши, но хозяева знают, как ее позвать, чтобы она вернулась [79].

На птичьем дворе египтян с древнейших времен появляется нильский гусь, «семен», которого натуралисты называют египетским [80]. Вместо того чтобы держать его в загоне вместе с прочей домашней птицей, египтяне позволяют ему разгуливать по двору и саду и даже входить в дом. Поэтому Хуфу, желая испытать чародея, который похвастался, будто может приставить на место отрубленную голову, сразу же подумал о гусе и велел принести его («Сказки сыновей фараона Хуфу»).

Гусь делил вместе с кошкой привилегированные места у кресла хозяина. Однако независимость он ценил куда выше этих привилегий и охотнее отправлялся плескаться на берега Нила. Ему приписывали всевозможные злодеяния: в жаркий сезон он подбирал финики, зимой — орехи дум-пальмы, а в остальное время бегал за земледельцами, не давая им бросить ни одного зерна в борозду. Поэтому египтяне называли его подлой птицей, не ловили его и не приносили в жертву к столу богов. И все же они относились к нильскому гусю снисходительно. Их забавляли его непомерная прожорливость, драчливость и хриплый гогот [81]. Возможно, порой он проявлял себя прекрасным сторожем, таким же бдительным и неподкупным, как собака. А если нужно было его наказать, этим с охотой занималась обезьяна, рискуя, правда, получить чувствительный удар клювом.

Глава IV

БЫТ ЕГИПТЯН

I. УТРЕННИЙ ТУАЛЕТ

Древние египтяне отличались чистоплотностью и очень заботились о чистоте тела, одежды и своих жилищ[1]. Когда помилованный Синухет возвратился в Египет, одной из многих радостей для него было наконец сбросить с себя одежду из крашеной шерсти, которую он носил, живя среди бедуинов[2]. Подобно Улиссу (Одиссею) у феакийцев, он стряхнул груз лет со своей плоти. Он стрижет волосы, причесывается, натирается, но уже не древесным маслом, а наилучшими умащениями, вероятно хранившимися в золотом или обсидиановом сосуде вроде того, что фараон Аменемхат III подарил правителю Библа Абишему, и облачается в льняные одежды[3].

Египтяне мылись несколько раз в день: утром, до и после каждой трапезы. Умывальные принадлежности состояли из тазика и кувшина с носиком, которые обычно находились под столом с блюдами. Название тазика «шаути» происходит, по-видимому, от слова «ша» — «песок», а название кувшина «хесмени» — от слова «хесмен» — «натрон». Можно предположить, что в тазик насыпали песок, а в воду для умывания добавляли натрон. В воду для полоскания рта добавляли другую очищающую соль — «бед». Под именем «суаб» (производное от «уаб», что означает «опрятный», «чистый») была известна густая, способная пениться «паста» с добавками для обезжиривания, например золы или сукновальной глины[4].

После утреннего омовения мужчина вверял себя цирюльнику и слугам, занимающимся маникюром и педикюром, а женщина — парикмахеру. Утренний туалет фараона был при дворе событием. Знатнейшие люди страны считали за честь при этом присутствовать и старались никогда не опаздывать[5].

Везиры, высшие судьи, правители номов тоже превращали свой утренний туалет в церемонию. Младшие братья и прочие родственники собирались вокруг хозяина дома.

Писцы садились перед ним на корточки: одни держали кисточки в руке, готовясь записывать приказы, другие — длинные развернутые свитки папируса с именами, цифрами и перечнем сделанных работ или тех, что еще надо сделать. Цирюльник бреет щеки и голову. Он пользуется бритвами с различными лезвиями и крючочками, гораздо более удобными, чем бритва времен Среднего царства, которая походила на стамеску. Бритвы укладывали в кожаные футляры с ручкой, а те, в свою очередь,— в изящные ларцы черного дерева, где находились также щипчики, скребки и ножницы для маникюра и педикюра[6]. После этой первой части туалета хозяин дома с гладко выбритой головой и короткой квадратной бородкой, умытый, бодрый и свежий, переходил в руки специалистов по умащениям и благовониям. Они приносили ему свои сокровища в запечатанных сосудах из хрусталя, обсидиана и алебастра, а в маленьких мешочках, завязанных шнурками,— зеленый порошок (малахит) и черный порошок (галенит, свинцовый блеск), чтобы подводить глаза[7]. Египтянам нравились удлиненные глаза. А кроме того, такой грим предохранял нежные глаза от воспалений, вызываемых слишком ярким солнцем, ветром, пылью и насекомыми.

Косметических средств было множество. Чтобы избавиться в жару от запаха пота, египтяне каждый день натирались мазью — смесью скипидара и ладана с порошком из неизвестных зерен — и благовониями. Для складок на теле предназначались другие мази. Были мази очищающие и молодящие кожу, возвращающие телу упругость, и специальные — от пятен и прыщей на лице. Например, чтобы тело оставалось упругим, пользовались мазью из меда с порошками из алебастра, натрона и «северной соли». Другие мази замешивались на ослином молоке. Волосы требовали постоянных забот. Седые волосы просто вырывали, а для того чтобы не седели брови, чтобы остановить облысение или чтобы волосы отросли заново, существовали специальные средства. Считалось, что для этих целей нет ничего лучше клещевины. Но египтяне умели также удалять лишние волосы и пушок, а женщины знали средство, к которому прибегали, когда хотели, чтобы соперница полностью облысела[8].

Особо сложный рецепт, содержащийся в трактате по хирургии, носит довольно хвастливое название: «Как превратить старика в молодого человека». Надо собрать метелки сочевичника или тригонеллы (арабская «хелба»), высушить, обмолотить и отделить плоды от шелухи. Из

растертых плодов и шелухи в равных частях замесить тесто. Выпарить воду. Сухую лепешку высушить. Затем растереть ее в порошок. Замешать из этого порошка тесто и нагреть: на поверхности выступят капельки масла. Остается только собрать это масло, очистить, осветлить и слить в сосуд из твердого камня, например обсидиана. Это драгоценное масло придает коже чудесный цвет. Оно же помогает от облысения и уничтожает бурые и красные пятна, которые с годами появляются на коже как печальные вестники старости [9].

Средство это с успехом применялось тысячи раз. У него был только один недостаток: его слишком долго и сложно готовить, а чудодейственного масла получалось слишком мало, и потому оно стоило очень дорого. Люди победнее обращались к уличному цирюльнику, сидевшему где-нибудь в тени деревьев. Ожидая своей очереди, они болтали или засыпали сидя, склонив голову на колени и обхватив ее руками. Иногда ожидавшие вдвоем устраивались на одном табурете. Когда подходила очередь, клиент садился на трехногий табурет и доверял свою голову цирюльнику, который выбривал ее так чисто, что она становилась похожей на голыш с морского пляжа [10].

Туалет состоятельной дамы был, как и у ее супруга, значительным событием. Один рельеф рассказывает нам о туалете царской фаворитки [11]. Она сидит в удобном кресле со спинкой и подлокотниками. В руке у нее зеркало — диск из полированного серебра с ручкой из черного дерева и золота в форме стебля папируса. Над ней хлопочет парикмахерша. Ловкими тонкими пальцами она умело заплетает множество маленьких косичек, хотя волосы у фаворитки довольно короткие. Булавкой слоновой кости она заколола прядь, до которой еще не дошла очередь. Эта работа требовала времени. Чтобы фаворитка не скучала, слуга подносит ей чашу, наполнив ее из кувшинчика. «За твое Ка!» — говорит он госпоже, подносящей чашу к губам.

Куда более скромная жена крестьянина Анупу причесывается сама, пока ее муж и его брат работают в поле. Она не любит, чтобы ей мешали. Если ее потревожат, прическа не получится и все придется начинать сначала [12].

II. ОДЕЖДА

Во время утреннего туалета мужчина пребывал в малом, утреннем облачении: босой, с обнаженной головой, в одной короткой набедренной повязке, без всяких украше-

Праздничные одежды (конец XVIII династии)

ний или с очень немногими. После туалета он мог остаться в этой же повязке, даже если собирался выйти из дома, но надевал на запястья один или множество браслетов, на палец — кольцо, а на шею — нагрудное ожерелье из пяти-шести рядов бус с двумя застежками в форме соколиных голов. Если добавить к этому подвеску из яшмы или сердолика на длинном шнуре, наш египтянин будет вполне респектабелен: в таком наряде он может осматривать свои владения, вести деловые переговоры, заходить в учреждения. Он мог также сменить набедренную повязку на свободную прямую юбку и обуться в сандалии [13].

Сандалии были известны с глубокой древности, но египтяне берегли их. Древний фараон Нармер ходил босиком в сопровождении своих слуг, один из которых нес за ним его сандалии. Уна принял особые меры, чтобы вороватые воины не выхватывали сандалии из рук прохожих [14]. Из рук, а не с ног! Следовательно, египтяне, особенно земледельцы, отправляясь по делам, несли сандалии в руках или привязывали их к концу палки. Они обувались только на месте.

В эпоху Нового царства, особенно при Рамсесах, сандалии были в большем ходу. Их плели из папируса, из кожи и делали даже из золота. Ремешок от носка подошвы проходил между первым и вторым пальцами ноги и соединялся на лодыжке с другими ремешками, что придавало обуви вид стремени; ремешки завязывались сзади над пяткой. Если подошва была из золота, ремешки тоже были

Женские одежды. Слева — изображение царицы

золотыми. Такие сандалии могли портить ноги хозяина, даже если он надевал их от случая к случаю [15]. Медицинские папирусы рассказывают нам, что у египтян очень часто болели ноги [16].

Некоторые египтяне ходили в прямых, доходящих до щиколоток платьях на бретельках, без всяких украшений [17]. Но большинство предпочитало этой суровой одежде гофрированное льняное платье-тунику: оно оставляло шею открытой, обтягивало торс и расширялось книзу. Короткие рукава тоже расширялись книзу. Поверх такого платья повязывали широкий гофрированный пояс из той же материи, который ниспадал спереди трапециевидным передником. Праздничное одеяние дополнялось большим завитым париком и всевозможными драгоценными украшениями, ожерельями и нагрудными подвесками на двух низках бус, браслетами на запястьях и выше локтя и парадными сандалиями [18].

Наряд знатной дамы не слишком отличался от одежды ее супруга. Он состоял из очень тонкой рубашки и надетой сверху белого гофрированного платья, такого же, как у мужчины, но полупрозрачного и с разрезом почти до пояса. Оно закреплялось на левом плече, оставляя правое открытым. Рукава с бахромой не закрывали тонких рук, что позволяло любоваться их изяществом и великолепными браслетами на запястьях. Браслеты были самыми разно-

образными: в виде двух пластинок чеканного золота, соединенных двумя застежками, в виде массивных золотых колец, нанизанных бусин, золотых шнуров или лент. Локоны парика прикрывали голову и плечи. В волосах сверкала прекрасная диадема из бирюзы, лазурита и золота. Ее концы соединялись на затылке двумя шнурами с кисточками. На этой сложной прическе чудом держалось конусообразное благоухающее украшение. Неизвестно, из чего оно делалось *. Кстати, это было не только женским украшением. Мужчины очень часто носили подобные конусы на нарядных париках [19].

Описанный нами наряд был свойствен только знати. Рабочий люд одевался более практично. Земледельцы и ремесленники довольствовались простой набедренной повязкой, которую поддерживал пояс шириной с ладонь без вышивок и украшений и без кистей, как у азиатов. Однако люди скромного достатка любили украшения и драгоценности не меньше знати. Только вместо золота они пользовались украшениями из керамики и бронзы. Профессиональные певицы и танцовщицы носили такие же прозрачные платья, как знатные дамы. А зачастую выступали обнаженными, и весь их наряд состоял из нескольких украшений — пояска, ожерелья, браслетов и сережек. Совсем юные служанки ходили обнаженными, особенно когда их хозяин принимал гостей, и без стеснения выставляли напоказ свои гибкие и ловкие тела.

III. ПИЩА

Египтяне знали плодородие своей земли и не боялись никакой работы, но страшились голода и знали, что за слишком слабым или слишком сильным разливом Нила последует недород, урожай будет скудным. Правители обязаны были, как советовал Иосиф фараону, истолковав его сон о тощих коровах, создавать запасы провизии, но явно этим пренебрегали, особенно в последние годы перед падением династии Рамсесов. Женщина, которую спросили, откуда у нее золото, найденное в ее доме, отвечает:

«Мы получили его за ячмень в год гиен, когда все голодали» [20].

Тогда была в разгаре война с «нечистыми». Бандиты свирепствовали повсюду, врывались в храмы, дворцы, частные владения, убивали, грабили и жгли дома. Продукты

* Считают, что оно делалось из волос, смазанных ароматным маслом.

ценились на вес золота. Подобные несчастья заставляли сожалеть даже о временах нашествия гиксосов. Однако между этими двумя ужасными периодами египтяне жили довольно хорошо. При Сети I, а особенно при великих Рамсесах они захлебывались от изобилия. На храмовых рельефах и на росписях в частных гробницах мы повсюду видим богатые приношения, людей, которые несут горы провизии или ведут тучные стада. В Большом папирусе Харриса, рассказывающем о щедрости Рамсеса III по отношению к храмам и богам, провизия в виде приношений упоминается почти так же часто, как драгоценные металлы, одеяния и благовония. Все это доказывает, что египтяне были большими чревоугодниками и не забывали о еде при любых обстоятельствах.

Синухет находит в стране Иаа, в Сирии, фиги и виноград, вина больше, чем воды, мед и масло, всевозможные фрукты, ячмень и прочие злаки и бесчисленные стада, то есть примерно все то, что можно найти на прекрасной земле Египта.

«Доставляли мне хлеба и питье „минт“ ежедневно, и вареное мясо, и жареную птицу, не считая дичи пустыни, которую ловили для меня и приносили мне, и не считая того, что приносили мои собаки» (перевод М. А. Коростовцева) [21].

Короче, все было, как в Египте, если не лучше.

«Потерпевшему кораблекрушение» на острове Змея в Красном море тоже повезло:

«Я нашел там инжир и виноград, лук всякий превосходный. Плоды „кау“ там вместе с плодами „некут“, огурцы, подобные взращенным, рыбу и птицу. Нет того, чего бы не было на нем [на острове]» (перевод Е. Н. Максимова) [22].

Вернемся, однако, в Египет и попытаемся определить его пищевые ресурсы.

Начнем с мяса. Египтяне всегда поглощали его в больших количествах *. В гробницах мы видим повсюду изображения боен и стада животных, предназначенных на убой. Первое место среди них занимали быки. Африканский бык «иуа» — крупное животное с большими рогами, могучее и быстрое. Благодаря специальному откорму эти быки достигали огромных размеров и веса, и, лишь когда такой бык уже почти не мог ходить, египтяне решали, что

* Это явное преувеличение. Возможно, именно из-за нехватки мяса египтяне пытались приручать антилоп, газелей и других животных. Мясные блюда были праздничными для простых египтян.

он готов на убой, как это можно видеть на рельефах в Абидосе и Мединет-Абу [23]. Погонщик без труда ведет за собой раскормленного быка, продев ему веревку через ноздрю и нижнюю губу. Лучших животных украшали страусовыми перьями между рогами и двойными перевязями. У входа в храм процессию встречал жрец, простирающий руку с небольшой чашей, где курились благовония. Сцена сопровождается следующим текстом:

«Принесение в жертву быка, чистого ртом своим для чистой скотобойни храма Рамсеса Мериамона».

Специальные служители принимали только здоровых животных и еще раз проверяли качество мяса после убоя.

Мелких быков, безрогих или с короткими рогами, называли «унджу», а крупных быков с большими рогами, но более злобных, чем «иуа», и плохо поддающихся откорму,— «нега». На изображениях они всегда тощие. Некоторые выражения, относящиеся к убойному скоту, трудно интерпретировать. Например, что такое «бык — уста стада» или «бык ките» (кедет, ките, кит — небольшая мера веса, равная 9,1 г). Бык «хериса», по-видимому, считался лучшим производителем. Иногда упоминаются также сирийские рабочие быки и быки из страны Куш [24].

В эпоху Древнего царства значительную часть мяса египтяне добывали охотой на животных пустыни. Они охотились на газелей, ориксов и других антилоп и старались заполучить их живьем, чтобы потом попробовать приручить и одомашнить. Этот вид животноводства почти утратил свое значение во времена Рамессидов. Известно только, что Рамсес III направил в пустыню своих охотников, чтобы ему добыли ориксов. За время своего царствования он пожертвовал в великий храм Амона 54 орикса, одного дикого буйвола и 81 газель. В дополнительном списке приношений перечислены 20 602 быка и 367 ориксов, газелей и каменных козлов [25]. На изображении из Абидоса есть прекрасный орикс с прямыми рогами, странно названный: «бык-орикс из хлева Рамсеса». Время от времени в сценах убоя скота мы видим ориксов вместо быков. Однако, если убой совершают по случаю какого-либо празднества, они не встречаются. Из этого можно заключить, что животные пустыни почти не играли роли в снабжении населения мясом, но считалось благим делом принести орикса или газель в жертву богам в память о древних временах, когда египтяне больше зависели от охоты, чем от скотоводства *.

* Вид животного, приносимого в жертву, определялся религиозным ритуалом.

Ни в одном документе, насколько я знаю, не говорится о том, что египтяне употребляли в пищу свинину, козлятину или баранину, но и обратных утверждений мы не находим, хотя этих животных разводили даже в Верхнем Египте.

Когда пастухи приводили быка на бойню, к делу приступали мясники [26]. Четверо или пятеро набрасывались на грозное животное и довольно быстро с ним справлялись. Приемы их не изменились с древнейших времен. Для начала быку накидывают затяжную петлю на левую переднюю ногу, а веревку перебрасывают через спину. Один человек тянет за конец веревки, пока охваченная петлей нога не оторвется от земли. Теперь бык уже в неустойчивом положении. Остальные дружно кидаются на него. Самый смелый вскакивает на шею, хватается за рога и задирает быку голову. Другой тянет его за хвост. И последний старается вздернуть быку заднюю ногу. Опрокинув чудовище, мясники тут же связывают ему задние ноги с передней, уже охваченной петлей, чтобы бык не смог подняться. Одну переднюю ногу оставляют свободной, потому что поверженному быку от нее все равно нет никакого толка, и он лишь сгибался в кольцо, пытаясь отсрочить неминуемую смерть. Один из силачей хватал его голову, запрокидывал и удерживал неподвижно рогами вниз, горлом вверх. Весь инструмент мясников состоял из острых ножей длиной чуть больше кисти руки с закругленным концом, чтобы не прокалывать зря шкуру, и оселка для точки, привязанного сбоку к набедренной повязке. Главный мясник вскрывал быку вену. Кровь собирали в специальный сосуд. Если это происходило на бойне храма, к быку приближался жрец и поливал рану какой-то жидкостью из кувшина. Возможно, этот жрец одновременно был кем-то вроде санитарного инспектора. Мясник показывает ему залитую бычьей кровью ладонь и говорит: «Вот эта кровь». Жрец нагибается, чтобы получше рассмотреть и решает: «Она чиста!»

Тушу разделывают с удивительной быстротой. Прежде всего отрезают правую переднюю ногу, которая оставалась свободной. Помощник держит ее вертикально, тянет на себя или отклоняет по мере надобности, чтобы мяснику было удобнее перерезать сухожилия и расчленять ножом суставы. Затем отделяют голову и делают разрез по животу, чтобы снять шкуру и вынуть сердце. Три связанные ноги отрезают. Задние ноги режут на три части: ляжку («сут»), икру («иуа») и копыто («инсет»). С хребта и ре-

бер последовательно срезают куски филе, самую лакомую часть, и ложное филе. Среди внутренностей весьма ценились печень и почки. Желудок и кишки мясник извлекал постепенно, освобождая их от содержимого. Работа шла под аккомпанемент возгласов и приказов: «Поспеши! Поторопись во имя жизни! Кончай с этой ногой! Заканчивай с сердцем!»

Когда работа происходила в храме, приход распорядителя церемоний и даже само его имя удваивали рвение:

«Вставай, поторопись, вырежь эти ребра, пока распорядитель церемоний не пришел исполнять свои действия на столе! Вот филе. Отнеси его ему на столик!»

Тот, к кому обращены эти слова, отвечает без малейшей спешки:

«Я сделаю все для твоего удовольствия. Я сделаю все, как ты желаешь».

Иногда мясник разговаривает сам с собой, поскольку его помощник отошел:

«Нелегко мне сделать это одному!»

Куры стали известны только во II тысячелетии до н. э., но египтяне и ранее разводили и потребляли большое количество другой домашней птицы. В Большом папирусе Харриса ее исчисляют сотнями тысяч. В перечне даров, где четвероногие составляют 3029 голов, записано 126 250 различных птиц, из них 57 810 голубей, 25 020 водоплавающих птиц, пойманных живыми в сети, 6820 гусей «ра» и 1534 гуся «череп». Несушек было 4060, «больших палок» (?) — 1410, журавлей — 160, зато количество перепелок «парт» достигало значительных цифр — от 1240 до 21 700.

Однако список этот далеко не полон, если учесть все сцены охоты и животноводства в гробницах Древнего и Среднего царств. Египтяне различали три вида журавлей: «джат», «ану» и «га», не считая их самок, «удж». Гусей, уток и чирков насчитывалось пятнадцать видов: они, несомненно, еще существовали во времена Рамсесов, однако птичники разводили только те виды, которые были наиболее выгодны [27].

На Стеле Пианхи можно прочесть, что царь-эфиоп после завоевания Египта отказался принимать за своим столом правителей Юга и Дельты, потому что они не были обрезаны и ели рыбу, а это — страшное оскорбление для царского дворца. Исключение было сделано только для Немарата, который не ел рыбы, возможно, потому, что проживал в священном городе жрецов Шмуне [28].

В меню усопших вплоть до Нового царства рыба не входила. В некоторых номах и городах в различные периоды запрещалось употреблять те или иные виды рыб. Если Пианхи был так строг в определении чистой и нечистой пищи, то остальные египтяне даже в храмах преспокойно ели рыбу, избегая, по-видимому, только самую невкусную вроде рыбы «бут», «отвратительной», или рыбы «шепет», что означает «неприятная». Жители Дельты и берегов озера Фаюм были профессиональными рыбаками. О. Мариетт обнаружил в Танисе гранитный рельеф, где двое дородных длинноволосых мужчин с бородами несут стол, с которого свешиваются великолепные лобаны. Папирус Харриса зарегистрировал среди провизии, доставленной в храмы Фив, Она и Мемфиса, значительное количество рыбы: 441 000 штук, главным образом лобанов, нильских кларий, мормиров — рыб среднего размера, а также крупных хромисов и латесов, «нильских окуней», таких огромных, что каждую рыбу несли двое мужчин [29]. Продев сквозь жабры палку и положив ее на плечи, они бодро шли друг за другом, а хвост их добычи волочился по земле. Такой одной рыбины хватило бы на несколько семей!

Овощи внесены в годовой календарь Мединет-Абу под общим названием «ренпут» — «продукты года». Их раскладывали на столах или связывали пучками. Отдельно упоминаются лук и порей, известные с глубокой древности. Некий торговец Древнего царства говорит своему покупателю, который приходит с хлебом:

«Положи его, и я тебе дам превосходный лук *(хеджу)*». Порей *(иакет)* упоминается в медицинском папирусе Эберса, в «Сказках сыновей фараона Хуфу» и в «Сказке о потерпевшем кораблекрушение», который находит его на своем острове, где всего в изобилии. Но особенно ценился чеснок. Геродот утверждает, будто рабочие, строившие пирамиду Хеопса, получили редиса, лука и чеснока на 1600 серебряных талантов. Возможно, так оно и было, однако эти сведения не высечены на пирамиде, как полагал Геродот. Зато связки чеснока найдены в фиванских гробницах. Иероглифическое изображение чеснока В. Лорэ распознал в Большом папирусе Харриса и нашел его соответствие в коптском варианте Библии [30]. Рамсес III щедро раздавал чеснок храмам. Древние евреи на пути к земле обетованной с сожалением вспоминали об огурцах, арбузах, луке и чесноке изобильного Египта [31].

Огурцы, арбузы, а также дыни часто появляются на жертвенных стелах рядом со связками стеблей папируса, которые кое-кто раньше принимал за спаржу. Античные авторы утверждали, будто религия запрещала египтянам употреблять в пищу бобы и горох, дабы научить их хоть от чего-то воздерживаться, как полагает Диодор [32]. Но в действительности мы находим в гробницах и бобы, и горох, и нут (турецкий горох). Жрецы Она и Мемфиса получали от Рамсеса III бобы [33]. Правда, турецкий горох удивительно походил на голову сокола, например, на крышке одной из четырех каноп *, называемой «Кебехсенуф». Однако это не мешало употреблять его в пищу, разве что не везде и не всегда.

Латук (салат) выращивали, обильно поливая в огородах при доме. Он считался растением бога Мина, чья статуя часто возвышалась перед грядками латука. Однако фаллический бог был не единственным, кто лакомился латуком. Автор повествования о споре Хора и Сетха рассказывает, что Исида явилась в сад Сетха и спросила у садовника, какие овощи предпочитает Сетх. Тот ответил:

«При мне он не ел никаких овощей, кроме латука».

На другой день Сетх вернулся в свой сад и, как обычно, наелся латука. Сетх слыл распутником, однако и Мин мог кое в чем с ним поспорить. Давно заметили, что латук возвращает мужчинам половую силу, а женщинам — плодовитость. Поэтому его потребляли в больших количествах. На жертвенных столах можно часто увидеть прекрасный зеленый латук. Употребляли его, очевидно, так же, как современные арабы: в сыром виде с растительным маслом и солью [34].

Древние египтяне в отличие от сегодняшних, увы, даже не знали ничего об апельсинах, лимонах и бананах. Груши, персики, вишни и миндаль появились у них только в римскую эпоху. Тем не менее в летний период они могли наслаждаться виноградом, фигами, финиками и плодами сикомора, правда не такими крупными и вкусными, как фиги. Финики в Египте тоже не очень хороши, разве что в Фиваиде. Орехи дум-пальмы съедобны, однако их употребляли главным образом как лекарственное средство. Кокосовые пальмы были редкостью, а их орехи — изысканным лакомством немногих привилегированных. Гранато-

* Канопы — сосуды для внутренностей покойного, извлекаемых при мумификации. Их сохранение «поручалось» четырем сыновьям Хора, поэтому крышки каноп часто украшали головы Амсета, Кебехсенуфа, Хапи и Дуамутефа.

вые, оливковые деревья и яблони, завезенные во времена гиксосов, при хорошем уходе давали богатые урожаи. Оливковое масло использовали для освещения, но это не значит, что его не употребляли в пищу. До появления олив египтяне разводили другие масличные деревья, среди которых главным было ореховое дерево — «бак». К списку фруктовых деревьев можно еще добавить мимозу, ююбу (зизифу) (плоды использовались для изготовления лекарств) и баланитес египетский. Не следует забывать, что многие названия деревьев и растений до сих пор не идентифицированы, а потому мы не можем составить полный список полезной флоры древнего Египта. Бедняки порой довольствовались тем, что жевали сердцевину стеблей папируса, как сегодня жуют стебли сахарного тростника, и корневища других водяных растений, которые мы во множестве находим в гробницах [35].

Молоко считалось настоящим лакомством. Его хранили в пузатых глиняных сосудах, горлышко которых затыкали пучком травы, чтобы уберечь от насекомых. Многие слова обозначали молочные продукты — сливки, масло, творог,— однако за точность перевода этих терминов ручаться нельзя. В некоторые снадобья и диетические блюда добавляли соль. Можно предполагать, что ее вообще много употребляли. Чтобы подсластить напиток или кушанье, добавляли мед или плоды рожкового дерева [36]. Иероглиф «неджем» (с ним писали слова «сладкий», «сладость») имел вид стручка этого дерева. Египтяне отправлялись за медом и воском диких пчел далеко в пустыню. Этим занимались специальные люди. Сборщики меда объединялись со сборщиками скипидарной смолы в отдаленных вади. Фараон старался защитить их от опасностей, которым они подвергались вдали от Нильской долины, и посылал иногда лучников сопровождать их. Но египтяне разводили пчел и в своих садах. Ульями служили большие глиняные кувшины. Пасечник без боязни расхаживал среди ульев. Он отгонял пчел рукой и извлекал соты. Хранили мед в больших запечатанных каменных сосудах [37].

IV. КУХНЯ

Кухонная утварь была довольно примитивной. Главенствующее место в ней занимали переносные глиняные печи цилиндрической формы, высотой около метра, с дверцей в

нижней части для подачи воздуха и выгребания золы, с решеткой или прутьями внутри, на которые клали топливо. Разумеется, у них был дымоход, но художники не изобразили ни одной печи с трубой. Сверху ставили котел с двумя ручками, различной величины и диаметра, иногда даже большего. чем сама печь. В случае нужды повар мог обойтись и без нее. Он просто ставил котел на три камня, а под ним разводил костер из дров и углей. Кроме того, существовали металлические мангалы в виде невысокого сундучка без дна. Горючее укладывали в них на плиту с отверстиями. Я нашел в гробнице Псусеннеса один такой маленький «мангал» времен Рамсеса II. Тяга в них, разумеется, была отвратительной, и повару приходилось все время раздувать огонь веером[38].

Каменного угля нет ни в Египте, ни в соседних странах. Поэтому повара, как и все ремесленники, кто имел дело с печами,— кузнецы, гончары и прочие,— использовали древесный уголь или дрова. Древесный уголь, «джабет», упоминается в документах Сиута как ценный товар. Количество его, приведенное в календаре Мединет-Абу и в папирусе Харриса, довольно невелико. Уголь доставляли в мешках и в корзинах.

Для того чтобы разжечь огонь, египтяне пользовались так называемыми «огневыми палочками». Они тоже были редким товаром. Даже такой значительный храм, как Карнак, получал всего шестьдесят палочек в месяц, по две в день. Они были известны с глубокой древности, поскольку один из самых древних иероглифов уже воспроизводит их упрощенное изображение. Приспособление для разжигания огня состояло из двух частей: палочки с заостренным концом и утолщенным основанием и своего рода стаканчика. Материал для него привозили из южных стран. По счастью, «потерпевший кораблекрушение» нашел его на своем острове в Красном море, быстро добыл огонь, устроил воссожжение в честь богов и приготовил еду. В египетских семьях, которые не могли получить эти «огневые палочки» официальным путем, разжигание огня, наверное, было проблемой. Египтянам оставалось только просить у добрых и предусмотрительных соседей немного горящих углей.

Кухонная утварь состояла из котлов, тазов, кувшинов и глиняных мисок, не говоря уже о сумках, мешках и корзинах и корзиночках для провизии. Были у египтян и столы на трех или четырех ножках для разделки мяса и рыбы и для обработки овощей, а также низенькие столики, что-

бы можно было готовить, сидя на корточках, и, наконец, небольшие козлы, на которых подвешивали мясо и птицу.

В языке египтян существовало два глагола для обозначения приготовления пищи на огне: «песи» и «ашер». Первый, «песи» — «кипятить», «варить» — относится к молоку и мясу. Иногда на очаге стоит глубокий котел. Из него выглядывают куски мяса. Но мы не знаем, как подавали египтяне вареное мясо: кусками или рубленое с овощами и приправами или же скатывали его в шарики и делали нечто вроде котлет. Египтяне не оставили нам ни одной поваренной книги, однако мы можем судить об их изобретательности по медицинским папирусам, где приводятся рецепты снадобий против желудочных расстройств и болезней. Они знали, что масло или сливки («семи»), а также гусиный и говяжий жир очень подходят для приготовления разных блюд [39]. На кухне Рехмира на очаге стоит котел, слишком мелкий для варки супа. Когда повар, если верить надписи, льет туда жир, его помощник помешивает содержимое котла чем-то на длинной ручке, но чем — ложкой или вилкой — мы не знаем. Скорее всего здесь готовят рагу.

Слово «ашер» обозначает «жарить». Ощипав и выпотрошив гуся или утку, повар отрубает голову, лапы и кончики крыльев, надевает птицу на вертел и держит его на вытянутых руках над низкой печкой. Так жарили, очевидно, не только птицу, потому что особо приготовленный кусок мяса тоже назывался «ашер» — «жаркое». Что это за часть туши, установить не удалось. Филе называли «отборное мясо», ложное филе — «ха», что означает буквально «плоть». Эти куски тоже скорее всего жарили на вертелах.

Вот что Геродот рассказывает нам относительно рыбы и птицы у египтян:

«Рыбу же египтяне едят частью в сыром виде, частью вяленной на солнце, частью просоленной в рассоле. Из птиц употребляют в пищу также в соленом виде перепелок, уток и мелких птичек. Птицу и рыбу всех других пород, кроме, конечно, почитаемых священными, они едят жареной или вареной» (перевод Г. А. Стратановского) [40].

Изображения и тексты в общем подтверждают эти сведения. Лобанов, хромисов и мормиров («нильских щук») приносят в баках и вываливают на землю. Сидя на деревянном табурете, повар ножом вспарывает их и раскладывает для сушки. Хозяин и его жена настолько увлечены этой операцией, что даже не затыкают себе нос. Икру ло-

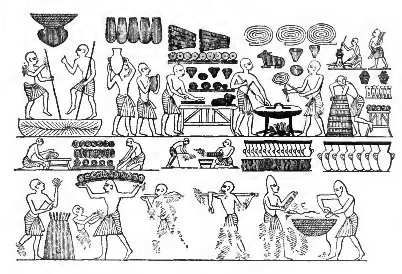
банов откладывают в сторону для приготовления соленой икры с уксусом [41].

Огромное количество выпотрошенной соленой рыбы отправлялось в храмы одновременно с «целой рыбой», что, видимо, означало свежую рыбу. Храмы получали также горшки, наполненные рыбой под деревянным гнетом: очевидно, речь идет о каком-то способе сохранения рыбы, о котором мы ничего не знаем. Водоплавающих птиц иногда потрошат неподалеку от места, где сушат рыбу, наверняка для того, чтобы также засолить их и вялить. В храмы посылали иногда живую птицу, иногда целые птичьи тушки, которые быстро съедались, а иногда разделанные и вяленые, которые могли сохраняться более продолжительное время [42].

V. ХЛЕБОПЕЧЕНИЕ

В словаре Древнего царства можно насчитать до пятнадцати слов, обозначающих различные виды хлеба и булочек. Немало терминов можно отыскать и в позднейших текстах. Совершенно невозможно описать все эти сорта хлеба или булочек, которые могли отличаться друг от друга мукой, формой, степенью пропеченности и всевозможными добавками в тесто, а их были десятки: мед, молоко, разные фрукты, яйца, жир, масло и тому подобное. Мука была трех видов: ячменная, «ит», из полбы, «бедет» и пшеничная, «сут». Богачи хранили свои запасы зерна поблизости от дома или на крыше. Можно было самим молоть зерно и выпекать свой хлеб. Именно так поступали в храмах. Однако вполне возможно, что небогатых людей обслуживали мельники и пекари.

Очищенное от сора зерно передавали особому отряду, в котором было больше женщин, чем мужчин [43]. Первую часть работы выполняли мужчины. Небольшую порцию зерна насыпали в каменную ступу. Двое или трое здоровенных парней толкли его тяжелыми пестами длиной в два локтя. Просеивальщицы, получив от них размолотое зерно, отделяли мякину для скота, а остальное шло на размол. Конической мельницы египтяне еще не знали, их мельница представляла собой колоду с двумя отделениями, верхним и нижним. Мельник (в данном случае женщина), согнувшись вдвое, двигал взад и вперед тяжелый камень по зернам в верхнем отделении, ссыпая муку в нижнее отделение. Затем муку просеивали, и все повторя-

Дворцовая пекарня (гробница Рамсеса III)

лось спачала, пока мука не достигала нужной степени помола. И все это сопровождалось песней:

Да ниспошлют все боги этой земли
Моему хозяину силу и здоровье!

Муки готовили ровно столько, сколько необходимо было на дневную выпечку. Мы видим на изображениях, как рядом с мельниками работают пекари, а иногда — среди них. Не теряя времени, женщина расставляет над очагом конические формы таким образом, чтобы пламя лизало их изнутри. Она веером раздувает огонь, а свободной рукой прикрывает глаза. Когда формы достаточно нагреваются, их переворачивают, устанавливают на доску с круглыми отверстиями и наполняют тестом, замешанным на дрожжах или опаре. Формы закрывают и ставят на очаг. Когда хлебы испеклись, их извлекают из форм. И тут же пересчитывают, ибо в Египте любят все пересчитывать. А потом относят полные корзины тем, кому предназначался этот хлеб.

Этот способ выпечки хлеба был в ходу со времен Древнего царства. Он отнимал много времени и требовал участия многих людей, которых приходилось кормить, если им не платили. Вот ребенок подходит со своей маленькой миской к матери, которая обеими руками раскатывает те-

сто. Он просит ее дать ему пирожок, потому что он голоден. За это его обзывают гиппопотамом и говорят, что он ест больше «царского раба» [44].

В эпоху Нового царства этот способ не изменился, но уже появились печи, где можно было выпекать одновременно много хлебов [45]. Кроме того, египтяне всегда умели печь тонкие лепешки на раскаленном песке, как это до сих пор делают бедуины.

VI. НАПИТКИ

Национальным напитком египтян было пиво [46]. Его пили повсюду — дома, в поле, на кораблях, в харчевнях. Помилованный Синухет, возвращавшийся на корабле из Путей Хора * в Ититауи, с удовольствием пьет пиво, которого так долго был лишен.

Египетское пиво делали из ячменя или из пшеницы и фиников. Пивовар использовал формы, похожие на формы для выпечки хлеба, только бóльших размеров, корзины и набор глиняных кувшинов и тазов. Для начала выпекали хлебы. Вокруг очага расставляли пирамиды форм, как в пекарне. В то же время замешивали особое тесто, которое называлось «уаджет» — «свежее». Его заливали в нагретые формы и держали в них до того момента, когда хлебы покрывались золотистой корочкой. Надо было следить, чтобы в середине они оставались сырыми. Эти недопеченные хлебы крошили в большом тазу и заливали сладким соком, выжатым из фиников. Полученную массу перемешивали и фильтровали. Вскоре жидкость начинала бродить. Оставалось только разлить по кувшинам, накрыть их тарелочками и запечатать гипсом. В таком виде кувшины можно было перевозить на дальние расстояния. Перед употреблением пиво переливали в кружки вместимостью от одного до двух литров. Любители пива наливали его в чаши из камня, фаянса или металла. Горькое пиво, которое делали нубийцы примерно таким же способом, сохранялось недолго. Усопшему фараону обещали хлебы, которые не зачерствеют, и пиво, которое не закиснет. Это свидетельствует о том, что в реальной жизни пиво частенько скисало.

С тех пор как Египтом стали управлять властители из Дельты, ценившие виноградную лозу, этого дара Осириса,

* Название пограничной крепости на дороге из Египта в Азию.

которого и раньше было достаточно, стало еще больше. В те времена торговля вином процветала. Один из чиновников царского дворца, ответственный за его снабжение провизией, прибывает в Пер-Рамсес на трех судах — на своем собственном корабле и двух баржах, поставленных «Домом миллионов лет» Усермаатра (Рамсеса II). С ним — 21 человек и груз из 1500 запечатанных кувшинов вина, 50 кувшинов напитка под названием «шедех» и 50 кувшинов другого напитка, «паур», а также корзины с виноградом, гранатами и другими фруктами, о которых ничего

Смешивание вин

не сказано [47]. Можно предположить, что один из этих напитков был гранатовый, а другой типа ликера. Во всяком случае, слово «шедех» часто упоминается рядом с вином. Школяры упивались и тем и другим — к великому неудовольствию старых писцов.

В Рамессеуме найдено большое количество винных кувшинов, разумеется разбитых, с чернильными иератическими надписями, интересными прежде всего тем, что они указывали происхождение вина [48]. Почти все виноградники находились в Дельте, точнее — в ее восточной части. На кувшинах можно было также прочесть: «хорошее вино восьмого раза», или «вино третьего раза», или «сладкое вино». Я предполагаю, что «сладкое вино» — это молодое вино, а «третий» и «восьмой раз» обозначают вина третьего и восьмого разлива. Частые переливания в действительности были одним из способов уберечь вино от

закисания. Другой способ заключался в кипячении. На одной из росписей в Бени-Хасане, к сожалению плохо сохранившейся, по-моему, изображена именно эта операция [49]. Я не знаю, покрывали ли египтяне внутренность винных кувшинов смолой, как это делали греки. Весьма сомнительно, так как в Египте прежде всего ценили вино слаще меда.

VII. ТРАПЕЗА

Мы закончили перечень основных продуктов, которыми питалась египетская семья на протяжении года. У нас не хватает документов, чтобы описать, как ели египтяне у себя дома. Ясно только одно: они ели, сидя по одному или по двое за маленьким столиком, уставленным блюдами с мясом, птицей, овощами, фруктами, возможно разложенными на ломтях конических хлебов, подобных выпекаемым в Эльзасе «бабам». Дети рассаживались на подушках или прямо на полу, на циновке.

Семья не собиралась за утренним завтраком. Главе семьи подавали еду сразу после умывания. Он получал хлеб, пиво, кусок мяса, вырезку и пирог («шенес»). Его жена завтракала, пока ее причесывали или сразу по окончании туалета. На фиванской росписи служанка подает кубок своей госпоже, когда она еще держит в руке зеркало. Рядом с нею столик с корзиной из пальмовых листьев и двумя вазами [50].

Обеденное меню состояло, по-видимому, из мяса, птицы, овощей и фруктов по сезону, хлеба и пирожков и, разумеется, пива в изобилии. Вряд ли все египтяне, даже состоятельные, ели мясо каждый день и за каждой трапезой. Не следует забывать, что Египет — страна с жарким климатом и что розничная торговля тогда вряд ли существовала. Забить быка могли только те, кто был уверен, что сумеет его съесть за три-четыре дня, то есть крупные вельможи, у которых были многочисленные слуги, жрецы в храмах, и те, кто устраивал пир, а простые люди позволяли себе такую роскошь только по случаю празднеств и паломничеств.

Мне известен только один рельеф, изображающий египтян во время еды. Он находится в гробнице Телль-эль-Амарны, где за столом сидит Эхнатон со своей семьей [51]. Фараон с аппетитом ест сочное мясо, а его супруга — птицу. Царица-мать подносит что-то ко рту, а другой рукой протягивает кусочек одной из маленьких царевен, которые

сидят рядом с нею на подушках. Поблизости видны столы, заставленные всякими яствами, но не видно ни одного блюда, ни чаш, ни тарелок, ни бокалов. Это тем более удивительно, что в археологических коллекциях хранится большое количество самой разнообразной посуды, которая позволяла есть супы, пюре, блюда с гарниром и под соусами, компоты, сласти и сливки. Поэтому я думаю, что в какой-то момент хозяевам и гостям раздавали не только тарелки, но и вилки, ложки и ножи, ибо все эти предметы, хоть и не в столь большом количестве, тоже хранятся в наших музеях. В Лувре есть целый набор восхитительных деревянных ложек, ручки которых разукрашены с удивительной фантазией и которыми, наверное, никогда не пользовались. Над гробницей Осоркона II я нашел ложку, как бы лежащую на ладони, вставленной в металлическую трубку. Заметим попутно, что на столиках рядом с фруктами и овощами часто стояли туалетные принадлежности: тазик, кувшины и прочее [52]. Все это доказывает, что египтяне обычно ели руками.

В послеполуденное время, около четырех-пяти часов, проходила еще одна легкая трапеза с напитками, после которой египтяне возвращались к своей работе либо предавались развлечениям.

VIII. ВЕЧЕРА

Осенью и зимой земледельцы возвращались с поля с наступлением ночи. Естественно, они надеялись найти дом освещенным Когда Анупу вошел в свой дом, погруженный в темноту, он сразу почувствовал, что случилось нечто ужасное («Сказка о двух братьях»).

Даже у земледельцев было чем осветить дом по вечерам. Школяры и ремесленники в сумерках продолжали работать при свете ламп [53]. Лампы заправляли маслом клещевины или оливковым маслом. Наши музеи не так богаты образцами осветительных приборов. В одной из гробниц I династии я нашел прекрасную каменную лампу в форме папирусного челна [54]. Другие лампы сделаны в форме лилии. В Лувре хранятся маленькие круглые и плоские чаши из глины, в которых остались кусочки веревочных фитилей с остатками нагара; они, видимо, были пропитаны жиром. Такими дешевыми простыми светильниками пользовались работники некрополя в гробницах. Кроме того, египтяне делали свечи, которые зажигали в

храмах в ночь под Новый год, вечером Нового года, в ночь праздника «уаг». Видимо, они очень ценились, ибо отвечавший за них жрец храма получал высокое вознаграждение лишь за то, что отдавал уже послужившие свечи жрецу Ка (т. е. заупокойному жрецу.— *Ред.*) Хапиджефаи, чтобы тот мог осветить ими статую своего клиента [55]. Усопшему желали, чтобы его лампа горела до восхода солнца, а по случаю пяти добавочных дней года ему преподносили пять сосудов конической формы с ручкой в виде дерева. Верхнюю его часть, облитую воском, можно было зажечь. Такие лампы должны были светить покойному в его одиночестве, но у нас нет никаких доказательств, что ими пользовались живые [56].

Эти немногие сведения говорят о том, что освещение у египтян было довольно скудное. Впрочем, их вечерние бдения длились недолго. Они вставали с восходом солнца и ложились рано, за исключением жрецов и ночной стражи. Фараон Аменемхат I в рассказе о покушении на его жизнь, научившем его опасаться людской неблагодарности, говорит: «После ужина, „месут", наступила ночь; я еще посидел с часок, потом лег на свое ложе и, сморенный усталостью, вскоре заснул» [57]. Таким образом, после вечерней трапезы египтяне еще беседовали час-другой, сидя вокруг коптящей лампы, а затем в доме воцарялась тишина.

IX. ДОМАШНИЕ ПРАЗДНИКИ

Занятия богатого египтянина оставляли ему немало досуга, но он знал, чем его заполнить. Охота в пустыне, прогулки, паломничества, ловля рыбы и птиц в болотных зарослях — все было в его распоряжении. Но прежде всего — развлечения другого рода. Их мы и хотим описать в первую очередь.

Одним из самых больших удовольствий для египтянина были пирушки, когда он созывал на завтрак или на обед многочисленных друзей и родственников. На рельефах в гробницах часто встречаются сцены таких пиров в «домах вечности» — это правдивое изображение застолий, которые устраивал хозяин гробницы при жизни. Эти сцены и отрывки из дидактических текстов и сказок позволяют нам описать пирушку друзей в богатом доме.

Разумеется, ей предшествовали беготня по лавкам и всяческая суета на кухне и в доме. Забивали быка уже известным нам способом. Расчленяли тушу. Сортировали ку-

ски мяса. Готовили жаркое, тушеное мясо и соусы. Жарили гусей на вертелах. Везде стояли кувшины с пивом, вином и ликерами, всевозможные плоды пирамидами громоздились на подставках или грудами лежали в корзинах. Все это тщательно укрывалось от насекомых и пыли. Из шкафов доставали золотые и серебряные кубки, алебастровые вазы, глиняную расписную посуду. Вода охлаждалась в сосудах из пористой глины. Весь дом был вычищен и вымыт, мебель натерта, садовые аллеи подметены, опавшие листья подобраны. Музыканты, певцы и танцоры уже собрались. Привратники стоят у дверей. Ждут только приглашенных.

Если среди гостей ожидались знатные персоны, хозяин дома встречал их у входа и провожал через сад. Так поступали жрецы, когда в храм прибывал фараон. Если сам хозяин дома возвращался из царского дворца, осыпанный милостями, все его родственники ожидали его перед парадной дверью. Бывало, что хозяин ожидал приглашенных в гостиной, как фараон в своем зале приемов. В таких случаях гостей встречали дети и слуги.

Египтяне были великими мастерами на лесть и комплименты. Если они ухитрялись для собственного восхваления использовать на стелах, предназначенных для потомства, весь набор высокопарных выражений, каково же бывало гостям? Наверное, им приходилось обращаться к хозяину с такими же лестными словами, которые мы читаем на папирусе времен Рамсесов.

«Да будет в твоем сердце милость Амона! Да ниспошлет он тебе счастливую старость! Да проведешь ты жизнь в радости и достигнешь почета! Губы твои здоровы, члены твои могучи. Твой глаз видит далеко. Одежды на тебе льняные. Ты садишься на колесницу, в руке твоей хлыст с золотой рукояткой, вожжи у тебя новые, в упряжке — сирийские жеребцы. Негры бегут впереди тебя, расчищая дорогу. Ты сходишь на свою ладью из пихты, украшенную с носа до кормы. Ты прибываешь в свой прекрасный прочный дом, который сам построил. Рот твой наполнен вином и пивом, хлебом, мясом и пирожками. Быки уже разделаны. Вино распечатано. Сладостное пение звучит рядом с тобой. Твой хранитель благовоний раздает [гостям] смолистые ароматы. Твой главный садовник пришел с гирляндами цветов. Твой управитель оазиса принес перепелок, твой начальник рыбаков принес рыбу. Твой корабль прибыл из Сирии, нагруженный всякими хорошими вещами. Твой хлев полон телят. Твои прядильщицы преуспевают.

Ты перушим, и враги твои падают. Что о тебе [плохое] сказали — не существует. Ты предстаешь перед Эннеадой богов и выходишь, торжествуя!» [58].

Хозяин встречал гостей одним из многих традиционных приветствий. Он мог пробормотать слегка покровительственным тоном: «Добро пожаловать!» или «Хлеб и пиво!» — или же призвать на приглашенных благословение богов:

«Жизнь, здоровье, могущество! В милости Амон-Ра, царя богов! Я молю Ра-Хорахти, Сетха и Нефтис и всех богов и богинь нашего сладостного края. Да ниспошлют они тебе здоровье, да ниспошлют они тебе жизнь, дабы я видел тебя в благополучии и мог обнять тебя моими руками!» [59].

А вот пожелание придворному:

«Я молю Ра-Хорахти с его восхода и до его заката, и всех богов Пер-Рамсеса, и великого Ка Ра-Хорахти, чтобы ты был в милости у Амон-Ра, царя богов, и Ка фараона Банра-Мериамона, да будет он жив, невредим, здоров, твоего доброго повелителя, да будет он жив, невредим, здоров ежедневно» [60].

Покончив с пожеланиями, комплиментами и горячими приветствиями, хозяева и гости занимают свои места. Хозяева дома садятся в кресла с высокими резными спинками, инкрустированными золотом, серебром, бирюзой, сердоликом и лазуритом. Такие же роскошные кресла предоставляют самым почетным гостям. Остальные усаживаются на табуреты с перекрещенными ножками или на обычные — с вертикальными ножками. В более скромных домах все рассаживаются на циновках. Молодые девушки предпочитают подушки из хорошо выделанной кожи. Мужчины садятся по одну сторону, женщины — по другую [61]. Птахотеп, который, наверное, знал, что говорит, в своих «Поучениях» советует молодым людям и даже зрелым мужчинам в доме друзей не слишком заглядываться на женщин [62].

Но это не было абсолютным правилом. Когда мужчины и женщины сидели вперемежку, супружеские пары не разлучались. Приглашенный, если хотел, мог оставаться рядом со своей женой.

Служанки и слуги сновали между гостями, раздавая цветы и благовония. Служанки всегда были молоды и красивы. Прозрачные одеяния не скрывали их прелестей. Чаще всего на них вообще ничего не было, кроме ожерелья и пояска. Все мужчины и женщины получали по цветку лотоса, а затем каждый водружал на голову белый

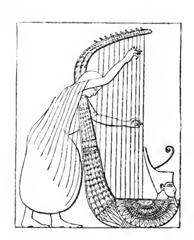

Гости на пиру

колпачок. Служанки делали эти украшения из волос, обмазанных ароматным маслом, которое черпали из большой чаши. Хозяева дома, их дочери и служанки имели на голове это украшение, обязательное для торжественных приемов. Именно на него намекает автор восхваления, процитированного выше: «Твой хранитель благовоний раздает смолистые ароматы». Без благовоний не может быть радости! К тому же они отбивали запахи пива, вина и жаркого. Служанкам эти маленькие конусы на голове, по-видимому, нисколько не мешали. Художники, которые никогда не упускали случая изобразить даже в гробнице какой-нибудь смешной или нелепый эпизод, ни разу не показали, чтобы это благовонное украшение свалилось у кого-нибудь с головы. Водружая его, служанки ловкой рукой поправляли нагрудное ожерелье гостя.

Наконец наступал момент подавать все, что наготовили повара и кондитеры для пира. Тут были блюда на самый взыскательный вкус. Не случайно Птахотеп рекомендовал гостям быть скромными в словах и взглядах, а также в еде. Этим они заслужат милость богов и добрую славу.

Пирушка обязательно сопровождалась музыкой, услаждавшей слух. Пока гости рассаживались, появлялись музыканты со своими инструментами. Египтяне всегда любили музыку. Они любили ее даже в те далекие времена, когда еще не было музыкальных инструментов и они поддерживали певца, отбивая такт ладонями. Флейта, арфа и гобой появились в эпоху пирамид. Они звучали то все

Арфисты (гробница Рамсеса III)

вместе, то по двое — в любой комбинации, то поодиночке; ритм отбивался хлопаньем в ладоши.

Начиная с Нового царства и частично под влиянием культуры соседних народов музыкальные инструменты претерпевают значительные изменения. Арфы становятся крупнее: объем резонатора удваивается, количество струн возрастает. Одновременно появляются маленькие переносные арфы, средние — с подставкой и большие, настоящие произведения искусства, с нанесенным на них растительным или геометрическим орнаментом, с резными позолоченными головками на верху или у основания стойки.

Цитра * пришла в Египет из Азии. Кочевники-аму приходят в Менат-Хуфу и предстают перед управителем нома Орикса с цитрой в руках. Музыканты-азиаты иногда играли на больших цитрах с подставкой. Были и небольшие цитры, порой довольно изящные, всего с пятью струнами.

Двойная флейта тоже изменилась: скрепленные между собой параллельные камышины теперь соединялись под острым углом. Лютня представляла собой маленькую продолговатую коробку, плоскую с боков, с шестью или восемью отверстиями и длинной ручкой, украшенной перевязями, на которой натягивали четыре струны. Барабаны делали круглыми или квадратными, но ими пользовались

* Цитра — многострунный, преимущественно щипковый музыкальный инструмент.

главным образом во время народных и религиозных празднеств. То же самое относится и к другим инструментам — трещоткам и систрам. Трещотки, по-египетски «менат», состояли из двух одинаковых дощечек из слоновой кости или дерева; их подвешивали на обруч. Систр представлял собой голову Хатхор, которая была покровительницей пиров и музыки, на ручке. Вместо рогов на уборе у Хатхор были более длинные металлические стойки, между которыми натягивались проволочки с нанизанными на них маленькими металлическими цилиндриками. Потрясая систром, музыканты извлекали длинный или короткий звон, хорошо поддерживающий ритм танца или голос певца. Трещотки напоминают наши кастаньеты. Те, кто сегодня аплодирует испанским танцовщицам, может легко представить, какой эффект получался у египтян от трещоток и систров. Кроме того, певицы часто аккомпанировали сами себе, отбивая такт ладонями. Танцы дополняли представление. Иногда в нем участвовала гимнастка. Изогнувшись назад, она рассыпавшимися волосами касалась пола [63].

Когда гости насыщались, их продолжали развлекать песнями, музыкой и танцами. С еще бо́льшим удовольствием они поглощали лакомства, ибо теперь, когда голод был утолен, они могли отдаться гурманству. Певцы тут же сочиняли стихи, прославляющие щедрость хозяина или милостивых богов.

«Твое совершенство во всех сердцах... Птах создал это своими собственными руками для умащения своего сердца. Каналы вновь наполнились водой. Земля залита его любовью»,— говорил один.

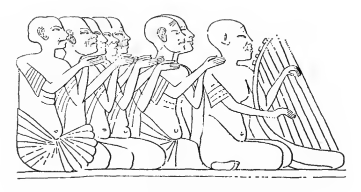
«Это счастливый день,— подхватывал другой.— День, когда думают о совершенстве Амона. Какая великая радость — вознести ему хвалу до самых небес!»

Было принято за все на этой земле благодарить богов, но египтяне знали, что им недолго наслаждаться их дарами, ибо срок жизни короток. Воспользуемся же сполна этим прекрасным днем, когда милость богов и щедрость хозяина так счастливо соединились!

Арфист из гробницы Неферхотепа напоминает об этих истинах на одном из пиров:

«Со времен бога проходят тела, и поколения приходят на их место. Ра восходит утром, Атум заходит в Ману *, мужчины оплодотворяют, женщины зачинают, все носы

* Ману — запад, где заходит солнце и находится Страна мертвых.

Слепые певцы и арфист (Храм Атона в Ахетатоне)

вдыхают воздух, но утром их дети уходят к их местам (т. е. умирают)! Проводи же счастливый день, о жрец! Да будут всегда благовония и ароматы для твоего носа, гирлянды и лотосы для плеч и груди твоей возлюбленной сестры, которая сидит рядом с тобою! Да будут песня и музыка пред тобою, отбрось всякое огорчение, думай только о радости, пока не придет день, когда надо причалить к земле Любящей молчание *... Проводи же счастливый день, мудрый жрец с чистыми руками! Я слыхал обо всем, что случилось с предками: их [стены] разрушены, их места не существуют, они подобны тем, кто никогда и не был со времени бога. [Но твои стены крепки, ты посадил деревья] на берегу твоего пруда, твоя душа отдыхает на них и пьет их воду. Следуй же смело своему сердцу!.. Давай хлеб неимущему, чтобы осталось твое имя прекрасным навеки! Проводи счастливый день!.. Подумай о дне, когда тебя поведут в страну, куда забирают людей. Там нет человека, который взял бы с собою свои богатства. И нет возврата оттуда» (перевод М. А. Матье) [64].

Другой арфист рассказывает о тщетности всех усилий человека избегнуть смерти. Египет во времена Рамсесов был уже древней страной, и каждый мог видеть, что стало с пирамидами!

Боги, бывшие некогда,
Покоятся в своих пирамидах.
Благородные и славные люди

* Богиня Мертсегер, почитавшаяся в фиванском некрополе в облике змеи.

Тоже погребены в своих пирамидах.
Они строили дома —
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Смотри, что случилось с ними.
Я слышал слова Имхотепа и Джедефхора *,
Слова, которые все повторяют.
А что с их гробницами?
Стены обрушились,
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Словно никогда их и не было.
Никто еще не приходил оттуда,
Чтоб рассказать, что́ там,
Чтоб поведать, чего им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.
А потому утешь свое сердце,
Пусть твое сердце забудет
О приготовленьях к твоему просветленью.
Следуй желаньям сердца,
Пока ты существуешь.
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовоньями
Из жертв богов.
Умножай свое богатство.
Не давай обессилеть сердцу.
Следуй своим желаньям и себе на благо.
Свершай дела свои на земле
По веленью своего сердца,
Пока к тебе не придет тот день оплакиванья.
Утомленный сердцем не слышит их криков и воплей,
Причитания никого не спасают от могилы.
А потому празднуй прекрасный день
И не изнуряй себя.
Видишь, никто не взял с собой своего достоянья.
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно [65].

Перевод А. Ахматовой

В период Позднего царства египтяне уже не довольствовались только рассказами о печалях царства мертвых и о радостях жизни, чтобы побудить сотрапезников безоглядно пользоваться этими радостями, пока еще есть время. На пирах богачей, когда трапеза заканчивалась, по словам греческих авторов, которые на сей раз имеют, видимо, точную информацию, хозяева выставляли перед гостями небольшой деревянный гроб с раскрашенной фигуркой

---

* Имхотеп — везир фараона Джосера, создатель первой (ступенчатой) пирамиды; был обожествлен и особенно почитался в эпоху Позднего царства; Джедефхор — один из сыновей царя Хуфу, считавшийся великим мудрецом.

мертвеца, разумеется в виде спеленатой мумии, а не скелета, как могли бы подумать наши современники. Я нашел в Танисе в частном доме статуэтки мумий: в неповрежденном виде они имели около локтя в длину и, очевидно, служили для этих целей. Хозяин показывал такую фигурку каждому из приглашенных и говорил:

«Взгляни на него, а потом пей и наслаждайся, ибо после смерти ты станешь таким же, как он!»

Вот чем занимались египтяне за веселым застольем. Во всяком случае, так говорят Геродот и Плутарх. Лукиан утверждал, что видел это собственными глазами. Чем дальше, тем больше. Однако ничто не доказывает, что Нефрхотеп приглашал мертвецов занять место среди живых или показывал им маленькую мумию, а тем более подвижный серебряный скелет, который был на пиру у Тримальхиона [66].

К тому же пирующие и без того охотно внимали мелодичным предостережениям арфиста. Под предлогом празднования счастливого дня домашняя пирушка часто превращалась в попойку. Вот, например, как проходил прием у Пахери и его супруги [67].

Хозяева дома сидят рядом. Обезьяна, привязанная к ножке кресла Пахери, выуживает из ларчика фиги и уплетает за обе щеки. Слуги толпятся сзади. Родители Пахери сидят друг против друга в красивых креслах. Дядья, двоюродные братья и приятели сидят на циновках. Но и они не забыты: слуги ходят между ними, разнося кубки с выгнутыми краями, другие обслуживают приглашенных дам.

«За твоего Ка! — говорит один из них, поднимая полную чашу.— Пей, пока не опьянеешь! Празднуй счастливый день. Послушай, что говорит твоя подруга».

А та только что приказала слуге:

«Подай мне восемнадцать мер вина! Я люблю его до опьянения».

Другой слуга тоже соблазняет:

«Не стесняйся. Ибо вот, смотри, я не оставлю его (кувшин с вином) здесь».

Соседняя дама, ожидающая своей очереди, вмешивается:

«Пей же, не будь привередой! Ты позволишь, чтобы кубок передали мне? Это княжеский напиток!»

Чуть дальше двое позабытых слугами гостей делают вид, что отклоняют воображаемое угощение.

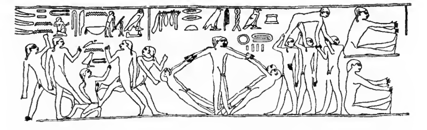
Мы в доме Пахери в Нехебе вскоре после освободитель-

ной войны (с гиксосами). Эти провинциалы веселятся довольно грубо. Однако и в Фивах не очень-то соблюдали «манерос» — слово, означавшее, согласно Плутарху, «во всем следует соблюдать умеренность». Нередко на сценах пирушек мы видим переевшего и перепившего гостя, которому теперь довольно худо[68]. Отвратительная струя рвоты вылетает у него изо рта. Соседи, не слишком шокированные этим инцидентом, поддерживают голову пьяницы. Если несчастному (или несчастной) совсем плохо, его укладывают на кровать. Следы безобразия быстро уничтожают, и пиршество продолжается.

X. ИГРЫ

Празднества устраивались далеко не каждый день. Когда хозяин с хозяйкой дома бывали одни, они любили посидеть в саду в легкой беседке, подышать свежим, мягким северным ветром или поплавать на лодке по своему озерцу, забавляясь ловлей рыбы на удочку. Любимым развлечением супругов была игра в египетские шашки. Прямоугольная доска была разделена на тридцать три поля. Белые и черные фигуры напоминали шахматные пешки. Игроки сидели на табуретах, подложив под ноги подушки. Часто супруги играли друг против друга. На одной сценке дочь сидит рядом с отцом, обнимая его за шею. Петосирис играет с друзьями после завтрака, ожидая, когда в соседнем зале можно будет освежиться пивом. На другой сцене фиванец не желает ждать и попивает пиво, не отрываясь от игры [69]. Мы ничего не знаем о правилах этой игры, но, по-видимому, ходы определялись путем бросания костей, а не по воле игроков, как в наших шашках.

В древние времена игры были разнообразнее и многочисленнее. Наиболее популярной была игра в змею — «мехен». Играли в нее на столике с выгравированной или инкрустированной на нем свернувшейся кольцом змеей. Голова находилась в центре, а тело по всей длине было разделено на клетки. Игра проходила с помощью фигур — трех львов, трех львиц, а также белых и красных шариков. Когда игра заканчивалась, их укладывали в ларец из черного дерева. После эпохи Древнего царства игра в змею вышла из моды [70]. И все же нельзя сказать, что ее совсем забыли. В двух гробницах I династии мы нашли, пожалуй, самые красивые наборы фигурок львов и львиц из слоновой кости и там же — весьма любопытные другие играль-

Акробатические упражнения детей (V династия)

ные фигурки из того же материала. Одна изображает дом из трех пристроек с остроконечными крышами, другие напоминают шахматных короля и ладью. Пешки похожи на цилиндры с закругленной головкой и шишечкой наверху. Трудно поверить, что все многочисленные игры, придуманные изобретательными предками, были забыты, за исключением только одной или двух.

Египтяне — прирожденные игроки. Играли супруги, играли друзья — это было любимое времяпрепровождение. Даже враги иногда решали свои проблемы с помощью игры [71].

Дети тоже играли в игры, не требующие особых затрат. Когда мальчиков было много, они разделялись на две группы и становились в затылок друг за другом. Игрок, стоявший сзади, обхватывал руками предыдущего, а передние вставали друг против друга, сплетали руки и пытались свалить противника. Те, кто стоял сзади, подбадривали их криками: «Твоя рука сильнее, чем его рука! Не отпускай его!» А противники отвечали: «Наш сильнее! Свали его, друг!»

Игра в «козленка на земле» заключалась в прыжках через живое препятствие [72]. Два мальчика садились друг против друга и вытягивали вперед руки и ноги. Это и было препятствие, через которое остальные игроки должны были перепрыгнуть и не попасться. Сидящие игроки, «препятствие», разумеется, старались схватить их за ногу и свалить — это и был «козленок на земле». Прыгающий не имел права хитрить, а, наоборот, предупреждал: «Держись! Вот я иду, приятель!»

В других играх дети состязались в скорости, но, поскольку бегать просто так было неинтересно, они устраивали скачки на коленях, скрестив ноги и удерживая их позади себя руками. Если в группе находился взрослый

мальчик, он становился на четвереньки, а двое малышей, сцепившись руками и ногами, раскачивались на его спине, как на качелях. Состязались также в меткости, стараясь поразить дротиком цель, нарисованную на земле. Эта цель неизвестно почему носила имя бога Сешему, весьма уважаемого бога давильни. Скорее она должна была носить имя убийцы Осириса. Увлекались дети и борьбой. Когда их бывало достаточно много, часть выстраивалась в некое подобие крепостной стены, замкнутого круга, в котором каждый держался за плечи соседей. Остальные пытались вскочить на эту стену, не попадаясь в руки «стражи».

Иногда игра кончалась дракой. Неловкого увальня или нечестного игрока угощали пинками и кулаками. Порой его даже связывали, как настоящего преступника. «Палачи» наказывали его палками.

Девочки предпочитали игры, где требовалась не сила, а ловкость. Они любили жонглировать. Младшие становились на плечи старших и перебрасывались мячами. Иногда и девочки боролись. Но самым любимым их развлечением были танцы. Каждая девочка должна была уметь танцевать, каждая, а не только та, которая собиралась стать профессиональной танцовщицей. Они привязывали шарик к своей косе, брали в руку зеркало или резную палку, позаимствованную у мальчишек, и крутились, прыгали, извивались посреди хоровода подруг, а те аккомпанировали им пением и хлопками в ладоши. Их песня не совсем нам понятна. Знаем только, что в ней они взывают к Хатхор, богине всех наслаждений. А вот танец-игра с неожиданными элементами. Двое взрослых девочек становились спиной друг к другу и разводили руки в стороны. Четверо маленьких девочек повисали на этих четырех руках и откидывались назад, упираясь ногами в ноги двух взрослых. По условному сигналу эта живая карусель начинала вращаться быстрее и быстрее, пока чье-нибудь падение не прерывало игру.

В комнатах гарема почти всегда хранились арфы, цитры, лютни и барабаны [73]. Это было не случайно. Я полагаю, что после ужина пение, музыка и танцы украшали семейные вечера. А также легенды и сказки. Один из папирусов Берлинского музея, папирус Весткар, свидетельствует о том, с каким жадным интересом слушал Хуфу волшебные истории про чародеев, которые ему по очереди рассказывали сыновья. Мы вправе полагать, что это развлечение было доступно каждому любителю сказок.

Глава V

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ

I. ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Писец относился с презрением к любому, занимавшемуся физической работой, но ниже всех он ставил земледельца. На своей работе земледельцы изнашивались так же быстро, как их орудия. Их били и нещадно эксплуатировали хозяева и сборщики налогов, их обкрадывали соседи и грабили мародеры, их подводила погода, разоряли саранча и грызуны, на них ополчались все враги рода человеческого — такова была доля земледельца [1]. Жену его могли бросить в тюрьму, детей забрать за долги.

Земледелец являл собой законченный образ несчастного человека.

Однако греки, выходцы из бедной страны, где и скудный урожай добывался с великим трудом, судили о жизни земледельцев совсем иначе. Когда поля засеяны, говорил Геродот, земледельцу остается только спокойно дожидаться жатвы. Диодор, поддерживая своего предшественника, пишет:

«Обычно у других народов земледелие требует немалых расходов и забот. Только у египтян оно отнимает немного средств и труда» [2]. К тому же и среди египтян, посещавших школы, находились сторонники возвращения к земле. Это были безумцы, для которых писец и нарисовал столь мрачную картину *. Впрочем, крестьянин из Соляного оазиса (совр. Вади-эн-Натрун) предстает перед нами не таким уж несчастным. Земля дает ему множество превосходных продуктов; он грузит их на своих ослов, намереваясь продать урожай в Ненинесуте (столица XX верхнеегипетского нома, которую греки назвали Великий Гераклеополь), и на выручку купить прекрасных пирожков

* Имеется в виду «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа». См.: ХДВ. Ч. I, с. 39—42. Дело в том, что юноша, не выучившийся на писца, пополнял ряды эксплуатируемых. См.: *Берлев О. Д.* Древнейшее описание социальной организации Египта.— Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984.

для своей жены и детей. Как и следовало ожидать, злой человек, увидя маленький караван, захватывает ослов с их поклажей. Однако вмешиваются высокие власти. Если бы мы прочитали конец этой истории, то наверняка бы узнали, что правосудие фараона защитило поселянина *.

Старший из братьев, которого сделала столь известным другая сказка, вовсе не был жалким бедняком («Сказка о двух братьях»). Он имел дом, поля, скот, орудия труда, зерно. Его жена жила как знатная госпожа, оставалась дома, пока ее муж и его брат работали на полях. Она могла спокойно заниматься своим туалетом. У нее было предостаточно времени, чтобы прибрать дом, приготовить ужин перед приходом мужа, а когда он возвращался, она ему подавала кувшин и тазик для омовения.

II. ПОЛИВ САДОВ

Описывая жилище египтян, мы заметили их любовь к садам. В городе, как и в деревне, каждый хозяин дома стремился иметь свой сад, где бы он выращивал фрукты и овощи. Особенно трудоемкой была поливка садов. Кстати, это единственная из садовых работ, о которой мы что-то знаем. Сад с огородом был разделен на небольшие квадраты канавками, пересекавшимися под прямым углом. Долгое время, и даже в эпоху Среднего царства, садовники ходили к водоему, наполняли водой глиняные круглые кувшины, своего рода лейки, приносили их, подвесив по две на коромысло, и выливали в головную канаву, откуда вода растекалась по другим канавкам, орошая весь сад. Это была нудная и тяжелая работа [3]. Изобретение шадуфа, наверное, показалось египтянам истинным даром богов [4].

На берегу водоема вкапывали вертикально толстый столб высотой примерно в два человеческих роста. Его могло заменить дерево с обрубленными ветвями, если оно стояло на подходящем месте. К нему привязывали длинный шест, чтобы он мог вращаться во всех направлениях. К толстому концу шеста привязывали тяжелый камень. К тонкому подвешивали на веревке длиной в пять-шесть локтей сосуд из холста или обожженной глины. Крестьянин тянул веревку вниз, чтобы наполнить сосуд, затем

* Обличения поселянина.— Сказки и повести древнего Египта. Л., 1979.

Поливка садовых деревьев с помощью шадуфа (гробница Ипуи)

вверх, чтобы поднять его. Он выливал воду в желоб и все начинал сначала. В саду Ипуи работало одновременно четыре шадуфа.

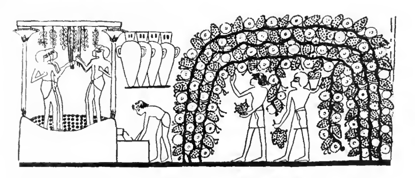
Эти примитивные приспособления довольно эффективны, что подтверждает их существование до сих пор. Однако похоже, что египтяне Нового царства, по-видимому, использовали их только для полива садов. Их нет ни на одной сцене, изображающей работы на полях. Что касается *сакиэ*, колеса с горшками (водоподъемная машина, вращаемая животными), чей скрип сегодня кажется неотделимым от египетской деревни, то о нем в документах времен фараонов ни разу не упоминается. И неизвестно даже, когда именно появилось оно в Нильской долине. В некрополе жрецов Тота в Гермополе, неподалеку от

гробницы Петосириса, в Антиное и в храме Таниса были найдены два колодца большого диаметра. Первый из них явно предназначался для *сакиэ*, однако эти колодцы не могли быть древнее гробницы Петосириса, которая относится скорее всего к царствованию Птолемея Сотера.

III. СБОР ВИНОГРАДА

В каждом саду был хотя бы небольшой виноградник у стены дома или вдоль центральной аллеи. Виноградные лозы вились по шестам и поперечинам, образуя зеленый свод, с которого в разгар лета свисали прекрасные гроздья темно-синих ягод, столь ценимых горожанами. В Дельте виноградарство было всегда распространено, однако главная цель его — не сам виноград, а вино. Во все времена славились вина района Болот — *мех* — из Имета, что к северу от Факуса, вина Рыболовной топи — *хами* — из Сина, рядом с Пелусием, и вино из Абеша, которое хранили в специальных оплетенных кувшинах,— все они упоминаются в списках продуктов. Но еще задолго до появления этих списков продукцию виноделов Себахорхентипета доставляли в запечатанных кувшинах в резиденцию тинских фараонов.

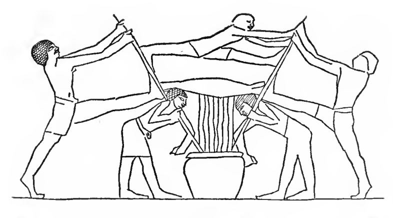
Рамсесы были большими любителями вина, так как происходили из Авариса, расположенного между Иметом и Сином, и всячески содействовали развитию виноградарства и виноторговли. Именно к царствованию Рамсеса II относится большинство черепков от винных кувшинов, найденных в Рамессеуме, в Кантире и в фиванских гробницах. Они бы позволили нам составить хотя бы приблизительную карту египетского виноделия, если бы историческая география времен фараонов была лучше изучена [5]. Что касается Рамсеса III, то он говорил так: «Я создал для тебя (бога Амона) виноградники в Великом оазисе (совр. Харга и Дахла) и Малом оазисе (совр. Бахрия), которым нет числа, и другие [виноградники] на юге в большом количестве. Умножил я их на севере в количестве сотен тысяч. Я снабдил их садовниками из военнопленных чужеземных стран, в них имеются пруды, вырытые мною, снабженные лотосами, они изобилуют суслом и вином, подобно потокам воды, чтобы приносить его пред лицо твое в Фивах победоносных» (перевод И. П. Сологуб) [6].

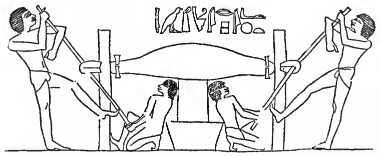

Сбор винограда и получение сока (давильня) (XVIII династия)

Мы ничего не знаем о египетском виноградарстве и виноделии, кроме одного эпизода — сбора винограда [7]. Сборщики расходятся под своды виноградных лоз. Они срывают руками, не прибегая к ножам, тяжелые гроздья синих ягод, наполняют ими корзины из пальмовых листьев, стараясь не раздавить, потому что сок из таких корзин может вытечь, с песнями несут корзины на голове и сбрасывают виноград в большой чан. Потом они возвращаются на виноградник. Насколько я помню, для перевозки винограда нигде не использовали животных. Там, где виноградарство было особенно распространено, эти корзины с виноградников перевозили к давильням на барках, чтобы не подавить гроздья и избежать потери драгоценного сока.

Чаны были круглыми и низкими. Нам неизвестно, из какого материала их делали. Дерево следует сразу исключить. Египтяне не умели делать бочки, а тем более чаны, хотя строить судно в конечном счете значительно труднее. Я думаю, что эти чаны были каменными. Глина, гипс, фаянс могли подвести в любую минуту, в то время как твердый, хорошо поддающийся полировке камень, такой, как гранит или сланец, позволял изготовлять абсолютно водонепроницаемые чаны, не нуждавшиеся в особом уходе. Иногда их водружали на фундамент высотой в два-три локтя и украшали рельефами. С двух сторон чана, друг против друга, стояли две узкие колонны или два шеста с развилкой на концах, если винодел не претендовал на элегантность. Они поддерживали перекладину, с которой свисали пять-шесть веревок. Когда чан заполнялся, виноделы забирались в него и, держась за веревки, может быть

Два вида виноградных давилен (гробница Пуиемра)

потому, что дно чана не было плоским, с усердием давили виноград ногами. У Мера, везира фараона Пепи I, два музыканта сидят на коврике и поют под аккомпанемент деревянных трещоток, подбадривая виноделов и заставляя их плясать в едином ритме[8]. Не было никаких причин забывать этот прекрасный обычай, однако в эпоху Нового царства эти музыканты-помощники исчезают. Впрочем, давильщики, танцуя в чане, могли петь сами. Сок вытекал через два или три отверстия в большие чаши.

Выжав все, что можно, давильщики переваливали раздавленный виноград в прочный мешок с привязанными к нему шестами на каждом конце. Четыре человека брались за эти шесты и начинали вращать их в разные стороны, скручивая мешок. Это было нелегким делом. Давильщикам приходилось держать тяжелый мешок на весу и одновременно вращать шесты. При малейшем промахе сок

вытекал па землю, поэтому между четырьмя давильщиками стоял помощник, который удерживал мешок на месте и подставлял под него лохань для сока. В эпоху Нового царства для этой операции использовали давильню. Она состояла из двух столбов, прочно врытых в землю, с двумя отверстиями на одинаковой высоте. Между ними подвешивали мешок с двумя петлями на концах. Петли просовывали в отверстия и вставляли в них шесты. Теперь оставалось только крутить их. Давильщики с толком использовали всю свою силу, и ни одна капля виноградного сока не пропадала [9].

Собранный в широкогорлые сосуды сок переливали в кувшины с плоским дном и оставляли бродить. Когда брожение заканчивалось, вино переливали в другие кувшины для перевозки, длинные, остродонные, с двумя ушками и узким горлом, которое запечатывали гипсом. Их переносили на плече. Когда кувшин был слишком велик и тяжел, его подвешивали к шесту и переносили вдвоем. Писец присутствовал на всех этапах работы. Он считал пальмовые корзины по мере того, как их подносили сборщики винограда, и записывал на кувшинах год изготовления, местность, имя винодела и все заносил в свои списки. Владелец виноградника иногда сам присутствовал при сборе и последующих операциях. Его тотчас замечали, и работники слагали хвалебные песни в его честь. Так, у Петосириса они пели:

«Приходи, наш господин, посмотри на свои виноградники, которым радуется твое сердце, когда давильщики перед тобой давят (виноград). Изобилен виноград на лозах. В нем много соку, больше, чем в любой другой год. Пей, опьяняйся, делай все, что тебе хочется. Все придет к тебе по желанию сердца твоего. Владычица Имета увеличила твои виноградники, потому что желает тебе счастья».

«Виноградари собирают виноград, их дети приносят свою долю. Уже восьмой час вечера, час, который „опускает их руки“. Наступает ночь. Изобильна роса небесная на винограде нашего господина».

«Все сущее — от бога. Наш господин выпьет с наслаждением, благодаря бога за твоего Ка».

«Совершим возлияния во славу Ша (покровителя виноградной лозы), дабы он ниспослал изобильный виноград на будущий год» [10].

Египтяне, конечно, были благодарны за хороший урожай и предусмотрительны — пользовались добрым распо-

ложением божества, чтобы испросить у него новые милости.

Порой рядом с давильным чаном изображали змею с раздутой шеей, готовую к нападению. Ее венчал солнечный диск между рогами, как Исиду или Хатхор, а рядом находились ее излюбленные заросли папируса. Набожные люди ставили перед нею столик с хлебами, связкой латука и букетом лотосов, а рядом — две чаши. Эта змея не кто иная, как Рененутет, богиня урожая, от которой зависели закрома, кладовые и виноградники. Ее главный праздник отмечали в начале сезона «шему», когда начиналась жатва. Виноделы чествовали ее в свою очередь, когда заканчивали давить виноград.

IV. ПАХОТА И СЕВ [11]

Злаковые оставались в эпоху Рамсесов основной сельскохозяйственной культурой. Поля ячменя и пшеницы тянулись вперемежку по всей долине от болот Дельты до порогов. Египетские крестьяне были в основном землепашцами. Пока Нильская долина находилась под водой, в течение четырех месяцев сезона «ахет», им почти нечего было делать, однако, когда Нил возвращался в свои берега, они спешили использовать каждый час, пока земля еще влажная и легко поддается обработке. На некоторых росписях, изображающих пахоту, на заднем плане видны лужи, а это означает, что крестьяне даже не дожидались, пока разлив полностью схлынет. В таких условиях можно не проводить предварительной вспашки, как это делают в европейских странах. Как раз такой момент выбрал сказитель, чтобы начать свою сказку о двух братьях.

Старший брат говорит младшему:

«„Готовь нам упряжку... будем пахать, потому что поле вышло из-под разлива, оно хорошо для пахоты. И ты тоже придешь в поле, с зерном для посева придешь ты, потому что мы начинаем пахать завтра утром“. Так он сказал.

И младший брат выполнял все, о чем бы ни попросил старший. И после того как земля озарилась и наступил следующий день, оба отправились в поле с зерном для посева. И сердца их ликовали весьма и радовались их трудам» (перевод М. А. Коростовцева) [12].

Как видим, в Египте сеятели и пахари работали одновременно, или, вернее, впереди шел сеятель, а за ним — пахарь, потому что в отличие от Европы здесь пахали не

Земледельцы за работой: подготовка почвы и сев (XVIII династия)

для того, чтобы сделать борозду, а для того, чтобы завалить землей посеянное зерно[13]. Сеятель наполняет зерном корзину с двумя ручками глубиной в локоть и примерно такой же длины. От деревни он несет ее на плече, а в поле подвешивает на веревку, перекинутую через шею так, чтобы ему было удобно доставать и разбрасывать зерно.

Плуг и во времена Рамсесов оставался таким же примитивным, как в глубокой древности, когда его только придумали. Даже в эпоху Позднего царства никто не хотел его совершенствовать. Такой плуг годился только на то, чтобы взрыхлить мягкую землю без дерна и камней. Две вертикальные рукоятки, связанные с поперечиной, скреплялись внизу колодкой, к которой был привязан металлический, а возможно, и деревянный лемех. Дышло привязывали веревкой к той же колодке между основаниями рукояток. На конце его находилось деревянное ярмо, которое клали на шею двух животных, тянувших плуг. Его привязывали им к рогам.

На пахоте египтяне никогда не использовали быков, а только коров. Это свидетельствует о том, что от них не требовалось особых усилий. Известно, что рабочая корова дает немного молока. Значит, у египтян было достаточно коров и для производства молока, и для полевых работ. Что касается быков, то они предназначались для погребальных процессий. Быки тащили на полозьях саркофаг. Таким же образом перетаскивали крупные каменные блоки. На коровах пахали потому, что они вполне справлялись с этой нетрудной работой. К тому же удои снижались только на время, и это не мешало использовать коров на полях.

Пахарей обычно бывало двое. Труднее всего приходилось тому, кто держал рукоятки плуга. Сначала, держась за одну рукоятку, он щелкал кнутом. Когда коровы дви-

гались с места, он сгибался вдвое и изо всех сил налегал на плуг. Его товарищ, вместо того чтобы вести и тянуть за собой упряжку, шел рядом с нею пятясь. Порою это был маленький голый мальчик; прядь волос закрывала его правую щеку *, а в руках он нес маленькую корзину. Он еще не мог действовать кнутом или палкой и направлял коров только криком. А иногда рядом с коровами шла жена пахаря и разбрасывала семена.

Долгий рабочий день не всегда заканчивался без происшествий. У двух братьев кончились семена. Бате пришлось срочно возвращаться за ними домой. К тому же произошел один из тех несчастных случаев, о которых говорил писец, так не любивший земледелие. Одна из коров споткнулась и упала. Она едва не сломала дышло и не увлекла за собой вторую корову. Пахарь подбегает к ней. Он отвязывает несчастное животное. Он его поднимает. И вскоре упряжка двигается дальше, как ни в чем не бывало [14].

Хотя египетские поля были довольно однообразны, но не настолько, как в наши дни: в старину на них встречались деревья. Развесистые сикоморы, тамариск, ююба, баланитес и персея зелеными пятнами оживляли черную вспаханную землю. Эти деревья служили материалом для сельскохозяйственных орудий. Их тень милостиво укрывала пахаря, его корзину с провизией и большой кувшин со свежей водой. Кроме того, он вешал на сук сикомора бурдюк и прикладывался к нему время от времени.

Но вот наступал перерыв: упряжка должна передохнуть. Пахари обмениваются замечаниями:

«Хороший денек! Сегодня свежо. Упряжка тянет. Небо исполняет наши желания. Поработаем для господина!»

Сам Пахери как раз появился, чтобы взглянуть, как идут дела. Он сходит с колесницы, а конюх держит вожжи и успокаивает лошадей. Один пахарь замечает хозяина и предупреждает товарищей:

Торопись, вожатый!
Погоняй коров!
Погляди, князь стоит
И смотрит на нас.

У этого Пахери не хватало коров для всех плугов, и он боялся, что земля вот-вот пересохнет. Поэтому вместо

* Так называемый «локон юности» — короткая косичка сбоку — обычная детская прическа.

коров впряглись четверо мужчин. Они утешают себя за этот тяжелый труд песней:

«Мы сделаем, мы здесь. Ничего не бойся в поле! Оно так прекрасно!»

Пахарь, явный семит и, очевидно, бывший военнопленный, как и его товарищи, довольный, что избежал их участи, отвечает им шуткой:

«Как прекрасны слова твои, мой малыш! Прекрасен год, когда он избавлен от бедствий. Жестка трава под ногами телят. Она лучше всего!» [15].

Приходит вечер, коров выпрягают и награждают их пищей и добрыми словами: «*Ху* (красноречие) — у быков. *Сиа* (мудрость) — у коров. Накормите их поскорее!» [16].

Собрав все стадо, его гонят к деревне. Плуги остаются на попечении пахарей. Если оставить плуги в поле без присмотра, неизвестно, найдут ли они их назавтра. Как говорит писец:

«Он не найдет ее (упряжи) на месте. Он будет искать ее три дня. Он найдет ее в пыли, но не найдет кожи, которая на ней была. Волки ее растерзали» [17].

Египтяне прикрывали семена землей не только с помощью плуга. В зависимости от местности они пользовались для этого мотыгой и заступом. Мотыга была не менее примитивной, чем плуг. Она представляла собой нечто вроде буквы А, одна сторона которой была гораздо длиннее другой. Мотыга изнашивалась еще быстрее, чем плуг, и крестьянину приходилось чинить ее по ночам. Но это его как будто не огорчало.

«Я сделаю больше, чем велел господин,— говорит один работник.— Тихо!» — «Поторопись со своим делом, мой друг! — отвечает другой.— Ты освободишь нас вовремя!» [18].

На землях, долго находившихся под водой, от всех этих тяжких трудов избавлялись следующим образом: выпускали на засеянные поля стада. Быки и ослы были для этого слишком тяжелы, поэтому в древние времена использовали овец. Овчар с приманкой в руке вел за собой барана-вожака, а за ним устремлялась на поле вся отара. По неизвестным для нас причинам в эпоху Нового царства для этих же целей использовали свиней, которых Геродот сам видел на полях [19].

Опускание зерна в землю наводило египтян на серьезные размышления, точнее сказать — на мысли о погребении. Греки замечают, что в период сева они совершали церемонии, как при похоронах или в дни траура. Одни

находили эти обычаи нудными, другие их оправдывали [20]. В дошедших до нас текстах времен фараонов, по которым я смог описать полевые работы сезона «перет», об этих ритуалах почти ничего не говорится. Пастухи, пригонявшие на поле своих овец, пели жалобную песню; она повторялась и когда овцы топтали сжатые колосья, разложенные на току:

Вот пастух в воде среди рыб.
Он беседует с сомом,
Он приветствует мормира.
О Запад! Где пастух, где пастух Запада? [21].

А. Морэ первым заподозрил, что этот куплет не просто шутка крестьян, высмеивающих пастуха, топчащегося в грязи. Ибо рыбы не водятся в грязи и тем более на току, где сушат колосья. Пастух Запада — это не кто иной, как первый утопленник, бог Осирис; Сетх разрубил его на куски и бросил в Нил, где лепидоп, оксиринх и фаго проглотили его половые органы. Следовательно, по случаю сева и молотьбы египтяне взывали к богу, который дал человеку полезные растения и настолько был связан в их сознании с этими растениями, что они порой изображали его с колосьями и деревьями, растущими прямо на нем.

Геродот наивно полагал, что после посевных работ египетский земледелец сидел сложа руки до самой жатвы. Если бы он действительно так поступал, он не собрал бы приличного урожая, потому что даже в Дельте не выпадает достаточно дождей и поля приходится орошать. И тем более в Верхнем Египте, где земля сразу высыхала и злаки тут же увяли бы, как ячмень в саду Осириса, оставленном без присмотра. Таким образом, орошение было суровой необходимостью. Именно об этом напоминал Моисей своему народу, расписывая выгоды, которые ожидали его в стране обетованной:

«Ибо земля, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, не такова, как земля Египетская, из которой вышли вы, где ты, посеяв семя твое, поливал [ее] при помощи ног твоих, как масличный сад.

Но земля, в которую вы переходите, чтоб овладеть ею, есть земля с горами и долинами и от дождя небесного напоется водой» [22].

Из этого отрывка можно заключить, что воду подавали на поля с помощью приспособления, которое приводилось в движение ногами: однако ни египетские тексты, ни изображения не дают основания полагать, что у егип-

тян была такая машина. Зато вполне возможно, что управляющие шлюзами озера Мерис (совр. Биркет Карун) открывали их, когда поля нуждались в поливе. Каналы заполнялись водой. С помощью шадуфов или кувшинов, что было гораздо труднее, ее переливали в оросительные канавки. Их открывали и закрывали поочередно, копали новые, возводили запруды, и все это — ногами, как на одной фиванской росписи, где ногами вымешивают глину для гончарных изделий.

V. ЖАТВА

Едва колосья начинали желтеть, земледелец с опаской ожидал нашествия своих врагов: хозяина или его представителей, стражников, тучи писцов и землемеров, которые прежде всего принимались измерять поля[23]. Затем они определяли количество зерна египетскими мерами, и можно себе довольно точно представить, сколько земледельцу приходилось отдавать в царскую казну или жрецам такого бога, как Амон, владевшим лучшими землями страны.

Хозяин или его представитель выходил из дома с раннего утра. Он сам управлял колесницей, держа вожжи твердой рукой. Слуги следовали за ним пешком, неся кресла, циновки, мешки и ларцы — все, что понадобится писцам для подсчета урожая, и многое другое. Вот колесницы остановились возле группы деревьев. Неизвестно откуда появившиеся люди распрягают коней, привязывают их за одну ногу к деревьям, приносят им воду и корм. В то же время они сооружают подставку для трех больших кувшинов. Из ларцов они вынимают хлеб, различную провизию, которую раскладывают по тарелкам и корзинам, и даже предметы туалета. Конюх устраивается в тени и засыпает, зная, что несколько часов он может отдыхать спокойно. Хозяин уже совещается с землемерами. Он в парадной одежде: на нем парик, рубашка с короткими рукавами и поясом над набедренной повязкой, на груди — ожерелье, в руках — посох и скипетр. На ногах у него сандалии. Помощники его довольствуются набедренными повязками. Лишь некоторые обуты в сандалии, остальные босы.

У Мена землемеры тоже одеты в парадный наряд — рубашку с короткими рукавами и гофрированную юбку. Они распределяют между собой инструменты, свитки па-

пирусов, дощечки для записей, мешки и сумки, в которых носят кисточки и чернила, мотки шнура и колья длиной около трех локтей. Когда измерения производятся на полях Амона, самого алчного и богатого из всех египетских богов, землемеры пользуются шнуром, намотанным на деревянный брусок, украшенный резной головой барана, потому что баран — священное животное Амона.

Глава землемеров находит межевой камень. Он определяет, призывая в свидетели великого бога на небесах, что камень стоит точно на месте. Он кладет на него свой скипетр, напоминающий символ Фиванского нома, а в это время его помощники разматывают и натягивают шнур. Дети машут руками, отгоняя перепелов, которые порхают над спелыми колосьями. Разумеется, эта сцена собирает не только заинтересованных лиц. Рядом с теми, кто занят делом, толпятся любопытные, подающие им советы. Землемеры давно бы изнемогли от жаркого солнца, если бы преданная служанка не подносила им питье во время сытного полдника в тени сикомора.

Жатва и обмолот продолжались много недель. Сельскохозяйственных работников не хватало. Во владениях государства и великих богов набирали сезонников, которые сначала убирали урожай в южных номах, а затем переходили в северные, где их уже ожидали другие поля, готовые для жатвы. После того как уборка урожая заканчивалась в Верхнем и Среднем Египте, она только начиналась в Дельте. Номы должны были поставлять кочующих сезонных работников. Об их существовании мы точно знаем из декрета Сети I *, которым тот освобождает свой храм — «Дом миллионов лет» в Абидосе — от этой повинности [24].

Жнецы срезали колосья серпом с короткой удобной ручкой. Лезвие серпа имело широкое основание и острый конец. Египтяне даже не старались срезать колосья у самой земли. Они шли чуть пригнувшись, забирали в горсть левой руки добрый пучок колосьев, подрезали их снизу серпом и клали на землю, оставляя позади себя довольно высокую ость. За ними шли женщины, которые собирали срезанные колосья в корзины из пальмовых ветвей и относили на край поля. У нескольких женщин были миски для собирания осыпавшегося зерна. Солому вряд ли

* Ошибочная точка зрения. См.: ХДВ. Ч. I, с. 83—89.

оставляли гнить на полях, но об этом мы ничего конкретно не знаем.

Землевладельцев иногда изображали на поле, где они сами жали и собирали колосья. На этих изображениях они в той же парадной белой гофрированной одежде. Возникала мысль, что они делали, так сказать, зачин, а потом уступали место настоящим жнецам. Но в действительности художники изображали таким образом эпизод из будущей жизни на загробных полях Иалу, где всего было вдоволь, но каждый должен был работать сам[25]. Именно этим и занимался Мена — сидя на табурете на скрещенных ножках в тени сикомора рядом со всевозможными яствами.

Работы начинались на рассвете и заканчивались только в сумерках. Под жарким солнцем жнецы останавливались время от времени, брали серп под мышку и выпивали кружку воды.

«Дай много земледельцу и мне дай воды, чтобы я утолил жажду»[26]. В древности люди были более требовательными. Один их них говорит: «Пива тому, кто жнет ячмень!»[27]. (Может быть, потому, что пиво делали в основном из ячменя-беша?) Жнецов, которые слишком часто останавливались, тут же сурово отчитывал надсмотрщик:

«Солнце сияет, все это видят. Но еще ничего не получили из твоих рук. Ты связал хоть один сноп? Не останавливайся больше и не пей в этот день, пока не закончишь работу!»

Жнецы изнемогали под солнцем, а несколько человек сидели в тени, уронив голову на колени. Кто это — работники, улизнувшие от бдительного взгляда надсмотрщика, любопытные зеваки или слуги хозяина, ожидающие, когда он закончит свои дела? Неизвестно. Среди них мы видим также сидящего на мешке музыканта, который играет на своей флейте. Это наш старый знакомый, ибо мы уже видели его в гробнице Ти (Чи) времен Древнего царства, где такой же музыкант с флейтой длиной в два локтя следовал за рядом жнецов. Перед ним шел один из жнецов, который бил в ладоши, не выпуская из-под руки серпа, и пел песню погонщика быков, а затем другую, которая начиналась словами: «Я двинулся в путь, я иду!»

Таким образом, гнев надсмотрщика был скорее всего показным. У Пахери нет флейтистов, но жнецы сами импровизируют песню-диалог:

Как прекрасен день!
Выходи из земли.
Поднимается северный ветер.
Небо исполняет наши желания.
Мы любим нашу работу.

Собравшиеся зеваки не ждут, пока все поле будет сжато, и подбирают пропущенные колосья или выпрашивают осыпавшееся зерно. Это женщины и дети. Вот одна женщина протягивает руку и просит: «Дай мне хоть горсть! Я пришла [вчера] вечером. Не будь же сегодня злым, как вчера!»

На это жнец, к которому обратились с подобной просьбой, отвечает довольно резко: «Убирайся с тем, что у тебя в руке! Уже не раз прогоняли за такое».

В очень древние времена существовал обычай отдавать работникам в конце жатвы столько ячменя и других злаков, сколько они смогли сжать за один день. Этот обычай сохранялся на протяжении эпохи фараонов. У Петосириса, когда жнецы работали на хозяина, они говорили: «Я хороший работник, который приносит зерно и наполняет две житницы для своего господина даже в плохие годы усердием своих рук всеми полевыми злаками, когда приходит сезон „ахет"».

Но теперь наступает черед жнецов. И они говорят: «Да возрадуются дважды те, кто сделал в этот день поля изобильными! Они оставили крестьянам все, что они соберут».

Другие, хоть и жалуются, что им оставили мало, все же утверждают, что и это немногое стоит собрать:

«Маленький сноп за весь день, я работаю ради него. Если ты будешь жать за один этот сноп, лучи солнца падут на нас, озаряя наши труды» [28].

Опасаясь воров и прожорливых птиц, зерно сразу увозили. В районе Мемфиса сжатые колосья перевозили на ослах. Вот целая вереница ослов, ведомых погонщиком, прибывает на поле, вздымая тучи пыли. Снопы бросают в веревочные вьючные мешки. Когда они заполняются, сверху еще накладывают снопы и перевязывают веревками. Ослы несут ношу, перед ними скачут ослята, до которых никому нет дела, а погонщики шутят или бранятся, размахивая палками: «Я привез четыре кувшина пива!» — «А я, пока ты сидел (без дела), отвез на моих ослах 202 мешка!» [29].

В Верхнем Египте иногда тоже использовали ослов [30], но обычно сжатые колосья переносили люди. Может быть,

поэтому, чтобы сократить сроки уборки урожая, колосья срезали очень коротко, оставляя на полях длинную солому. Колосья уносили в веревочных сетках, натянутых на деревянные рамы с двумя ручками. Когда такая сетка заполнялась и в нее уже невозможно было добавить и горсти колосьев, в ручки этих носилок вставляли шест длиной в четыре-пять локтей и закрепляли его узлами. Двое носильщиков поднимали шест на плечи и несли сетку с колосьями на ток, весело распевая, словно для того, чтобы доказать писцу, что их участь не хуже: «Солнце светит в спину. А Шу мы дадим за ячмень рыбу!»

Один из писцов подгоняет их, говоря, что, если они не поторопятся, их застигнет новый разлив. Он говорит: «Эй вы, поспешите! Пошевелите ногами! Вот уже идет вода. Вот она сейчас дойдет до снопов!»

Он, конечно, преувеличивает, потому что до следующего разлива Нила по крайней мере еще два месяца [31].

Эту сцену сменяет другая. Один носильщик взялся за шест носилок с колосьями. Другой тоже берет шест, но явно старается замедлить ритм работы. Он говорит: «Не нравится эта сетка с колосьями моему плечу. Какая она тяжелая, о сердце мое!»

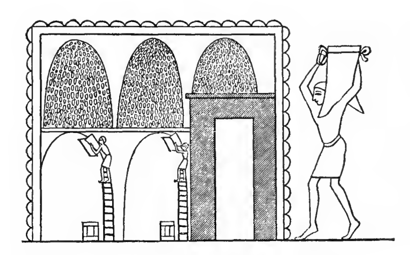
Колосья разбрасывают на току, где земля хорошо утоптана. Когда слой колосьев достаточно толст, на ток вступают быки, погонщики с кнутами и работники с вилами. Быки топчутся на току, а работники перетряхивают вилами колосья. Жара и пыль делали эту работу нелегкой. И все же погонщик подгоняет быков:

Молотите себе, молотите себе,
О быки, молотите себе!
Молотите себе на корм солому.
А зерно для ваших господ.
Не останавливайтесь,
Ведь сегодня прохладно.

Перевод М. Э. Матье

Время от времени какой-нибудь бык наклоняется, подбирает все, что попадется,— солому и зерно, но никто не обращает на это внимания [32].

Когда быков уводили, работники еще старались вилами частично отделить зерно от соломы. Более мягкая, чем зерно, полова оказывалась сверху. Ее можно было смести метелками. Под конец для этого использовался своего рода дуршлаг. Работник наполнял его зерном, брал за ручку, поднимался на цыпочки как можно выше и высыпал зерно, чтобы ветер сдувал полову [33].

Комплекс из пяти амбаров (три уже заполнены зерном)

Но вот зерно очищено. Берутся за дело писцы со своими принадлежностями и мерами для зерна. Горе тому земледельцу, кто попытался утаить часть урожая или же при самых лучших намерениях не смог собрать урожай, которого ожидали с его поля. Виновного кладут на землю и бьют, а в дальнейшем его, может быть, ожидают и более суровые наказания. Работники с корзинами, полными зерна, проходят между писцами, входят на двор, окруженный высокими стенами, где стоят башни-зернохранилища высотой до неба. Эти башни в форме сахарных голов тщательно обмазаны изнутри, а снаружи выбелены известью. По лестнице носильщики поднимаются до отверстия, куда и ссыпают зерно. Позднее, когда оно понадобится, его можно выгребать через маленькую дверцу внизу башни.

В общем, все эти тяжелые работы проходят весело. Один-другой удар палкой быстро забывается. Земледелец к этому привык. Он утешался тем, что палка в его стране — удел многих и гуляла по спинам и менее привычных. Слова автора псалма * вполне подходили египтянам:

> Сеявшие со слугами будут пожинать с радостью.
> С плачем несущий семена возвратится с радостью,
> неся снопы свои [34].

* Псалмы, 125, 5—6.

Когда зерно опускали в землю, оплакивали «Пастуха Запада». Теперь урожай собран, все радуются, но надо отблагодарить богов. Считалось, что пока зерно провеивают, оно находится под защитой идола в виде раздутого посередине полумесяца [35]. Какой смысл вкладывался в этот образ? Отвечая на этот вопрос, мы можем заметить, что до сих пор крестьяне Фаюма устанавливают на крыше или подвешивают над дверью дома чучело в юбке из колосьев, которое они называют «арус» — «невеста». Этой «невесте» они преподносят чашу с питьем, яйца, хлебцы. Многие думали, и, по-видимому, не без основания, что древнеегипетский идол в виде полумесяца тоже назывался «невестой».

В то же время земледельцы приносили богине-змее Ренепутет, которую, как мы знаем, чествовали виноградари, обильные жертвоприношения в виде снопов пшеницы, огурцов и арбузов, хлебов и различных фруктов. В Сиуте каждый земледелец подносил местному богу Упуауту первые плоды своего урожая. Сам фараон жертвовал сноп пшеницы богу Мину при большом стечении народа в день его празднества в первый месяц сезона «шему» [36]. От великих до малых — все благодарили богов, дарующих все сущее, и с надеждой ожидали нового разлива Нила, который должен был возобновить цикл жизни.

VI. ЛЕН

Лен вырастал высоким и жестким. Обычно его выдергивали в пору цветения. На цветных изображениях в гробнице Ипуи и Петосириса стебли увенчаны маленькими синими пятнами. Между ними растут васильки [37].

Чтобы вырвать лен из земли, его захватывали обеими руками довольно высоко, стараясь не повредить стебель. Затем стряхивали землю с корневищ и укладывали стебли в ряд, ровняя от корней. Затем собирали стебли в снопики так, чтобы цветы торчали с обеих сторон, и связывали посередине жгутом из таких же стеблей, которыми приходилось жертвовать. Египтяне знали, что самое лучшее и прочное волокно получалось из льна, еще не достигшего полной зрелости. К тому же один из древних текстов настоятельно советует выдирать лен в пору цветения. Однако следовало сохранять часть урожая до полной зрелости, чтобы получить семена для следующего посева, а также для лекарств.

Работники уносили снопики льна на плечах, дети — на головах. Счастливчики, имевшие ослов, наполняли льном переметные корзины и приказывали погонщикам следить, чтобы ни один снопик не выпал по дороге. На месте их уже ожидает человек, который обивает снопик льна об наклонную доску. Он кричит им: «Поторопись, старик, и не болтай слишком много, ибо люди с полей идут быстро!»

Старик отвечает: «Когда ты мне принесешь их 1109, я их причешу!»

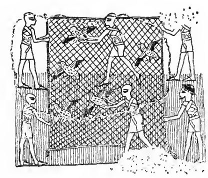
Служанка Реджедет, которую, наверное, черт попутал, выбрала именно такой момент, чтобы сообщить своему брату о тайне своей госпожи. Ей за это здорово досталось, потому что у брата в руках был как раз снопик льна — самое подходящее, чем можно отхлестать нескромную девицу [38].

VII. ПОЛЕВЫЕ ВРЕДИТЕЛИ

Мы уже знаем, что урожаю угрожали многочисленные враги. Когда колосья наливались, а лен зацветал, грозы и град обрушивались на поля Египта, а вместе с ними их разоряли люди и животные. Седьмой язвой египетской была саранча, приносимая восточным ветром, которая уничтожала все, что оставалось: на деревьях — ни листика, на полях — ни травинки. Перед лицом таких врагов крестьянин мог только просить заступничества у богов, и прежде всего взывать к богу саранчи. Но с некоторыми нежеланными гостями, посещавшими его сады весной и осенью (иволгами — «гену» и сизоворонками — «сурут»), он мог бороться и сам довольно успешно [39]. Эти полезные птицы, истребляющие множество насекомых, становятся врагами крестьянина, когда созревают плоды. Художники изображают, как они кружатся над плодовыми деревьями. Охотники ловят их в большие сети, растянутые над деревьями с помощью кольев. Сеть не мешает птицам добраться до плодов, но, когда птиц собирается много, дети тихонько подбираются к дереву и выдергивают колья. Сеть падает, накрывая дерево и пернатых воришек. Охотники входят в эту легкую клетку, собирают птиц как плоды и сажают в клетки. Кроме сетей египтяне пользовались ловушками с пружиной, известными с глубокой древности [40].

В период миграции перепелки прилетают в Египет тучами. Они настолько устают после долгого перелета, что падают на землю. Разумеется, египтяне предпочитали ловить здоровых птиц. Рельеф, хранящийся в Берлинском

музее, показывает нам шестерых охотников с мелкоячеистой сетью, натянутой на деревянную раму. Обращает на себя внимание костюм охотников. Они обуты в сандалии, чтобы ходить по жнивью, и подпоясаны белыми платками. Когда стаи перепелов появляются над сжатым полем, охотники вскакивают и начинают размахивать своими белыми платками, вызывая среди птиц панику: растерянные перепела начинают метаться и в конце концов попадают в сеть, запутываются лапками в мелких ячейках, мешают друг другу и не могут вовремя высвободиться. Четверо охотников осторожно поднимают раму с сетью, а двое выбирают из нее пойманных перепелов [41].

Ловля птиц

В семьях земледельцев охотно лакомились перепелами, да и боги ими не пренебрегали. Например, Амон за время царствования Рамсеса III получил в дар 21 700 перепелов [42]. Эта цифра составляет примерно одну шестую часть от общего числа птиц, пожертвованных Амону в то же время.

VIII. ЖИВОТНОВОДСТВО

Древние египтяне долго, «на ощупь» выбирали животных, которых можно было бы с пользой приручить и одомашнить. Человек подружился на охоте с собакой. Бык и осел оказались полезными для перевозки грузов. Кочевники весьма ценили овечью шерсть, в то время как египтяне считали ее неприемлемой ни для своих покойников, ни для живых. Баранам они предпочитали коз. Помимо этих животных, которых удалось быстро одомашнить, так же как и свинью, египтяне ловили на охоте и содержали в своих загонах газелей, оленей, саблерогих антилоп, ориксов, коровьих антилоп (бубалов), каменных козлов, мендесских антилоп, аддаксов и даже омерзительных гиен [43]. В эпоху Среднего царства правитель нома Орикса содержал в своих загонах нескольких животных, по названию

которых был назван этот ном. В период Нового царства египтяне отказались от подобных опытов. Один из школьников удостоился такого выговора:

«Хуже ты, чем козел в горах, который живет беганьем, он не провел [еще ни одного] полдня пахая, и не ступал [еще] на току совершенно» (перевод М. А. Коростовцева) [44].

Таким образом, египтяне ограничились только самыми полезными для человека животными; это были лошадь, бык, осел, коза, баран, свинья, гусь и утка [45]. Верблюд был известен лишь жителям Восточной Дельты. Что касается кур, то они появились гораздо позднее. Разумеется, и другие животные пользовались вниманием и заботливым уходом, но главным образом в храмах, где они почитались как боги.

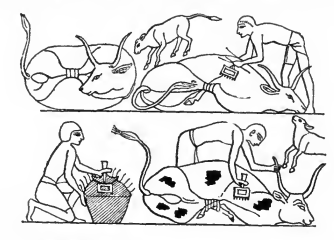
Лошадь была известна в Египте незадолго до времен Рамессидов * и, несмотря на контрибуции, накладываемые на азиатские народы, все еще встречалась в Египте довольно редко [46]. У Хеви была конюшня, стоявшая отдельно от хлева для быков и загона для ослов. Но Хеви был царским сыном Куша и занимал одно из первых мест в государстве [47], он — один из немногих привилегированных, кто выезжал на своей колеснице, направляясь во дворец, на прогулку или на осмотр своих владений. Владельцы лошадей не решались ездить на них верхом. Всего два-три раза, насколько мы знаем, египетские художники изображали всадников [48]. Кочевники были куда смелее. Во время военных действий, когда колесница оказывалась поврежденной, они отпрягали лошадей, вскакивали на них верхом и уносились прочь. На лугах лошадей пасли отдельно от остальных животных.

Хлев для быков обычно находился неподалеку от хозяйского дома, рядом с хлебным амбаром, в одной ограде. Там ночевали и слуги, чтобы стеречь быков и выводить их по утрам. В маленьких глинобитных хижинах, черных внутри и снаружи, ухитрялись они готовить ужин из своих скудных, тут же хранящихся запасов. Слуги, тяжело нагруженные, шли впереди стада или за ним. Чтобы облегчить ношу, они распределяли ее на две равные части — в кувшинах, корзинах или узлах, которые несли на коромыслах. Если у них было только одно место — узел, кувшин и т. д.,— они несли его на палке, перекинутой через

* Вероятно, лошадь появилась в долине Нила в эпоху гиксосского владычества.

плечо. Так делал Бата, но ведь он был очень сильным парнем! Женщины на него заглядывались. А большинство пастухов — несчастные бедняки, заморенные работой: лысые, больные, с редкой бороденкой, с большим животом, а иногда такие тощие, что страшно смотреть! В одной из гробниц Меира беспощадный художник изобразил их именно такими без всяких прикрас [49].

Жизнь пастухов нельзя было назвать монотонной. Если пастух любил своих животных, он постоянно с ними разговаривал и, зная места с наилучшей травой, водил туда

Клеймение скота

своих любимцев. Животные отвечали ему преданностью и тем, что быстро росли, нагуливали жирок, приносили большой приплод. А при случае сами оказывали пастуху какую-нибудь услугу («Сказка о двух братьях»).

Для пастуха всегда бывал нелегким переход через болота. Там, где люди и взрослые животные не теряли почвы под ногами, теленок мог утонуть. Поэтому пастух взваливал его себе на спину и решительно шел в воду. Корова-мать следовала за ним с жалобным мычанием, испуганно таращa глаза. Мудрые быки в сопровождении других пастухов шли спокойно, соблюдая порядок. Если место было глубокое, а рядом — заросли тростника и папируса, следовало опасаться крокодилов. Но пастухи древности знали, какое слово сказать, чтобы крокодил тотчас превратился в безобидное растение или чтобы ослепить его [50]. Полагаю,

эти магические слова не были позабыты и в эпоху Рамсесов, но документы на этот счет молчат. В гробнице в Эль-Берше сохранилась песня одного пастуха, который прошел через много стран:

Вы топтали пески всех пустынь,
А теперь вы топчете травы.
Вы едите густые травы,
Теперь наконец-то вы сыты,
Это хорошо для вашего тела! [51].

У Петосириса пастух дает своим коровам поэтические имена: Золотая, Сверкающая, Прекрасная, как если бы они олицетворяли богиню Хатхор, которой принадлежат все эти эпитеты [52].

Случки, рождения телят, бои быков и постоянные переходы были теми основными моментами, когда пастух мог показать свои знания и самоотверженность. Если он попадет впросак, тем хуже для него. Если крокодил схватит теленка, если вор угонит быка, если болезни опустошат стадо, никакие объяснения не принимались. Виновных укладывали на землю и били палками [53].

Великолепным средством против угона скота было клеймение. К нему прибегали главным образом во владениях Амона и других великих богов и в царских владениях. Коров и телят сгоняли на край луга и поочередно ловили с помощью лассо. Им связывали ноги и опрокидывали на землю, словно собираясь прирезать, затем раскаляли железное клеймо на мангале и прикладывали его к правой лопатке животного. Писцы, разумеется, присутствовали при этой операции со всеми своими принадлежностями, и пастухи почтительно целовали землю перед этими представителями власти [54].

Вот козы рассыпаются по рощице, деревья которой предназначены на вырубку, и в мгновение ока объедают всю зелень [55]. Они торопятся не зря, потому что дровосек уже здесь, наготове. Он уже нанес первый удар топором, но коз этим не остановишь! Кругом прыгают козлята. Козлы тоже не теряют времени даром. Но вот пастух с посохом собирает свое стадо. На одном конце коромысла он несет большой мешок, а на другом, в виде противовеса, козленка. Кроме того, в руке у него флейта, но еще ни один Феокрит и ни один Вергилий не воспели любовь пастухов и пастушек на нильских берегах.

Птиц египтяне разводили в специальных загонах, не менявшихся с Древнего до Нового царства. Посреди птичьего двора, как правило, возвышалась стела или статуя бо-

гини Рененутет. В одном углу двора находился навес, под которым стояли кувшины, мешки и весы для взвешивания зерна, в другом углу, отделенном сеткой,— большая лужа. Гуси и утки купаются в ней или бредут по берегу, когда птичник приносит им очередную порцию зерна [56].

IX. ОБИТАТЕЛИ БОЛОТ

Болота покрывали значительную часть Нильской долины. Когда река возвращалась в свои берега, кое-где на возделанных полях оставались большие лужи, в которых вода не высыхала до конца сезона «шему». Эти болота покрывали ковры водяных лилий и других растений, а по берегам стояли заросли тростника и папируса. Папирус иногда рос так густо, что сквозь него не проникал луч солнца, и был таким высоким, что птицы, гнездившиеся в его зонтиках, чувствовали себя в безопасности. Эти пернатые показывали чудеса воздушной акробатики. Вот самка высиживает яйца. Неподалеку сова ожидает наступления ночи. Однако естественные враги пернатого племени, виверра или дикая кошка, легко добираются до птичьего гнезда. Отец и мать отчаянно сражаются с грабителем, в то время как их птенцы призывают на помощь и без толку машут еще голыми крылышками.

Гибкие рыбы скользят между стеблями тростника. Среди них особенно заметны лобаны, сомы, мормиры («нильские щуки»), огромные латесы, почти такие же большие хромисы и фахаки, которого, по словам Г. Масперо, природа создала в минуту добродушного веселья. А вот батенсода плывет брюхом вверх. Ей так полюбилась эта поза, что спина у нее побелела, а брюхо потемнело. Самка гиппопотама отыскала укромное место, чтобы родить детеныша. Коварный крокодил поджидает удобного случая, чтобы проглотить новорожденного, если только не вернется его грозный папаша. Тогда разгорится беспощадная борьба, из которой крокодилу не выйти победителем. Гиппопотам схватит его своими огромными челюстями. Напрасно крокодил вцепился ему в ногу: он потерял равновесие и гиппопотам перекусывает его пополам [57].

Чем дальше на север, тем обширнее становятся болота, тем гуще заросли папируса. Египетское название Дельты — «мехет» — означает в то же время болото, окруженное папирусом. Египетский язык, столь богатый синонимами для обозначения природных явлений, имел специаль-

ные слова для разных болот: болото, поросшее водяными лилиями,— «ша», болото с зарослями тростника — «сехет», болото с водоплавающей птицей — «иун», а лужи воды, оставшиеся после разлива,— «пехуу». Все эти болота были истинным раем для охотника и рыболова. Почти все египтяне и даже будущие писцы при малейшей возможности отправлялись на болота поохотиться или порыбачить. Знатные дамы и маленькие девочки рукоплескали удачливым охотникам и были счастливы вернуться домой с пойманной живой птицей. А мальчишки быстро осваивали метание бумеранга * или гарпуна. Но все это были любительские забавы. На севере же люди жили за счет болот.

Болота давали им все необходимое для жилья и для изготовления орудий. Египтяне срезали папирус, вязали из стеблей большие снопы и, согнувшись под тяжестью ноши, а порой спотыкаясь, брели с ними в деревню. Здесь они раскладывали свою добычу на земле и выбирали стебли, пригодные для строительства хижины. Ибо вместо домов из кирпича-сырца здесь строили папирусные хижины, обмазанные илом. Стены в них были тонкими, обмазка часто осыпалась, но разве трудно замазать трещины? Из волокон папируса плели веревки любой толщины, циновки, сети, кресла и клетки и продавали жителям засушливых районов. Веревками из стеблей папируса связывали изящные, практичные челноки, без которых невозможно было ни охотиться, ни рыбачить. Но прежде чем отправиться за добычей, следовало испытать новое суденышко. В венке из полевых цветов и с водяной лилией на шее каждый выводил свой челнок на водную гладь с помощью длинного, раздвоенного на конце шеста. Сражение начиналось с обмена ругательствами, порой довольно забористыми. Звучали страшные угрозы, удары сыпались градом. Казалось, все это добром не кончится, однако противники старались только столкнуть друг друга в воду и опрокинуть челнок. Когда на воде оставался только один победитель, праздник заканчивался **. Победители и побежденные, примирившись, вместе возвращались в деревню и продолжали заниматься своим ремеслом, которое один насмешливый египтянин назвал самым тяжелым [58].

---

* Точнее, метательная палка, так как в отличие от австралийского этот бумеранг не возвращается.

** См.: *Большаков А. О.* Сцена драки лодочников в староегипетских гробничных изображениях.— Советская этнография, 1983, № 3, с. 105—112.

На далекий лов рыбаки уходили на одномачтовых деревянных судах. Между вантами натягивались веревки для сушки рыбы. Порой на мачте сидели хищные птицы [59].

Было много способов ловли рыбы. Одинокий рыбак устраивался со своими припасами в маленьком челноке, находил спокойное местечко и бросал в воду леску. Когда на крючок попадалась крупная рыба, он осторожно подтягивал ее к челноку и оглушал дубинкой. В неглубоких болотах расставляли простые верши или верши из двух отделений. Привлеченные наживкой лобаны находили вход в вершу, раздвигали стебли, но выбраться обратно уже не могли. Вскоре верша превращалась в садок с живой рыбой. Удачливый рыбак опасался только соседа, который мог выследить его и явиться к верше первым.

Ловля с помощью сачка требовала терпения и верной руки. Рыбак останавливал челнок на рыбном месте, погружал снасть и ждал. Когда рыба сама заходила в сачок, его нужно было быстро поднять, не делая, однако, резких движений, иначе рыбак поднимал только пустой сачок.

Ловля бреднем требовала участия дюжины человек, по крайней мере двух лодок и огромной прямоугольной сети с поплавками на верхнем краю и каменными грузилами на нижнем. Бредень растягивали в озере и загоняли в него рыбу. Затем его потихоньку подтягивали к берегу. Наступал самый ответственный момент, потому что такие ловкие и сильные рыбы, как однозуб из семейства сомовых, легко перепрыгивали через бредень и вырывались на свободу. Рыбакам приходилось хватать беглецов на лету [60]. А для добычи огромных латесов, таких больших, что хвост волочился по земле, когда два рыбака несли эту рыбину, подвешенную к шесту, самым лучшим оружием был гарпун [61]. Гарпуны применяли и для охоты на гиппопотамов, но обычный гарпун сломался бы, как тростник, в теле этого чудовища. Для охоты на гиппопотамов использовали мощные гарпуны с металлическим наконечником, прикрепленным к деревянному древку и к длинной веревке со множеством поплавков. Когда гарпун вонзался, древко ломалось, наконечник оставался в теле гиппопотама, который старался уйти от охотников. А те следили за поплавками, подхватывали веревку и подтягивали ее. Гиппопотам поворачивал к охотникам огромную голову и разевал пасть, готовый переломить челнок, однако его приканчивали гарпунами [62].

Охота с бумерангом была скорее спортом богачей, чем настоящим промыслом. Мы видим, как Ипуи занимает

место в роскошной лодке в форме гигантской утки. Впрочем, большинство охотников довольствовались обычными серповидными челнами из папируса. Очень важно, чтобы в лодке находился гусь, натренированный для приманки гусынь. Охотник бросает бумеранг с головой змеи на одном конце. Бумеранг и сбитая дичь падают. Друзья охотника, его жена и дети быстро подбирают добычу. Восхищенный маленький мальчик говорит отцу: «Я поймал иволгу!» Но дикая кошка за это время успевает схватить трех птиц [63].

Охота с сетью позволяла сразу поймать множество птиц. Это был спорт, здесь участвовала целая команда. «Князья» и люди высокого положения не стеснялись принимать участие в этой охоте в качестве руководителей и даже простых сигнальщиков. На плоской местности выбирался прямоугольный или овальный водоем длиной в несколько метров. С обеих сторон этой лужи растягивали две прямоугольные сети, которые, если их соединить, покрыли бы всю поверхность. Надо было только внезапно и одновременно накинуть обе сети, чтобы сразу все птицы, опустившиеся на воду, оказались в плену. Для этого в землю вбивали по два шеста с каждой стороны водоема, справа и слева. К ним привязывали две сети-ловушки, два внешних угла которых соединялись веревками с толстым колом, вбитым поодаль на оси водоема, а два других — с главной веревкой длиной более десяти метров, с помощью которой захлопывалась эта ловушка. Когда все было подготовлено, сигнальщик прятался неподалеку в зарослях, часто по колено в воде, или садился за плетеным щитом с отверстиями. Дрессированные птицы, сообщники охотников, ковыляли по берегу водоема. Вскоре на него опускались стаи диких уток, а трое или четверо охотников уже держались за спусковую веревку. Они находились довольно далеко от водоема, потому что при малейшем шуме птицы улетят. Сигнальщик поднимает руку или машет платком. По его знаку охотники резко отклоняются назад, дергают за веревку, и ловушка срабатывает. Две сети падают одновременно на стаю птиц; напрасно они отчаянно бьются, пытаясь выбраться из сети. Не давая им опомниться, охотники, которые от резкого рывка сами повалились на землю, быстро поднимаются и подбегают с клетками. Заполнив их, они связывают остальным птицам крылья, перекрещивая маховые перья: этого достаточно, чтобы донести их до деревни [64].

Все эти способы требовали терпения, ловкости, а иног-

да и мужества, однако все их усилия остались бы тщетными, если бы не покровительство богини, которую они называли «Сехет» — «Поле». Ее изображали как крестьянку в простом прямом платье. Длинные волосы ниспадали ей на плечи. Да и сама сеть была божеством по имени «Сеть» и считалась сыном «Поля». Охота и рыболовство, которые мы описали, находились под покровительством богини Сехет. Рыбы и птицы были ее подданными, но она не скупилась и раздавала их своим друзьям — охотникам и рыбакам [65].

X. ОХОТА В ПУСТЫНЕ

Охота в пустыне была спортом «князей» и прочей знати, а также занятием охотников-профессионалов. С одной стороны, нет практически ни одной гробницы, где бы не было изображения ее хозяина, поражающего меткими стрелами газелей и антилоп, сбитых в тесное стадо, как в каком-нибудь огражденном заповеднике. Но, с другой — мы видим, как лучники, патрулирующие в пустыне, и надзиратели золотой горы Коптоса приходят с отчетом к великому жрецу Амона Менхеперрасенебу в сопровождении начальника охот, который преподносит богу великолепную добычу: страусовые яйца и перья, живых страусов и газелей и туши убитых животных [66]. Рамсес III создал отряды лучников и профессиональных охотников, которые должны были сопровождать сборщиков меда и благовонных смол и одновременно отлавливать ориксов, чтобы дарить их Ка бога Ра на всех его празднествах, ибо приношение животных пустыни с древнейших времен, когда человек жил в основном охотой, и до исторической эпохи считалось особенно угодным богам [67].

Любители, да и профессионалы старались избежать долгого преследования дичи, которую природа наделила быстрыми ногами, ибо они рисковали заблудиться в пустыне, где сами стали бы добычей гиен и хищных птиц. Хорошо зная привычки животных и места водопоев, они пытались загнать как можно больше дичи на заранее подготовленный участок, где спокойно могли ее отлавливать или убивать. Для этого выбирали глубокую долину, где еще сохранились остатки влаги и была какая-то зелень, но обязательно с такими крутыми склонами, чтобы животные не могли на них взобраться. Долину перегораживали поперек сетями на кольях в двух местах; расстояние

между двумя заграждениями определяли охотники, но, каково оно было, изображения нам не показывают. Внутри раскладывали корм и ставили воду [68]. Вскоре загон заполнялся. Животные радовались жизни, не понимая, что часы их сочтены. Дикие буйволы носились галопом. Страусы танцевали, приветствуя восходящее солнце. Газель кормила своего теленка. Дикий осел засыпал, вытянув шею. Заяц, сидя на холмике, принюхивался к ветру [69].

Раньше охотники отправлялись на охоту пешком. Господин шел налегке. Сопровождающие распределяли между собой припасы, луки, стрелы, клетки, веревки и корзины для дичи. Псари вели борзых и накормленных досыта гиен, которых умудрялись натаскивать для охоты.

С тех пор как в Египте появились колесницы (т. е. с Нового царства), господин выезжал на колеснице, словно отправлялся на войну, с луком и стрелами. Сопровождающие — «шемсу» — следовали за ним пешком, неся на коромыслах кувшины, полные бурдюки, корзины из пальмовых веток, мешки и веревки. Когда маленький отряд прибывал на место, господин со своим оружием сходил с колесницы. Псарь удерживал на поводках свору борзых [70]. К тому времени египтяне давно уже отказались от гиен, которых использовали в эпоху Древнего царства.

Но вот на дичь в загоне внезапно обрушивается дождь стрел и бросаются разъяренные борзые. Несчастные животные напрасно ищут выход. Обрывистые склоны и сети удерживают их на месте побоища. Олени, дикие быки уже повержены. Страус отбивается клювом от нападающей собаки. Беременная газель рожает на бегу теленка, и борзая тут же душит новорожденного. Орикс бросается вперед отчаянным прыжком, но попадает прямо в пасть другого пса. Еще одна борзая сбила газель и вцепилась ей в горло.

Судя по изображению в гробнице некоего Усира, в загоне также расставляли ловушки, но роспись слишком плохо сохранилась, чтобы можно было судить об их устройстве. Однако ловушки существовали наверняка. Иначе как могли бы охотники, вооруженные только луками и стрелами, захватывать такое большое количество живой дичи, как мы это видим в гробнице того же Усира и в гробнице Аменемхета? [71].

На обратном пути охотники ведут за собой, привязав за ногу, каменного козла, газель, орикса и страуса. Помощник несет на плечах маленькую антилопу. Другие тащат за уши, по-видимому, убитых зайцев. Гиена, подвешенная к шесту за четыре лапы, висит головой вниз: уж

она-то наверняка мертва. Эти охотники не теряли времени даром, но были и такие, кто, не заботясь о выгоде или просто из любви к опасностям, продолжал преследовать антилоп на своих быстрых, как молния, колесницах. Так поступал неутомимый царевич Аменхотеп. Некий Усерхет тоже отправился на колеснице в пустыню, сам правил конями и стрелял из лука. Он гнал перед колесницей стадо антилоп, которые в своем паническом бегстве увлекли за собой зайцев, гиену и волка. Возвратился Усерхет с богатой добычей [72].

Глава VI

ИСКУССТВО И РЕМЕСЛА

Египетский народ состоял не только из земледельцев, писцов и жрецов. В противном случае в Египте не было бы ни пирамид, ни храмов, ни дворцов. Царевна Хнумит не могла бы возложить на свои черные волосы чудесную диадему, словно сделанную волшебными феями. И никто не представлял бы, как могли вырубить в каменоломне гранитный брус длиной более тридцати метров, перевезти его из Асуана в Фивы, обточить в форме обелиска, украсить великолепными иероглифами и, наконец, водрузить на основание — и все это за семь месяцев! А ведь подобные подвиги египтяне совершали неоднократно на протяжении всей эпохи Нового царства. Писцы же считали этих прекрасных мастеров на много ниже себя. Однако мы сами попробуем составить себе представление об их работе и образе жизни.

I. КАМЕНОЛОМНИ

В двух пустынях Египта, обрамляющих Нильскую долину, находились выходы чудесных скальных пород, которые поставляли архитекторам, скульпторам и ювелирам материал для их работ — от гигантских до самых маленьких. Известняк встречался повсюду — от Мемфиса до Иунита (Латополь, греч. Эсна) к югу от Фив. Самый прочный и белый добывали в каменоломнях Ра (совр. Тура), неподалеку от истоков Хелуана. Известняк фиванских гор был тоже высокого качества. Красный, как древесина кедра, кварцит — «мери», привозили с Красной Горы, владения Хатхор, расположенного к северо-востоку от Она. Эта каменоломня еще работала полным ходом при XII династии. Затерявшись среди работников такой каменоломни, когда они шли из своего поселка на работу, беглец Синухет сумел покинуть Египет.

При Рамсесе II добыча камня производилась здесь особенно интенсивно. Однажды в присутствии самого фарао-

на, прибывшего в пустыню Она, на границе с владениями Ра, в этой каменоломне обнаружили такой огромный блок, каких еще не видывали «со времен богов». Все подумали, что Ра сам сотворил его своими лучами. Фараон приказал обтесать его лучшим каменотесам. Ровно через год из блока получилась колоссальная статуя, которую назвали «Бог Рамсес». Начальник работ получил вознаграждение: золото и серебро. Все, кто принимал в этом участие, были также удостоены царских милостей. Его величество заботился о них повседневно. Поэтому все трудились с особым усердием.

Еще одно месторождение кварцита обнаружено рядом с первым. В этой каменоломне высекали колоссов для храма Птаха в Мемфисе, а также для храмов Птаха Рамсеса и Амона [1].

Песчаник хоть и не столь красивый, как из Красной Горы, но все же вполне пристойный в изобилии добывали в трех южных номах. Район Асуана славился своим гранитом. Гранит трех сортов — розовый, серый и черный — добывали недалеко от города, а также на островах Абу (Элефантина), Сатит и Сенмут. Обелиски, саркофаги, гигантские изваяния Осириса говорят об активных разработках в древних каменоломнях. Пробные разрезы еще видны повсюду. Этот район гранитных месторождений простирается довольно далеко на юг. А если отправиться из Идахета на запад, через три дня пути уже можно добраться до диоритовых карьеров, заброшенных со времен Среднего царства. Но местность эта была настолько дикая и пустынная, добыча камня требовала таких жертв и усилий, что даже Рамсесы, не щадившие своих военнопленных, не решились возобновить здесь работы [2], тем более, что с гораздо меньшими затратами они могли добывать великолепный камень в Среднем Египте: в Хатнубе, в нескольких часах ходьбы от покинутой столицы Эхнатона, и южнее, в долине Рахену (так называли Вади-Хаммамат при XII династии), в трех днях хода от Коптоса,— алебастр, черный песчаниковый сланец «бехен» *, хорошо поддающийся полировке, а также зеленая и обычная брекчия. Почти во всех древних каменоломнях сохранились ниши с надписями, но обычно они представляют собой списки имен и титулов, и лишь в текстах карьеров из долины Рахену приводятся любопытные подробности [3].

* Как показали специальные исследования, египтяне называли «бехеном» граувакку, гранит и, возможно, другие виды камня. «Горами бехена» именовали Вади-Хаммамат с XIX династии.

Разработки в каменоломнях велись нерегулярно. Когда фараону необходим был камень «бехен», он снаряжал экспедицию. Каждая представляла собой целое событие, ибо собирала тысячи работников. Но всех превзошел Рамсес IV, который для своей огромной экспедиции мобилизовал 9368 человек. Он готовился к ней очень тщательно: советовался с книгами «дома жизни», послал особый отряд на разведку. Во главе экспедиции стояли тринадцать высших сановников, среди них был верховный жрец Амона со своими помощниками. Далее следовали 20 писцов, опытных «инженеров»; к ним обращались по самым различным проблемам — от чисто технических — как поднять обелиск, поставить колосс высотой в тридцать локтей или построить кирпичную стену — и до чисто административных, например во время подготовки похода в Сирию. Начальников конюшен, конюхов и колесничих было 91, офицеров стражи — 50, чиновников различных категорий — тоже 50. С удивлением мы видим тут же 200 управляющих рыбацких артелей, но это объясняется, видимо, тем, что сезон «шему», когда проходила экспедиция, считался неблагоприятным для рыбной ловли. Основную массу экспедиционного корпуса составляли 5000 воинов, 2000 работников из храмов и 800 наемников («аперу»).

Девятьсот правительственных чиновников тоже принимали участие в экспедиции, но следовали за ней на расстоянии. Множество повозок, влекомых быками, сопровождали эту, можно сказать, армию. Однако настоящих специалистов было среди них сравнительно немного: начальник художников, три начальника каменоломен, 130 каменотесов, 2 рисовальщика и 4 резчика по камню. Основная же масса людей использовалась для перетаскивания тяжелых блоков на полозьях и доставки продовольствия, которое являлось самой острой проблемой. Интенданты ломали голову, как прокормить среди голой пустыни эти тысячи людей. Каждому полагалось немного воды, немного пива и немного хлеба, а специалистов и начальников следовало кормить получше, согласно их рангу, и, наконец, необходимо было и достойно отблагодарить богов, хозяев гор «бехена», прежде всего Мина, Хора и Исиду, чтобы экспедиция завершилась успешно. Как выражались египтяне своим образным языком, им предстояло превратить пустыню в цветущий сад, а пыльную дорогу — в полноводный канал. Зато с какой гордостью могли они потом начертать на стеле: за все время не пал ни один осел, никто не страдал от жажды и не испытал горечи ра-

зочарования. И действительно, на что им было жаловаться, этим согнанным в пустыню людям, если их поили пивом и кормили хлебом, как в Египте по праздникам! [4].

Работа в каменоломнях велась предельно примитивно. Египтяне не искали жилы в скалах и не вырубали из них блоки нужных размеров. Они выбирали среди уже отбитых блоков те, что им подходили для изготовления саркофага, или крышки к нему, или статуи. Кто приходил первым, брал каменные глыбы, валявшиеся у дороги, опоздавшим приходилось карабкаться на склоны и сбрасывать камни оттуда. При этом многие глыбы разбивались и вниз летели одни осколки. Начальнику каменоломни по имени Мери пришла в голову поистине гениальная мысль: устроить на склоне наклонную дорогу, чтобы блоки могли соскальзывать по ней. Успех превзошел все ожидания! Изобретательный «инженер» сумел только для себя лично вывезти десять статуй высотой по пять локтей. Такого еще не бывало! Понадобилось всего полтора десятка столетий, чтобы этот метод начали применять повсюду [5].

Египтяне всегда чутко улавливали признаки божественного вмешательства, а тут, посреди пустыни, они и подавно подмечали малейшие приметы, которые зачастую становились для них чудесами. Когда работники каменоломен бродили по горам «бехена» в поисках подходящей глыбы для крышки саркофага фараона Небтауира (Монтухотеп III), перед ними появилась газель, явно посланная божеством.

«Яловая газель встала на пути и повернулась мордой к людям, которые были перед нею. Глаза ее смотрели на тех, кто пытался ее поймать, но она не убежала, пока не привела людей на священную гору, где была крышка для саркофага. Она отелилась на этом месте. Воины фараона, которые это видели, перерезали ей горло. Они остановились здесь, принесли [газель в] жертву [богам] и спустились [в долину] в мире. Величество этого почитаемого бога, владыка пустынь, ниспослал этот дар сыну своему, Небтауира, да живет он вечно, дабы удовлетворить его и чтобы он жил на своем троне вечно и отпраздновал бессчетное количество раз свои юбилеи» [6].

Найденный камень спустили, не повредив, на дорогу, уложили на полозья, однако глава экспедиции не мог дать сигнал к отправлению, пока божествам гор «бехена», из которых первым был бы Мин, владыка Коптоса и Ипу *,

* Греки назвали этот город Панополь в честь Мина, отождествленного с Паном (совр. Ахмим).

не воздвигли подобающий памятник, тем более, что за чудом с газелью случилось другое, не менее удивительное. Посреди долины нашли квадратную цистерну со сторонами в десять локтей. Она была до краев наполнена водой. Египтяне приняли меры, чтобы антилопы не замутили священную воду и кочевники ее не нашли.

«Ибо воины предыдущих царей проходили мимо и уходили, но ни один глаз ее не заметил, ни одно человеческое лицо не отразилось в ней. Она сама открылась только для его величества... Когда те, кто в Та-мери, „рехет", которые в Египте, на севере и на юге, услышат об этом, они склонятся лбом до земли. Они признают совершенство его величества вечно вековечно» [7].

По воле его величества «эта стела была воздвигнута в честь Мина, его отца, владыки пустынь на этой священной горе, первородной, первой поставленной на земле восходящего солнца, божественный дворец, давший жизнь Хору, божественное гнездо *, где бог радуется, чистое место его веселья в пустынях божественной земли. Чтобы Ка его был удовлетворен, а бог восхитился в сердце своем, правя с великого трона, который выше [других] тронов, чтобы воздвигли памятники совершенному богу, властителю радости, страшному во гневе, великому любовью, наследнику Хора в его Обеих землях [т. е. Верхнем и Нижнем Египте], воспитанному Исидой, божественной матерью Мина, великой волшебницей в царстве Хора Обоих берегов. Поставлена эта стела царем Юга и Севера Небтауира, живущим вечно, подобно Ра».

Он говорит:

«Мое величество повелел „князю"-везиру, начальнику работ, радующих сердце царя, Аменемхету выступить с войском в 10 000 человек из южных номов, начиная с Уабута, чтобы доставить ему достойный блок, драгоценный камень, самый чистый, который есть на этой горе, укрепленный богом Мином, для его саркофага, напоминающего о вечности больше, чем все памятники в храмах Верхнего Египта; предпринята эта экспедиция фараона, владыки Обеих земель, чтобы доставить ему из пустынь отца его Мина предмет его желаний» [8].

Через двадцать два дня экспедиция тронулась в обратный путь, волоча на полозьях превосходный блок длиной в восемь локтей и шириною в четыре, при толщине в два локтя. Перед этим принесли в жертву быков и антилоп и

* Воплощением Хора был сокол.

возожгли курения из благовонных смол во славу доброжелательного бога.

Египтяне не любили себя затруднять и прибегали к этому простейшему методу всюду, где было возможно. Похоже, они верили, что блок песчаника высотой больше любого обелиска, найденный в каменоломне Красной Горы, тоже дар богини Хатхор. Когда же не было иного выхода, они смело врубались в скалу или долбили галереи [9]. Правда, этой тяжелой работой, особенно в фиванских горах, они достигали двух целей: высекали «вечные жилища» для покойников и добывали блоки для живых. Как правило, в каменоломнях работали военнопленные или осужденные преступники, но известно, что этим занимались и многие простые египтяне. При последних Рамсесах, когда Египет раздирала междоусобная война, они разбили свои цепи, перешли на сторону врагов Амона и рассеялись по стране, убивая, грабя и совершая бесчисленные святотатства. Впрочем, это вовсе не доказывает, что раньше они были довольны своей участью.

II. РУДОКОПЫ

В пустыне между Нилом и Красным морем достаточно часто встречалось золото. Особо стоит отметить три места. В древних текстах, а также в папирусе Харриса не раз упоминается «золото Коптоса» [10]. В действительности золото Коптоса находили в «горах бехена». Природа хорошо позаботилась, собрав возле одного водоема на скрещении многих пустынных дорог, на равном расстоянии от Нила и Красного моря золотые рудники и каменоломни. Этот район посещали смотрители золотых рудников Коптоса, начальники охотничьих отрядов, посланных на ловлю зайцев, страусов и газелей, и воины Коптоса, отвечавшие за безопасность тех, кто переносил через пустыню драгоценный металл.

Другие рудоносные районы использовались гораздо меньше, чем «горы бехена». Однажды фараон Сети I, изучая горы в пустыне, возжелал самолично увидеть рудники, откуда ему доставляли золото [11]. Он обследовал каналы, которые вели в пустыню от Эдфу, и остановился на дороге, чтобы посоветоваться с сердцем своим. Оно ему сказало:

«Как тяжела дорога, когда на ней нет воды! Как можно идти по ней, если горло пересохло? Кто утолит эту жаж-

ду? Земля далеко. Пустыня огромна. Жаждущий человек на холмах взывает. Как помогу их беде? Я найду средство, чтобы люди жили. Они будут благодарить бога моим именем во все грядущие годы. Будущие поколения станут прославлять меня за мои дела, ибо я провидец, обращающий лик свой к путнику».

Когда его величество посовещалось с сердцем своим, оно направилось в пустыню на поиски места для колодца. Бог направлял его шаги, чтобы отыскать желаемое место. Каменотесы получили приказ вырубить колодец в горах, дабы утолить жажду измученного путника, освежить его, опаленного летним зноем. Попытка удалась, и фараон смог начертать: «Бог исполнил мою просьбу! Он ниспослал мне воду в горах. Дорога, которая была ужасной со времен богов, в мое царствование стала нриятной».

Однако это было только начало. Фараон намеревался основать настоящий город с громким именем «Менмаатра (тронное имя Сети I), дающий воду, как два источника Абу». Но что за город без храма? Его поручили воздвигнуть управителю царских работ. Каменщики некрополя принялись за дело, и вскоре у подножия горы появился маленький, изящный храм, который красотой своих статуй и надписей не уступал другим памятникам той эпохи. В нем поклонялись одновременно многим богам: Амону, Ра, Осирису, Хору и Эннеаде богов, а также самому фараону. Сети I прибыл на открытие храма и обратился к богам с такой молитвой:

«Слава вам, великие боги, создавшие небо и землю по своему разумению, покровительствующие мне вечно и продлившие имя мое на все времена. Ибо я великодушен. Я щедр к вам. Я забочусь о том, что вы любите... Счастлив тот, кто внемлет словам бога, ибо замыслы его безупречны. Да будет все совершено по воле вашей, потому что вы — владыки. Я отдал жизнь мою и мои силы вам, изыскивая в вас добро для себя. Сделайте так, чтобы памятники мои навечно остались для меня и мое имя продлилось на них!»

Рудокопы, со своей стороны, не переставали восхвалять фараона, который выкопал колодец, соорудил водоем и построил храм, угодный богам, и тем самым совершил прекрасное деяние. Они повторяли без устали:

«Амон, ниспошли ему вечность, умножь срок его жизни! Боги, пребывающие в источнике, передайте ему ваше долголетие, ибо он открыл нам дорогу, которая была закрыта для нас. Мы идем по ней, и нам хорошо. Когда до-

стигаем источника, он возвращает нам жизнь. Дорога, которую мы знаем, стала хорошей дорогой. Благодаря ему путь золота прям, как взгляд сокола».

Храм стал владельцем рудников. Все золото, добытое в них, следовало передавать храму и лишь оттуда — в царскую казну. Отряд лучников был назначен для охраны храма и его работников. Другие золотоискатели, бродившие по пустыне, лучники или стражники не имели права менять порядков, установленных фараоном. Никто не мог уводить для какой бы то ни было работы людей, добывавших золото для храма, а тем более прикасаться к золоту, ибо это «плоть богов». Будущие властители обязаны были считаться с волей Сети I, и тогда на помощь им придут боги Амон, Хорахти и Птах Татенен.

«Они будут управлять землями милостиво. Они будут властвовать над пустыней и Землей Лука. Их Ка будут вечными. Они накормят всех, кто на земле. Но горе тем, будь то цари или простые люди, кто останется глух к моим словам! Осирис их покарает, Исида будет преследовать их жен, а Хор — их детей с помощью всех вождей Та-Джесер *».

Положение царских рудокопов в Нубии было куда менее завидным [12].

В стране Икаита (восточнее второго нильского порога) много золота, но из-за отсутствия воды путь к нему очень труден. Из тех, кто идет туда за золотом, лишь половина приходит на место. Остальные погибают от жажды, как и их ослы, которых они гонят перед собой. У них не хватает воды ни на дорогу туда, ни на обратную, хотя они несут воду в бурдюках. Поэтому приносить золото оттуда было невозможно.

Правители прошлых лет, говорит в своем донесении царский сын Куша, пробовали рыть колодцы, но безуспешно. Отец Рамсеса II, фараон Менмаатра (Сети I), которому так повезло с источником к востоку от Эдфу, тоже потерпел неудачу. По его приказу начали рыть колодец, достигли глубины 120 локтей, но забросили его, потому что вода так и не появилась. Эта неудача не обескуражила «инженеров» Рамсеса II, которые были уверены, что Хапи, отец всех богов, не поскупится дать воду своему возлюбленному сыну. Они возобновили работы и на сей раз добились успеха. Вода, которая была в Дуате (потусторонний мир), поднялась в колодец. Рудокопы больше не уми-

* Царство мертвых.

рали по дороге от жажды, но работа их оставалась такой же тяжелой.

По словам Диодора, которого мы вынуждены цитировать за неимением более древних текстов [13], рудокопы нагревали скалу, чтобы сделать ее хрупкой, а затем вгрызались в нее металлическими клиньями в направлении рудоносной жилы. Обломки руды выносили из галерей, размалывали и промывали до тех пор, пока в лотках оставалась только сверкающая золотая пыль. Из этой пыли химическим путем получали очень чистое золото. Однако на практике египетское золото обычно смешано с серебром, медью и другими металлами [14]. Египтяне добывали на Синае драгоценную бирюзу, «мефкат» [15], весьма ценимую ювелирами, и малахит, «шесмет» [16]. Начатая еще при фараоне Санахте эксплуатация рудников при Рамсесах велась более активно, чем когда-либо. Никого не останавливал недостаток воды, да и кочевники, которые прежде нападали на рудокопов и караваны с сокровищами, приутихли. Однако никто не был застрахован от случайностей, связанных с капризами природы. Об одной из них нам рассказал живший при XII династии Хорурра.

Ему поручили провести изыскания в руднике, но он прибыл на место только на третий месяц сезона «перет», считавшийся неблагоприятным для работ. На следующий день по прибытии он посовещался с самыми опытными рудокопами, и они в один голос сказали:

«В горе бирюзы хватит на целую вечность, однако в сезон „шему“ надо присматриваться к ее цвету. Нам всегда говорили: в это время легко добывать бирюзу, но цвет ее светлый».

«Пока длится „шему“, пустыня обжигает,— объясняет Хорурра,— горы раскалены докрасна, как железо, а цвет (камней) портится».

В действительности Хорурра приступил к работе в конце зимы. Настоящая жара еще не настала, но до палящих дней было уже недалеко, и зной должен был обрушиться на рудники как раз в разгар работы. Однако желание послужить фараону, а также непоколебимая вера в небесную владычицу Хатхор — госпожу бирюзы и покровительницу рудокопов — заставили его упорствовать. Все его люди прибыли на место без потерь. Первая же добыча еще более ободрила его. Благодаря взятому темпу он завершил все работы в первый месяц сезона «шему» до наступления жары, которая могла бы испортить цвет бирюзы. И Хорурра на радостях заключает:

«Я собрал эти драгоценные камни. Я преуспел больше любого, кто приходил сюда до меня, и собрал больше бирюзы, чем было приказано. Можно ли желать лучшего? Цвет бирюзы был совершенным, и глаза ему радовались. Камень был даже лучше, чем в обычный сезон... Доверьтесь же богине Хатхор! Сделайте так! Это пойдет вам на благо. Вы добьетесь еще большего, чем я. Процветания вам!» [17].

Таким образом, благодаря деятельности своих мастеров и выносливости опытных рудокопов, а также благодаря усердию своих торговцев, о которых мы поговорим в другой главе, Египет накапливал на складах и в сокровищницах огромные запасы различного сырья — камней, металлов и древесины. Посмотрим теперь, как обрабатывали их ремесленники в своих мастерских.

III. РАБОТА В МАСТЕРСКИХ

Если верить довольно многочисленным в гробницах Нового царства изображениям работы в мастерских, а также подписям к ним, возникает впечатление, будто все ремесла были перемешаны и втиснуты в одно помещение: резчики по камню и дереву, точильщики каменных ваз, ювелиры и гранильщики, изготовители металлических сосудов, оружейники, столяры и мастера по изготовлению колесниц. Но скорее всего это искусственный прием композиции. За этими столь различными работами наблюдал главный управляющий, которого изображают гигантом, в то время как мастеров, работающих под его надзором,— почти карликами. Иероглифическая надпись рядом с ним определяет его обязанности.

Вот, например, надпись под изображением главного управляющего владений Амона, некоего Дуаунехеха:

«Пришел, чтобы проверить мастерскую, чтобы открыть два дома золота и серебра, чтобы организовать все работы, чтобы руководить всеми работами, которые зависят от управляющего... и т. д. и т. п.» [18].

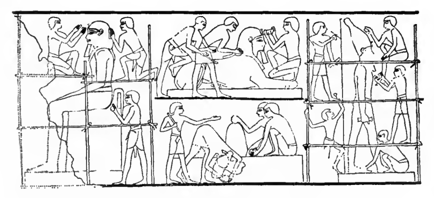
Можно предположить, что специализированные мастерские располагались рядом на одной улице, как на базарах Дамаска и Каира, и управляющий обходил их поочередно, но в то же время мы видим, что на деревянные и даже каменные статуи нанесены надписи, колесницы, мебель и оружие украшены резьбой, золотом и драгоценными камнями, одна каменная ваза оправлена в золото и

инкрустирована бирюзой и лазуритом. Одно из двух: либо один ремесленник обладал всей этой разнообразной техникой, либо разные специалисты работали бок о бок и передавали друг другу обрабатываемый предмет, пока он не обретал окончательный вид.

IV. СКУЛЬПТОРЫ

Скульпторы по камню все же предпочитали работать в отдельных мастерских. У выше упомянутого Дуанехеха они заканчивают монолитную дверь с двумя косяками, притолокой и карнизом, ажурную плиту для фасада дома и монолитную колонну с пальмовидной капителью, похожую на колонны Таниса и Ахнаса. Одни пользуются теслом, другие — долотом, третьи — полировальным гладилом; они работают стоя или сидя на табуретах, а то и прямо на гранитном блоке. Не ожидая, пока они завершат свою работу, рисовальщики с кисточкой в одной руке и палеткой с красками в другой наносят контуры иероглифов, которые будут затем выбиты на камне и закрашены синей или зеленой краской.

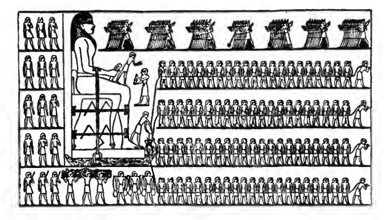
В мастерской Рехмира, тоже относящейся к владениям Амона [19], одновременно в работе находились гигантская статуя фараона, сидящего на квадратном кресле с низкой спинкой, колосс, прислоненный к пилону, сфинкс и стол для жертвоприношений. Мастера сидели и стояли на лапах сфинкса, на его спине, прямо на столе для жертвоприношений или на передвижных деревянных подмостках, которые позволяли обрабатывать лицо и парик колоссов. Одни действовали долотом и молоточком. Другие обрабатывали камень гладилом. Рисовальщик наносил иероглифы на поверхность пилона. Художник раскрашивал их, окуная кисточку в миску с краской. Невольно задаешься вопросом: можно ли было производить столь различные работы одновременно? Правда, скульптор, который обтачивал детали лица, и резчик, высекавший иероглифы, не мешали друг другу, однако полировщику явно здесь нечего было делать, пока скульптор и резчик не завершили свою работу. Что касается художника, то он вообще приступал к работе последним. Таким образом, автор этой картины, очевидно, просто сгруппировал в одной мастерской сразу всех, кто работал на самом деле в строгой последовательности. Но то же самое мы видим и в других мастерских, где изготавливали иные предметы. Египтянам, несомнен-

В мастерской скульпторов (XVIII династия, гробница Рехмира)

но, нравилось начинать работу сразу со всех концов. Наступал момент, когда гладило полировщика сталкивалось с резцом или долотом скульптора. Раздавались крики. Тот, кто считал себя правым, поносил соседа, отвечавшего ему шутками. Статую заканчивали в рекордный срок и отправляли в храм или во дворец, где она представала перед восхищенной толпой как свидетельство милости фараона к своим подданным или же любви богов к фараону.

Перевозка статуи в храм превращалась в настоящий праздник. А если еще статуя была огромной, а дорога — трудной, это событие становилось триумфом египетской техники и организованности. Однажды потребовалось доставить алебастровую статую высотой в тринадцать локтей из мастерской, расположенной в предместье города, на дороге к алебастровым карьерам, в здание, названное в честь его основателя «Любовь Джхутихотепа вечна в Уните» [20]. Только благодаря исключительной благосклонности фараона это здание получило имя частного лица и для него была изваяна статуя, которую теперь и собирались перевозить с особой пышностью. Сначала ее установили на прочные сани, состоявшие из двух толстых полозьев, приподнятых с одной стороны и соединенных мощными поперечинами. Алебастр — камень мягкий, поэтому на все места, где веревки могли его повредить, из предосторожности подложили подушки. К этим саням, которые выдерживали груз в пять-шесть тонн, привязали четыре длинных каната. Их должны были тянуть четыре команды: люди, пришедшие с запада и востока нома, воины и, наконец, служители храма.

Перевозка колоссальной статуи (Среднее царство)

Двое людей, не боясь увеличить вес статуи, расположились на ней. Один стоял на коленях и с помощью кадильницы окуривал алебастровый лик благовонным дымом терпентина *. Второй разбрызгивал воду из кувшина, как это делают в храмах перед статуями богов. Водоносы расположились рядом, они должны были поливать землю, чтобы полозья лучше скользили. Несколько человек держали большую толстую доску, которая, возможно, использовалась как рычаг.

Прозвучал сигнал к отправлению. Всеми маневрами руководят начальник работ по изготовлению статуи и его помощник, который передает приказы «умеющим говорить», то есть тем, кто может овладеть вниманием всей этой армии сухопутных бурлаков и вдохнуть в них энтузиазм речью, которая заканчивалась неудержимым возгласом «хайя!». Статуя трогается с места и начинает медленно ползти по дороге, которую предварительно очистили от больших камней. Огромные толпы собрались на обочинах, чтобы полюбоваться редким зрелищем. Воины сдерживают людей. На канале, параллельном дороге, статую сопровождают суда. Матросы и пассажиры присоединяют свои голоса к хору толпы на берегу. На набережной уже установлены накрытые столы для тех, кто тащит статую, и тех, кто лишь смотрит и кричит. На этом апофеозе, ра-

* Терпентин (живица) — смолистое вещество, выделяющееся при повреждении хвойных деревьев. Сырье для получения канифоли и скипидара.

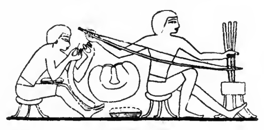
зумеется, присутствует и сам герой дня, Джхутихотеп. Он восседает на носилках, которые несут носильщики, а за ним следуют его сыновья, несколько воинов и слуги с циновками и опахалами. Он думает, что более прекрасного зрелища еще не видел его ном: «Князья, которые прежде здесь управляли, чиновники, заботившиеся о вечности в стенах этого города, где я построил алтари над рекой, не могли представить, что я сделал и сделаю для себя. Вот я завершил мой труд для вечности, закончив сооружение моей гробницы, да пребудет она вечно».

Событие, которое мы только что описали, произошло в эпоху Среднего царства, но оно вовсе не было таким уж исключительным, как полагал правитель нома Зайца. То же самое повторялось всякий раз при перевозке царских статуй и когда фараон разрешал частному лицу установить свою статую в храме. Египтяне любили такие массовые работы, завершавшиеся праздником. Люди кричали, много пили. И каждый возвращался домой, довольный этим днем. Известный Кенамон удостоился еще большей милости, ибо в храм перевозилось сразу три его статуи [21]. Огромная толпа сопровождала их приветственными криками и рукоплесканиями. Мужчины несли зонтики из папируса. Жрецы окуривали статуи терпентином; жрицы Хатхор — владычицы Фив — потрясали своими систрами и трещотками. Танцовщицы и акробаты развлекали толпу.

V. ЮВЕЛИРЫ, РЕЗЧИКИ ПО КАМНЮ

Производство каменных сосудов, достигшее совершенства еще при I династии, по-прежнему процветало в эпоху Рамсесов. Из алебастра, сланца и мрамора вытачивали кувшины, вазы, сосуды, бокалы и чаши, порой украшенные фигурами людей или животных. Инструмент мастеров был предельно прост. Наиболее типичный — сверло с деревянной ручкой, вверху обтянутой кожей. Зажав каменную заготовку между колен, ремесленник высверливал ее, вращая сверло ладонями. Иногда его постигала неудача. Сверло могло пробить стенку сосуда, но это несчастье было поправимо: мастер аккуратно вырезал поврежденное место и ставил каменную заплату. В гробнице Тутанхамона сохранились образцы каменных сосудов, которые свидетельствуют скорее о мастерстве их изготовителей, чем об их вкусе, и многие предпочли бы им, например, прекрасную амфору из гробницы Пуиемра [22], украшенную только короткой иероглифической надписью.

Многие ремесленники занимались обработкой металлов. Сокровищница Бубаста с ее золотыми и серебряными вазами, с ее жертвенными чашами, серьгами и браслетами, а также драгоценные украшения из гробницы Сиптаха из Серапеума, хранящиеся ныне в Лувре, создают впечатление, что изделия эпохи Рамсесов по богатству и разнообразию не могли сравниться с потрясающей коллекцией Тутанхамона или Псусеннеса. Однако заглянем в Большой папирус Харриса, где перечислены щедрые дары Рамсеса III богам. Каждый раз речь идет о золоте, сереб-

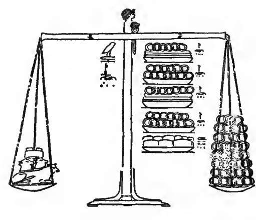

Изготовление бус из камня
(XVIII династия)

ре, меди, лазурите и настоящей бирюзе. Двери фиванских святилищ сделаны из золота или меди, сверкавшей как золото. Статуи богов облачались в золото. Жертвенные столы и чаши — из серебра. Декреты о привилегиях Амона высекались на золотых, серебряных и медных пластинах. Роскошь великого дома Амона и его священная ладья не поддавались описанию. В храме Атума в Оне, стояли золотые весы, равных которым не было нигде «со времен богов». На пьедестале сидел большой павиан, вылитый из золота, и наблюдал за правильностью взвешивания. Двадцать одна статуя Нила была изготовлена из всевозможных материалов. Храмам пожертвовано 13 568 статуэток из настоящего лазурита и бирюзы, примерно вдвое меньше из золота и других материалов, но и это уже значительная цифра. Во всех храмах были свои сокровищницы. Добавим к этому драгоценности самих фараонов и частных лиц, и тогда нам удастся составить представление о деятельности ремесленников, работавших с металлом.

В мастерских начинали с того, что тщательно взвешивали золото и серебро и только потом передавали их мас-

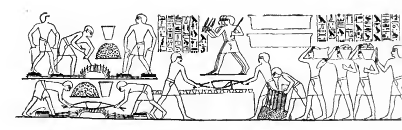
теру [23]. Весы существовали лишь для этой цели, во всяком случае в мире живых, а в загробном их использовали для взвешивания сердец в присутствии Осириса и богов Аментета (Запада, где находился потусторонний мир). Зерно измеряли египетскими мерами. Слитки азиатской меди принимали на счет и не взвешивали. Весы состояли из колонны (она заканчивалась головой Маат, богини истины), вделанного в колонну горизонтального металлического прута и коромысла со стрелкой посередине; на концы коромысла подвешивали на трех шнурах две

Взвешивание золотых колец (XVIII династия)

одинаковые тарелки. Чтобы произвести взвешивание, коромысло с тарелками ставилось на прут так, чтобы оно сохраняло полное равновесие. Гири делались в форме лежащего быка. Металл поступал в мастерские в виде колец. Весовщик клал на противовес гири, придерживал руками колебавшиеся тарелки и проверял, чтобы стрелка стояла вертикально. Писец, вынув из футляра кисточку и палетку, записывал результат в присутствии начальника храмовых мастерских, который затем забирал взвешенное золото и передавал его мастерам.

Золотых дел мастерам для работы требовались золотая проволока для цепочек, пластинки и ленты для оправы камней, большие пластины для изготовления ваз и кубков, золотые трубки для браслетов, а также слитки [24]. Поэтому, чтобы получить все эти разнообразные заготов-

В кузнице. Слева — ножные мехи

ки, металл прежде всего плавили в тиглях над очагом. Для плавки золота и серебра египтяне пользовались открытым огнем. С полдюжины ремесленников вставали вокруг очага и усиленно раздували пламя через длинные трубки, на концах которых располагалась глиняная насадка с маленьким отверстием. Они перебрасывались шутками, да ничего больше им и не оставалось, потому что работа была изнурительной. Этот метод, унаследованный с древнейших времен, значительно улучшился в эпоху Нового царства. Теперь воздуходувные трубки вставляли в лежащие на полу мехи с отверстием на противоположном конце; отверстие-клапан по мере надобности открывалось и закрывалось с помощью веревок, привязанных к двум мехам-бурдюкам. Работник становился на них ногами, держа по веревке в каждой руке, и поочередно перенося тяжесть тела с одного меха на другой и дергая то за одну веревку, то за другую, открывал или закрывал отверстие-клапан и струя воздуха устремлялась из трубки в очаг [25].

Когда металл расплавлялся, двое горновых, которые не боялись ни жары, ни дыма, подхватывали тигель двумя металлическими прутьями, отбивали изогнутую горловину и выливали металл в изложницы, расставленные на столе. Полученные слитки в форме кубиков передавали кузнецам: большой камень заменял им наковальню, а камень поменьше — молот. С помощью этих простейших инструментов они выковывали проволоку, бруски или пластины. После этого заготовки отжигали, даже если металл был достаточно чистым. А затем снова нагревали, чтобы вернуть ему пластичность. Мастер брал пластину щипцами, приближал к огню и раздувал его через трубку, которую держал во рту. Для получения проволоки прутья протягивали через волочила со все более и

более мелкими отверстиями. Эти простейшие способы позволяли мастерам получать практически все необходимые заготовки. Оставалось только нарезать их и собрать. Когда мастер хотел сделать золотую или серебряную чашу, он садился на табурет перед врытым в землю верстаком и, умело орудуя инструментами, придавал пластине нужную форму.

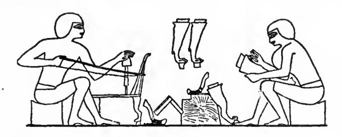
После окончания основной работы начиналась отделка. Египтяне использовали огромное количество видов украшательства: могли изобразить на чаше или сосуде жанровую или ритуальную сцену, окружить их геометрическим или растительным орнаментом или же, возжаждав строгости и простоты, ограничивались короткой иероглифической надписью, великолепно выгравированной на изящной вазе. После окончательной отделки и полировки изделие ставили на подставку, которая к концу рабочего дня заполнялась самыми разными предметами.

VI. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА

Столяры использовали акацию, рожковое дерево (кароб), можжевельник и другие местные породы с неидентифицированными названиями. Кроме того, в их распоряжении были черное (эбеновое) дерево, привозимое с юга, ель и пихта «аш» из Сирии, а также красноватое дерево, похожее по цвету на «мер», кварцит с Красной Горы. С помощью ручных пил стволы распиливали на доски и брусья. Плотники с топорами на длинных топорищах обтесывали балки. Тесло, состоявшее из металлической широкой стамески с ручкой длиной в ладонь или в локоть, играло роль нашего струга или рубанка. Круглые отверстия проделывали сверлом, которое вращали с помощью тетивы лука. Долотом с киянкой выдалбливали пазы и гнезда, та же киянка — деревянный молоток — использовалась при сборке.

Столярный верстак еще не был тогда известен. Если требовалось распилить брус в длину, его привязывали к вбитому в землю столбу. Движения пилы могли вызвать нежелательную вибрацию и трещины. Чтобы этого избежать, верхнюю часть доски и бруса связывали вместе, а между ними для расклинивания вставляли палку с привязанным к ней тяжелым грузом. Но если кусок дерева был невелик, столяр просто ставил его на землю, одной рукой придерживал, а другой пилил. Так же поступал он,

работая теслом, но при этом еще придерживал брусок ногами. Для сборки готового предмета египтяне предпочитали пользоваться деревянными клиньями, заклепками и клеем; металлические гвозди использовались главным образом для крепления к дереву металлических пластин. С помощью того же тесла после сборки устраняли разные мелкие неровности. Последней операцией была полировка. Иногда какое-нибудь кресло или ларец отдавали художнику для росписи [26].

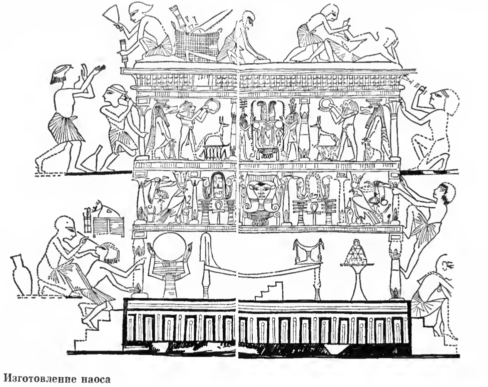

Столяры за изготовлением мебели
(использование сверла и полировального камня)

Два грандиозных наоса *, изготовленных под руководством Ипуи для храма обожествленного фараона Аменхотепа I, показывают, с каким размахом они украшали свои храмы и как они работали [27]. Оба сооружения — высотой почти в два человеческих роста. Первый наос установлен на помосте, и к нему ведут пять ступеней. Папирусообразные колонны поддерживают карниз с царскими уреями. Крыша обычной сводчатой формы. На фасаде Хор и Сетх сплетают около фараона символические растения Севера и Юга. Другой парадный наос трехэтажный. Каждый этаж поддерживают небольшие колонны. Нижний оставлен пустым, чтобы там можно было поставить ложе с подголовником, скамеечку, столик и зеркало. Фасады остальных этажей закрыты ажурными панелями с резьбой. На них видны символ богини Хатхор, царские картуши, фетиши Исиды и Осириса, увенчанные коронами соколы, Бэс, играющий на барабане, и Таурт, опирающаяся на свой амулет.

Мастера, изготовившие эти два парадных наоса, были настоящими акробатами. Тем, кто вырезал иероглифы на

* Наос — ковчег, в котором находились статуи, саркофаги и другой заупокойный инвентарь.

Изготовление наоса

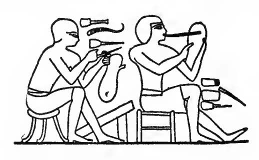
двух больших колоннах, не приходилось даже вставать на цыпочки, но зато двоим другим, украшавшим карниз, пришлось взбираться со своими инструментами по колоннам. Вот один из них поставил ногу на выступ под сводом, другой взобрался на свод, и оба, держась одной рукой за урея на карнизе, другой орудуют киянками. На этом втором наосе неожиданный приход надсмотрщика застал мастеров врасплох: один сидит внизу и ничего не делает, другой быстро взбирается по колонкам, стараясь уйти подальше от глаз представителя власти. На противоположной стороне художник в шутку разрисовывает красками лицо соседа, но тот лишь смеется. Надзиратель проходит мимо них, ничего не замечая, потому что все его внимание обращено на столяра, который сладко спит, растянувшись перед своей неоконченной работой. Он кричит на него. Один из мастеров, балансировавших на верхнем этаже, от неожиданности теряет равновесие. А на самом верху двое других поспешно хватаются за инструменты. Один сверлит дырку, другой полирует дерево, а третий, внизу, расталкивает спящего. В древнем Египте отдавали предпочтение «бригадной работе», но, чтобы такая работа была эффективной, требовались многочисленные надсмотрщики с зорким глазом и богатым словарем, не стеснявшиеся пустить в ход палку, а также надсмотрщики над надсмотрщиками.

С эпохи Нового царства расцвело еще одно ремесло мастеров, которые были, в сущности, теми же столярами, но специализировались на колесницах [28]. Их в основном изготовляли из дерева. Колеса никогда не имели металлических ободов, но на корпусе порой укрепляли металлические пластины. Колесница состояла из большого количества частей. В одном стихотворении перечисляется пятьдесят их названий, и это еще далеко не полный список. Самым трудным считалось изготовление идеально круглых колес, которые имели четыре или шесть спиц. Обод делали из многочисленных сегментов, выпиленных из досок подходящей толщины и скрепленных между собой.

Другая специализация столяров — производство луков, стрел и дротиков, царских инсигний для фараона и других знаков власти для знатных особ, высших жрецов, военачальников и чиновников, а кроме того, изготовление музыкальных инструментов [29]. Луки делали иногда совершенно прямые, иногда изящно изогнутые и не подверженные деформации. В мастерской Менхеперрасенеба мы

видим, как мастер испытывает лук, а его сосед взвешивает на ладони стрелу и проверяет, достаточно ли она прямая. Для того чтобы придать ветке нужный изгиб, ее предварительно нагревали, не снимая коры, и закладывали в примитивный зажим, состоявший из врытого в землю столба с развилиной, две ветви которого стянуты прочной веревкой. Нагретую ветку закрепляли в этом зажиме и придавали ей нужный изгиб с помощью дополнительного рычага [30].

Знаки власти и музыкальные инструменты украша-

Сандальщики за работой

лись точно так же, как мебель, инкрустацией и накладными пластинками. Иногда их венчала резная голова. Деревянная женская головка, находящаяся в Лувре, когда-то украшала арфу [31]. Посохи Тутанхамона были из черного дерева или слоновой кости и заканчивались фигурами негра или азиата.

VII. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОЖИ

Ремесло кожевников расцвело еще в Древнем царстве. Один из мастеров той эпохи, некий Ута, делал сандалии и сумки для папирусов и изготовлял листы пергамента для чиновников, которые со свитком в руке руководили религиозными или светскими церемониями. Эти предметы кожевники изготовляли во все эпохи, но позднее к ним добавились шлемы, снаряжение, сбруя, колчаны и обтянутые кожей щиты, укрепленные металлическими гвоздями, пластинами и окантовкой. Они овладели тиснением кожи и начали украшать колчаны и щиты орнаментами,

Мастерская кожевников. Вверху — обтянутые кожей щиты

частично перенятыми у сирийцев, однако в исполнении египетских мастеров они приобрели изящество и утонченность, какой никогда не знали на своей родине [32]. Тем не менее египтяне пользовались только жировой выделкой кож, как при изготовлении замши. Сначала шкуры растягивали. Затем погружали в чан с растительным маслом. Через определенное время вынимали, раскладывали, а когда они начинали подсыхать, их били и мяли, чтобы масло проникло во все поры. После этого шкуры приобретали все качества выделанной кожи: становились мягкими, водонепроницаемыми и не подверженными гниению.

VIII. ПОЛОЖЕНИЕ ХУДОЖНИКОВ И РЕМЕСЛЕННИКОВ *

Во всех мастерских по мере изготовления предметов их расставляли по столам и на полках, чтобы управляющий работами мог оценить их и решить, какие из них достойны быть переданы богам или фараону. Кроме этого устраивались общие выставки, на которых представляли всякие предметы египетского производства. В гробнице Кенамона воспроизведен своего рода иллюстрированный каталог подарков, врученных фараону по случаю Нового года [33]. В Карнакском храме развернут другой восхити-

* См. Заключение к работе Е. С. Богословского. Древнеегипетские мастера. По материалам из Дер эль-Медина. М., 1983. Только на рубеже правлений XIX—XX династий происходит отделение творческого труда от физического; прежде любой художник считался ремесленником.

тельно выгравированный каталог даров фараона богу Амону [34]. Скульптура богато представлена статуями фараона, выставленными в наосах на ладье архаического типа, статуями мужчин и женщин, стоящих, сидящих или коленопреклоненных, статуями сфинксов с человеческими головами, с головами соколов, увенчанных коронами или без них. Животный мир представлен скульптурами газелей, саблерогих антилоп и каменных козлов. К каменным вазам, напоминающим древние времена, присоединяются округленные амфоры на тонких ножках. В то время высоко ценили резные чаши и кубки на ножках, внутри которых располагался искусственный садик из лотосов, папирусов и хризантем, и с маленькой лягушкой, сидящей на постаменте. Соусницы имели форму птиц. Иногда их ручки вырезали в виде утиной головы, обращенной внутрь. Еще удивительнее выглядели огромные чаши, изображающие то сирийскую крепость с ее защитниками, то дом, на стены которого бросаются пантеры, пытаясь добраться до прекрасной птицы, сидящей на крыше.

Мебель состояла главным образом из сундуков, кресел и табуретов. Ювелиры представили многорядные ожерелья с застежками в виде цветущих растений. Изготовители колесниц и оружейники прислали колесницы с упряжью и попонами для лошадей, хлысты, луки, мечи, кинжалы, щиты, кольчуги, чехлы для луков, колчаны, секиры, ножи и шлемы. Из бытовых предметов упомянем только зеркала, зонтики из страусовых перьев с ручками черного дерева, обитые золотом, и, наконец, палки с набалдашником в виде головы птицы с длинным клювом. Для чего они предназначались, неизвестно. По-видимому, ни для чего. Да и вообще в моду все больше входит чисто парадная мебель, изукрашенная резными пальмами с карабкающимися по ним стаями обезьян. Поистине превосходная выставка! Работники царских мастерских и мастерских Амона не посрамили своих хозяев на земле и на небесах.

Возникает вопрос: как вознаграждали этих прекрасных мастеров, многие из которых были настоящими художниками? Когда Пуиемра, второй пророк Амона и главный управляющий всех работ храма Амона, осматривал изделия своих мастерских, его подчиненные, начальник мастеров и начальник художников, обращались к нему с такими словами: «Сердце каждого радуется твоему прибытию!». Однако Пуиемра даже не отвечает. Он смотрит на изготовленные предметы, чудеса изобретательно-

сти и техники, так же равнодушно, как на корзины с приношениями, на образчики тканей, минералы и провизию, доставленные сборщиками налогов [35]. Не видно, чтобы он поздравил или похвалил самых искусных мастеров.

Рехмира, посетив одну из мастерских при храме Амона, сообщает, что каждого наставил на путь истинный, всем напомнил их звания и качества, но не подумал отметить тех, кто работал лучше. Он обращался к художникам, как к простым ремесленникам:

«Пошевелите руками! Сделайте так, чтобы этот управитель удостоился похвалы, закончите эти памятники для своего господина во владении отца его Амона, имя которого (господина) продлится благодаря им, установленным на все грядущие годы!» [36].

Мастерская работала во славу Амона, фараона, везира или пророка, но продукция ее была анонимной, и потомство не знало имен выдающихся мастеров. Никто не подозревал, что талант скульптора — истинный дар богов *.

Однако на восьмом году царствования Рамсес II повелел поставить в храме Она стелу по случаю своего посещения каменоломен Красной Горы, где был найден гигантский блок. Он хвалится, что проявил интерес ко всем, кто участвовал в изваянии сфинксов и статуй, стоящих, сидящих и коленопреклоненных, которыми он наводнил святилища Египта:

«Слушайте, что я вам говорю! Вот добро, которым вы обладаете. В моих словах истина. Это я, Рамсес, создал поколения и дал им жизнь. Пища и напитки перед вами, всего вдоволь, желать больше нечего... Я улучшил ваше положение, чтобы говорили: вы работаете для меня с любовью ко мне и ваши приветствия меня укрепляют. Вам дают вдоволь пищи за вашу работу в надежде, что вы будете жить, чтобы ее закончить... В амбарах полно зерна, и я не оставлю вас ни на день без хлеба. Каждому заплачено за месяц.

Я наполнил для вас склады всякими вещами: хлебом, мясом, пирогами, чтобы вас кормить, сандалиями, одеждой и различными благовониями для умащения ваших голов каждый десятый день, чтобы вы были одеты весь год, чтобы у вас была хорошая обувь на каждый день, чтобы никто из вас не провел и ночи, страшась нищеты. Я по-

* С этим трудно согласиться. См.: *Матье М. Э.* Роль личности художника в искусстве древнего Египта.— Труды отдела Востока Эрмитажа. Л., 1947.

ставил людей разных рангов, чтобы они вас кормили даже в голодные годы, я повелел людям болот приносить вам рыбу и дичь, а другим — людям садов — вести счет того, что вам причитается. Я построил гончарную мастерскую, чтобы делать для вас сосуды, где будет охлаждаться ваша вода в сезон „шему". Ладьи с ячменем, пшеницей, крахмалом, солью и бобами плывут для вас с юга на север безостановочно.

Я все это сделал и сказал: „Пока вы живы, вы будете единодушно работать на меня!"» [37].

Как видим, все распрекрасно. Фараон желает увековечить свое имя на памятниках, неподвластных времени, а для этого хочет, чтобы его художники были сыты и хорошо одеты, чтобы они с радостью трудились на щедрого суверена. Людовик XIV раздавал художникам награды и назначал пенсии. Фараон, в данном случае Рамсес, выделил огромное поместье с многочисленными работниками, доходы которого обеспечивали художников такой мастерской, как в Оне. Но мы были бы еще признательнее самому знаменитому из фараонов, если бы он выделил из числа прекрасных мастеров хотя бы одного выдающегося художника и вознаградил его. Но, увы, на всех многочисленных сценах награды достаются только высшим чиновникам, придворным и жрецам. Поэтому, видимо, прав писец, когда говорит:

«[Но] не видел я ваятеля с поручением и золотых дел мастера, чтобы он был послан. Но видел я медника за работой его у отверстия печи его, причем пальцы его как у крокодила, а он более смраден, чем рыбья икра» (перевод О. Д. Берлева) [38].

И все же мы можем отыскать несколько свидетельств того, что наиболее выдающиеся художники пользовались известным почетом. На стеле времен Среднего царства сохранилась надпись, в которой мастер сначала рассказывает о себе следующее:

«Я знал тайну божественных слов, ведение обрядов богослужения. Я устраивал всякие магические обряды так, что ничто не ускользало от меня. Ничто из них не было скрыто от меня. Я — великий таинник, и я вижу Ра в образах его» (перевод М. Э. Матье) [39].

Действительно, художник обязан был знать литургию, мифологию, все атрибуты царской власти и всех богов. Достоинство немалое! Финикийцы ловко копировали египетские образцы, но при этом совершали в деталях такие ошибки, от которых египтяне пришли бы в ужас.

Затем художник восхваляет свою технику:

«Но я был и художником, опытным в искусстве своем, превосходящим всех знанием своим. Я знал... как сделать образ выхождения и вхождения так, чтобы каждый член был на своем месте. Я умел [передать] движение фигуры мужчины, походку женщины, положение размахивающего мечом и свернувшуюся позу пораженного... выражение ужаса того, кто застигнут спящим, положение руки того, кто мечет копье, и согнутую походку бегущего. Я умел делать инкрустации, которые не горели от огня и не смывались водой.

Никто не превосходил меня и сына моего старшего от плоти моей. Когда бог [т. е. фараон] приказывал, он [сын] создавал, и был он превосходен в этом. Я видел творение рук его как начальника работ в каждом ценном камне — от серебра и золота до слоновой кости и эбенового дерева» (перевод М. Э. Матье).

Надеемся, что все эти достоинства признавали и другие, а не только сам художник.

В гробнице одного из многочисленных Аменемхетов в Фивах есть изображение, не имеющее аналогов в известном нам наборе сцен египетских мастеров [40].

Аменемхет предлагает четырем мужчинам, сидящим напротив него на циновках, богатое угощение — хлеб, мясо, птицу, овощи, фрукты, напитки,— а также расставленные перед ними благовония. Один из этих четырех гостей — художник Яхмос, другой — скульптор, ваяющий статуи, но имя его не сохранилось. Этот пир был высшей наградой художникам, которые украшали гробницу: они как бы разделили с Аменемхетом все изображенные ими же богатства. Уже в эпоху пирамид управитель царского дома по имени Мени похвалялся тем, что хорошо вознаградил всех, кто участвовал в сооружении гробницы:

«Всякий, кто сделал это, никогда об этом не пожалеет. Художник ли, каменотес, я всех вознаградил!» [41].

Первый пророк Нехбет, по имени Сетау, в царствование Рамсеса IX поручил украшение своей гробницы выдающемуся художнику Мерира. Он с удовольствием отмечает его достоинства и оригинальность:

«Он сделал надписи своей собственной рукой, когда пришел украшать гробницу Сетау... Писец божественных книг Мерира не [простой] переписчик. Его вдохновляет сердце. Никто не показывает ему образцов, он все делает сам, писец с умелыми пальцами, мудрый во всех вещах» [42].

Таким образом, можно утверждать, что фараоны, «князья», жрецы — короче, все заказчики не были неблагодарны прославлявшим их художникам. Художник, живший в царствование Рамсеса III и Рамсеса IV, сам запечатлел себя во время работы, когда рисовал статуи фараона Аменхотепа I и его матери [43]. Отказавшись от довольно скованной манеры, в которой он выполнял заказ, художник изобразил себя в свободной, естественной позе: он сидит на цоколе, скрестив голые ноги так, что левая ступня лежит на правом колене и видна снизу, длинные волосы ниспадают на плечи, в одной руке у него кисть, а в другой — палитра. Этот рисунок не остался незамеченным. Какой-то ученик сделал с него копию на обломке известняка, который и дошел до нас [44]. Конечно, не столь совершенная, как оригинал, эта копия тем не менее бесценна, потому что на ней мы читаем перед именем художника титулы «князя» и писца. Художники, современники Эхнатона, такие, как Джхутимес * и Хеви, были, по-видимому, людьми богатыми и уважаемыми. Известен художник, живший в конце эпохи Рамессидов, который достиг высокого положения и считался равным правителю нома.

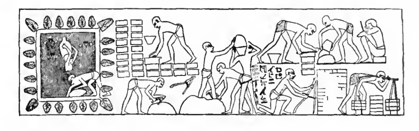
IX. КАМЕНЩИКИ И ПРОЧИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ

Теперь мы переходим к самым тяжелым профессиям, которые были уделом главным образом чужеземцев, свободных или пленных, и никому не принесли титул «князя».

Египетский каменщик занимался прежде всего формовкой и кладкой необожженных кирпичей. Весь город окружен стеной толщиной около пятнадцати метров и высотой метров двадцать. Только ворота в ней каменные, а вся стена — из кирпича-сырца. Административные здания и частные дома тоже сложены в основном из кирпича: камня в них мало, так же как в оградах. Когда Рамсес II задумал построить свой любимый город Рамсес, который египтяне чаще называли Пер-Рамсес, и государственные склады в Питоме, он собрал сынов Израилевых, назначил над ними надсмотрщиков и под угрозой страшных наказаний заставил их формовать кирпичи [45].

---

* В его мастерской были найдены знаменитые портреты Нефертити.

Формовка кирпичей и возведение стен

Работа была монотонной, но не такой уж трудной. Нильский ил перемешивали с песком и рубленой соломой. Чтобы смесь получалась однородной, ее смачивали, долго топтали и время от времени переворачивали лопатой. Работник наполнял этой сырой смесью форму доверху, срезал излишек деревянной лопаткой, быстро переворачивал форму и осторожно снимал. Кирпич оставляли сохнуть восемь дней, после чего он годился в дело. Формовщики работали преимущественно на берегу водоема. Водоносы подносили им воду. Другие работники срезали на сжатых полях стерню и готовили из нее рубленую солому. Когда фараон потребовал, чтобы сыны Израилевы сами собирали солому, не уменьшая установленной нормы отформованных кирпичей, это сильно ухудшило их и без того нелегкую участь, однако протесты приводили только к тому, что на их спины обрушивались палки надсмотрщиков. Переносили кирпичи на двух одинаковых щитах, подвешенных на коромысло.

Одно и то же слово «икду» входит в обозначение двух совершенно разных профессий — строителя и горшечника. Первого обозначали как «икду инбу» — «строитель стен», а второго — «икду неджесет» — «строитель малых форм» [46]. Те и другие пользовались одинаковым материалом — нильским илом, но настоящее объяснение схожести названий двух различных профессий нам дает египетский язык. Корень «кед» означает «круглый». Примитивные глинобитные хижины имели круглую форму, как горшки. Да и на самом деле они были большими горшками.

Горшечник месил смесь ногами. Потом клал кусок глины на гончарный круг, простой деревянный диск, который вращался на оси. Глина под его ловкими руками принимала форму пузатого горшка или миски, чаши или кубка, и таким же способом он изготовлял большие кув-

шины с заостренным дном для хранения вина и пива или такие же большие кувшины со скругленным дном, похожие на круглые мешки [47]. Завершал работу горшечник руками.

После этого горшки относили в печь — нечто вроде круглой трубы высотой в два человеческих роста и диаметром около двух локтей, если верить изображениям. Однако следует еще раз повторить, что египетские художники очень условно передавали размеры существ и вещей. В эпоху Нового царства египтян уже не удовлетворяли одноцветные горшки, даже отличавшиеся изяществом. Горшечник наносил на чаши и кувшины различные рисунки, заимствованные у резчиков по камню, или же, повинуясь собственной фантазии, украшал их по краям геометрическим или растительным орнаментом, виноградными листьями, цветами или сценками, например: цапля хватает рыбу или буйвол мчится во весь опор [48]. Таким образом, люди скромного достатка могли приобрести вместо дорогой металлической вполне приличную глиняную посуду, не лишенную своеобразной красоты.

Египетский цирюльник работал на улице, переходя из квартала в квартал. Он устраивался на перекрестке, где была тень, и клиенты вскоре окружали его [49]. Ожидание могло оказаться долгим. Иногда его помогал скоротать певец или рассказчик. Поспорить между собой тоже было способом убить время. Этим и занимаются два человека, сидящие спина к спине на одной скамейке. Но она поделена не поровну. Один расселся вполне удобно, а второй примостился на самом краешке и свалится от малейшего толчка. Не обращая на них внимания, остальные клиенты предпочитают подремать сидя, опустив подбородок на колени и прикрыв голову скрещенными руками.

Один за другим клиенты садятся на трехногий табурет, благонравно положив ладони на колени, и доверяются цирюльнику, который бреет им голову и лицо. В чаше на ножке у него мыльная вода. Бритва представляет собой лезвие длиной с ладонь, перед рукояткой — нечто вроде чашечки. Цирюльники, обслуживавшие богачей, имели целый набор шильцев, щипчиков, ножниц и бритв в кожаных мешочках, которые они носили в изящных ларцах из черного дерева. Они приходили к клиентам на дом. Их положение считалось завидным. Некоторые одновременно были врачами. Даже среди сонма богов был бог-цирюльник, но простой брадобрей вызывал скорее жалость, чем зависть [50].

Верховного жреца Амона Рама-Раи можно привести в пример как доброго хозяина.

«О жрецы, писцы дома Амона, превосходные служители божественных жертвоприношений, пекари, пивовары и кондитеры, входящие в эту мастерскую при доме Амона! Произносите имя мое каждый день, поминая меня добром, прославляйте меня за мои добрые дела, ибо я был хорошим человеком.

Я нашел эту комнату в полном разорении; стены ее обвалились, деревянные балки сгнили, дверные рамы, которые были из дерева, исчезли, точно так же как краски с рельефов. Я восстановил ее полностью, сделал больше, чем она была, расширил, приподнял потолок. Я сделал дверные рамы из камня-песчаника, вставил в них двери из настоящей пихты. Я превратил ее в удобную мастерскую для пекарей и пивоваров, которые ныне здесь. Я сделал ее гораздо удобнее для работы, чем прежде, ради блага служителей моего бога Амон-Ра, царя богов» [51].

Другой верховный жрец Амона, Бакенхонсу, по-видимому, тоже заслуживал всяческих похвал:

«Я был добрым отцом для моих подчиненных, обучал молодых людей, протягивал руку несчастным, обеспечивал тех, кто был в нужде, делал много полезного в своем храме, как главный управитель работ в Фивах, по приказу... Рамсеса II» [52].

Остается только надеяться, что подчиненные не стали бы опровергать эти слова.

Обычай ограничивал рабочий день слуг и мастеров разумными пределами [53]. Тем не менее рабочий люд не раз протестовал, и не без причины. Иногда протесты принимали форму «забастовки». Работники получали причитающиеся им провизию и одежды иногда раз в месяц, а иногда раз в два или даже в четыре месяца. Менее предусмотрительные, даже не будучи обжорами, ухитрялись все проесть задолго до новой выдачи.

«Мы подыхаем с голоду, а до следующего месяца еще восемнадцать дней!» [54].

Работники собирались на площади перед административным зданием: «Мы не вернемся, передайте это начальникам, которые собрались там».

Чиновник рассказывает о сложившейся ситуации: «Мы пошли, чтобы их выслушать, и они сказали нам правдивые слова».

Голодающие толпами приходят к складам. Однако они не пытаются взломать двери. Один из них громко жалуется: «Нас пригнал сюда голод, пригнала жажда, у нас нет больше одежды, нет масла, нет рыбы, нет овощей. Пошлите к фараону, нашему хозяину, пошлите к царю, нашему повелителю, чтобы нам дали средства для жизни!»

Эту жалобу он повторяет перед городским чиновником, но кое-кто уже боится за него и готов сказать, что в общем все в порядке. Однако другие рабочие отказываются разойтись, пока им не раздадут провизию. Чиновники решают уступить. Они призывают писца-счетовода и говорят ему:

«Проверь зерно, которое ты получил, и раздай его людям некрополя!»

«И тогда призвали Памонтунебиата и стали выдавать нам наши порции зерна каждый день».

Таким образом, угроза восстания была предотвращена.

Участь работников была не так уж тяжела, когда хозяева заботились о них, как Бакенхонсу или Рама-Раи, вовремя строившие для них жилища и удобные, чистые, хорошо проветриваемые мастерские; им регулярно раздавали припасы и одежду, а непредусмотрительных успокаивали дополнительными выдачами. У них было много свободных и праздничных дней, и у нас есть все основания полагать, что наиболее серьезные и умелые работники со временем могли стать надсмотрщиками или мастерами, поднакопить всякого добра и окончить свои дни мелкими собственниками или хозяевами. Когда настали смутные времена и разгорелась борьба между сторонниками Амона и сторонниками Сетха, работникам пришлось хуже всех, и они толпами примыкали к бунтовщикам.

XI. ТОРГОВЛЯ И ДЕНЬГИ

Во владениях фараона и великих богов велся строжайший учет всех поступающих за день продуктов, изделий и всего, что расходовалось на содержание работников. Это был замкнутый цикл. Закрома и склады ломились от продуктов и товаров, но они предназначались лишь для незначительной части населения. Удовлетворив потребности этой привилегированной прослойки, излишек товаров можно было пустить в торговый оборот. В одних

случаях большие владения непосредственно обменивались своей продукцией, в других — оптом продавали свои продукты торговцам, которые потом сбывали их на свой страх и риск.

Помимо больших государственных и храмовых владений в Египте было множество частных поместий — крупных, средних и совсем мелких. Скотоводам, земледельцам, производившим зерно, овощи и фрукты, нужны были одежда, мебель, украшения или предметы роскоши, но получить все это они могли, только продав животных или излишки своего урожая. Кроме того, существовали свободные ремесленники, работавшие в собственных мастерских, которые зарабатывали на жизнь, сбывая свои изделия. И наконец, существовала еще категория торговцев, которые ничего не производили, но скупали и перепродавали все, что имелось в стране. Все эти люди — покупатели, продавцы и торговцы — встречались на рынках.

Крестьянин из уже известной нам сказки («Обличения поселянина») нагрузил ослов всякими превосходными дарами из Соляного оазиса. Если бы его не ограбили по дороге, он бы добрался со своим маленьким караваном до доброго города Ненинесут, разложил на рыночной площади свою соду, вяленые тушки водоплавающих птиц, сушеную рыбу и обменял бы все это на пирожки, ткань и одежду. Ему просто очень не повезло. В обычное время, когда стражники следили за порядком, люди добирались до рынка без всяких происшествий.

В гробнице Хаемхата [55] художник изобразил отчаянно жестикулирующих торговцев с узлами и корзинами: один сидит, другие стоят. Эти торговцы особого типа. У них огромные головы с длинными, спутанными волосами. Покупатели, которые подходят к ним со своими мешками на плечах, тоже жестикулируют и отругиваются, и язык их, наверное, не менее богат и солон, чем у торговцев. Прибытие иноземного судна либо с Верхнего Нила, либо из Сирии всегда собирало не только любопытных, привлеченных странными нарядами чужеземцев и их пестрым товаром, но также египетских торговцев, которые устанавливали на берегу свои лавчонки и продавали финикийцам провизию в обмен на такие товары, как разукрашенный рог или резная голова, насаженная на слоновий бивень [56].

Обмен товарами облегчался тем, что в Египте издавна продукты или изделия оценивались с помощью единицы под названием «шетит». В документе времен XVIII династии даже дом оценили в шетит [57]. На папирусе XVIII

династии * точно так же в шетит оценена рабыня, вернее, ее работа за определенное время [58]. И тем не менее эта единица была чисто теоретической. Официальным властям никогда не приходило в голову наделать из металла кружочков строго определенного веса и выбить на них соответствующие изображения, однако египтяне хорошо знали, какое количество золота, серебра или меди соответствовало по весу одному шетит. Таким образом, товар не обменивался на деньги. Но тот, кто хотел продать дом и договаривался о его стоимости в шетит, получал зерна или скота на эту сумму. Все делалось очень просто. Если продавец и покупатель обменивались животными или изделиями неодинаковой стоимости, разницу исчисляли в шетит и, чтобы ее уравновесить, подыскивали подходящий товар, который одна сторона могла предложить, а другая соглашалась принять. Порой это вызывало разногласия. По-видимому, к эпохе Рамсесов шетит вышел из употребления. Он ни разу не упоминается в Большом папирусе Харриса, зато там постоянно идет речь о *дебене* весом 90 граммов и *кедет (ките, кит* — «кольцо») весом 9 граммов золота, серебра, меди и драгоценных камней без каких-либо указаний на их стоимость. Это были чисто весовые единицы.

В том же документе и в календаре из Мединет-Абу перечисляются меры зерна, корзины фруктов, мешки и корзины из пальмовых ветвей разной величины для других продуктов. Животных и деревья считали поштучно. Когда египтяне приводят число быков, диких быков, ориксов, бубалов (коровьих антилоп) и газелей, они потом складывают эти цифры, чтобы получить общее количество голов скота, и точно так же поступают с птицей, нигде не уточняя реальную цену. Если бы это понадобилось сделать, ее выразили бы в весе золота, серебра или меди. Цена быка колебалась от тридцати до ста тридцати дебенов меди. Мешок полбы («бедет») стоил один дебен меди [59]. Однако на практике покупатель почти никогда не мог предъявить дебен меди, а тем более золота или серебра. Расчеты драгоценными металлами начали производить лишь при последних Рамсесах, когда массовое ограбление храмов и гробниц вернуло в оборот довольно большое количество этих металлов, которые веками хранились под землей или в храмах.

---

* Папирус из архива пастуха Дома Аменхотепа III Меси.— ХДВ. Ч. I, с. 93—96.

Один такой вор отдает за дом дебен серебра и пять кедет золота; другой покупает за два дебена серебра двух быков. За рабыню Дега заплатили два дебена серебра и еще шестьдесят дебенов меди. Пять горшков меда можно было купить за пять кедет серебра, а быка — за пять кедет золота [60].

До этой эпохи смут и беспорядков покупатели расплачивались продуктами, принимаемыми продавцом, которые, в свою очередь, оценивались на вес золота, серебра или меди. Писец Пенанукет, продав быка, оцененного в сто тридцать дебенов меди, получает льняное платье, стоящее шестьдесят дебенов, десять мешков и три с половиной меры зерна ценой двадцать дебенов, каменья для ожерелья на тридцать дебенов и, наконец, еще два платья ценой десять дебенов [61]. Одна фиванка купила у торговца рабыню за сорок один дебен серебра, однако заплатила не серебром; перед городскими судьями она перечисляет различные предметы — два куска материи она сама уже вручила продавцу, а вот изделия из меди и бронзы будут ему переданы другими лицами [62].

Даже само государство пользовалось этим способом при расчетах. Унамон отправился к царю Библа Чекербаалу за лесом и сразу получил семь деревьев, за которые оставил в залог свой корабль. Он попросил выслать ему из Таниса золотые кувшины и чаши, пять серебряных кувшинов, десять штук царского льна, пятьсот свитков папируса, пятьсот бычьих шкур, пятьсот мешков чечевицы, тридцать корзин сушеной рыбы, а со следующей оказией получил еще пять штук царского льна, мешок чечевицы и пять корзин сушеной рыбы [63]. Неизвестно, во сколько оценивался весь этот товар на вес золота или серебра. История об этом умалчивает. Да и царя Библа это, видимо, мало заботило. Он посылает лесорубов валить деревья и перетаскивать их на побережье, где в конце концов передает драгоценные стволы посланцу Амона, но перед этим устраивает ему ужасную сцену! По-видимому, египтянин и сириец, каждый со своей стороны, перевели стоимость своих товаров на вес золота и серебра и сочли, что оба внакладе. Но так или иначе, отсутствие настоящих денег весьма затрудняло торговые сделки. Наверное, этим объясняются выразительная мимика торговцев из гробницы Хаемхата и бесконечные споры, которые предшествовали заключению сделки между царем Библа и его египетским партнером.

Глава VII

ПУТЕШЕСТВИЯ

I. ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ВНУТРИ СТРАНЫ

Несмотря на общераспространенное мнение, древние египтяне в действительности много путешествовали. Они постоянно передвигались между деревнями и столицей нома, между столицами номов и царской резиденцией. Большие религиозные праздники собирали паломников со всего Египта. Коптос, Силе, Суну, Пер-Рамсес, Мемфис в любое время года заполняли путники, которые отправлялись на рудники, в каменоломни, в оазисы, в Азию или Нубию и возвращались с дарами далеких стран.

Неимущим людям был доступен только один способ путешествовать, который Жан-Жак Руссо считал самым приятным. Они шли пешком. Одежда их была проста и легка: набедренная повязка, сандалии, а в руке палка [1]. У Синухета не было больше ничего, когда, полагая, что жизнь его в опасности, он пересек всю Дельту с запада на восток и после многочисленных зигзагов добрался до Горьких озер. По призыву брата Анупу берет одежду, сандалии, палку и оружие, покидает родную деревню и доходит до Долины Кедра в окрестностях Библа [2]. Крестьянин из Соляного оазиса тоже шел в Ненинесут пешком за своими ослами, навьюченными всяким товаром. А ведь он мог бы сесть верхом на одного из них, рискуя, правда, навлечь на себя насмешки прохожих, как мельник Лафонтена. Но его ожидало гораздо худшее: его обобрал до нитки затаившийся в укромном месте грабитель.

Воины тоже были истинным ужасом для путешественников. Когда они встречали одинокого безоружного путника с мешком муки на плече и в хороших сандалиях, они, как правило, обирали его. Уна принял решительные меры, чтобы прекратить эти безобразия [3]. Один номарх из Сиута утверждал, что в его время путник, застигнутый темнотой, мог спокойно заночевать у дороги, оставив рядом свои припасы и своих коз. Страх, внушаемый стражниками, охранял его покой от грабителей [4]. Нам хотелось бы в это по-

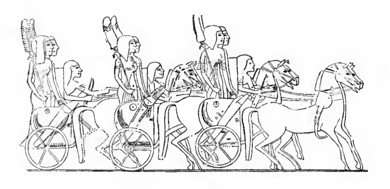
верить, но как раз подобные меры, принимаемые разными должностными лицами, свидетельствуют об обратном.

Дорог в Египте было много: столько же, сколько каналов, потому что во время рытья канала вынутую землю оставляли по берегам и она образовывала приподнятую дамбу, которую не заливало в период разливов. Таким образом, одновременно содержались в порядке и каналы и дороги. Очищая каналы, добывали грунт для починки дорог. Эти дамбы служили для передвижения пешеходов, для прогона скота и для причаливания судов. В египетском языке нет слова, означающего «мост», но нам известен по крайней мере один мост на рельефе, где изображено возвращение Сети I из победоносного похода в Палестину. Перекинутый через озеро с тростником и крокодилами, этот мост связывает две крепости; одна стоит на азиатском берегу, а другая — на африканском [5]. Очевидно, он состоял из опор, продольных перекладин-архитравов и поперечин. Разумеется, через великий Нил и даже его второстепенные рукава в Дельте в ту эпоху не было никаких мостов. Даже над каналами каменные или деревянные мосты встречались очень редко. Когда надо было пересечь канал или неглубокое болото, люди и животные без колебаний входили в воду. Многие египтяне умели плавать. Жители Тентюры (совр. Дандара) переплывали Нил, не страшась крокодилов, но такое было доступно далеко не каждому [6]. Охотники на водоплавающих птиц и рыбаки, если верить «Сатире на профессии» *, панически боялись этих чудовищ. Знатные особы считали своим долгом — таким же священным, как накормить голодного или одеть нагого,— переправить через воды тех, у кого не было лодки. В Фивах и других больших городах переправой через Нил занимались перевозчики. В процессе над грабителями гробниц упоминается один из них [7]. Боги, уединившись на острове посередине Нила, приказывают перевозчику, богу Анти ** не переправлять богиню Исиду [8]. Синухет тоже находит на берегу лодку без весла и переправляется на ней через реку.

Для перемещений на небольшие расстояния знать издавна пользовалась переносными креслами с ручками —

* Утвердившееся название «Сатира на профессии» не отражает цели этого сочинения, как показал О. Д. Берлев (см.: «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пепи»).

** Имя этого божества следует читать «Немти». *Берлев О. Д.* Сокол, плывущий в ладье: иероглиф и бог.— Вестник древней истории. 1969, № 1, с. 1—20.

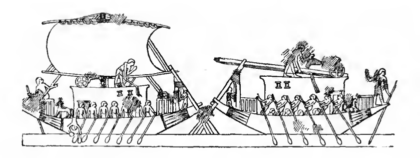
Торжественный выезд знатных дам из дворца Эхнатона

«портшезами», что выглядело весьма торжественно, но было дорого, медленно и неудобно. Носильщики пели в такт шагов: «Нам больше нравится [нести] полный, чем пустой!» Однако их приходилось вознаграждать или по крайней мере кормить [9]. В эпоху Нового царства фараон появлялся в таком кресле только во время некоторых церемоний. Например, Хоремхеб — в честь своего триумфа. Обычно же фараон, как и частные лица, предпочитал колесницу. Кони и колесница не считались предметами большой роскоши. Это было то, чего египтяне желали своим друзьям и о чем мечтали сами:

«Ты восходишь на колесницу, золотой хлыст в твоей руке. У тебя новые поводья. В упряжке — жеребчики из Сирии. Негры бегут впереди тебя, исполняя твои приказы» [10].

Второй пророк Амона, Аменхотепсис, собирается на прогулку [11]. В его изящную и прочную колесницу с резными фигурами и накладными украшениями впряжены два коня. У них нет ни удил, ни наглазников. Упряжь состоит из двух широких ремней, один обхватывает шею лошади и, по-видимому, очень ее стесняет, а второй проходит под брюхом; к дышлу между лошадьми привязаны вожжи. Аменхотепсис стоя правит сам, без колесничего. Впереди бегут скороходы. Сзади поспешают сопровождающие — «шемсу». Они несут все необходимое на случай, если хозяин захочет отдохнуть и привести себя в порядок.

Колесницей пользовались для посещений дворца фараона или везира, для осмотра полей и для охоты. Но на дальние расстояния на ней было ехать трудно и неудобно. Основной транспорт древнего Египта — суда.

Суда, плававшие по Нилу (XVIII династия)

Царский сын Джедефхор отплывает на корабле от Мемфиса, проходит через Хентхетит, чтобы отыскать на севере чародея, который живет в Джед-Снофру, и на том же корабле доставляет его ко двору («Сказки сыновей фараона Хуфу»). Когда помилованный Синухет получает на заставе Пути Хора свой пропуск, он добирается от Суэцкого перешейка до Ити-тауи, что южнее Мемфиса, тоже на корабле. Пользуясь досугом во время плавания, он наслаждается египетскими блюдами, которые готовят тут же у него на глазах.

Когда знатный египтянин отправлялся в паломничество в Абидос, он частенько снаряжал целую флотилию [12]. Пассажиры поднимались на ладью архаического типа с высоко поднятыми носом и кормой. Все проникались мыслью о священной цели путешествия и усаживались на кресла в кабине под балдахином, похожей на садовую беседку. Перед кабиной стоял столик с разными яствами. Носовая часть отводилась для бойни и кухни. Там разделывали бычью тушу и варили для путешественников свежее пиво. Эта ладья не имела ни паруса, ни весел; ее вело за собой на буксире обычное судно. Два матроса на ладье следили за буксирным тросом и двумя большими рулевыми веслами из раскрашенного дерева, заканчивавшимися резной головой Хатхор — владычицы далеких стран и покровительницы путешественников. Мачта буксирного судна была укреплена двумя канатами, растянутыми к носу и к корме. В центре же находилась кабина с карнизом и росписью с боков. Рулевое весло, вставленное в выруб на корме, в свою очередь, опиралось на маленькую мачту. Кормчий управлял им одной рукой. Часто на носовой обшивке таких судов рисовали два удлиненных глаза, по од-

ному с каждой стороны. Они должны были охранять судно от всяких опасностей.

Когда корабль спускался по течению или пересекал большие водные пространства в безветренную погоду, приходилось браться за весла. Гребцов было человек десять-двенадцать, а то и больше. Капитан с длинным шестом стоял на носу, промеряя глубину, а его помощник — на крыше кабины с хлыстом в руках, который время от времени подгонял нерадивых гребцов. Третьим в этом «командном составе» был рулевой. Когда судно поднималось вверх по течению, на нем поднимали единственный парус, большой и прямоугольный, причем в ширину он часто бывал больше, чем в высоту. Парус крепился к двум реям, управляемым с помощью многочисленных растяжек. Гребцы оставались на своих местах, капитан взбирался по веревкам на верхнюю рею, чтобы оттуда видеть, что впереди. Пока судно шло по Нилу, можно было надеяться, что плавание пройдет без происшествий, но, если приходилось идти по каналам, судоходным далеко не во все времена года, следовало заранее запастись нужными сведениями. Фараон Хуфу задумал посетить храм Ра, властителя Сахебу, находившийся где-то во II номе Дельты, однако в «Канале двух рыб» не оказалось воды. Но чародей, друг фараона, сказал: «Вот я покрою водой на четыре локтя отмели „Канала двух рыб“». Уна, не имевший на службе чародеев, тем не менее смог проплыть по каналам в период мелководья. Озеро Мерис (в Фаюмском оазисе), предназначавшееся главным образом для орошения, служило также для того, чтобы облегчить навигацию по каналам, однако, какой механизм использовали для этого древние египтяне, мы не знаем.

Ладьи, на которых путешествовали вверх по Нилу до Нубии, были настоящими плавучими домами. Личный корабль царского сына Куша представлял собой ладью в форме полумесяца, с поднятыми высоко носом и кормой [13]. Единственная мачта в центре корабля с многочисленными растяжками несла огромный парус. Вместо одного руля в центре кормы здесь было два рулевых весла, с правого и с левого борта, и не на самой корме, а чуть ближе к центру, где они крепились веревками к большой тумбе и к бортам. Пассажиры размещались в большой центральной кабине, к которой примыкал денник для лошадей. Две меньшие кабины находились одна на носу, другая — на корме.

Владения египтян были широко разбросаны по стране. Богатые фиванцы имели поместья в Дельте. Амон владел

деревнями и городами не только по всему Египту, но даже в Сирии и Нубии; храм в Абидосе, основанный фараоном Сети I, имел поместья в Нубии. Большие жреческие сообщества, а также богатые египтяне для координации работ и вывоза и ввоза продукции располагали целыми флотилиями из больших плоскодонных судов в форме полумесяца с одной или двумя каютами в центральной части [14]. Изображения к тому же не дают достаточно ясного представления о количестве и разнообразии судов, которые спускались и поднимались по Нилу, ибо в египетском языке для обозначения судна имелось слишком много слов. Для перевозки гигантских блоков из каменоломен, тяжелых обелисков и колоссальных статуй использовали большие баржи. Статуя Тутмоса III во время перевозки удостаивалась царских почестей: ее помещали в специальный наос. Ее обрызгивали благовониями. Баржу со статуей вело буксирное судно [15].

Суда без кабин предназначались главным образом для перевозки скота, а с центральной кабиной — для зерна. Когда суда причаливали к пристани, на них перекидывали сходни. Носильщики поднимались по ним цепочкой и возвращались с полными корзинами. Чтобы шагать в такт и рассеять скуку, они пели:

Должны ли мы день целый
Таскать зерно и белую полбу?
Полны ведь уже амбары.
Кучи зерна текут выше краев,
Полны корабли,
И зерно ползет наружу,
А нас все заставляют таскать.
Воистину из меди наши сердца! [16]

Перевод М. Э. Матье

Когда флотилия прибывала на место назначения, на берег перегоняли скот и переносили товары. На набережную сходили торговцы, устанавливали столы и стойки, разжигали очаги, и матросы пили и ели, празднуя окончание плавания.

II. ПУТЕШЕСТВИЯ В ПУСТЫНЕ

Пустыня внушала египтянам страх и уважение. Они не забывали о том, что в доисторическую эпоху их предки долго бродили по ней, прежде чем обосноваться в долине Нила. Один из египетских богов, Мин, чьи главные святи-

лища были в Ипу и Коптосе, царствовал над всеми пустынями между этими городами и Красным морем. Его избранной резиденцией была «гора священная, первородная, первой поставленная на земле Ахетиу [Ахет — страна, расположенная за пределами земель, известных египтянам], дворец божественный, давший жизнь Хору, гнездо божественное, где процветает этот бог, священное место его отдыха, царь гор божественной земли» [17].

Всевозможные опасности подстерегали путника, отважившегося углубиться в эти священные владения без должных приготовлений: голод, жажда и нежелательные встречи ожидали его там. Львы, которые раньше подходили к Нильской долине и нападали на быков, уже почти исчезли, но по-прежнему следовало остерегаться волков, пантер и леопардов. Однажды Хоремхеб столкнулся лицом к лицу с огромной гиеной. К счастью, этот храбрый воин был вооружен. Вытянув вперед левую руку, он уже занес правую руку с копьем, но под его пристальным взглядом гиена отступила [18].

Пустыня восточнее Гелиополя кишела змеями. Путешественники видели там и совсем странных зверей: грифонов с человеческой головой, крылатых пантер, гепардов с длинной, как у жирафа, шеей, зайцев с квадратными ушами и прямым, как стрела, хвостом [19]. Иногда встречались племена кочевников вроде тех, что однажды предстали перед «князем» города Менат-Хуфу: мужчины, вооруженные метательными палками, луками и дротиками, их жены и дети, а впереди всех выступали «шейх» и жрец с цитрой [20]. Это мирное племя хотело лишь обменять на зерно свой зеленый и черный порошки, из которых египтяне изготовляли различные косметические средства для подведения глаз. Но другие племена занимались только разбоем. Для безопасности путников в пустыне строили святилища. В одном из таких святилищ на пути от Гелиополя к Красному морю недавно обнаружена скульптурная группа, изображающая Рамсеса III и богиню. Памятник покрывают надписи, извлеченные главным образом из одного древнего сборника, где часто упоминаются жены Хора [21]. Кто умел, читал эти надписи. Но, возможно, достаточно было лишь взглянуть на них или прикоснуться к ним? Во всяком случае, путники шли дальше с надеждой, что милость богов, дарованная фараону, распространится и на них.

Либо потому, что они не сумели заручиться расположением богов, либо потому, что им, к несчастью, попался

скверный проводник, путешественники иногда сбивались с пути и блуждали по пустыне. Некий Интеф, которому при Аменемхате I поручили доставить блоки из каменоломен «бехена», рассказывает:

«Мой господин послал меня в Рахену, чтобы я привез этот прекрасный камень, лучше которого не привозили со времен богов. Но не было ни одного охотника, знавшего, где находится [Рахену] и как туда добраться. И вот я восемь дней блуждал по пустыне, не зная, где нахожусь. Тогда я простерся на животе перед Мином, Мут — великой волшебницей, и перед всеми богами пустыни. Я возжег перед ними терпентин. Утром, когда земля озарилась и пришел новый день, мы вступили на эту превосходную гору Верхнего Рахену» [22].

Интеф добавляет, что его партия рабочих во время блужданий по пустыне не разбрелась и ему не пришлось оплакивать мертвых. Но Интефу и его спутникам просто повезло.

Сей достойный «инженер» познакомился с пустыней по воле случая. Но были египтяне, которые проводили в песках многие годы, отыскивая месторождения и подступы к ним, а также, несомненно, по склонности к бродячей жизни. Некий Саанх, начальник стражников пустыни, управитель Египта в этих местах и начальник гарпунщиков на реке, руководил здесь экспедициями и собрал для них столько припасов — бурдюков, одежд, хлеба, пива и свежих овощей,— что, казалось, долина Рахену превратилась в зеленый луг, а гора «бехена» — в озеро. В возрасте шестидесяти лет этот отец многочисленного семейства, у которого, как у патриарха Иакова, было семьдесят детей, без устали бороздил пески пустыни от Таау в Менат-Хуфу до Великой Зелени *, охотясь по дороге на птиц и зверей [23]. Именно таким неутомимым исследователям мы обязаны картами вроде той, что хранится в Туринском музее, которые по праву считаются самыми древними картами в мире. Они представляют район каменоломен и золотых рудников Коптоса, как их тогда называли. Пески окрашены в ярко-красный цвет, горы — в темно-желтый. Отпечатки ног на дорогах указывают направление. Крепость отмечает местоположение развалин, где фараон Сети некогда поставил стелу [24].

Мы уже рассказывали о стараниях Сети и его сына отыскать воду в этой стране жажды. Рамсес III с гордо-

* Вероятно, здесь — Красное море.

стью вспоминает, как он построил в пустыне Айн большой водоем и обнес его стенами, нерушимыми, как медные горы... Входные ворота были из пихты, засовы и замки — из бронзы [25].

В некоторых вади восточной пустыни росли драгоценные фисташковые деревья, чью смолу, «сенечер», возжигали в храмах, дворцах и домах. Правда, богам больше нравились благовония страны Пунт. Когда «потерпевший кораблекрушение», выброшенный на остров, убедился, что хозяин острова, огромный Змей, вовсе не так жесток и страшен, как ему показалось сначала, он пообещал ему смолу фисташкового дерева. Посмеявшись над его наивностью, Змей сказал:

«Немного у тебя мирры, то, чем ты владеешь,— это ладан. Я же — владыка Пунта, и мирра принадлежит мне!» [26].

Настоящие благовония были действительно редкостью, но вместо них возжигали в курильницах терпентин, от которого поднимался душистый дым, приятный для богов и людей. Кроме того, терпентин жгли, когда забивали животных на дворе храма, да и в частных домах, как средство против затхлости и насекомых; кроме того его использовали в косметике.

Пчелы охотно посещали фисташковые рощицы, поэтому там не только срезали черенки, чтобы высадить их в саду храма, но и собирали дикий мед, который пользовался большим спросом. Рамсес III назначал специальные отряды стражников и лучников для охраны караванов сборщиков. Благодаря им путники чувствовали себя в негостеприимной пустыне в такой же безопасности, как в Тамери, на возлюбленной земле Египта [27].

III. ПУТЕШЕСТВИЕ В БИБЛ

Египтяне считали море, «Йам», алчным божеством. Когда бог Йам заметил прекрасную деву, которую боги даровали Бате в жены, он, чтобы завладеть ею, затопил своими волнами землю («Сказка о двух братьях»). И все же египтяне, не устрашенные опасностями пустыни, осмеливались вступать в единоборство и с этим ужасным божеством. Египетские моряки давно освоились с сирийским побережьем. Во времена, когда боги еще жили на земле, гроб Осириса, брошенный Сетхом в Нил, поплыл вниз по Танисскому рукаву. Море выбросило его близ Библа, и

здесь огромное дерево поглотило его. Вскоре к этому волшебному дереву пришла Исида. Она села подле воды, и, когда служанки царицы Библа пришли с кувшинами за водой, она причесала им волосы и пропитала их чудным ароматом, исходившим от нее. Тронутая такой добротой, царица подарила Исиде священное дерево, в котором было заключено тело ее супруга *.

Так хорошо завязавшиеся отношения не прерывались и позже. Египтяне приплывали в маленький порт Кебен (Губла) и приносили дары владычице Библа. Они построили ей храм с помощью местных жителей. Царю они преподносили алебастровые вазы, драгоценности, амулеты, а возвращались с грузом смол, стволами и досками и даже с целыми, построенными на месте судами, так что слово «кебенет», производное от египетского названия Библа, «Кебен», стало означать только морские суда.

Египтяне сражались с азиатами повсюду, где бы они ни встретились,— на Синае, в Палестине, в Кармеле и Верхнем Речену,— но было в Сирии одно-единственное место, где их всегда хорошо встречали. Это — Библ. Правда, однажды им устроили там побоище, но преступниками были не местные купцы или моряки, а наемники из арабов пустыни, этих вечных и коварных врагов Египта [28].

Со временем египтяне расширили зону своего влияния. Их посланцы в эпоху Среднего царства отправлялись в Бейрут, Катну и Угарит (совр. Рас-Шамра) и оставляли в память о своем посещении статуи и сфинксов. Но Библ сохранял свое привилегированное положение. Его властитель гордился титулом египетского «князя», гордился своей египетской культурой. Он построил себе гробницу наподобие гробниц фараонов, наполнил ее утварью по египетским канонам и поставил там даже несколько драгоценных предметов, присланных из самой столицы — Ити-тауи.

Мы не знаем, как вели себя жители Библа во время нашествия гиксосов. Может быть, они в отчаянии предали друзей своей богини. Во всяком случае, морские перевозки прекратились, и верующие с тоской вопрошали, откуда им взять пихту для саркофагов жрецов и смолу для их мумий. Прекращение этой торговли имело и другие печальные последствия, ибо священные ладьи, высокие столбы с лентами, которые стояли перед храмами, превосходя на много локтей даже карнизы пилонов, а также ритуальная

* Плутарх. Об Исиде и Осирисе.— Вестник древней истории. 1977, № 3—4.

мебель тоже были из пихты. Но эти ужасные времена миновали: Египет отвоевал свои земли и египтяне вернулись в Библ. Тутмос III во время своей победоносной кампании не преминул остановиться там и получил от своего союзника больше леса и судов, чем все предыдущие фараоны. Позднее, когда Сирия начала заигрывать с врагами Египта, правитель Библа, Рибадди, остался верен Аменхотепу III и его преемникам. Рамсес II устанавливает стелы с надписями на берегу Собачьей реки, между Бейрутом и Библом. В Долине Кедра, куда рассказчик той эпохи перенес приключения Баты, он основал город, названный его именем. В то время царем Библа был Ахирам. Как и все его подданные, он говорил и писал по-египетски, а для его родного языка использовалось алфавитное письмо, возникшее, наверное, в том же Библе в результате упрощения иератического письма [29].

Воинственные фараоны XVIII династии похвалялись, что их посланцы ездили по всей Сирии и никто не смел их тронуть. Без сомнения, этих посланцев хорошо принимали в Библе, но немного позднее, во времена последних Рамсесов и в начале XXI династии, все резко изменилось. Царь Чекербаал, далекий преемник Мелькандра, который так почитал Исиду, без стеснения предлагает египетскому представителю посмотреть на гробницы многих посланников фараона Хаэмуаса, десятого * из Рамсесов, которые умерли в Библе после долгого пребывания в плену [30]. Более удачливый Унамон после долгих переговоров покидает порт с грузом леса, но этим он обязан покровительству своего бога, Амона Дорожного, которого, к счастью, привез с собой **.

Следует, правда, признать, что история Унамона — случай особый. Верховный жрец Амона поручил ему доставить лес для священной ладьи этого бога, которая в середине сезона разлива ходила по Нилу между Карнаком и Луксором в сопровождении огромных ликующих толп на берегу. Сначала Унамон отправился в Танис к Смендесу и его супруге Тентамон: их еще не признали официально царем и царицей, но они уже были хозяевами страны. Ему снарядили судно с капитаном Менгебетом во главе, и менее чем через пятнадцать дней он вошел в Средиземное

* Монтэ ошибается: Хаэмуас — это Рамсес XI, последний царь XX династии.

** Путешествие Ун-Амуна в Библ. Издание текста и иссл. М. А. Коростовцева. М., 1960.

море. Он пристал в Доре, городе чекеров *, и, пока здесь грузили на борт небольшой запас провизии — пятьдесят хлебов, кувшин вина и бычью лопатку,— один из его матросов сбежал с корабельной казной, где было пять дебенов золота и тридцать один дебен серебра. В страшном волнении Унамон приходит к царю Бедеру и сообщает ему о своей беде.

Отвечает ему Бедер:

«Серьезен ли ты, шутишь ли ты? Ведь смотри, я не понимаю [ничего] в этой речи, которую ты сказал мне. Если бы вор, который принадлежит моей стране, спустился на твое судно и похитил твое серебро, я бы возместил его тебе из моей кладовой до того, как найдут твоего вора по имени его. Воистину, что касается вора, обокравшего тебя,— твой [человек] он, он принадлежит твоему судну. Проведи несколько дней здесь у меня, и я поищу его».

Как видим, ответ прямой и честный. Однако прошло девять дней, но ни вора, ни денег не отыскали. Унамону удалось занять тридцать дебенов серебра, в Тире он нашел корабль и прибыл на нем в Библ.

Двадцать девять дней царь Чекербаал отказывался его принять. Он уступает только после того, как Амон, фиванский бог, вселяется в юношу из царской свиты и его устами приказывает царю: «Призови бога всевышнего! Призови посланца Амона, который с богом. Это Амон послал его».

На следующий день Унамон поднимается по ступеням дворца; он видит, что царь сидит спиной к балкону, за которым вздымаются волны Средиземного моря. Аудиенция проходит не очень дружественно. Вместо того чтобы прибыть как официальный посланник на корабле царя Смендеса и предъявить свои верительные грамоты, Унамон приплыл без всяких документов на случайном попутном судне. Унамону удается объяснить, что он прибыл за лесом для священной ладьи Амона-Ра, царя богов. Царь отвечает ему: «Если ты дашь мне [необходимое] для выполнения его [поручения], я выполню его. Воистину выполняли мои [отцы] это поручение; после того как приказал фараон, да будет он жив, невредим и здоров, чтобы доставили шесть судов, которые были гружены добром Египта, они выгрузили их в свои кладовые. [А] ты, что же доставил ты мне, именно мне?»

* Дор — город на палестинском побережье; чекеры — один из «народов моря».

Спор продолжался.

«Он приказал, чтобы принесли поденные записи его отцов. Он приказал, чтобы огласили их передо мной; они нашли 1000 дебенов всякого серебра в его записях. Он сказал мне: „Если бы правитель Египта был владыкой моей [страны], а я также его рабом, разве приказал бы он, чтобы доставили серебро и золото, говоря: „Выполни поручение Амона". Разве [это] царский дар — [то, что] они делали моему отцу? Что же касается меня, именно меня, разве я твой раб? Разве я также раб пославшего тебя?"»

Унамон отвечает, напоминая о всемогуществе Амона-Ра, царя богов, дарующего жизнь и здоровье. Он говорит царю:

«Ведь он [Амон-Ра] владыка твоих отцов: они провели время своей жизни, принося жертвы Амону; ты также раб Амона. Если ты скажешь Амону: „Сделаю, сделаю" — и выполнишь его поручение, ты будешь жить, ты будешь невредим, ты будешь здоров и ты будешь хорош для всей твоей страны и [для] твоих людей» (перевод М. А. Коростовцева).

После этого обмена мнениями Чекербаал грузит на корабль носовую, кормовую и среднюю части священной ладьи и еще четыре ствола и отправляет корабль в Египет с письмом Унамона. Смендес и Тентамон тут же высылают ему товары, золото и серебро. Сам Унамон получает одежды и припасы. Царь доволен. Обойдясь без божественных благословений, которыми хотел ему заплатить посланец Амона, и не страшась божьей кары, он спокойно забирает египетские товары и лишь после этого мобилизует триста лесорубов с быками, назначает надсмотрщиков. Они валят деревья, а к исходу зимы доставляют стволы к побережью. Похоже, что теперь Унамон может наконец отплыть со своим лесом, но оказывается, что все не так просто. Чекербаал считает, что ему заплатили мало. Унамон вполне серьезно предлагает ему высечь на стеле следующее:

«Послал мне Амон-Ра, царь богов, Амона Дорожного, своего посланца, да будет он жив, невредим и здоров, вместе с Унамоном, его посланцем-человеком, за строительным лесом для великой священной ладьи Амона-Ра, царя богов. Срубил я его, погрузил я его, снабдил я его своими судами и командами, сделал я, чтобы достиг он Египта, чтобы вымолить мне 50 лет жизни у Амона вдобавок к моей судьбе».

И шутник Унамон добавляет:

«И когда наступит после [этого] другой день, и прибудет посланец из страны Египта, который знает письмо, и он огласит твое имя на стеле, [то] воспримешь ты воду Запада, как и боги, которые там» (перевод М. А. Коростовцева).

Царь побежден и уступает, а Унамон обещает, что первый пророк Амона по его подробному докладу тотчас вышлет ему дары.

Современные комментаторы обычно делают из этого рассказа вывод, что Египет во времена Смендеса был слаб и не пользовался уважением. В действительности даже в апогее своего могущества фараон не считал царя Библа побежденным рабом, который должен поставлять ему лес даром. Египетский посланник прибывал в Библ с официальными письмами, золотом, серебром и разными товарами. Царь Библа принимал дары и поставлял Египту лес. После этого обе стороны обменивались благословениями и благодарностями. Фараон добавлял к дарам личные подарки, которые, впрочем, ему обходились недорого: свою статую и какие-нибудь амулеты. Польщенный царь Библа принимал эту статую с благодарностью и призывал высечь на ее пьедестале финикийскую надпись с пожеланием, чтобы богиня Библа продлила годы царствования фараона. И так было «со времен богов».

Покинув гавань Библа, Унамон едва спасается от подстерегавших его чекеров, а потом попадает в руки киприотов, которые собираются его убить. Конец папируса оборван, и мы не знаем, как он выпутался из новой беды, но знаем, что каким-то образом он спасся. «Народы моря» заставили заговорить о себе еще при Рамсесе II. С тех пор они представляли для египетских мореходов еще одну реальную угрозу, однако морская торговля не прекращалась. На этот счет у нас есть четкое свидетельство самого Рамсеса III: «Я сделал тебе [Амон] ладьи, баржи и корабли с лучниками, со снастями, [поставленными] на Великой Зелени. Я назначил на них командиров лучников и капитанов с многочисленной командой, без числа, чтобы доставлять дары земли Финикии и других чужих стран на краю земли в твои великие склады в Фивах победоносных» [31].

Следует заметить, что фараон не рассчитывал только на милость Амона. Отряды хорошо вооруженных лучников с опытными военачальниками гораздо надежнее охраняли корабли на море и внушали почтение к египетским посланникам на суше.

IV. СУДОХОДСТВО ПО КРАСНОМУ МОРЮ

Целью почти всех путешествий по Красному морю была страна Пунт, расположенная за Баб-эль-Мандебским проливом на сомалийском побережье, напротив аравийского берега *. Это была страна благовоний. Добрый Змей из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» объявляет себя властителем Пунта и обладателем благовоний «аптиу».

Египтяне посещали Пунт «со времен богов». Еще в эпоху Древнего царства они обозначили судоходный путь от Библа на сирийском побережье до берегов Пунта, от Порта пихт до Порта благовоний [32]. Суда выходили из Библа, достигали египетского побережья и по Нилу через Танисский рукав поднимались до Бубаста, а дальше шли по каналу до Вади-Тумилат, которое можно считать самым восточным ответвлением Нила. Вади было несудоходным бо́льшую часть года, но в период разлива по нему могли проходить египетские гребные суда с мелкой осадкой. Они пересекали Горькие озера, достигали Красного моря и продолжали свое медленное плавание до самого Пунта. Кочевники, «живущие на песках», хоть и были полудикими, но все же понимали свою выгоду и охотно провожали путешественников по суше и переносили их товары. Морской путь был для них помехой, и они не раз пытались его перерезать. Пепи I направлял против них множество экспедиций, однако нападения кочевников не прекращались. Похоже, что после царствования Пепи II от путешествий пришлось временно отказаться; они возобновились только в эпоху Среднего царства и были снова прерваны нашествием гиксосов.

Царица Хатшепсут возродила эту традицию, а после нее ее поддерживали Тутмос III, Аменхотеп II, Хоремхеб, Рамсес II и Рамсес III [33]. Для того чтобы соединить свою резиденцию в Дельте с Красным морем, Рамсес II ценой огромных усилий и затрат восстановил древний канал между двумя морями, остатки которого были найдены при рытье современного Суэцкого канала. Вдоль него стояли города Пер-Рамсес, Бубаст и Питом, а на берегах — гранитные стелы на высоких пьедесталах, восхищавшие мореходов и рассказывавшие им о величии фараона и смелости его замыслов [34].

---

* Вопрос о местонахождении Пунта носит дискуссионный характер.

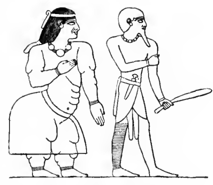
Представим, что сирийские суда выгрузили пассажиров и товары в Пер-Рамсесе и путешественники должны пересесть на другие суда, следующие в Пунт. Это «кебенет», корабли библского типа, либо построенные в Библе и купленные у ливанцев, либо сооруженные на египетских верфях, но опять же из сирийского леса и по библским образцам. У нас есть два изображения таких кораблей.

Наиболее древний относится к царствованию Сахура, второй — современник царицы Хатшепсут [35]. Так вот, за тысячу с лишним лет, разделяющих эти два царствования, конструкция корабля почти не изменилась. Корпус длинный, с форштевнем, корма приподнята, нос загибается вперед и оканчивается огромным зонтом. На палубе два наблюдательных мостика, спереди и сзади. Два рулевых весла по бортам, недалеко от кормы. Нос и корму стягивает толстый канат, поддерживаемый четырьмя стойками с развилками. Единственная мачта с четырьмя растяжками, поставленная примерно в центре корабля, несет большой парус, ширина которого больше высоты. Экипаж многочислен: когда ветер спадает, моряки берутся за весла. Большинство из них — люди бывалые: «они видели небо, они видели землю, были храбры сердца их более, чем у львов. Предсказывали они бурю до того, как выйдет она, непогоду до того, как случится она».

На корабли поднимаются сановники фараона, писцы и воины. Грузят самые лучшие товары земли египетской, которые больше всего ценятся в Пунте: украшения, зеркала, оружие. Фараон провожает караван. Суда входят в канал, минуют Питом, где израильтяне под палками надсмотрщиков формуют кирпичи, и выходят на Великую Зелень.

Дозорные на обоих берегах Земли Бога оповещают о приближении египетских судов. Туземный царек, царица и вожди племен выходят из своих жилищ, стоящих на сваях в лагуне, садятся на ослов и спешат навстречу египтянам. Они такие же высокие и широкоплечие. Головы у них круглые. Бороды заплетены, как у богов долины Нила и у фараонов. Единственная разница в том, что у туземцев бороды свои, естественные, а у египтян — накладные. Они носят на шее круглые медальоны, похожие на те, что в моде у сирийцев. Царица вызывает изумление. Это гора жира, и непонятно, как она может еще ходить. Ее дочь, несмотря на свою молодость, недалеко ушла от мамаши. Египетские художники во все глаза

смотрят на этот новый для них мир. Может быть, они делали тайком эскизы на клочке папируса, а может быть, дожидались возвращения на корабль, чтобы там по памяти зарисовать увиденное? Одно мы знаем наверняка: они запечатлели захватывающие сцены и изобразили со скрупулезной точностью все, что заслуживало внимания: царька с его царицей, деревню и ее обитателей, различную рыбу и ракообразных.

Вождь из Пунта и его жена (изображение из храма царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри)

На берегу быстро разбивают палатку, и начинается обмен приветствиями. Туземцы с благоговением преклоняются перед Амоном-Ра, первородным богом, обходящим чужие страны. Они рады видеть египтян и прекрасно знают, что им нужно. Однако делают вид, что удивлены, и спрашивают: «Зачем вы пришли сюда, в эту землю, неведомую людям? Вы спустились с неба? Вы приплыли по воде или пришли по суше? Сколь плодородна Земля Бога (Та-Нечер), по которой вы ступаете! Это Ра, царь земли Та-мери. Нет на земле тропы, недоступного для его величества. Мы живем дыханием, которое он дает!»

Согласно повелениям дворца (т. е. фараона), «да будет он жив, невредим и здоров», царькам преподносят хлеб, вино и пиво, мясо, фрукты и все чем изобильна Та-мери.

А вот список товаров, которые грузят на суда египтян. Они отнюдь не прогадали на обмене. Здесь наилучшие стволы из Та-Нечер, груды ароматных семян, зеленые ветки благовонных деревьев, черное дерево и слоновая кость, три сорта благовоний (тишепс, хесаит, ихмет), терпентин, черная краска для глаз, обезьяны двух видов, борзые, шкуры южных пантер и олениха с оленятами. Все это — ценный груз, однако караваны из верховьев Нила тоже доставляли черное дерево, слоновую кость, шкуры пантер и прочие экзотические товары. Но они не могли доставлять самого главного, из-за чего, собственно, и было затеяно это долгое и трудное путешествие,— дре-

Экспедиция царицы Хатшепсут в Пунт (рельеф из храма в Дейр-эль-Бахри)

весины из Та-Нечер, семян ароматических растений и прежде всего более тридцати благовонных деревьев, упакованных вместе с корнями и землей не хуже, чем это делают лучшие садоводы Франции. Неудивительно, что удачливых путешественников встретили с ликованием, когда они наконец причалили к набережной Ипет-Сут (совр. Карнак). Носильщики, считая за честь послужить фараону, обращаются к зеленым деревьям, как к священным существам:

«Будьте счастливы с нами, деревья благовоний, которые были в Та-Нечер, во владениях Амона, [где] теперь ваше место. [Царица] Мааткара будет взращивать вас в своем саду по обеим сторонам своего храма, как повелел ее отец [бог Амон]».

Обитатели Пунта не зря спрашивали египтян, как они прибыли к ним: по воде или по суше? Действительно, из Египта в Пунт было два пути. Еще до Рамсесов и задолго до царицы Хатшепсут, во времена XI династии, начальник экспедиции по имени Хену добрался до Пунта и вернулся обратно частично по суше, а частично по воде, на корабле. Его господин повелел ему закупить свежие благовония у «шейха» пустыни. А заодно он должен был внушить туземцам боязливое почтение к фараону. Таким образом, его путешествие преследовало две цели: торговую и политическую.

«Я отправился из Коптоса,— говорит он,— по пути, указанному его величеством. Воины, которые сопровождали меня, были с Юга, из владений Уабут, что простираются от Гебелейна до Шабита. Все царские чиновники, горожане и крестьяне шли за мной. Путь впереди очищали разведчики, чтобы опрокинуть врагов фараона. Дети пустыни были моими телохранителями. Все писцы его величества подчинялись мне. Они слали отчеты с гонцами. В одном отчете его величество слышал тысячи голосов».

«Я выступил с войском в три тысячи человек. Я превратил дорогу в реку, красные земли [т. е. пустыню] — в зеленый луг, я давал один бурдюк, один посох, два кувшина воды и двадцать хлебцев каждому человеку каждый день. Кувшины несли ослы. Когда один уставал, его заменял другой. Я построил двенадцать цистерн-водоемов в вади и два водоема в Идахете, размером в двадцать локтей на тридцать. И еще один квадратный водоем со стороной в десять локтей я построил в Иахетебе в том месте, где собиралась вода.

И вот я достиг Великой Зелени. Я построил этот корабль. Я оснастил его, как нужно. Я принес ему [богу моря?] великую жертву: диких быков, африканских быков и мелкий скот. Когда я проплыл по Великой Зелени, я сделал, что повелел мне его величество, и принес ему все сокровища, какие нашел на обоих берегах Земли Бога (Та-Нечер). Я вернулся через Уаг и через Рахену. Я принес ему великолепные камни для статуй в его святилищах. Никогда ничего подобного не доставляли в царскую резиденцию. Никогда ничего подобного не совершал ни один слуга фараона со времен богов» [36].

Как видим, это была весьма значительная экспедиция. Хену пересек пустыню с тремя тысячами человек. Проводниками служили дети пустыни, и он поддерживал постоянную связь с царской резиденцией. Вместо того чтобы двинуться по проторенному пути прямо на восток, Хену направился на юго-восток. Копая по пути колодцы и сооружая водоемы, он достиг побережья в том месте, где позже появился маленький порт Береника. Здесь он, по его словам, построил корабль, несомненно из ливанского леса, доставленного по морю. Он достиг Пунта, посетил оба берега Земли Бога, закупил благовония и прочие товары этих стран. На обратном пути он высадился в Коссейре, а оттуда пошел через долину Рахену. Там он задержался, но вовсе не для отдыха, а для того, чтобы заготовить каменные блоки для скульптурных мастерских фараона. Хену не тратил времени зря и заслужил, чтобы его имя было упомянуто среди первых землепроходцев, ибо римлянину Элию Галлу в правление Августа потребовались невероятные усилия, чтобы повторить его подвиг [37].

Используя накопленный опыт, экспедиции во времена Рамсеса III направлялись в Пунт по суше и морским путем. Фараон затрачивал на них огромные средства. Флот состоял из множества крупных кораблей и судов сопровождения. В команде были моряки, лучники со своими военачальниками. На корабли погрузили большое количество припасов для команды и товаров для торгового обмена. По словам египетского летописца, этот флот отправился в плавание не из Красного моря, а из моря Му-кеду, которое может быть только Персидским заливом, потому что название Му-кеду — «Вода страны Кеди» в Нахарине, было дано египтянами Евфрату [38]. Возможно, Рамсес III сумел доставить из Ливана до Евфрата стволы деревьев, как это сделал в свое время Тутмос III [39], и

здесь, на берегу этой реки, построил свои корабли. Но, может быть, он достиг с царем Вавилона соглашения, по которому его воины, моряки и чиновники могли пройти через эту страну до Евфрата и дальше отплыли на вавилонских судах. В любом случае флот экспедиции Рамсеса III должен был спуститься по Евфрату, обогнуть огромный Аравийский полуостров, и лишь после этого он мог направиться к берегам Пунта. Путешествие прошло без всяких инцидентов: имя грозного фараона на всех наводило страх.

Здесь, в Пунте, все произошло, как во времена царицы Хатшепсут. Египтяне встретились с туземцами и вручили им подарки фараона. Затем корабли и баржи нагрузили товарами страны Та-Нечер и всеми чудесными дарами ее таинственных гор; при этом не забыли главного — сухих благовоний. Флот двинулся вверх по Красному морю, достиг Суэца, а оттуда по каналу из Питома прошел в Нил. Пока длилось это плавание, дети вождей страны Та-Нечер высадились со своими товарами в районе Береники либо в районе Коссейра. Здесь они собрали караван и распределили грузы между ослами и носильщиками. Они благополучно дошли до гор Коптоса, сели там на речные суда и доплыли до Фив, где их ожидала праздничная встреча. Фараон говорит:

«Передо мной пронесли всяческие товары и чудесные дары. Дети их вождей приветствовали мой лик, целовали землю и простирались на животе передо мной. Я отдал их [дары] Эннеаде и всем богам этой страны, дабы умиротворить утром их вождей».

Можно предположить, хотя об этом нигде прямо не сказано, что караванщики прибыли в Коптос или Фивы одновременно с кораблями экспедиции. Решение использовать оба пути было явно вызвано желанием фараона любым способом заполучить драгоценные благовония Пунта, потому что плавание по морю было все же сопряжено с большим риском. Неведомо, сколько кораблей погибло со своим грузом и людьми, и никто из них не мог потом рассказать, как наш «потерпевший кораблекрушение»:

«Буря вышла в то время как мы были в море, до того как коснулись мы земли. Поднялся ветер. Всколыхнул он волну восьмилоктевую. Вот бревно! Пробил сильным ударом я ее [волну]. Корабль погиб, [и] не осталось никого из тех, кто был на нем» (перевод Е. Н. Максимова).

Это была превосходная экспедиция, но во времена

Рамсеса II египтяне совершали более далекие и смелые морские путешествия, о них слышали еще классические авторы. Египтяне, например, издавна использовали синий камень, лазурит, которого нет в африканских пустынях [40]. Весь лазурит поступал в древности из единственной страны — Бактрии *. От нее добирались до Сирии и далее до Египта караванными путями, но, видимо, гораздо удобнее было спуститься по Инду, а затем вдоль побережья доплыть до устья Евфрата, как это сделал позднее Неарх. Сами египтяне не решались отправляться за лазуритом на его далекую родину. Они довольствовались тем, что покупали его в городе, который называли Тефрер [41]. Если я не ошибаюсь, в действительности это был город Сиппар, удобно расположенный на канале, соединявшем Тигр и Евфрат, подходящие в этом месте очень близко друг к другу. Египтяне знали, что лазурит поступает из Тефрера; кроме того, оттуда же привозили еще какой-то полудрагоценный камень, который они называли именем этого города, но определить его пока не удалось.

И вот однажды фараон, принимая в Нахарине почести от иноземных царьков, увидел перед собой самого царя страны Бахтан в Бактрии, который привез ему богатые дары и предложил в жены собственную дочь, желая заручиться дружбой и помощью Рамсеса. Фараон согласился заключить с ним союз и вернулся в Фивы с царевной. Какое-то время спустя ко двору фараона прибыл посланец царя Бахтана, испросил аудиенцию и тотчас был принят. Он сообщил, что сестра царевны тяжко занемогла. Фараон немедля отправил в страну Бахтан своего лучшего врача, выбранного по совету «дома жизни». Однако царевна не поправлялась, и новый гонец проделал долгий путь от Бахтана до Египта. Поскольку врач ничего не смог сделать, оставалось только послать в страну Бахтан одного из египетских богов. Для этого был избран правящий судьбами людскими бог Хонсу. Он отплыл на большом корабле в сопровождении пяти малых и достиг страны Бахтан за год и пять месяцев, срок вполне объяснимый, если учесть, что флотилии пришлось пройти по всему Красному морю, обогнуть Аравию, пройти вдоль побережья ихтиофагов и подняться по Инду до места, откуда уже добирались до Бахтана по суше. Египетский бог оставался в резиденции бактрийского царя три года и девять

* Бадахшанское месторождение в Северо-Восточном Афганистане.

месяцев. После этого царь скрепя сердце отпустил его в Египет в сопровождении сильного эскорта воинов и конников и с многочисленными подарками.

Первый посланец из Бахтана прибыл в Фивы в пятнадцатый год царствования фараона. Бог вернулся в тридцать третий год царствования. За это время в Фивы прибыл первый посланец и вернулся с египетским врачом, затем прибыл второй посланец и вернулся с богом Хонсу, и, наконец, после трех лет и девяти месяцев пребывания в Бактрии бог возвратился в Египет. Расстояние между Фивами и Бахтаном было пройдено пять раз.

Хранящаяся в Лувре стела, на которой рассказано обо всех этих событиях, имеет все признаки официального документа [42]. Надпись начинается с перечня царских титулов. Три первых имени взяты из титулатуры Тутмоса IV, первого властителя Нового царства, который женился на иноземной царевне, а два картуша идентичны с картушами Рамсеса II. Однако, по-моему, это еще не повод относить этот документ к Позднему царству и считать всю эту историю выдумкой. В древности цари часто переписывались, а египетские врачи были в иноземных странах в большом почете [43]. Память о плаваниях Сесостриса по Эритрейскому морю была еще жива во времена Александра Великого [44]. И нет ничего невероятного в том, что Рамсес II пожелал установить прямые отношения со страной, откуда в течение веков Египет получал драгоценный лазурит, столь ценимый ремесленниками и их заказчиками.

Глава VIII

ФАРАОН

I. ГЛАВНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ЦАРЕЙ

Египетское общество жило по не совсем обычным правилам и законам. Если им правил властитель, «да будет он жив, невредим и здоров», поставленный богами и произошедший от их божественной плоти, стране были обеспечены мир и процветание. Щедрые разливы помогали земле растить ячмень и пшеницу в изобилии. Стада умножались. Золото, серебро и медь, драгоценное дерево, слоновая кость, благовония, камни прибывали в Египет со всех четырех сторон света. Однако, если это главное основное условие — божественность фараона — не соблюдалось, все шло прахом. Страна приходила в упадок. Не было больше высшей власти, потому что каждый стремился командовать. Брат убивал брата. И вскоре — о стыд и унижение! — на трон садился иноземец. Нил переставал заливать поля. Народу нечего было есть. Ничего больше не привозили ни из Сирии, ни из Куша. Никто не приносил жертвы богам в храмах, и они отвращали свой взгляд от тех, кто утратил в них веру.

Таким образом, главная обязанность фараона — выражать свою признательность богам, вседержителям всего сущего. На большинстве стел сообщалось, что фараон, будучи в Мемфисе, в Оне, в Пер-Рамсесе или в Фивах, совершал угодное богам: восстанавливал пришедшие в упадок святилища, сооружал новые, укреплял стены храмов, устанавливал статуи, обновлял мебель и священные ладьи, ставил обелиски, украшал алтари и жертвенные столы и щедростью своей превосходил все, что делали до него другие цари. Вот, например, молитва и исповедь Рамсеса III:

«Слава вам, боги и богини, владыки неба, земли, вод! Широки ваши шаги на ладье миллионов лет рядом с вашим отцом Ра, чье сердце ликует, когда он видит ваше совершенство, ниспосылающее счастье стране Та-мери... Он радуется, он молодеет, глядя, как вы велики в небесах

и могущественны на земле, глядя, как вы даете воздух ноздрям, лишенным дыхания.

Я ваш сын, сотворенный двумя вашими руками. Вы меня сделали властелином, да будет он жив, невредим и здоров, всей земли. Вы сотворили для меня совершенство на земле. Я исполняю свой долг с миром. Сердце мое без устали ищет, что сделать нужного и полезного для ваших святилищ. Моими повелениями, записанными в каждой канцелярии, я дарую им людей и земли, скот и корабли. Их баржи плывут по Нилу. Я сделал процветающими ваши святилища, которые были в упадке. Я учредил для вас божественные приношения помимо тех, что были для вас. Я работал для вас в ваших золотых домах с золотом, серебром, лазуритом и бирюзой. Я бодрствовал над вашими сокровищницами. Я восполнил их многочисленными вещами. Я наполнил ваши закрома ячменем и пшеницей. Я построил для вас крепости, святилища, города. Ваши имена высечены там навечно. Я увеличил число ваших работников, добавив к ним множество людей. Я не отнимал у вас ни человека, ни десятка людей в войско и в корабельные команды из тех, что в святилищах богов, с тех пор, как цари их построили. Я издал декреты, чтобы они были вечными на земле для царей, которые придут после меня. Я приносил вам в жертву всякие хорошие вещи. Я построил вам склады для празднеств, наполнил их продуктами. Я сделал для вас миллионы сосудов изукрашенных, золотых, серебряных и медных. Я построил вам ладьи, плывущие по реке, с их великими обиталищами, обшитыми золотом» [1].

После этого вступления Рамсес перечисляет все, что он сделал в главных храмах Египта. Он долго распространяется о дарах, принесенных в честь Амона, владыки двух тронов Обеих земель, Атума, хозяина Обеих земель в Оне, великого Птаха, находящегося к югу от стены его*, и в честь прочих богов. Разоряя свою казну и разоряя Египет в пользу богов, Рамсес III шел по давно проторенному пути. С тех пор как появились фараоны, почти о каждом из них можно было сказать то, что начертано на стеле из Амады:

«Это царь благодетельный, ибо он совершает работы для всех богов, воздвигая им храмы и высекая их изображения» [2].

* Эпитет Птаха Мемфисского, храм которого находился в южной части столицы. На другом конце города в эпоху Древнего царства располагался храм Нейт «севернее стены».

Рамсес II, едва вступив на трон, задумал показать себя набожным сыном как по отношению к богам, так и к своему земному отцу Менмаатра Сети-Меренптаху (Сети I), который начал в городах богов Инхара и Уннефера (Осириса) грандиозные работы, но так и не закончил, и эти города походили одновременно и на строительные площадки, и на руины. Межевые камни храмовых владений были непрочно врыты, и любой мог их опрокинуть. И вот Рамсес II повелел своему хранителю печати созвать всех придворных, членов царского дома, военачальников, всех управителей работ и хранителей «домов книг» и произнес перед ними следующую речь:

«Я созвал вас всех, ибо мне пришла в голову одна мысль. Я видел, как строят некрополь и гробницы в Абидосе. Работы, начатые там при жизни их владыки, до сих пор не закончены. Сын занимает место отца, но ничего не делает, чтобы завершить памятник тому, кто его породил. И тогда я сказал себе: „Счастье придет к тому, кто восстановит упавшее. Полезно творить добро. Поэтому сердце мое велит мне сделать полезные вещи для Меренптаха". И я сделаю так, чтобы повторяли во все времена: „Это его сын дал жить его имени"».

Фараон еще долго говорит в том же духе и заключает: «Прекрасно воздвигнуть памятник на памятник, сделать сразу два добрых дела. Таков есть сын, таким был тот, кто его породил».

Предложение фараона понравилось его советникам. Выслушав их, Рамсес повелел поручить работы архитекторам. Он отобрал воинов, каменщиков, резчиков, скульпторов и рисовальщиков и работников всех ремесел, чтобы соорудить святая святых для своего отца и восстановить все обветшалые строения некрополя. Он составил окончательную опись отданных некрополю земледельцев, полей и стад. Он назначил жрецов, четко определив их обязанности, назначил пророка... Затем, обращаясь прямо к своему царственному отцу, Усермаатра (Рамсес II) напоминает о том, что он сделал для него и его храма:

«Все будет хорошо для тебя, пока я живу, пока живет Рамсес-Мериамон, сын Ра, которому дана жизнь подобно Ра».

И покойный фараон Менмаатра, обращаясь к живому фараону, как отец к сыну, заверяет его, что предстал с его просьбой перед Ра и что все боги — Ра, Атум, Тот и Уннефер и великая Эннеада богов — возрадовались тому, что совершило его величество [3].

На эти слова великого Рамсеса можно возразить лишь одно. Он был не прав, обвиняя своих предшественников в равнодушии к предкам. За полтора века до него фараон Менхеперра (Тутмос III) нашел храм Птаха фиванского в жалком состоянии, недостойном такого великого бога. Все стены из кирпича-сырца, колонны и двери из дерева разваливались. Фараон приказал отстроить храм заново, начиная с фундамента. Стены возвели из прекрасного белого песчаника. Храмовую ограду укрепили на века. Новые двери сделали из пихты, засовы — из азиатской меди.

«Никогда ничего подобного не сооружали до меня,— говорит фараон, разделяя заблуждение всех египтян.— Я сделал его больше, чем прежде. Я совершил очищение его великого дома из золота горных стран, все вазы его из золота, серебра и всевозможных драгоценных камней, одеяния из белого льна, и я снабдил его благовониями для того, чтобы он делал все, что приятно ему на празднествах начала сезонов, которые совершаются в его святилище... Я наполнил его храм всякими превосходными вещами, [прислал] быков, птицу, смолы и вина, подарки и овощи, когда мое величество возвратился с гор Речену» [4].

Но вот фараон восстановил старые святилища и построил новые из самых лучших и редких материалов, одарил их щедрыми дарами. Однако всего этого, оказывается, мало! Он должен сам потрудиться во славу богов, проследить за исполнением своих приказов, а по окончании работ открыть храм и посвятить его богам [5]. Вот он разбрасывает вокруг себя крупинки «бесен» *, ударяет в двери храма двенадцать раз своей булавой, освящает наос огнем, а затем обегает храм, держа по сосуду в каждой руке, а в других случаях — весло с угольником. А иногда он бежит рядом с быком Аписом. Кроме того, фараону приходилось участвовать в некоторых больших религиозных праздниках. Во время великого праздника Опет ему полагалось появляться на священной ладье длиной свыше ста локтей, которую вели на буксире от Карнака до Луксора. Праздник бога Мина в начале сезона «шему» считался не менее популярным. Фараон должен был сам срезать снопик «бедет». Рамсес III, например, не мог поручить эту обязанность никому другому, даже несмотря на то, что этот праздник совпадал с днем его коронации.

Когда Пианхи начал завоевание Египта, он все же сначала отпраздновал у себя в Напате Новый год. При-

---

* Бесен — природная сода, натрон.

быв в Фивы в день великого плавания Амона, он сам сопровождал ладью бога [6]. Начиная с этого дня в жизни Пианхи постоянно чередовались сражения и церемонии, вплоть до его окончательной победы. Жителям Мемфиса он передал:

«Не запирайся, не сражайся, изначальное обиталище Шу. Пусть входит входящий, и пусть выходит выходящий, пусть не задерживаются идущие. Принесу я жертву Птаху и богам, обитающим в Мемфисе. Пожертвую я Сокару в таинственном обиталище его. Увижу я „Находящегося к югу от своей стены“ [Птаха], чтобы я мог плыть в мире [далее] на север. [Население] Мемфиса будет в сохранности и здоровье. Не будут плакать дети. Взгляните на номы юга: не был там убит ни один человек, кроме врагов, говоривших дурное против бога, которые были казнены как преступники» (перевод И. С. Кацнельсопа) [7].

Когда город был взят, он совершил обряд очищения города солью и благовониями, совершил все церемонии, предназначенные фараону, вошел в храм и принес отцу своему Птаху, «находящемуся к югу от своей стены», богатые дары.

Подобные церемонии повторились вскоре в Оне. После различных предварительных обрядов, которые позволили бы ему достойно войти в святая святых, получив благословение великого жреца и выслушав молитву, охраняющую царя от врагов, Пианхи взошел по ступеням большой террасы, чтобы увидеть Ра в его святилище — Пирамидионе. Он остался один, отодвинул засовы, распахнул створки дверей и узрел отца своего, ладью Ра и ладью Атума. Затем он затворил двери, наложил комок глины и запечатал святилище своей царской печатью. Жрецы простерлись перед фараоном и пожелали ему долгой жизни и процветания [8].

Пианхи хотел показать египтянам, что он не менее набожен, чем они, и тоже почитает древние обычаи. Но все, о чем он рассказывает, Рамсесы совершали задолго до него. Если они входили в город, они направлялись в храм и молились его богам. Фараон повсюду был как у себя дома. Везде он видел на стенах изображения фараонов, приносящих богам воду, вино, молоко, статуэтки богини истины (Маат) и возжигающих в кадильнице терпентин. Как известно, Рамсес I и его сын, прежде чем взойти на трон, были великими жрецами Сетха и священнослужителями с разными титулами культа барана города Мендеса и культа Уаджет, богини-змеи, почитаемой в их родном го-

роде и в соседних номах [9]. Рамсес II в начале своего царствования принял сан великого жреца Амона. Это не помешало ему тут же назначить другого великого жреца, которому юный фараон, любитель наслаждений, страстный охотник и смелый воитель, с радостью уступил свои обременительные и скучные жреческие обязанности [10]. Однако Рамсес II, так же как его предшественники и преемники, никогда не слагал с себя обязанностей по отношению к богам. Этим он поддерживал спокойствие в стране, ибо, пока он сам считался сыном бога, простой люд в общем мирился со своей участью и не решался на восстание, а те, кто мог бы нарушить установленный порядок, предпочитали его поддерживать: ссориться с богом было не в их интересах.

II. УТРЕННИЙ ТУАЛЕТ ФАРАОНА

Пробуждение властителя ото сна неизменно сопровождалось сложной церемонией. Один из высших сановников, по имени Птахмес, говорит, что каждый день он вставал с рассветом, чтобы первым приветствовать своего господина [11]. Я не знаю ни одного изображения утреннего туалета фараона, но в гробнице Птахотепа можно видеть, как этот знатный человек готовился к утреннему выходу: над ним хлопотали цирюльник, мастера маникюра и педикюра, и при этом присутствовали вся семья и доверенные слуги. Наверное, фараону уделяли не меньше внимания.

Царский наряд не просто превосходил роскошью одеяние «князей», сановников и высших военачальников армии — ему надлежало соответствовать божественной сущности его величества. Фараон никогда не появлялся с непокрытой головой и даже в семейном кругу носил парик. Волосы стриг коротко, чтобы носить разные парики, самый простой из которых — круглый с диадемой, закрепленной сзади, и спускавшимися на затылок подвесками. Диадему обвивал золотой урей (кобра), чья голова с раздутой шеей поднималась над серединой лба. Парадными головными уборами были короны Юга и Севера и двойная корона. Первая походила на высокий кеглеобразный колпак, вторая — на удлиненную ступку с прямой стрелкой позади, от основания которой вверх отходила металлическая лента, закругленная на конце. Двойная корона представляла собой комбинацию из двух первых. Кроме

Головные уборы фараонов эпохи Нового царства, надеваемые во время совершения жертвоприношений богам. Слева — направо: двойная корона, синий шлем, корона Амона

того, фараон охотно надевал, особенно во время военных парадов и на войне, изысканный и простой синий шлем с уреями и с двумя лентами на затылке. «Немес» (специальный царский платок) был достаточно велик, чтобы скрывать круглый парик. Он сооружался из ткани, опоясывал лоб, спускался с двух сторон лица на грудь и образовывал сзади остроугольный карман. «Немес», как правило, был белого цвета с красными полосами. Его готовили заранее. Он закреплялся на голове золотой лентой, что было просто необходимо, когда фараон возлагал поверх «немеса» двойную корону, корону Юга или корону Севера. Кроме того, на «немесе» устанавливали два пера либо корону «атеф»: колпак Верхнего Египта с двумя высокими перьями, помещенными на рогах барана, между которыми сверкал золотой диск, обрамленный двумя уреями, увенчанными такими же золотыми дисками. Совершенно очевидно, что подобные головные уборы предназначались только для таких церемоний, когда фараон сидел абсолютно неподвижно.

Еще одна непременная принадлежность церемониального убранства — накладная борода, заплетенная в косичку, как у жителей Пунта, Земли Бога, называемой так потому, что оттуда пришли многие великие боги египтян *. Эту накладную бороду соединяли с париком две

* Мнение П. Монтэ о южном происхождении многих египетских богов не подтверждается источниками.

подвязки. Обычно фараон сбривал бороду и усы, но иногда оставлял короткую квадратную бородку.

Основной частью одеяния фараона, как и у всех египтян, была набедренная повязка, но царская делалась гофрированной. Она придерживалась широким поясом с металлической пряжкой, с превосходно исполненными иероглифами в царском картуше спереди и бычьим хвостом сзади. Иногда к поясу подвязывали передник в форме трапеции. Этот передник был целиком из драгоценного металла или из нитей бус, натянутых на рамку. С обеих сторон передник украшали уреи, увенчанные солнечными дисками.

Фараон не стеснялся ходить босиком, но у него было множество сандалий — кожаных, металлических или плетенных из тростника [12].

Завершают это убранство драгоценности и украшения. Фараон носил самые различные ожерелья. Чаще всего они представляли собой нанизанные золотые пластинки, шарики и бусины с плоской застежкой сзади, от которой спускалась очень красивая золотая кисть из цепочек с цветами. Такие ожерелья появились незадолго до эпохи Рамсесов. Классическое ожерелье состояло из целого ряда нитей бус и застежки в виде двух голов сокола и завязывалось сзади двумя шнурами. Бусины последнего, нижнего ряда имели каплеобразную форму, остальные — круглую или овальную. Эти ожерелья весили порой до нескольких килограммов. И словно и этого еще было мало фараону, он подвешивал на шею на двойной золотой цепи нагрудное украшение в форме фасада храма и надевал по крайней мере три пары браслетов: одну — на предплечье, вторую — на запястье, третью — на щиколотки [13]. А иногда еще поверх всех этих украшений он надевал длинную прозрачную тунику с короткими рукавами и таким же прозрачным поясом, завязанным спереди.

III. ФАРАОН ЗА РАБОТОЙ

Диодор, который хвалился, что самым внимательным образом изучил летописи египетских жрецов, утверждает, что жизнь фараона, как общественная, так и личная, была строго регламентирована. Утром он читал донесения и отчеты. После умывания он облачался в царское одеяние, приносил жертвы, слушал молитвы, наставления великого жреца, назидательные истории. Дальнейшее его время

распределялось между приемами, судебными заседаниями, прогулками и развлечениями. Он должен был сохранять трезвый ум и действовать согласно закону. Поскольку этот обычай установился издревле, фараон, казалось, был доволен своей судьбой [14]. Разумеется, фараон не всегда вел себя так образцово, как хотелось думать Диодору, однако описанный им распорядок дня, видимо, соответствует действительности и почти совпадает с известными нам фактами.

Многие фараоны наверняка относились к своим обязанностям очень серьезно. Они ежедневно получали срочные донесения и были в курсе всех событий. Фараоны диктовали ответы, а при надобности созывали своих советников. Фразой: «Пришли доложить его величеству...» — начинаются надписи на многих официальных стелах. Чаще всего фараону в таких случаях докладывали о замыслах его врагов. Фараон Псамметих II находился в Танисе и занимался богоугодными делами, когда ему донесли, что негр Куар поднял меч на Египет [15]. Таким образом, вопросы войны и мира решал сам фараон, но он же вникал и во всякие технические проблемы. Мы видели, как Сети заботился о воде для искателей золота в районе к востоку от Эдфу. Этот вопрос его так волновал, что он лично явился на место посмотреть, что делается для томимых жаждой людей, которые работали под палящим солнцем [16]. Рамсес IV, задумав воздвигнуть памятник своим предкам и храмы богам и богиням Египта, начал с изучения документов из книг «дома жизни» о наилучших путях к «горе бехена», а затем сам обследовал эту священную гору [17]. Величие Рамсеса II не позволяло ему покидать берега Нила. Поэтому он ограничился тем, что изучал способы добыть воду в ужасной пустыне Икаита, оставаясь в своем дворце в Хут-ка-птах (т. е. Мемфисе). Сидя на золотом троне, он говорит своему хранителю печати: «Призови знатных, которые ждут перед [залом приемов], чтобы я услышал их мнение об этой стране. Я сам рассмотрю это дело».

Советников тут же представили пред лицо доброго бога, как самых простых смертных, ибо даже они не смели без трепета взирать на божественный лик фараона. Они поцеловали перед ним землю и узнали, о чем идет речь. Но высказать прямо свое мнение и поделиться опытом — грубейшее нарушение этикета. Честь задуманного предприятия должна была принадлежать одному фараону. Поэтому они отвечают, как те придворные, которые

собрались незадолго до этого, чтобы выслушать сообщение фараона о намерении завершить строительство храма в Абидосе. То есть безудержно восхваляют мудрость фараона, чьи мысли, посетившие его ночью, с рассветом дня воплощаются в жизнь, но в заключение говорят, напомнив о прошлых и совсем недавних неудачах: «Если ты сам скажешь отцу твоему Хапи, отцу богов, чтобы он поднял воду на гору, он сделает все согласно твоим замыслам, о которых ты нам поведал, ибо твои божественные предки любят тебя больше всех царей, что были до тебя со времен Ра».

Аудиенция окончена. Остается только взяться за работу. Фараона все время будут держать в курсе дела. Гранитная стела засвидетельствует успех этого предприятия [18].

Назначение высших чиновников и управителей, разумеется, зависело только от фараона. Самым важным было назначение верховного жреца Амона. Рамсесы не забывали о конфликте, возникшем между монархией и жрецами самого богатого и могущественного из египетских богов. Рамсес II, как мы знаем, в начале своего царствования принял сан верховного жреца Амона. Через короткое время, решив передать эту священную должность другому, он назначал на нее не служителя Амона, а первого жреца бога Инхара (Онуриса) из Тинитского нома. Это было не случайно. Рамсес II, несомненно, отличил его во время посещения храмов, построенных его отцом на этой священной земле. Прежде чем принять окончательное решение, он устроил нечто вроде не совсем понятной нам консультации с самим великим богом. Он перечислил ему имена всех придворных, военачальников, пророков и дворцовых сановников, собравшихся перед ним, но бог высказал свое одобрение, только когда было названо имя Небуненефа.

«Будь благодарен ему, ибо он тебя призвал!» — говорит фараон в заключение.

После этих слов придворные и Коллегия Тридцати (верховная судебная коллегия) дружно восславили милость его величества, многократно преклонились перед добрым богом и вознесли хвалы душам его предков к небесам. Когда этот концерт восхвалений окончился, фараон передал новому верховному жрецу два золотых кольца и посох из позолоченного серебра. Весь Египет был оповещен, что отныне все владения и дела Амона в руках Небуненефа [19].

IV. ПРАВО ПОМИЛОВАНИЯ

«Приключения Синухета» — единственный известный нам случай, когда фараон помиловал виновного. Рассказчик подробно описал, как все это происходило. Фараон не только простил Синухета, одарил его и разрешил ему вернуться на родину, но и захотел посмотреть на него. Наш герой явился на пограничную заставу Пути Хора. Он раздал своим друзьям кочевникам подарки, полученные от царского двора, и доверился стражникам, которые привезли его на корабле в резиденцию Ити-тауи. Во дворце все были заранее предупреждены. Царские дети собрались в караульной. Придворные, в чьи обязанности входило провожать посетителей в колонный зал, показали Синухету дорогу, и вот согрешивший подданный предстал перед повелителем, восседавшим на парадном троне в золоченом зале. Синухет простирается пред ним на полу. Он сознает всю тяжесть своего проступка, и ужас охватывает его: «Я был подобен охваченному мраком. Душа моя исчезла, тело ослабло, и не было больше сердца в груди, и не отличал я жизнь от смерти».

Синухету повелели встать. Фараон, который только что сурово корил его, смягчился и позволил Синухету говорить. Синухет не стал злоупотреблять царским великодушием и закончил свою короткую речь словами: «Вот я пред тобою — жизнь моя принадлежит тебе: Да поступит твое величество по изволению своему».

Фараон приказывает привести детей. Он обращает внимание царицы на то, что Синухет сильно изменился. Он так долго жил среди азиатов, что стал похож на них. Царица вскрикивает от удивления, а царские дети хором подтверждают: «Воистину это не он, царь, владыка наш!»

После этого они приносят трещотки и систры двух видов, которые служили для того, чтобы поддерживать заданный ритм, подают их фараону и говорят: «Руки твои, о царь, да простираются к прекрасному — к убранству Владычицы неба, о непреложный владыка! Богиня золота да ниспошлет вечную жизнь твоим ноздрям! И да соединится с тобою Владычица звезд!» (Перевод М. А. Коростовцева).

После долгих восхвалений они просят помиловать Синухета, ибо он поступил по недомыслию. Богиня, которую называют Золотой и Владычицей небесных звезд и которой принадлежат трещотки и систры,— это богиня веселья, танцев и пиров (Хатхор). Она выступает здесь,

чтобы подготовить великодушный приговор фараона и его милость к заблудшему подданному. Подобное вмешательство богов в таких случаях, очевидно, было обычным. И наконец, Синухет уходит из дворца не только помилованный, но и награжденный: теперь у него есть дом и он может отныне наслаждаться прекрасными вещами, подаренными ему фараоном [20].

V. ЦАРСКИЕ НАГРАДЫ

Один придворный так определил фараона: «Он тот, кто умножает добро, кто умеет дарить. Он бог, царь богов. Он знает всех, кто его знает. Он вознаграждает тех, кто ему служит. Он защищает своих сторонников. Это Ра, чье видимое тело — солнечный диск и который живет вечно» [21].

Во время освободительных войн и завоевания Сирии фараон одаривал золотом храбрецов. Обычай укоренился. И вскоре штатские лица тоже начали получать почетные награды.

Случалось, что вознаграждение вручали одному человеку, но чаще во дворце собирали сразу многих удостоенных милости фараона. Когда они выходили из дома, облачившись в лучшие одежды, и усаживались в колесницу, все слуги и соседи выстраивались у дверей, чтобы приветствовать счастливцев. Перед дворцом колесницу оставляли на специально отведенной площадке. Колесничие переговаривались между собой или со стражниками. Каждый восхвалял своего хозяина и награды, которые его ожидали.

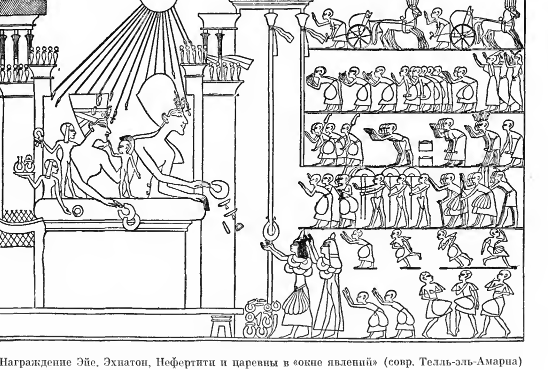
«— Для кого сегодня этот праздник, друг?

— Этот праздник для Эйе, божественного отца, и для Тзйе. Они станут людьми золота!

Кто-то не расслышал и спрашивает, в свою очередь: — Кого это сегодня чествуют?

Слушай, какая прекрасная речь! То, что делает фараон, да будет он жив, невредим, здоров, он делает в честь Эйе, божественного отца, и в честь Тзйе. Фараон, да будет он жив, невредим, здоров, разве он не дает им унести с собой миллион даров? Посмотри на окно! Мы увидим все, что сделают для Эйе, божественного отца» [22].

Когда все собираются во дворе, фараон выходит на балкон, за которым — зал с колоннами. С улицы видна целая анфилада царских покоев с креслами и роскошны-

Награждение Эйе. Эхнатон, Нефертити и царевны в «окне явлений» (совр. Телль-эль-Амарна)

ми ларцами. Подарки разложены на столах. Их будут подавать фараону и заменять другими по мере надобности. В остальных комнатах дворца снуют слуги. Все мирно беседуют. Женщины поют и танцуют, играют на арфе. Во дворе слуги с зонтиками и веерами; царские командиры выстраивают награждаемых и поочередно подводят их к балкону. Здесь они приветствуют фараона, но только поднятием рук, не простираясь на земле, и произносят хвалебные слова в честь повелителя. Фараон отвечает похвалой своему слуге. Он говорит о его верности, способностях и преданности. А особо отличившимся сам сообщает о повышении в должности: «Ты мой великий слуга, ты слушал все, что касалось твоих обязанностей, которые ты выполнил, и я тобой доволен. Я поручаю тебе эту должность и говорю: „Ты будешь есть хлеб фараона, да будет он жив, невредим, здоров, твоего владыки в храме Атона“».

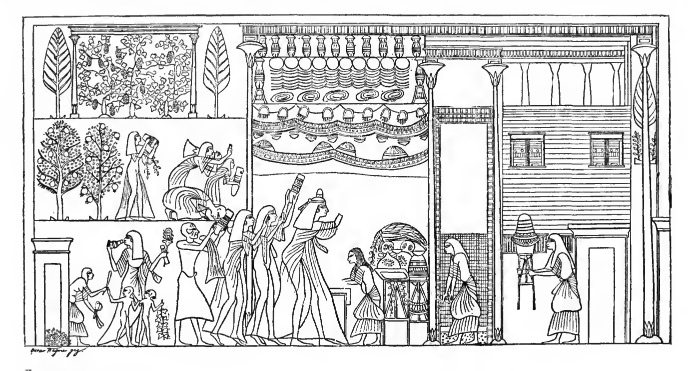
Затем он бросает с балкона золотые чаши и ожерелья. Военачальники подхватывают на лету эти драгоценные подарки и тут же вешают на шею награжденному иногда по три-четыре ожерелья сразу. Сгибаясь под этой ношей, счастливый и признательный, он идет к выходу с царского двора, а за ним несут остальные дары, которые не смогли на него нацепить. Следом выносят яства с царского стола. Писцы аккуратно записывают все. За пределами дворца награжденного встречает ликующая толпа друзей, слуг или подчиненных. Он поднимается на колесницу и возвращается домой в сопровождении этой толпы, которая все увеличивается. Его встречает жена и воздевает руки к небесам при виде стольких сокровищ. Другие женщины бьют в барабаны, поют и танцуют. Родственники и друзья входят в дом, где еще долго будет продолжаться веселье [23].

Подобные церемонии были привилегией только высшей знати. Божественный отец Эйе, которого награждал Эхнатон, вскоре сам стал фараоном. И теперь сам раздает награды. Он наградил уже Неферхотепа, писца и управляющего стадами Амона, и решил теперь особо наградить его супругу Меритра. Действие происходит в царском загородном доме — каменном кубе с маленькими квадратными окошками по бокам и дверью, выходящей на поддерживаемый колоннами балкон с фасада. Это простое сооружение стоит посреди сада, шпалеры виноградника тянутся вдоль аллеи, лозы оплетают колонки того же стиля, как на балконе фасада. У подножия стены — вазы,

корзинки и стопки тарелок. Меритра, очень красивая в своем прозрачном одеянии, с благоухающим колпачком на голове, приближается к дому и подхватывает ожерелье, которое фараон бросает ей с балкона. На этой почти домашней церемонии очень мало свидетелей. Одна женщина рукоплещет. Другая целует землю. Приносят букеты цветов. Нанятая по случаю торжества музыкантша сотрясает свой систр. Двое ребятишек сумели пробраться в сад и смотрят на все широко раскрытыми глазами. Но их заметил *гафир* (араб. сторож) и грозит им палкой. По окончании аудиенции Меритра возвращается домой пешком, подав руку какому-то мужчине, чьего имени мы не знаем,— может быть, это ее супруг, а может быть, кто-нибудь из военачальников, которому фараон поручил ее сопровождать. Она идет с достоинством — царские ожерелья висят на ее шее. За парой следует группа провожающих: среди них мы различаем музыкантшу с систром и двух голеньких девочек. Слуги делят между собой кувшины, узлы и корзины с едой, собираясь отметить хорошей пирушкой такой славный день. Самые дорогие подарки запирают в ларцы [24].

Иногда эти церемонии происходили не во дворце, а под открытым небом либо потому, что награждаемый слишком важная персона и ему нельзя просто так швырнуть с балкона несколько ожерелий, либо потому, что собиралось очень много народа. В таких случаях на большом дворе строили легкую беседку с балдахином, которую умелые ремесленники превращали в изысканную и роскошную.

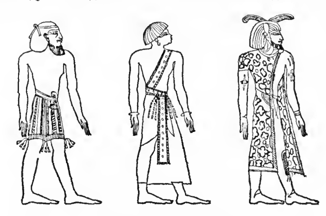
На рельефах цоколя изображены сирийцы, ливийцы или негры; они стоят на коленях и с мольбой протягивают руки или корчатся под когтями грифона, олицетворяющего царя. На цоколе стоят четыре папирусообразные колонны, покрытые сверху донизу резьбой и инкрустациями, которые поддерживают многоэтажный карниз с выпуклой крышей. Фараон поднимается по ступеням лестницы, охраняемой сфинксами с соколиными головами, и садится в кресло, поражающее невиданной роскошью. Он ожидает Хоремхеба, который сам вскоре станет фараоном, а пока он крупный военачальник, спасший дружественных бедуинов от других кочевников. Он разгромил враждебные племена и вернулся в царскую резиденцию с пленниками и освобожденными союзниками; последние пришли смиренно умолять, чтобы им разрешили пройти со своими стадами через египетскую территорию, как они

Дом вельможи с садом

это делали прежде. Те и другие присутствовали па триумфе Хоремхеба.

Военачальник в парадном одеянии поднимает руку в знак начала торжества, другие надевают ему на шею многочисленные ожерелья, а третьи, согнувшись от тяжести, несут на блюдах новые дары. Воины Хоремхеба вводят длинную вереницу пленников. Проходят тучные, волосатые и бородатые мужчины с заострившимися чертами; лица их выражают страдание, руки связаны. Только женщины идут свободно. Походка их исполнена достоинства.

Представители соседних народов: азиат, негр, ливиец

Один воин ведет за руку мать семейства в платье с воланами; она несет одного ребенка на плече, а другого, младенца,— в подвесной сумке. Еще одна женщина, по-видимому, пытается заговорить с идущим впереди воином. Но гораздо интереснее этих пленников, которые вскоре отправятся в каменоломни или будут формовать кирпичи,— захваченные кони. Их держат на поводу.

После того как Хоремхеб получил свои дары, он сам вступается за кочевников, которые лишились бы всего своего имущества и скота, если бы он не вмешался. Обвешанный ожерельями, держа в руке веер с ручкой, он обращается к фараону, славит его и объясняет суть дела. Потом он поворачивается к толмачу, и тот сообщает кочевникам, что фараон милостиво разрешает им пройти через его земли. Эти кочевники — из Ливийской пустыни. Их легко узнать по перу на голове, короткой челке и длинной пряди волос, закрывающей половину лица. Ря-

дом с ними стоят сирийцы в одеждах с длинными рукавами и широкими перевязями. Они выражают свою признательность мимикой и жестами: вздымают руки к небу, протягивают их к фараону, простираются ниц на земле. А иные, словно обезумев, катаются в пыли [25].

Хоремхеб заслужил такую награду, чего не скажешь о верховном жреце Амона, Аменхотепе, которого Рамсес IX принял, как равного, чтобы потом окончить свои дни царем, вынужденным делить с жрецами власть и над Египтом. Прием происходил в парадной беседке, где жрец и фараон стояли лицом к лицу, разделенные только подставками с подарками. Верховный жрец — с наголо обритой головой, фараон — в синем шлеме. Художник, который запечатлел эту сцену в Карнаке, изобразил жреца и фараона одинакового роста. Подарки были богатые: десять дебенов золота, двадцать — серебра, всякие припасы — на праздничный пир и еще земли, площадью в двадцать арур *.

Однако Аменхотеп добился большего — невероятно богатые владения Амона отныне находились только в его власти. Образовалось государство в государстве. Жрецы Амона, которых преследовал Эхнатон и держал в черном теле Рамсес II, обрели наконец ту власть и влияние, которыми пользовались во времена царицы Хатшепсут и Тутмосов [26].

VI. ПРИЕМЫ ИНОЗЕМНЫХ ПОСЛОВ

Прием иноземных послов служил поводом для еще более пышной церемонии, чем награждение подданных, и особенно льстил фараону, когда он давал аудиенцию сразу многим посланникам со всех концов света. Рамсесы всегда принимали нубийцев, негров, людей из Пунта, ливийцев, сирийцев и посланников из Нахарины. При их дворе уже не видно критян с длинными завитыми волосами, в пестрых набедренных повязках, которые некогда приносили ритоны, кувшины с носиками, чаши с ручками, большие чаши, украшенные цветами, и просили позволить им «быть на воде царя». Эти посольства прекратились, однако слава фараона достигла стран, о которых Тутмосы и Аменхотепы даже не слышали: Мидии, Персии, Бактрии и берегов Инда.

* Арура *(греч.)* = сечат *(егип.)* = 2735 м².

Для этих приемов строили беседку в центре большой площади. Ее окружали гвардия, слуги с зонтиками и писцы. Послы выстраивались с четырех сторон, выставив перед собой свои драгоценные подношения. Писцы записывали их, а потом отправляли на склады ближайшего храма [27]. Взамен фараон давал послам «дыхание жизни» или жаловал дары, куда более ценные, чем преподнесенные ему. Фараону очень нравилось изображать из себя золотую гору среди прочих стран. Он не отказывал в помощи «князькам» и царькам, оказавшимся в затруднительном положении. А те старались связаться с ним брачным контрактом или еще каким-нибудь способом, не переставая, однако, поддерживать отношения и с возможными соперниками египтян.

VII. СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ

Больше всего времени у фараона отнимала война. Царевичи готовились к ней с юных лет. Отец приучал будущего Рамсеса II и его товарищей к трудным упражнениям, к умению преодолевать усталость. Никто из них не получал ни крошки, пока не пробежит сто восемьдесят стадий. Поэтому все они становились настоящими атлетами [28].

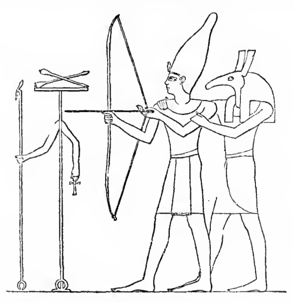
Сказание о битве при Кадеше и другие поэмы восхваляют физическую силу фараона, его выносливость, ловкость и мужество, но, если мы хотим подробно познакомиться со спортивным воспитанием юных царевичей, стоит обратиться к памятной стеле отважного воина Тутмоса III [29] и прежде всего к стеле его сына Аменхотепа II [30], который был, по заключению наших врачей, обследовавших его мумию, невероятно сильным человеком, о котором современники говорили: «Это был царь с такими могучими руками, что никто не мог натянуть его лук — ни из его воинов, ни из вождей чужеземных стран, ни из вождей Речену» [31].

Как же проводил свое время наследный царевич, которого ожидал трон Хора?

«Он достиг расцвета сил в возрасте восемнадцати лет. К тому времени он знал все подвиги Монту. Не было ему равных на поле битвы. И он постиг [искусство] управления лошадьми. Не было ему равных во всей многочисленной армии. Не было человека, который мог бы натянуть его лук. И никто не мог догнать его в беге».

Короче, настоящий атлет! Он упражнялся сразу в трех видах: гребле, стрельбе из лука и конном спорте.

«Рука его была могуча и неустанна, когда он держал рулевое весло на корме своего царского корабля с командой из двухсот человек. В конце дистанций, когда его люди проплывали половину *атура* [2 километра], они больше не могли плыть, они задыхались, руки их были как тряпки. А его величество, наоборот, крепко держал свое весло длиной в двадцать локтей. Царское судно причалило, пройдя три *атура* без остановки. Люди смотрели и радовались».

Сетх учит Тутмоса III стрельбе из лука. Перед царем — символ богини Нейт (две стрелы на штандарте)

Впрочем, не следует забывать, что работа рулевого значительно облегчилась с тех пор, как рулевое весло начали укладывать в выемку на корме и поддерживать короткой мачтой с развилкой, которая находилась с выемкой на одной оси по центру корабля, в отличие от судов с двумя рулевыми веслами по бортам. В эпоху Древнего царства рулевой держал в руках весло без всякой опоры и ему приходилось употреблять нечеловеческие усилия,

чтобы бороться с течением или менять курс корабля. Вряд ли стоит думать, что царевич вернулся к старой системе управления. Однако и новая, со всеми ее усовершенствованиями, требовала от рулевого силы и выносливости.

Хороший лучник должен знать толк в луках.

«Он натянул триста луков, чтобы сравнить их и отличить изделие мастера от поделки невежды».

Выбрав настоящий, безупречный лук, который никто не мог натянуть, кроме него, царевич явился на стрельбище: «Он увидел, что ему поставили четыре цели из азиатской меди толщиной в пядь. Двадцать локтей отделяли одну мишень от другой.

Когда его величество фараон явился на колеснице, как могущественный Монту, он схватил свой лук, схватил сразу четыре стрелы и начал стрелять, как Монту. Первая стрела вышла с другой стороны мишени. Тогда он прицелился в другую.

Это был выстрел, какого не сделал никто, о таком не слыхивали никогда: стрела пробила медь и упала с другой стороны на землю. Такое содеять мог только царь, могучий и сильный, которого Амон создал победителем».

А в действительности царевич Ахеперура только повторил подвиг своего отца Менхеперра, который тоже пронзал своими стрелами медную пластину. Тем не менее это было большим достижением. Если бы Ахеперура, подобно Улиссу, вернулся в свой дом под видом нищего, он бы мог покарать своей могучей рукой и с помощью несравненного лука всех, кто грабил его дворец и покушался на его женщин.

Настоящий воин любил своих коней, да вообще всех лошадей, больше себя самого. Царек Немарат правил только частью Среднего Египта, но у него была своя конюшня в его столице Шмуне. Во время осады страдали все — и люди и лошади. Пиахи вошел в город победителем и прежде всего посетил конюшни. Он увидел пустые лари, увидел голодных лошадей. Он почувствовал жалость и одновременно гнев за то, что его противник в своем ослеплении довел этих благородных животных до такого состояния.

«Клянусь жизнью, любовью ко мне Ра и обновлением жизни дыханием — мерзость это для моего сердца, что лошадей моих заставили голодать, больше всякого совершенного тобою преступления при скупости [?] твоей. Я свидетельствую против тебя... Разве ты не знаешь, что тень бога надо мной и что мое счастье не погибнет из-за

него? О, если бы другой дал мне его! Я не знаю, но [обвиняю] его из-за этого. Когда я был рожден, [находился] в чреве и создан в божественном яйце, было во мне семя бога. Клянусь его Ка, я ничего не делаю без него. Это он повелевает мною!» (перевод И. С. Кацнельсона) [32].

Рамсес III не доверял даже своим военачальникам и сам следил, чтобы его кони были ухожены и готовы к бою. Он приходил в большую дворцовую конюшню с посохом в одной руке и хлыстом в другой. Его сопровождали слуги с зонтиками и опахалами и дежурные воины. Раздавался сигнал о прибытии фараона. Конюхи вскакивали, бросались по местам. Каждый хватал вожжи своей пары коней. Фараон осматривал их одного за другим [33].

Царевич Аменхотеп в самом нежном возрасте еще не мог совершать подвигов Монту, однако уже учился укрощать свою плоть. К тому же он очень любил лошадей и гордился ими. А поскольку он их действительно любил, то знал все способы их дрессировки. Слух о его успехах в этом деле дошел до ушей его отца. Грозный Менхеперра был счастлив и горд. Он сказал своим придворным: «Пусть ему дадут самую лучшую упряжку из конюшни моего величества, которая находится в [номе Белой] Стены [т. е. Мемфиса]. И скажите ему: „Займись ими, обучи их, натренируй, сделай сильными! Я тебя заклинаю!" И тогда ободренный юный царевич с помощью Решефа и Астарты, богов той страны, откуда прибыли лошади, принялся за дело».

Он воспитал бесподобных коней, которые не знали устали, пока он держал вожжи. Они даже не потели на длинных пробегах.

Конные состязания проходили чаще всего к западу от Мемфиса, поблизости от великих пирамид. Когда на челе Аменхотепа засверкал царский урей, он сделал это место заповедным и поставил там высокую стелу из белого камня, на которой и были записаны все его подвиги. Сын Аменхотепа, Тутмос IV, решил их повторить. Он любил стрелять в цель из лука неподалеку от великого Сфинкса, любил охотиться в пустыне. Однажды он уснул между лапами чудовища, которое явилось ему во сне и повелело освободить от засыпающего его песка, обещая за это трон Геба. Царевич исполнил зто повеление и не забыл рассказать потомству о своем чудесном пророческом сне [34]. Если бы не набожность этих молодых людей, мы бы никогда не узнали, как они готовились к выполнению своих царских обязанностей.

Стрелять из лука в медную мишень, охотиться на антилоп в пустыне рядом с пирамидами под покровительством Хорахти — это были развлечения царевичей. Фараона привлекала более захватывающая охота. Стоило ему пожелать, и он мог сразиться за Евфратом или к югу от великих порогов со свирепыми животными, которых уже не было в пустынях, обрамляющих долину египетского Нила.

Так, фараон Менхеперра встретил однажды в долине Евфрата, в местечке Ний, где река течет между обрывистыми берегами, стадо из ста двадцати диких слонов. Сражение с ними началось в воде. «Никогда еще фараон не совершал ничего подобного со времен богов!» Самый большой слон, явно по божьей воле, оказался напротив фараона и мог его растоптать. К счастью, рядом находился его старый товарищ по оружию, Аменемхеб. Он отрубил чудовищу хобот. Его повелитель похвалил его и наградил золотом. Однако в официальном рассказе, высеченном на стеле в Напате, фараон обошел молчанием преданного Аменемхеба, хотя и хвастался: «Я говорю нелицеприятно. В моих словах нет лжи». И мы, наверное, никогда бы не узнали правды, если бы сам Аменемхеб не поведал об этой памятной охоте в своем, к сожалению, слишком коротком рассказе [35]. Ну а если в этой же охоте участвовали и другие воины, рангом ниже Аменемхеба, кто нам расскажет о них?

Известные нам тексты ничего не говорят о том, как охотились Сети и Рамсесы, может быть тоже на слонов за Евфратом или на носорогов за четвертым порогом. Но в Мединет-Абу сохранился рельеф, на котором Рамсес III охотится на льва, дикого буйвола и антилопу [36]. Фараон в боевом облачении, словно собрался на войну. Он мчится на колеснице. Под копытами коней смертельно пораженный лев пытается когтями вытащить стрелу, вонзившуюся ему в грудь. Другой лев, раненный двумя стрелами и дротиком, оскалившись, уползает в камыши. Третий выскакивает из зарослей позади колесницы, но фараон уже обернулся, занес дротик, и этот хищник тоже явно не уйдет от смертельного удара.

Охотясь поблизости от заросших тростником и высокой травой болот, царская свита подняла стадо диких буйволов и начала их преследовать. Воины, вооруженные, как для сражения, луками, копьями, мечами и щитами, вы-

строились в линию. Обезумевшие животные бегут от них, но фараон настигает их на колеснице. Он тоже вооружен, как для боя, треугольным луком и копьем. Утыканный стрелами, буйвол опрокинулся на спину и бьет воздух копытами. Второй бык свалился прямо под копыта коней. Третий пытается спастись в воде, хвост его вытянут, язык от напряжения высунулся изо рта, но у него недостает сил, и он падает на колени.

Охота на антилоп по сравнению с этими волнующими преследованиями кажется детской забавой. Фараон один, без эскорта, углубляется на колеснице в пустыню. Он не пытается завлечь животных в загон, как это делают фиванские горожане и профессиональные охотники, а, завидев диких ослов или антилоп, гонится за ними на своей быстрой колеснице, пока не настигает.

IX. ФАРАОН В ДОМАШНЕМ КРУГУ

Возвращаясь после дальнего путешествия или перехода через пустыню, фараон знал, что его ждет приятный отдых во дворцах Пер-Рамсеса [37], Мемфиса или Фив. А Эхнатону так нравился новый дворец в Ахетатоне, что он почти не покидал его. Нежный отец, вéрный муж, почтительный сын, он был счастлив только в кругу своей семьи, рядом с царицей и царевнами. Они сопровождают его и на прогулках. Они ходят вместе с ним в храм. Они присутствуют при раздаче вознаграждений. Они помогают ему принимать иноземных послов. Они готовят для него напитки и лакомства. Царица сама берет кувшин и ситечко и наливает фараону горячее питье. А когда у фараона гостила царица-мать, это уж было полное счастье! Полуденный завтрак и обед тоже происходили в семейном кругу [38].

Однако весьма сомнительно, чтобы такие семейные отношения поддерживали другие фараоны. Эхнатон протестовал против многих идей и обычаев своего времени, но они вновь возродились после его смерти. В начале XVIII династии фараоны проводили в семье гораздо меньше времени. Вот фараон Яхмес вернулся к себе отдохнуть. Его встречает дочь царя, она же — сестра царя, она же — жена бога, великая царская супруга Яхмес-Нефертари. О чем же они беседуют? Фараон говорит о том, сколько добра можно было бы сделать для тех, кто там, по ту сторону, для дорогих покойников, которым требуются вода

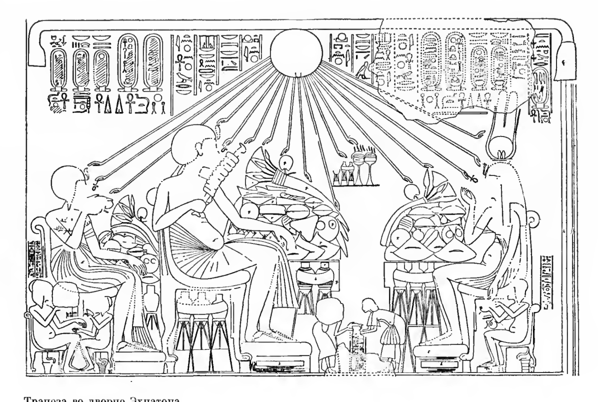
и жертвенные столы со всеми яствами для праздничных пиров на небе и на земле. Слегка удивленная, царица, ожидавшая, наверное, более приятных слов, осторожно спрашивает: «Откуда такие мысли? Почему вдруг ты заговорил об этом? Что вошло в твое сердце?»

На что фараон отвечает: «Это потому, что я вспомнил мать моей матери, мать моего отца, великую царскую супругу, царскую мать Тетишери правогласную, чьи памятники ныне лежат в пыли в Фивах и в Тини. Я говорю тебе это потому, что мое величество желает построить ей пирамиду и дворец в Та-джесер (некрополе) рядом с монументом моего величества, желает вырыть водоем, посадить деревья, наделить ее хлебами, землями с людьми и со стадами, назначить ей вдвое больше жрецов, распорядителей церемоний и всех других, знающих свое дело» [39].

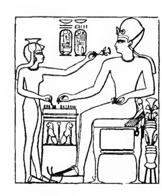
Можно восхищаться набожностью фараона, его красноречием, почтением, которое он оказывает жене, однако нас не покидает мысль, что сама жена, наверное, предпочла бы поговорить о чем-нибудь другом.

Рамсес II был не столь суров. Многочисленные тексты, относящиеся к Пер-Рамсесу, построенному им на руинах Авариса в Восточной Дельте, расхваливают эту прелестную и веселую царскую резиденцию. Там любили поесть. Еще больше выпить. Особенно вино, сладкое, как мед. Наряжались в венки из цветов. Восхваляли фараона изо дня в день. В общем, рай, да и только! [40]. В Ахетатоне жизнь тоже проходила празднично, однако с одним значительным различием. Фараон-еретик проповедовал верность, постоянство и прочие семейные добродетели в нашем современном понимании *. А Рамсесы любили перемены. При Рамсесе II, насколько мы знаем, пять жен носили титул великой царской супруги. Число это не столь уж велико для властителя, который царствовал шестьдесят семь лет, однако он имел сто шестьдесят два царских отпрыска, а это говорит о том, что фараон отнюдь не ограничивался официальными женами. Как уживалось все это огромное семейство, мы за недостатком документов не можем даже вообразить. Приведем только один пример галантности великого фараона. Он заключил мир со своим врагом Хаттусилисом III, царем хеттов. Однако военные действия продолжались. Всякий раз, когда египетский отряд наталкивался на хеттов, разгорался бой.

* Действительно, титул «жены царевой великой» носила только Нефертити. Лишь в конце его правления ненадолго возвысилась побочная жена фараона — Кэйе.

Трапеза во дворце Эхнатона

Рамсес III
за игральным столом
с одной из дам гарема

Тогда Хаттусилис решился на смелый шаг. Он собрал все свои сокровища и отправил их Рамсесу II вместе со своей любимой дочерью. Караван тронулся в путь в неблагоприятное время года, однако бог Сетх, который ни в чем не мог отказать своему далекому потомку Рамсесу, сотворил по его просьбе чудо: вдруг настали летние дни, и жаркое, яркое солнце озаряло весь путь царевны из Малой Азии до самого Египта.

Но это еще не все. Рамсес II построил между Египтом и Финикией крепость и назвал ее Рамсес-великий-победами. Ее охраняли четыре божества: два азиатских — Сутех и Астарта и два египетских — Амон и Уаджет. Он накопил там продовольствие, послал туда четыре статуи и, наконец, сам прибыл в крепость, чтобы встретить здесь царевну с ее эскортом и проводить ее в свою главную резиденцию — великий Пер-Рамсес. Народ шумно выражал восторг при виде прекрасной царевны, а египетские и хеттские воины братались впервые в истории [41].

Преемники Рамсеса II и не пытались сравниться с ним в этих делах. Даже Рамсес III, старавшийся ни в чем не отстать от него, ограничился тремя женами и десятком детей, но вообще-то очень любил женское общество. Он охотно играл в египетские шашки с обнаженными красотками, которые подносили ему цветы, напитки и лакомства.

Фараоны ценили общество своих соратников по оружию и по охоте, а также знающих, опытных людей. Хуфу созывал своих сыновей и просил их по очереди развлекать его рассказами. Тот же Хуфу, узнав, что есть на свете мудрец, умеющий творить чудеса, отправил за ним одного из своих сыновей. Снофру призвал ко двору ученого, который знал прошлое и мог предсказать будущее. Позднее Аменхотеп III поделился своими опасениями с мудрецом, тоже Аменхотепом, и поведал ему о своем желании узреть богов.

X. ГАРЕМНЫЕ ИНТРИГИ

Фараон мог считаться богом, законным сыном Амона, но это не спасало его от врагов-святотатцев, которые замышляли его погибель, старались укоротить его царствование либо изменить естественный порядок наследования. К концу царствования Рамсеса III одна из его жен, по имени Тии, задумала передать корону старого фараона своему сыну, которого Туринский папирус называет Пентауром, хотя это и не было его настоящим именем [42]. Она договорилась с главным управляющим дворца, с «мажордомом» Пабакикамуном («Слепой слуга»). Этот человек решился стать связным между преданными Тии наложницами гарема, их матерями и сестрами [43]. Пабакикамун думал, что нашел ценного помощника в лице главного пастыря царских стад Пенхевибина («Мерзок Пенхеви»), и по его просьбе достал ему книгу Усермаатра Мериамона, великого бога, «да будет он жив, невредим, здоров» [44]. С помощью этой книги Пенхевибин принялся писать письма и делать восковые фигурки, которые должны были магически повлиять на фараона и его сподвижников: либо сделать их слабыми, либо заставить их забыть о своем долге. И действительно, все чиновники и все женщины присоединились к заговору. Один из заговорщиков на судебном процессе получил имя Бинемуас («Мерзость в Фивах»), другой военачальник — Меседсура («Ра его ненавидит») [45]. Несомненно, имена этих людей до трагической развязки были «Добро в Фивах» и «Ра его любит», но они потеряли право на них. Бог Ра не дал им преуспеть. Неизвестно, каким способом он разрушил их заговор. Знаем только, что главные зачинщики и их помощники были арестованы, а с ними и все те, кто знал об их презренных замыслах и не оповестил об этом фараона. Были назначены судьи: два казначея, носитель опахала, четыре виночерпия и один глашатай. Обычным судьям фараон предпочел людей из своего окружения. В предварительной речи на суде, начало которой не сохранилось, он говорит, что никому не будет пощады: «Что же касается всего сделанного, это они, которые сделали это, и пусть падет все, что они сделали, на их головы, ибо освобожден я и защищен я на протяжении вечности, ибо я среди праведных царей, которые [находятся] перед Амоном-Ра, царем богов, и перед Осирисом, правителем вечности» [46].

Но фараону не повезло, когда он назначал членов трибунала. Двое из них и один военачальник охраны бежали

вместе с заговорщицами, но их вскоре разыскали и схватили. Для начала им отрезали носы и уши [47]. Именно так фараон Хоремхеб наказывал чиновников, которые злоупотребляли своим положением.

Описывая казнь этих главных злоумышленников, писец употребляет странные выражения: «Они оставили их на их месте: они умертвили себя сами» .

Это могло означать, что приговоренных привели в зал суда и оставили там наедине со своей совестью и острым кинжалом. Они знали, что им следовало делать. Однако Гастон Масперо после исследования мумии, откопанной в Дейр-эль-Бахри и известной под именем «Безымянный царевич», высказал более драматичную догадку. Речь шла о мужчине двадцати пяти — тридцати лет, хорошо сложенном и без всяких пороков, который был погребен без соблюдения традиционных операций по бальзамированию. Мозг не был извлечен из его черепа. Внутренние органы тоже остались на месте.

«Никогда еще лицо не отражало такой мучительной и страшной агонии. Искаженные черты несчастного говорят о том, что почти наверняка его похоронили живьем» [48].

Может быть, это второе объяснение сочтут слишком романтическим, но против первого свидетельствует тот факт, что в Египте никогда не дозволяли виновным карать самих себя, а тем более тем, кто посягал на жизнь фараона.

XI. РАЗМЫШЛЕНИЯ ЦАРЕЙ

Долгое царствование и не очень приятные события, вроде того, о котором мы только что рассказали, должны были подсказать фараону, что ему стоит поделиться с потомством своим опытом и знанием людей. Многие властители оставили свои поучения, и среди них отец Мерикара [49]. Однако мы не знаем завещаний ни Сети, который ушел в Аментет во цвете лет, ни Рамсеса II, вовсе не утомленного своей ролью бога среди людей на протяжении почти семидесятилетнего царствования. Что же касается Рамсеса III, то длинный папирус, продиктованный им незадолго до смерти, дошел до нас практически неповрежденным [50].

Фараон считает, что хорошо поработал. Он много сделал для того, чтобы увеличить и украсить храмы богов, особенно Амона в Опете, Атума в Иуне, Ра и Птаха в Мем-

фисе и всех их близких родственников, не забыв о других, второстепенных божествах. Он подарил им множество обученных слуг, стада и земли. На каждое празднество он посылал им пищу и питье. При этом он не забывал и о народе. Он установил мир и порядок. Ливийцев, которые нахально вели себя на всей территории между западной Дельтой Нила и Сахарой, он либо изрубил, либо взял наемниками в свои казармы. «Народы моря» были надолго отучены от нападений на египетские берега. Он построил целые флотилии, отправил бесчисленные экспедиции во все страны за благовониями, терпентином, золотом, бирюзой и медью, за черным деревом и слоновой костью и за ливанским лесом. Египет превратился в цветущий сад. Никто не нарушал в нем мира.

«Я кормил всю страну: будь то чужеземцы, будь то египетский народ, мужчины и женщины. Я вызволил человека из беды его, и я дал ему дыхание. Избавил я его от сильного, более влиятельного, чем он. Дал я всем людям жить в спокойствии в их городах. Давал я пропитание иным из палат „Дома Утра" *. Удвоил я снабжение страны, тогда как прежде она была нищей. Страна была сытой весьма в мое правление. Делал я благие дела как богам, так и людям. И не было у меня ничего из вещей других людей. Провел я царствование на земле в качестве правителя Обеих земель, причем [были] вы рабами у ног моих и не попирал я вас.

Были вы угодными сердцу моему сообразно с полезными делами вашими, и выполняли вы рьяно мои повеления и мои поручения.

И вот успокоился я в некрополе, подобно отцу моему Ра. Я соединился с великой девяткой богов на небесах, на земле и в преисподней» (Перевод И. П. Сологуб) [51].

При всей своей вере в богов великий фараон все-таки беспокоился за своего преемника, сына Ра, зачатого его семенем, сына Амона, вышедшего из его плоти, коронованного властителя Обеих земель, подобного Татенену **. Всем ведомо — мир под его сандалиями. Все целуют землю перед ним. Но последуют ли египтяне советам того, кто ныне приобщен к породившим его богам, кто требует, чтобы они все время следовали за ним, почитали его и

* Помещения дворца, где происходила церемония утреннего туалета фараона. Были связаны с продовольственным ведомством.

** Бог мемфисского района, в древности отождествленный с Птахом. Имя «Татенен» — «Поднимающаяся земля» — стало эпитетом Птаха.

восславляли красоту его, как это делается для Ра каждое утро? Словно предвидя, что лучшие дни Египта уже миновали, фараон умножает обращения ко всем богам, умоляя их постоять за своего сына. Он взывает к Амону: «Услышь мои молитвы, отец мой, господин мой! Я один в Эннеаде богов, которые рядом с тобой. Сделай так, чтобы сын мой предстал царем в обители Атума... Ты сам провозгласил его царем, когда он был еще юношей, сделал его властелином, да будет он жив, невредим и здоров, над землями и над людьми. Пошли ему царствование на тысячи лет!.. Дай молодость его членам, детей — на каждый день! Ты щит, который обороняет его повседневно. Подними свой меч и свою булаву над азиатами, дай повергнуть их в страх, как будто он — сам Баал. Пусть он расширит границы по воле своей. Пусть земли и пустыни трепещут перед ним. Дай ему Та-мери с рукоплесканиями. Отведи от него беды, катастрофы, несчастья. Пусть радость пребывает в его сердце, пусть кричат, поют и танцуют перед его прекрасным лицом. Вложи любовь к нему в сердца богов и богинь, нежность к нему и почитание — в сердца людей...»

«Все, что ты предсказал, исполнится твердо и точно. Все, что ты сказал, будет чудесно незыблемым. Дай мне царствование на двести лет, чтобы укрепить его для моего сына, который остается на земле. Продли его дни более, чем царя всякого, помня о том добре, что я сделал для тебя. Он будет послушным тебе властелином, ибо ты его короновал. Он не отвернется от твоих дел, владыка богов. Сделай Нил великим и могучим в твое время (т. е. обеспечь достаточную высоту разлива.— *Ред.*), чтобы приносил он царству пищу в изобилии. Сделай так, чтобы цари, не знающие Египта, приходили в его священный дворец с дарами на спине...» [52].

Так же настоятельно фараон обращается со своими просьбами к Атуму, к Птаху и ко всем богам и богиням Великой Эннеады. Последние строки этого документа — мольба к богам и людям за своего возлюбленного сына. Неужто мудрецы, каких было немало в Египте, предупредили Рамсеса III, что все кары, которые он умел отвращать благодаря своей прозорливости, мужеству и удачливости, вскоре обрушатся на Та-мери? В древние времена фараону Хуфу предсказали, что его династия угаснет через три поколения. Династия Рамсесов просуществовала еще около семидесяти лет, и последние ее годы были годами бед и поражений.

Глава IX

ВОЙСКО И ВОЙНА

I. БЛЕСК И НИЩЕТА ВОИНСТВА

Писцы считали воинов ниже себя, однако их юные ученики, ослепленные блеском военной карьеры, порой меняли кисточку и папирус на меч и лук, а тем более на колесницу с горячими конями. Этим юношам прежде всего следовало показать, что воинский труд — не забава. Среди ученических упражнений эпохи Рамессидов большое место занимают описания этих воинских трудов. Будущего пехотного командира назначали с колыбели. Когда он достигал роста двух локтей, его отправляли в казарму. Там его обучали, да так, что на голове и теле оставались шрамы на всю жизнь. Если он ленился, его били, как бьют лист пергамента. А когда он годился наконец для походов, жизнь его превращалась в кошмар:

«Приди, [я расскажу] тебе о его походе в Сирию, о его движении по хребтам, причем его довольствие и вода на плече его подобны грузу осла, и образует шея его хребет, как у осла. Хребет спины его разбит, он пьет воду протухшую. Он гонит сон. Достигает он врага, причем он подобен подстреленной (?) птице.

Когда ему удается вернуться в Египет, он как палка, которую изъел червь. Он болен. Его схватывает болезнь, [при которой он должен лежать]. Его доставляют на осле, а его одежды украдены, и его провожатый [слуга] сбежал» (перевод О. Д. Берлева) [1].

Все эти беды минуют военачальника на колеснице. Получив два прекрасных коня из царской конюшни и пять рабов, он не находит места от радости. Прежде всего он хочет показаться в своем родном городе. Он задирает всех, кто не выказывает ему восхищения. Он уже отдал внаем двух из своих пяти рабов, и теперь он собирается купить личную колесницу. Дышло стоит три дебена серебра, колесница — пять дебенов. На это уходит все небольшое наследство, которое он получил от отца своей матери. Но вот — очередная стычка с завистниками. Наш военачаль-

ник падает. Он ранен. Его упряжь — в придорожной канаве, а как раз в это время высшее начальство проводит общий смотр. И вот несчастного хватают и приговаривают к палочному наказанию. Его укладывают на землю и награждают сотней ударов [2].

В этом описании много фальши. Писцы, конечно, не любили военных, и те отвечали им взаимностью. Старые воины, вернувшиеся из походов в Сирию, Нубию или Ливию, могли окончить свои дни в относительном достатке, как Яхмес, сын Абен, или получить фиктивную должность при дворе, как Яхмес из Нехеба, и не поминали злом свою службу в армии.

«Имя героя [живет] в содеянном им,— говорит сын Абен,— оно не исчезнет в этой стране вовеки».

Воинская служба оправдывала себя. После каждой победы воины делили добычу. Самый храбрый, чье имя возвещал царский глашатай, получал участки в своем городе и рабов обоего пола, отнятых у врагов фараона. Например, Яхмес получил девятнадцать рабов и рабынь и золото за храбрость в виде ожерелий и кубков, подобных кубку Джхути, на котором была выгравирована следующая иероглифическая надпись:

«[Сей] дар — по милости фараона Менхеперра благородному князю, божественному отцу, любимцу богов, кто наполнял сердце фараона [радостью] во всех чужеземных странах и на островах Великой Зелени, кто наполнил его склады лазуритом, золотом и серебром, начальнику чужеземных стран, военачальнику, любимцу доброго бога (т. е. фараона.— *Ред.*). Владыка Обеих земель обеспечивает тебя навечно, царский писец Джхути» [3].

Другой старый вояка, Диду, которому пришлось сменить немало должностей — он был начальником пустынь западнее Фив, посланником в иноземных странах, знаменосцем его величества, капитаном ладьи «Мери-Амон» и под конец начальником стражи,— тоже неоднократно удостаивался похвал и награждался золотом. На его нагрудном ожерелье красовались золотые пчелы и идущий лев [4].

Другой знаменосец и его современник, носивший громкое имя Небкемет («Владыка Египта»), получил в награду за службу браслет из позолоченного серебра [5].

Однако счастливее всех оказался знаменосец Небамон, который состарился на службе фараона и ни разу за всю свою долгую жизнь не был обруган или наказан. Его величество фараон решил вознаградить его двухэтажным домом с внутренним двориком, осененным пальмами.

А кроме того, ему были дарованы земли с рабами, освобожденные от всех царских налогов. Ему присвоили почетное звание «имаху» («почтенный»). И наконец, не желая, чтобы он совсем отошел от дел, фараон назначил Небамона начальником стражников в пустыне западнее города. Все эти титулы и подарки были оглашены и вручены ему на военном параде.

Когда Небамон был знаменосцем, он, подобно упомянутому выше Диду, ходил на военном корабле «Мери-Амон». Кстати, на знамени, которое он держал, был изображен корабль с кабиной посередине, с рулевым веслом и такелажем. Вся команда собралась на судне, чтобы присутствовать при награждении ее бывшего капитана. Военачальники сидят на табуретах с перекрещенными ножками. Матросы выстроились в четыре ряда. Небамон отдает знамя, которое носил, когда был соратником властелина Обеих земель, в чужеземных странах Севера и Юга. Он преклоняется перед знаменем. Затем один из носильщиков царского опахала вручает ему другой штандарт с изображением газели со страусовым пером на спине — символом частей стражников, патрулирующих пустыню к западу от Фив, а также цилиндрик в форме пальмы чуть длиннее ладони, в котором, наверное, был папирус с копией дарственной грамоты Небамону. После этого патрульные пустыни, меджаи*, пройдут парадным маршем перед своим новым начальником. Два военачальника преклоняются перед ним, опираясь на локти. Проносят штандарты; на них написаны имена, номера и символы отрядов меджаев. Наконец звучит труба, и начинается парад. Впереди идет знаменосец, за ним — лучники, а потом — тяжеловооруженные пехотинцы с копьями и щитами. Когда они проходят перед Небамоном, лучники приветствуют его поднятым в правой руке луком, затем вешают его себе на шею и маршируют дальше, сжав руки в кулаки[6].

Этим людям поистине не пришлось жаловаться на своих повелителей. Однако было немало других военачальников и рядовых воинов, которые не смогли построить себе пышные гробницы с росписями, изображающими их военные подвиги, а потому мы о них ничего не знаем. И тем не менее дошедшие до нас изображения рассказывают кое-что о жизни простых египетских воинов. Выс-

* Родственное кушитам племя. Со временем термин утратил этническое значение и стал означать «стражники».

шее воинское начальство, царские писцы и наборщики рекрутов — Чануни, Хоремхеб, Аменемхеб и прочие — весьма заботились о войсковом довольствии. Как правило, оно состояло из хлеба, говядины, овощей, пирожков и всяких иных продуктов, способных угодить воинам. С командирами во главе они подходили строем, каждый со своим мешком. Вот они входят в ворота и видят на дворе кувшины и корзины с сухарями, пирогами и кусками мяса. Позади корзин сидят на земле пожилые люди в белых одеждах. Это, несомненно, пекари и повара. Писцы отмечают в списках людей и полученную ими провизию [7].

В обязанности Небамона, после того как он встал во главе отрядов меджаев, входило, помимо всего прочего, воспитание и обучение новобранцев. Этот счастливчик исполняет их, сидя на табурете; рядом с ним два денщика, которые держат наготове еще один табурет, сандалии и палки. Перед ним писцы запечатывают кувшины с вином, клеймят быков, отмеряют продовольствие и все записывают [8]. Надо полагать, что вся эта провизия предназначалась не только одному Небамону, но и его воинам.

Рамсесы, как и их предшественники, старались, чтобы воин был сыт и хорошо снаряжен. Они делали все возможное, чтобы воины не жаловались на свою судьбу. Именно поэтому Рамсес II так сурово обвиняет своих воинов, которые бросили его одного среди врагов, и ему пришлось уповать только на помощь Амона:

«Как ничтожны вы сердцем, мои колесничие! Нет у меня отныне доверия к вам. Разве есть хоть один среди вас, кому я не сотворил бы добра в стране моей? Не одарял ли я вас как владыка, когда вы были бедны? Не назначал ли я вас по благосклонности своей начальниками? Не отдавал ли я сыну имущество отца его, положив конец всякому злу в сей стране? Я дал вам рабов и вернул вам других, отобранных у вас.

Всякому, обращавшемуся с просьбой ко мне, я говорил каждодневно: „Исполню я это“. Никогда еще не делал владыка для войска своего того, что совершал мое величество по прошениям вашим. Я позволил вам обитать в городах ваших, когда вы не выполняли обязанности воинов, и моим колесничим открыл я доступ в города их, говоря: „Я тоже найду их в тот день, в час сражения“» (перевод М. А. Коростовцева) [9].

Рамсес II явно жалел, что сделал жизнь своих командиров и колесничих такой вольготной, однако Рамсес III не извлек из этого урока и поступал точно так же. Через

несколько лет после восшествия на престол все враги его были укрощены и не смели показываться на границах. Воины превратились в своего рода рантье, жили в избранных ими городах со своими семьями и бездельничали.

«Дал я пребывать в праздности войску и колесничим в мое время, причем шердены и кехеки (ливийские наемники.— *И. С.)* пребывали в своих городах покоящимися в праздности. Не испытывали они страха, ибо не было мятежей в Сирии и схваток в Куше. Их луки и их оружие мирно покоились на складах, тогда как они насыщались и пили с радостью. Их жены были с ними, и дети их при них. Не оглядывались они назад [из беспокойства]. Сердца их довольны, ибо был я с ними, защищая и охраняя их» (перевод И. П. Сологуб) [10].

Короче говоря, все, что рассказывает Геродот о египетской армии времен Псамметиха, вполне применимо к армии эпохи Рамсесов. В ней служили воины двух родов войск — «каласирии» и «гермотибии»; точно так же Рамсесы различали пехотинцев, «меша», и колесничих, «нетхетер». Они не обучались никакому ремеслу, кроме воинского, и передавали его по наследству от отца — сыну. Царская гвардия получала дополнительное довольствие зерном, телятиной и говядиной [11].

II. СЛУЖБА ВНУТРИ СТРАНЫ

Когда фиванские цари начали освободительную войну против гиксосов, их войско состояло только из египтян. Но вскоре им пришла мысль включить в него пленников. В полку, которым командовал царский писец Чапуни во времена Тутмоса I, мы видим отряд воинов, весьма отличающихся от египтян [12]. Последние — все высокие и стройные, с широкими плечами и плоским животом. А иноземцы — с толстыми руками и ногами, огромным брюхом и свисающими на плечи длинными космами. За спиной и у лодыжек привязаны хвосты пантер. Это явно выходцы из южных стран, однако не негры. На параде они идут стройно, большими шагами, вытянув правую руку с палкой. Эхнатон даже предпочитал иноземных наемников. В его личной гвардии, сопровождающей его в храм, сирийцев, ливийцев и негров больше, чем египтян [13].

Во времена Хоремхеба в египетском войске появляются хетты, а во времена Сети — «народы моря». Гвардия Рамсеса II целиком состояла из шерденов [14]. Это здоро-

Египетские и чужеземные воины на службе Эхнатона

венные парни, худощавые и хорошо сложенные. Египетские художники отличались большой наблюдательностью и очень точно отличали египтян с правильными чертами лица и четким профилем от негров с плоскими лицами, костлявых ливийцев и горбоносых семитов. На стене храма в Абидосе мы видим набранный фараоном отряд из одних европейцев, во всяком случае с виду. Победа Рамсеса III над ливийцами и «народами моря» позволила ему захватить большое количество военнопленных. На них сразу ставили царское клеймо, как на скот, и превращали в воинов египетской армии с ее суровой дисциплиной [15].

Воинское обучение сводилось к строевому маршу и рукопашному бою. Любимыми развлечениями фараона были борьба и состязания между самыми ловкими воинами, которых приглашали даже ко двору [16]. «Князья» шли с опахалами. Закрепленные в волосах подвески спускались на лицо. Иноземные «князья» смешивались с толпой, как позднее сделает это переодетый Хадад, враг Давида. Нетрудно отличить бородатых сирийцев — у них широкие кушаки и длинные волосы, стянутые лентой. У негра большие серьги и страусовое перо в волосах. Хетты и ливийцы идут в своих парадных одеяниях. Все хором приветствуют фараона: «Ты подобен Монту, владыка, да будет он жив, невредим и здоров, наш добрый господин. Амон отдал в руки твои этих иноземцев, которые шли против тебя во злобе своей».

Но вот соперники выходят на арену. Первая пара — мужчины, вооруженные палками, в воинских набедренных повязках с очень большим треугольным передником, обращенным острым концом вниз. Левое предплечие у каждого защищено нарукавником, правая рука — в кожаной перчатке, подбородок и обе щеки обвязаны толстой

повязкой, которая крепится к налобной ленте. Один из соперников кланяется наследному царевичу, военачальнику армии, который ободряет его такими словами: «Да будет все по сердцу твоему, по сердцу твоему, о мой боец!»

Другой соперник воздевает обе руки к небесам. И вот схватка начинается. Соперники наносят удары друг другу палками наотмашь, защищая лицо левой рукой. Один из них подзадоривает противника: «Поберегись! Я сделаю так, что ты увидишь руку настоящего бойца!»

За этими палочными фехтовальщиками на арену выходят борцы. Египтянин поднимает сирийца, который кусает его за руку. Тот кричит: «Поосторожнее, ты, сириец! Не кусай своим ртом! Фараон, да будет он жив, невредим и здоров, мой повелитель, со мной, против тебя!»

Не знаем, чем кончилась эта схватка. Возможно, фараон прервал ее и наказал нечестного борца, а может быть, этот маленький инцидент не помешал одержать победу египтянину, за которого молился сам царь.

А вот сошлись в борьбе два египтянина. Тот, что слева, схватил противника за ногу и кричит на воинском жаргоне, что сейчас шмякнет этого ублюдка о землю перед фараоном.

И наконец, египтянин, возможно победитель предыдущей схватки, борется с негром. Судья ободряет своего соотечественника, хотя это и не по правилам: «Помни, что мы перед фараоном, да будет он жив, невредим и здоров, твой добрый хозяин!»

Египтянин обхватывает негра руками, поднимает и прижимает к земле, приговаривая: «Вот я тебя поднял, мерзкий негр! Вот я сейчас растопчу тебя в крошево перед фараоном!»

Третья сцена. Негр стоит на четвереньках. Он явно сдался, ибо его победитель поднимает руку и провозглашает: «Амон вечно цветущий, победитель чужеземцев! Великий полк Усермаатра-предводителя завоевал все земли!»

Самолюбие египтян удовлетворено. Интересно, а как бы реагировал двор, если бы победу одержал более сильный и ловкий иноземец? Однако художник, создавший этот рельеф, ничего уже не расскажет нам ни о реакции публики, ни о том, как награждались победители. Но зато он хорошо заприметил иноземных «князей», наблюдавших за борьбой из вторых рядов. Их бесстрастные лица не обещают ничего хорошего.

III. ВОЙСКО НА ВОЙНЕ

Египетское войско времен XIX и XX династий не раз доказывало свое превосходство. Если верить текстам и официальным рельефам, особенно тем, которые повествуют о подвигах Сети в Палестине и Рамсеса III в Ливии, а также о борьбе с «народами моря», все военные походы предстают перед нами как драма из четырех актов: I. Раздача оружия и выступление; II. Великое сражение в чистом поле; III. Осада и взятие города; IV. Триумфальное возвращение.

Во времена Рамсесов обычно все так и происходило. Однако, как и в наши времена, в древности победы давались не всегда. Египтяне не любили вспоминать о своих поражениях. А мы знаем, что они их терпели, и поражения были жестокие. В последние годы XVIII династии царь хеттов Суппилулиума разбил египтян наголову и гнал через всю Сирию, мстя за смерть своего наследного царевича, который отправился в Египет по просьбе вдовы фараона (видимо, Тутанхамона.— *Ред.*).[17] Но эпоха Рамессидов в целом была для египтян победоносной. Последуем же за ними в их неудержимом марше!

IV. МОБИЛИЗАЦИЯ И РАЗДАЧА ОРУЖИЯ

Прежде чем вовлечь страну в военные действия, фараон обычно держал совет со своими советниками, даже когда уже принял решение. Так поступил по воле Амона Камос, один из освободителей Египта, когда осмелился напасть на гиксосов, которые захватили всю Дельту и номы Верхнего Египта, начиная с четырнадцатого, и намеревались распространить свою власть и культ своего бога, Сетха, на весь Египет. Советники, люди боязливые, предпочли бы обождать, чтобы не ухудшить и без того не блестящее, но привычное положение, однако воля фараона одержала верх. Война была объявлена[18].

Мы не знаем, известил ли гиксосов какой-нибудь гонец о решении фараона, или же они не понимали намерений фиванцев и опомнились только тогда, когда увидели египетское войско, марширующее на север. Как мы уже говорили, на Востоке древние властители часто переписывались между собой. Они посылали друг другу загадки, угрозы, требования, жалобы, извещали о рождениях, похоронах и об интригах сторонников того или другого царя.

Составленный по всем правилам, договор — с преамбулой, многочисленными статьями и заключением — возвещает о прекращении военных действий между хеттами и египтянами на двадцать первом году правления Рамсеса II. Этот договор долго считался самым древним в мире. Сегодня мы знаем и другие, однако среди них нет ни одного, который возвещал бы об объявлении войны. Тем не менее я думаю, что такое объявление было, потому что во время военных действий гиксосы и египтяне обменивались посланниками.

Когда фараон понял, что война неизбежна, он начал готовить свою пехоту и колесницы и прежде всего шерденов, которых его величество пленил, укротил, вооружил и обучил египетской тактике боя. Шерденами командовал сам фараон. Основу войска составляли египтяне, сирийцы, ливийцы и другие средиземноморцы, распределенные по разным полкам. В текстах времен Сети мы находим полк Амона, известный также под названием «Храбрые луки», полк Ра с названием «Многочисленные руки», полк Сетха «Могучие луки» [19]; Четвертый полк, полк Птаха, появился, насколько мы знаем, в начале царствования Рамсеса II.

Раздача оружия и снаряжения происходила в торжественной обстановке. При этом присутствовал сам фараон [20]. Рамсес III сидит на помосте с балдахином, положив руку на подушку, принимает приветствия воинов и выслушивает доклады командиров. Затем сам держит речь: «Пусть раздадут оружие, покажут его, чтобы укротить храбростью отца моего, Амона, восставшие страны, не знающие Египта!»

Он в парадном одеянии, в роскошной набедренной повязке и в сандалиях. Вокруг него стоят царские сыновья, писец фараона и высшие командиры. Оружие разложено по видам: здесь шлемы, защищающие голову и шею, с прорезью для глаз и двумя завязками, отходящими от шишака; там — треугольные луки, колчаны и кольчуги с короткими рукавами, закрывающие все тело, и серповидные мечи с длинной ручкой, которую египтяне называли «хепеш» — «рука». Воины в простых набедренных повязках с треугольным передником подходят цепочкой по одному, с пустыми руками. Получив оружие, они удаляются, а писцы записывают их имена и оружие.

К концу XIII века до н. э. египтяне переняли оружие у своих старых врагов — сирийцев. И сумели их победить их же собственным оружием. Шлемы, которые Рамсес III

раздавал своим воинам, к тому же изображенные в красках в его собственной гробнице, почти ничем не отличаются от шлемов сирийских воинов, хорошо нам знакомых по сценам сражения на колесницах времени Тутмоса IV, по процессиям иноземных послов с дарами и, наконец, по оригиналам подлинных сирийских шлемов [21]. Форма их та же самая. Египтяне только заменили конский хвост позади лентами с подвесками. Бог Сетх, которого в то время называли Сутехом, самый азиатский из всех египетских богов, носил подобный шлем с солнечным диском между двумя острыми рогами, оплетенными лентами, которые почти у самой земли завязывались треугольным бантом. Сутех был богом войны, и можно полагать, что шлемы воинов были подобием божьего шлема, только упрощенного. Однако не следует забывать, что Сутех носил азиатские одеяния и походил на Баала, как родной брат.

Азиатские воины издавна пользовались треугольным луком. Египтяне предпочитали луки самой разной формы. Сначала они стреляли из луков с двойным изгибом, позднее, в эпоху Древнего царства, это был просто изогнутый лук, но и старая модель еще не вышла из моды. Именно с помощью такого древнего лука Тутмос III и Аменхотеп II пронзали стрелами медную мишень. А теперь все египетское войско было вооружено треугольными луками, которые, видимо, были проще для массового производства. Что же касается серповидных мечей, то мы хорошо знаем, что это — традиционное азиатское оружие [22]. Каждый царь Библа в эпоху Среднего царства повелевал положить такой роскошный меч в свою гробницу. Сирийские воины подносили такие же мечи великому жрецу Амона, Менхеперрасенебу. Эти же «серпы» с длинными рукоятками подбирали в Сирии воины Тутмоса III. Египтяне поняли, что это страшное оружие. Фараон начал пользоваться им, и все последовали его примеру.

Кольчуга тоже произошла из Сирии [23]. Она представляла собой кожаную куртку с нашитыми на нее металлическими пластинками. Сирийские колесничие Тутмоса III почти все в таких кольчугах. Лишь у немногих вместо кольчуги широкие перевязи, перекрещенные на груди. Кольчуга не защищала «подлых воинов Речену» от стрел фараона, однако египтяне заметили, что у нее есть свои достоинства.

Колесница, игравшая такую большую роль в войнах той эпохи, тоже была заимствована египтянами у сирийцев [24]. Мы не знаем, когда именно в Сирии появились ло-

шади и когда там изобрели колесницу. В документах Среднего царства, как египетских, так и сирийских, нет и намека на коней и колесницы. Камос в своем рассказе тоже не упоминает о них, но уже с начала XVIII династии кони и колесницы используются в бою обоими противниками. Однако преимущество явно за сирийцами, потому что египетские названия колесницы и ее частей, лошадей и их упряжи — все из семитского словаря. Самые расхожие украшения на колесницах — пальметки, противоборствующие звери, спиральные завитки — тоже азиатского происхождения. Такими же были порой колесницы самого фараона и царевичей, украшенные золотой чеканкой. Подобной роскоши не могли себе позволить даже самые знатные воины Речену[25]. У египтян упряжь была украшена золотыми дисками и металлическими пряжками.

Однако все это изящество и роскошь не должны были мешать коням. Сбруя состояла из намордника с двумя поводами, соединявшимися узлом, из налобника, удил и наглазников. Голову лошади защищал чепец со страусовыми перьями или искусственными цветами. К удилам привязывались вожжи, настоящие или декоративные. Вместо современного хомута египтяне пользовались упряжью из трех соединенных между собой частей: довольно широкий ремень охватывал шею лошади, второй, поуже, довольно свободно висел под ее животом и третий туго охватывал грудь. Таким образом, почти все тело коня оставалось свободным. Привязанные тут и там ленты развевались по ветру. На ремнях сверкали золотые диски, наглазники украшало изображение Сутеха, покровителя лошадей.

Экипаж колесницы состоял из двух человек: возницы и воина. Первый держал в руке хлыст, который и сам иногда являлся предметом роскоши. Воин был вооружен луком со стрелами в колчане и десятком дротиков в футляре у бедра. Площадка колесницы находилась примерно в полутора локтях над землей. Она опиралась прямо на ось без всяких рессор. Эти повозки легко опрокидывались на каменистых дорогах Сирии. Правда, возница в таких случаях успевал соскочить, потому что колесница была открытой сзади. А когда ее разбивало, возница и воин спешили выпрячь лошадей и спасаться верхом. Именно так и делали сирийцы. Думаю, что египтяне поступали так же, хотя их художники ни разу не изобразили опрокинутую египетскую колесницу — такого им и в голову прийти не могло!

Что касается шерденов, то какими они были, сражаясь против фараона, такими и остались, поступив к нему на службу. Они сохранили свою набедренную повязку, свой круглый щит, свой меч с треугольным лезвием и шлем в виде опрокинутой чаши с шишаком, который украшали солнечный диск и полумесяц. То же самое можно сказать и о филистимлянах; их легко определить среди воинов фараона по головным уборам из перьев. Что касается сирийцев, то они почти ничем не отличались от египтян — оружие-то было их, родное! Лишь немногие сохранили свои круглые медальоны и набедренные повязки с лентами. А негры оставались верными своим лукам с двойным изгибом, унаследованным от предков. Многие из них были вооружены также метательными палками.

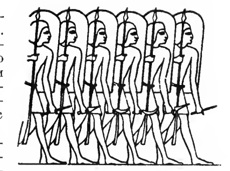
V. ВОЙСКО В ПОХОДЕ

И вот Египет изготовился для битвы. Его полки собрались на равнинах Дельты. Не в первый раз они двинутся в поход и бодро пройдут через озеро крокодилов по «мосту» Силе *, который так хорошо изобразил художник времен Сети на стене Карнакского храма. Во главе идет полк пехотинцев [26]. Воины идут цепочкой по одному параллельными колоннами по семь-восемь человек, а за ними — трубачи с серебряными или медными трубами длиной не больше локтя, из которых вряд ли можно было извлечь какие-либо воодушевляющие звуки. Уже давно известный барабан я не нашел ни на одной военной картине. И напротив, он всегда изображается на сценах, посвященных разным празднествам, а это позволяет думать, что он предназначался только для них.

Далее следовали командиры, назначенные в охрану фараона, а за ними — первая колесница со штандартом барана, увенчанного солнечным диском, который обещал войску покровительство фиванского бога. За этой колесницей шла другая группа военачальников. И наконец, за двумя пешими носильщиками опахал следовала колесница Рамсеса, управляемая им самим. Рядом с конями шел лев без поводка. За ним — вся армия, пехотинцы всех родов войск, колесницы, интенданты со своими ослами, навьюченными мешками и кувшинами, и повозки, запря-

* Силе — крепость на северо-восточной границе Египта, сооруженная на узкой полоске земли («мосту») между озерами. Через нее проходила дорога из долины Нила в Азию.

женные шестью быками. Пустыня велика. Палестина — земля бедная. Египтяне давно убедились на горьком опыте, что войско может рассчитывать только на то, что возьмет с собой.

Пехотинцы из войска Рамсеса II

Пехотинцы и колесницы неторопливо следуют по дорогам. Наконец они доходят до первого источника под названием «Хупана», вблизи от водоема и некоего сооружения под названием «Создание Льва» [27]. От одного источника к другому войско доходит до Сабы и Хеброна или до Газы на морском берегу. Пляжи, дюны, пальмовые рощи приветствуют его вплоть до Мегиддо, где местность становится гористой, а дороги — каменистыми. Сады Тира и Сидона (совр. Сайда) позволяют воинам хорошо отдохнуть. На равнинах вокруг Берита (совр. Бейрут) тоже есть чем поживиться. Отсюда уже видны снежные вершины гор со склонами, на которых росли кедры и пихты. Еще один переход, и войско достигает быстрого ледяного потока, где Рамсес II установил свои стелы с надписями. Пройдя через деревушки рыбаков, лесорубов и пахарей, войско подходит к берегу реки, очень напоминавшей предыдущую. Воды ее каждый год были красны от крови бога *. Необходимо было пройти через горные перевалы, но если идти вдоль морского побережья, то после короткого перехода попадали в священный город Капи, где жили разумные и алчные торговцы, всегда готовые продать египтянам лес и даже корабли. Поистине стоило задержаться в этом месте и испросить покровительство здешней богини, которая, как сестра, походила на Хатхор из Мемфиса и на Иунит. А теперь войско поворачивалось спиной к морю. Оно проходило через леса, поднималось все выше и достигало пустыни. Снежная вершина, когда глядишь на нее с берега моря, кажется не выше пирамид, видимых из Мемфиса. Но вот наконец прохладный ветер освежает лица усталых вои-

* Лукиан в трактате «О сирийской богине» рассказывает предание о реке Адонис (совр. Ибрахим), становившейся красной, когда в горах Ливана гибнет бог Адонис.

пов. Гористое плато позади, а впереди — зеленая равнина с прекрасно возделанными не хуже, чем в Египте, полями с многочисленными селениями и оросительными каналами, которые разбегаются во все стороны. Все воины знали, что впереди — Кадеш.

VI. БИТВА

Противник мог ограничиться оборонительной войной, прячась в своих крепостях. Если он чувствовал достаточно сил, он предлагал захватчику встретиться в чистом поле в назначенный день и в назначенном месте, а уж там — как боги рассудят. Когда эфиоп Пианхи двинул свои войска на север против египтян, он напомнил им об этом обычае, вернее, законе, который был запечатлен в его знаменитой надписи:

«Не нападайте [на врага] ночью, подобно игрокам, но сражайтесь тогда, когда видно. Объявите ему сражение издали. Если он скажет „торопитесь" войску и колесницам другого города, то засядьте [ожидать] прихода его войска. Сражайтесь, [только] когда он скажет об этом. Если его союзники будут в другом городе, то пусть дождутся их. Князей, которых он призывал себе на помощь, [и] надежные отряды ливийцев следует первыми вызывать на бой. Скажите: „Мы не можем кричать ему при смотре войск: „Запрягай лучших лошадей из своей конюшни, начинай сражение. Ты знаешь, что Амон — бог, пославший нас!"» (перевод И. С. Кацнельсона) [28].

Это правило честного боя, установленное фараоном Пианхи *, соблюдалось далеко не всегда [29]. Его применяли в соответствии с законами войны, как их понимали в античности и в средние века. Монтень рассказывает, как хитрость, примененная легатом Луцием Марцием, вызвала гнев старцев-сенаторов: «Хранившие в памяти нравы своих отцов, они осудили действия Марция как противоречащие древним установлениям, которые заключались, по их словам, в том, чтобы побеждать доблестью, а не хитростью, не засадами и не ночными схватками, не притворным бегством и неожиданным ударом по неприятелю, а также не начиная войну прежде ее объявления, но, напротив, зачастую заранее оповещая о часе и месте предстоящей битвы» (перевод А. С. Бобовича) [30].

* Как указывается в последнем издании текста «Стелы Пианхи», эфиопский царь скорее руководствовался соображениями военной тактики, чем этики.

Обычаи древних римлян мало отличались от обычаев египтян. Благодаря Монтеню мы сегодня понимаем, что имел в виду Пианхи, когда говорил о «правилах игры». Противники должны выстроиться друг против друга без всяких уловок, не скрывая свои силы и намерения, чтобы у обоих были равные шансы, как у шахматистов — равное количество фигур перед началом партии. Победа достанется лучшему, как рассудит бог!

О том, что египтяне приняли правила честного боя задолго до эфиопа Пианхи, свидетельствует эпитет, которым иногда награждали воинственного бога Сетха: «Объявляющий сражение» [31], а также рассказ о битве при Мегиддо, когда армия Тутмоса III сразилась с войсками азиатской коалиции [32].

Египетское войско на 16-й день первого месяца сезона «шему» дошла до города Ихема (у западного подножия Кармельского хребта в Палестине). Его величество фараон созвал на совет своих храбрых воинов и объявил им, что враг из Кадеша, обосновавшийся в Мегиддо, собрал вокруг себя властителей всех стран, которые прежде были покорны Египту, начиная с Нахарины, и сказал им: «Я противостану [его величеству] в Мегиддо. Скажите мне, [что вы об этом думаете]?» — вопросил фараон.

Советники заподозрили ловушку. Дорога от Ихема к Мегиддо резко сужается. Придется следовать по ней колонной по одному, человек за человеком, лошадь за лошадью. Авангард вступит в бой, когда арьергард будет еще в Арене (населенный пункт в горном проходе через Кармельский хребет). Лучше пойти кружным путем, чтобы все войско сразу могло приблизиться к Мегиддо с севера. Однако фараон отклонил этот разумный план. Он воскликнул: «Клянусь, как любит меня Ра, как жалует мой отец Амон, как молодо [дышит] мой нос жизнью и счастьем, мое величество пойдет по пути тому на Арену! Пускай, кто желает из вас, идет по этим путям, о которых вы говорите, и пускай, кто желает из вас, идет в числе сопровождающих мое величество. Да не скажут они, эти враги, омерзительные для Ра: „Его величество пошел по другой дороге, испугавшись нас!“ — так скажут они».

Эта речь сразу убеждает несогласных, и они примыкают к фараону: «Смотри, мы будем в числе сопровождающих твое величество во всяком месте, где будет ходить твое величество, ибо раб должен следовать за своим владыкой» (перевод Н. С. Петровского).

В свете наставлений Пианхи военный совет египтян

обсуждал вполне очевидную ситуацию. Враг из Кадеша отправил фараону послание, назначив день и место сражения. Советники подозревают подвох, однако Менхеперра считает недостойным себя и богов, которые его любят и защищают, отклонить это предложение, вполне соответствующее древним обычаям. Дальнейшие события показали, что он был прав. Войско во главе с фараоном вошло в узкую долину и заполнило ее целиком. Военачальники еще раз обратились к нему, умоляя не продвигаться дальше, пока арьергард не минует опасную теснину. Но эта предосторожность оказалась излишней. Противник, расположившийся между Таанаком (город в Северной Палестине) и Мегиддо, даже не подумал атаковать египетское войско на марше, а позволил ему развернуться и занять к середине дня боевые позиции к югу от Мегиддо, где оно спокойно изготовилось для сражения. Правила игры были соблюдены.

Однако советники по-прежнему выполняли свой долг, напоминая фараону об осторожности. Перед ним стояло войско под водительством царя Митанни, но в нем было множество воинов-*аму*, этих извечных и коварных врагов Египта, о которых один старый фараон XI династии говорил в своем поучении, составленном для сына, Мерикара:

«Подл азиат, плохо место, в котором он живет,— бедно оно водой, труднопроходимо из-за множества деревьев, дороги тяжелы из-за гор. Не сидит он на одном месте, ноги его бродят из нужды. Он сражается со времен Хора, но не побеждает и сам не бывает побежден. Не объявляет он дня битвы, подобно грабителю, страшится он вооруженных отрядов» (перевод Р. И. Рубинштейн) [33].

Аму прекрасно знали свои леса и горы и тщательно избегали сражений на открытой местности, где у них не было никакого преимущества. Они нападали на египтян внезапно и тут же рассеивались. Скрытность, быстрота и неожиданность — их лучшее оружие. Но даже в тех случаях, когда египтяне встречались с достойным противником, внезапность могла сыграть решающую роль. И она чуть не привела к разгрому египетской армии под Кадешем, когда Рамсес II двинулся навстречу армии хеттов [34].

«Подлый враг» из Хатти создал против Египта коалицию из всех северных стран, вплоть до народов с далеких берегов моря. К обычным противникам фараона, собранным со всей Сирии, до Евфрата, присоединились народы

Малой Азии: дарданы, люди из Ируна, Кешкеша, Каркиша и Ликии, а также европейцы, например из Меса *. Царь Хатти растратил все свои богатства, чтобы привлечь их всех на свою сторону. Войско его заняло все горы и долины, как стаи саранчи. Главные силы скрытно сосредоточились северо-восточнее Кадеша. Но египтяне думали, что они задержались в районе Алеппо, потому что разведчики нигде не могли их обнаружить, и доверчиво вступили в долину Оронта. Рамсес во главе своего эскорта пересек реку вброд, за ним последовал корпус Амона. Корпус Ра перешел реку вброд у города Шабтуна. Корпус Птаха дожидался, пока освободится брод, в своем лагере в городе Аронаме. Последний корпус, корпус Сетха, тщетно пытался догнать войско, но отставал от него на несколько дней марша.

Когда фараон был в Шабтуне, к нему явились два воина-шасу, два кочевника из тех, что наводили ужас на караваны на путях между Сирией и Египтом и на земледельцев Суэцкого полуострова. Они сказали, что хотят перейти на службу к фараону.

«Где же ваши братья? — спросил Рамсес.— И какие сведения вы принесли его величеству?»

«Они там, где подлый царь Хатти,— ответили кочевники.— Ибо поверженный ** правитель Хатти сейчас в земле Алеппо, к северу от Тунипа. Он слишком боится фараона, да будет он жив, невредим и здоров, и не идет на юг, с тех пор как узнал, что фараон поднимается на север».

Они бесстыдно лгали. По приказу «мерзопакостного царя» Хатти эти шпионы пришли разведать позиции египтян и усыпить их бдительность ложными сообщениями.

И вот фараон решает встать лагерем севернее Кадеша, на западном берегу Оронта. На ровном поле начертили огромный прямоугольник и обнесли его оградой из щитов или чем-то похожим на них. В центре воздвигли большой шатер для фараона и три шатра поменьше, а на всем остальном пространстве поставили множество маленьких палаток. Лев фараона, привязанный за лапу, растянулся на земле и дремлет. Лошадей распрягли и кормят. С ослов сняли поклажу, и они катаются в пыли, брыкаются или

* Полный перечень союзников хеттов в битве при Кадеше см.: *Стучевский И. А.* Рамсес II и Херихор. М., 1984, с. 198.

** Эпитет, часто применяемый к врагам. Вера в силу произнесенного слова, а тем более написанного характерна для Египта и других стран древнего Востока.

скачут галопом. Воины собирают оружие, а в это время в лагерь прибывают все новые повозки, запряженные быками. Высшие командиры располагаются в деревянных шатрах с центральной колонной, подпирающей кровлю, и с дверью, как в настоящем доме. Внутри на полках расставлены большие кувшины и лохани. Из багажа извлекают столы, табуреты, циновки. Дежурные сметают вениччками пыль, разбрызгивают воду. Другие подгоняют навьюченных ослов или несут узлы на коромыслах. Рядом с шатрами стоит лошадь, засунув морду в ясли. Ко-

Допрос хеттских перебежчиков воинами Рамсеса II

нюх старается успокоить двух других горячих лошадей, а колесничий расположился в своей колеснице и спит сладким сном. Один воин пьет. Никто не думает об опасности [35].

Но вот египетский патруль захватил двух разведчиков «мерзопакостного царя». Их приводят к фараону, который сидит на помосте, на своем золотом троне. Палка — безотказный инструмент для развязывания языков. Пленники во всем признаются:

— Мы принадлежим царю Хатти, он послал нас узнать, где остановился его величество.

— Но где он, поверженный правитель Хатти? Я слышал, он в земле Алеппо, к северу от Тунипа!

— Смотри, поверженный царь Хатти идет с многими народами, которые к нему примкнули... Они многочисленнее песчинок на морском берегу. Сейчас они изготовились и ждут боя около Старого Кадеша.

Фараон приходит в ярость:

— Они затаились около Старого Кадеша, а мои иноземные союзники ничего не знают и военачальники страны фараона тоже! А теперь нам говорят, что они идут!

Советники признают, что была совершена непростительная ошибка:

— Плохо, плохо, иноземные командиры и военачальники фараона, да будет он жив, невредим и здоров, допустили большую ошибку, они не сказали, где находится подлый поверженный царь Хатти, в своем ежедневном докладе фараону, да будет он жив, невредим и здоров [36].

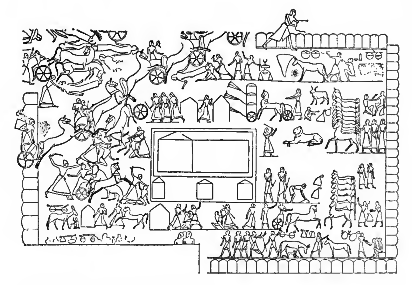
Тут же отправили везира, чтобы он поторопил отряды, задержавшиеся к югу от Шабтуна, и привел их к лагерю фараона, но, пока Рамсес II держал совет, подлый царь Хатти уже приближался со своими воинами и колесницами и со всеми своими союзниками. Южнее Кадеша он перешел реку вброд, который никто не охранял. Захваченные врасплох египетские воины и колесницы обратились в бегство. Враг уже захватил пленных из эскорта его величества.

В час этой страшной опасности фараон поднялся, как отец его Монту. Он схватил свое боевое оружие. Он облачился в доспехи. Он был как Баал в его [грозный] час. Возничий царя Менна задрожал, когда увидел, сколько [вражеских] колесниц окружает его господина. Сердце покинуло его. Члены его сковал великий страх.

«Владыка прекрасный мой, могучий правитель, великий спасатель Египта в день битвы, мы с тобою одни средь врагов. Смотри, покинули нас войска и колесничие, а ты продолжаешь сражаться, спасая их,— ради чего? Давай расчистим путь себе и спасемся сами, о Усер-маат-Ра-сетеп-ен-Ра!» *.

Его величество успокаивает своего товарища по оружию. Фараон ничего не боится. Воины покинули его, вместо того чтобы занять боевые позиции. С ним не осталось ни «князя», ни колесничего, ни проводника, ни военачальника. Но ведь не напрасно Рамсес поставил столько памятников и столько обелисков отцу своему Амону, наполнил пленными его храмы, отправлял ему корабли с экзотическими товарами. Призыв фараона долетел до Фив. Теперь у него союзник, который один стоит миллионов. Рамсес мечет стрелы направо, обороняется щитом слева. Две тысячи пятьсот вражеских колесниц опрокинуты. Руки не повинуются его врагам. Сердца их ушли в пятки. Они не могут больше стрелять, не могут поднять меч. Фараон загоняет их в воду, как крокодилов. Те, кто полз по земле, уже не встают. «Подлый царь Хатти», смотревший на все это в окружении своих воинов и ко-

* Цитаты из поэмы о Кадешской битве даны в переводе М. А. Коростовцева.

Захват хеттами лагеря Рамсеса II

лесниц с тремя воинами на каждой, теперь в страхе поворачивается к фараону спиной. Все его воины и колесницы, все его союзники, царь Луки, царь Ирчу, царь Месы, царь Ируна, царь дарданов, царь Каркемиша, царь Каркиша и царь Алеппо и даже его собственные братья бегут, потрясенные подвигами фараона, и кричат: «Спасайтесь, кто может!» Его величество мчался за ними, как грифон. Он обрушивался на них пять раз, как Баал в час своего могущества. Он сжег всю равнину Кадеша, чтобы больше никто не узнал это место, истоптанное его врагами.

Теперь воины возвращаются, поскольку сражение уже выиграно благодаря силе и храбрости фараона, а может быть, и по какой-то другой причине, о которой автор этой эпической поэмы не счел нужным упомянуть. Фараон осыпает их насмешками и упреками: «Но смотрите, как низко поступили вы, собравшись все вместе! Ни один из вас не устоял и не протянул мне руки, когда я сражался. Клянусь Ка отца моего Амона, если б был я в Египте подобен отцу моих отцов, который не видел сирийцев, и не воевали они против него... не вернулся бы в Египет из вас ни один, чтоб рассказать о своей службе позорной!..

Преступление, совершенное войском моим и колесничими моими, столь велико, что не выразить словом... Страны чужие, видевшие победу мою, прославят имя мое в дальних землях неведомых».

Воины покорно воздают почести своему отважному повелителю. Знатные сановники и колесничии восхваляют могущество его рук:

«Вот он, отважный воитель, стойкий сердцем! Ты спасаешь войско свое и колесничих своих! Ты сын Амона, повергающий врагов десницей его! Ты превращаешь страну хеттов в развалины мощной дланью своею! Ты ратоборец великий, и нет тебе равного! Ты царь, сражающийся за войско свое в день битвы! Ты храбр сердцем, первый в сражении! Не тревожит тебя обилие стран, выступивших против тебя! Великим победителем предстаешь ты пред войском своим и всею страной! Говорим тебе это без лести — ты защитник Египта, покоритель стран чужеземных! Ты сломал хребет страны хеттов навеки!»

Но фараон отвечает только новыми упреками:

«Что с вами, военачальники мои, войска мои и мои колесничие, не умеющие сражаться?! Разве не возвеличивается человек в городе своем, когда возвращается он, проявив доблесть пред владыкой своим? Славой осиянно имя такого воина отныне и впредь. Почитают человека искони за могучую длань его! Разве я не творил вам добра, что покинули вы меня одного среди врагов?!»

Упреки эти не так уж страшны: войско просто лишится очередных награждений. А вот другой властитель, Пианхи, действительно разгневался на свое войско, хотя оно неплохо сражалось. Его воины заставили Тефнахта бежать на север с жалкими остатками его отрядов. Однако Пианхи хотел одним ударом захватить или уничтожить всех врагов. Когда войско узнало о разочаровании своего военачальника, оно с ходу захватило три укрепленных пункта, хотя противник защищал их с небывалым ожесточением. Фараон узнал об этом, но все еще не был удовлетворен. Он предстал перед войском на колеснице, запряженной двумя конями. Колесница стояла на палубе его корабля. Разъяренный, как пантера, фараон обрушился на воинов:

«Разве медлительность, с которой вы выполнили мое поручение,— это стойкость в битве? Разве завершился год, распространив страх в Нижнем Египте, и нанесен им [врагам] мощный и болезненный удар?»

Тем временем подлый царь Хатти, этот изменник, при-

сылает посланца, чтобы тот восславил фараона, как самого Ра, и сказал:

«Ты Сутех, сам Баал, страх пред тобою — клеймо твое на стране хеттов».

Посланец доставил письмо с просьбой о перемирии: «Говорит слуга твой, дабы ведали: „Ты — сын Ра, зачатый от семени его. Дал он тебе одолеть все страны, собравшиеся вместе. Страна Египет и страна хеттов — рабы твои, они под стопами твоими. Дал их тебе Ра, отец твой прекрасный. Не сокрушай нас. Ведаю — мощь твоя велика. Сила твоя тяготеет над страною хеттов. Разве хорошо, что ты убиваешь слуг своих? Твой лик свиреп, нет у тебя милосердия. Смотри, вчера ты убил сотни тысяч... Пришел ты сегодня и не оставил наследников нам. Не будь жесток в деяниях своих, царь! Мир благотворнее битвы. Дай нам дыхание жизни"» [37].

Тогда его величество поспешил созвать военачальников колесничих и знать и сообщил им о просьбе поверженного царя Хатти. Не колеблясь ни минуты, они ответили в один голос:

«Очень, очень хорошо заключить мир, царь, владыка наш!» Это был крик сердца, но они тут же поправляются:

«И нет зла в примирении, которое ты совершишь, ибо кто [осмелится] тебе перечить, когда ты разгневаешься?» [38].

Фараон весьма обрадовался этим словам. Египетское войско спокойно ушло на юг, даже не попытавшись захватить Кадеш, чьи зубчатые башни были хорошо видны за рукавом Оронта.

На самом же деле фараон просто чудом избежал полного разгрома. Он ничего не знал о позиции хеттов и без всякой разведки, без флангового охранения, вслепую ввел свое войско во вражескую страну. Его спасла только стойкость царской гвардии, состоявшей в основном из шерденов, ибо можно заметить, что все упреки обращены к одним египтянам *. Возможно также, что хетты, ворвавшись в богатый лагерь фараона, уже ни о чем не думали, кроме грабежа. Они стали жертвами собственной алчности, и их успех превратился в разгром. Так что их царь был весьма доволен, когда огромное египетское войско ушло восвояси.

* Есть и другие точки зрения. См.: *Стучевский И. А.* Рамсес II., с. 43—45 (р. Оронт в месте битвы была глубока, и пехота Муватталиса не могла перейти ее вброд).

Другие военные действия египтян заканчивались более определенными результатами, например великая битва с ливийцами, выигранная Рамсесом III [39]. Как и его предок, фараон отличался личным мужеством. Кони его колесницы мчатся галопом. Он привязал вожжи к поясу, чтобы стрелять из лука. На голове у него воинский шлем, на руках и запястьях — браслеты, на груди — два ожерелья. На перевязи висит открытый колчан. Чехол, прикрепленный сбоку колесницы, наполнен дротиками. Военачальник позади фараона не принимает участия в бою: он держит в руках золотую чашу и кувшин, которые мы уже видели при выступлении войска из Египта. Другие колесницы с двумя воинами на каждой мчатся за колесницей фараона. Наемники-филистимляне проявляют чудеса храбрости в бою с ливийцами. Когда ливийский вождь Мешешер, сын Капуро, видит, что кони его убиты, а колесничий, пронзенный копьем, упал с колесницы, он поворачивается к фараону, поднимает руку с вытянутым вверх указательным пальцем и признает себя побежденным. Его воины сдаются десятками. Они держат копья остриями вверх, как свечи, и протягивают левые руки, повернув ладони к земле [40].

«Народы моря» появились во времена Рамсеса III. Их бесчисленные орды пришли в Египет по морю и по суше [41]. Повозки со сплошными колесами, закрепленными чеками в оси, с впряженными буйволами везли женщин и детей. Длинные корабли с носом в виде головы льва или птицы и с приподнятой кормой были до отказа нагружены воинами. На суше и на море происходили ожесточенные сражения. Вот фараон сошел с колесницы, чтобы было удобнее стрелять из лука. За ним следует вся его свита: командиры, которые несут лук, колчан и дротики, слуги с предметами туалета, опахалами и мешками, откуда при первой же передышке они вынут сменную одежду и все необходимое, чтобы привести себя в порядок.

Одержав победу, фараон восходит на помост и окидывает взглядом поле сражения. Слуги держат в вытянутой руке зонты, защищая фараона от солнца. Перед помостом выставлены боевые штандарты. «Князья» и военачальники поздравляют фараона, а тем временем на поле боя начинается долгая процедура переписи, чтобы подсчитать добычу. Как и во времена Яхмоса, каждый воин, убивавший врага, отрубал ему руку, а если этим врагом был ливиец — отрезал член. Эти трофеи он приносил царским писцам. Все это сваливали в кучу поблизости от помоста

рядом с грудами оружия, подобранного на поле боя, и целая армия писцов тщательно все сортировала и переписывала. Перед фараоном проводили пленных со связанными руками или петлей на шее. Вражеских военачальников оставляли для торжественных церемоний. На приводимых по возвращении победоносного войска здоровых пленниках ставили клеймо раскаленным железом. Они сидели в стороне маленькими группками и вставали, когда подходила их очередь. Вооруженные до зубов, воины готовы были подавить любую попытку к возмущению, однако побежденные, видимо, смирились со своей участью [42].

После клеймения многие денанеане (вероятно, данайцы.— *Ред.*) и филистимляне вербовались в войско фараона, где оставалось все меньше и меньше египтян, ибо уже тогда считалось: пусть лучше воюют другие.

VII. ОСАДНАЯ ВОЙНА

Очень часто война приобретала осадный характер — либо потому, что противник не осмеливался встретиться с египетским войском лицом к лицу, либо потому, что после сражения в чистом поле у него все же оставалось достаточно воинов для защиты своих крепостей. Эти крепости обычно стояли на возвышенностях, иногда — на вершине крутой горы. Ров с водой и палисад составляли первую линию обороны. В соседних лесах укрывались беглецы и те, кто не успевал добраться до крепостных стен до закрытия ворот. Они пасли там стада буйволов, предпочитая зубы медведей стрелам египтян. Крепость была обычно окружена возделанными полями. Склоны возвышенности покрывали виноградники и рощи фиговых деревьев. Дороги обрамлял цветущий кустарник. Перед уходом египтяне, как правило, срубали все полезные деревья, как того требовал обычай [43].

Сирийские крепости состояли из высоких зубчатых башен с нависающей платформой и стен по всему периметру возвышенности с воротами и окнами. Нередко город защищали два или даже три ряда стен. Иногда над нижней башней стояла вторая, а на ней — третья. Над самой верхней башней развевалось знамя [44].

Египтяне осыпают стены стрелами и гонят перед собой беглецов. Одни из тех, кто уже находится на стенах, нагибаются и втягивают на руках запоздавших, другие

мечут стрелы, дротики и камни, третьи стоят наготове с мечом в руке. Жрец возжигает смолистые курения на жаровне с ручкой, похожей на египетские курильницы «ах», прося защиты у богов города, и воздевает руки, как Моисей в битве с амалекитянами. Иногда он перегибается через зубцы, ободряя защитников нижнего этажа. Но все средства обороны оказываются недейственными. Подступы к крепости усеяны трупами. Защитники убиты на своих боевых постах. Египтяне приближаются к подножию стены, высаживают ворота, приставляют лестницы к стенам, и вот уже первая линия взята.

Когда осада доходила до этого момента, осажденным, если они дорожили жизнью, оставалось только прекратить сопротивление и постараться с помощью даров смягчить жестоких победителей. Вождь страны Амор протягивает свою курильницу Рамсесу III и левой рукой униженно приветствует его: «Дай нам дыхание жизни, чтобы могли от сына к сыну вдыхать от твоего могущества!» [45].

Побежденные военачальники появляются один за другим. Одни ползут на брюхе, другие несут вазы с искусственными цветами, амфоры с рельефными изображениями животных, драгоценности. Эти предметы очень ценились фараоном и великими жрецами, которые в конце концов заполучили их в свои храмы. Войско больше интересовали другие трофеи: зерно, вино, скот, оружие. Воинов ежедневно поили и кормили до отвала, как в дни великих праздников.

Сирийские города славились своими лошадьми. Цвет их воинства сражался на колесницах. Тутмос III только в одном Мегиддо захватил восемьсот девяносто две обшитые золотом колесницы «подлых» врагов. Правда, в данном случае царь Кадеша организовал против Египта целую коалицию. К нему стекались союзники даже с берегов Евфрата.

Этих чужеземных царьков Тутмос III отправил по домам, посадив их на ослов лицом к хвосту. Победа настроила фараона на шутливый лад.

Горы Ливана покрыты лесами. «Со времен богов» египтяне ходили на кораблях в Библ за лесом для священных ладей, для высоких столбов с лентами, которые устанавливали перед пилонами храмов, для сотни других надобностей храмов и городов. Больше всего ценилась пихта «аш», заостренная, как ость колоса, и прямой, как копье, красный ствол кедра «мер», рожковое дерево «сеснеджем» и неопределенное дерево под названием «уан», воз-

можно — можжевельник. Став хозяевами Сирии, египтяне расширили заготовку леса. При Тутмосе III воины валили деревья в горах, а сирийские погонщики на быках перетаскивали стволы к побережью. На построенных здесь судах уплывали отсюда ливанские «князья» с драгоценными дарами [46]. Но для египтян XIX династии Сирия перестала быть колонией, которую можно эксплуатировать, как хочешь. За нее вступают в спор хетты, да и сами сирийцы защищаются все упорнее. И тем не менее огромное количество леса и другого сырья уплывает каждый год в Египет. Сети I тоже сумел заставить ливанских вождей заготовить для него драгоценные пихты [47].

VIII. ВОЙНА В НУБИИ

Война против южных стран, по-видимому, носила характер легкой военной прогулки. Египтяне окружают деревни, дуары. Мужчины одеты в шкуры пантер, вооружены щитом и большим тесаком. Женщины носят младенцев в плетеных корзинах за спиной. Они с детьми прячутся в пальмовых рощах. Силы явно неравные, и короткая схватка заканчивается, разумеется, в пользу египтян, которые забирают богатую добычу, ибо эти жители южных стран — искусные мастера, они умели делать несколько грубоватые, но роскошные вещи из золота, черного дерева и слоновой кости, а в их хижинах всегда хранились запасы страусовых перьев и слоновых бивней, шкуры пантер, рога и благовония [48].

Негритянки с детьми

Фараон показал свою силу всем народам до «пределов земли». Все, что озаряет солнце своими лучами, стало свидетелем его побед. Он установил свои границы там, где захотел. Так повелели Амон-Ра и все боги. Оставалось только вернуться в милую сердцу страну Та-мери, принять рукоплескания народа и благословения жрецов, которые уже готовились записать в свои приходные книги имена и цифры. А затем — даровать богам бóльшую часть добычи, наградить храбрецов и наказать виновных, чтобы это послужило примером для людей всей земли.

Войско выстраивается для возвращения примерно в том же порядке, что и при выступлении в поход. Перед колесницей фараона идут знатные пленники, руки у них в колодках, иногда сделанных в виде пантеры, на шее — веревка. У большинства пленников руки связаны за спиной или над головой [49]. Празднества начинаются сразу, как только войско вступает на землю Египта. Жрецы-пророки на «мосту» Силе встречают его букетами [50]. Некоторых высокопоставленных пленников по обычаю предают смерти при большом стечении народа. Аменхотеп II сам, подобно Геркулесу, палицей убивает восьмерых на своем корабле. Шестерых повесили в Фивах перед стеной храма, еще двоих — в Напате, «дабы все узрели победы фараона отныне и навсегда, во всех землях и на всех горах страны негров» [51]. Перед смертью пленные выражают жестом свою покорность: ливийцы поднимают указательный палец, остальные поворачивают ладонь к палачам. После победы Рамсеса III старый ливийский царь Капуро написал фараону, умоляя помиловать своего сына, который попал в плен к египтянам, и предлагая принять все муки вместо него [52]. Но все оказалось тщетно. Ливийская угроза была столь велика, что сердце фараона не пожелало открыться для милосердия. Рамсес III в своем политическом завещании говорит:

«Ливийцы и машауаши (западноливийские племена.— *Ред.*) осели в Египте. Захватили они города западного побережья от Мемфиса до Кербена (город на северо-западе Дельты.— *Ред.*). Достигли они Великой реки [Нила] по обеим ее сторонам, и грабили они города Ксоисского нома в течение очень многих лет, пока они были в Египте. И вот я поразил их, истребив разом. Я ниспроверг машауашей, ливийцев, себетов, кикешей, шаитепов, хесов, бекенов (ливийские племена.— *Ред.*), повергнув их

в кровь, сделав из них горы трупов. Заставил я их уйти до границы Египта. Привел я [тех], кого оставил я [живыми], собрав [их] в качестве добычи многочисленной, связав [их] словно птиц, впереди моих лошадей. Их жены и дети — [в количестве] десятков тысяч, их скот — сотен тысяч. Поселил я их вождей в крепостях, названных моим именем. Приставил я к ним начальников отрядов и глав племенных, причем они превращены в рабов и заклеймены моим именем; с их женами и детьми было сделано то же самое» (перевод И. П. Сологуб) [53].

Когда осужденные на смерть пленники были казнены, в храмах начались другие церемонии, где решалась судьба остальных пленных и происходило освящение трофейных даров.

Перед ликами богов разложили сокровища из «подлой» страны Хатти: кратеры и амфоры, ритоны и чашки из золота и серебра, инкрустированные драгоценными камнями, подобные тем, которые осажденные сирийцы предлагали победителям, сдавая свои города, а также тем, что приносили в мирное время посланцы Речену, Амора или Нахарины в качестве военной контрибуции или для того, чтобы «быть на воде фараона». Затем прибыл сам фараон, ведя пленников со связанными руками и веревкой на шее: негров, ливийцев, сирийцев, аму, аморитов и хеттов.

Пленники признают свое поражение. Фараон подобен бегущему огню, который нечем тушить. Он карает малейшее неповиновение, малейшее богохульство, вырвавшееся из уст. Он отнимает дыхание ноздрей. Фараон знает, что победу над врагом ему даровал отец его, Амон. Поэтому он возвращает богам то, что они ему даровали, отдавая храмам часть пленников и сокровищ [54].

Глава X

ПИСЦЫ И СУДЬИ

I. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АППАРАТ

В Египте с самых древних времен была очень грамотная администрация. Уже в эпоху I династии писцы оттискивали на глиняных пробках кувшинов свои имена и титулы с помощью цилиндрических печатей. Все, кого мы знаем благодаря статуе, стеле или гробнице, имели по крайней мере один титул. А кое-кто мог принести целый список из дюжины титулов. В период Древнего царства титулов и должностей развелось так много, что перечень их заполнил бы целый том. До нас дошел справочник египетской иерархии времен Рамессидов [1]. Во главе стоят боги, богини и второстепенные божества, царствующий фараон, его супруга, божественная мать фараона и царские дети. Далее следуют судьи и советники, среди которых везир, и назначенный фараоном первый советник, и все сановники, имеющие счастье жить возле солнца, крупные военачальники, писцы царской библиотеки, управляющие, глашатаи, носильщик зонта, носильщик опахала, царские писцы, начальники «белого дома», главный писец верховного суда, писцы — сборщики налогов.

Во втором списке перечислены представители фараона за границей, в «колониях» и городах, царские посланцы, хранитель печати «дома моря», ответственный за устья каналов. Одних специальных должностей — легион! Каждый из этих высших чиновников располагал собственным многочисленным штатом. Правители номов старались жить в своих резиденциях, как фараон в своей столице, и содержали массу служителей по примеру царского двора. Такой бог, как Амон, обладал несметными богатствами, которые находились в ведении жреческой администрации со строгой иерархией [2]. У первого пророка были управляющий дома, «камергер», хранитель покоев, писцы, начальник моряков и начальник слуг. Второй пророк тоже имел штат чиновников, приставленных

к его персоне. Даже четвертый пророк чувствовал бы себя несчастнейшим из смертных, если бы на всех выходах его не сопровождала маленькая свита. Далее следует перечислить целый ряд управляющих, высших чиновников и писцов, которые распределяли между собой обязанности по выполнению решений высшего совета жрецов. Главные среди этих чиновников — хранители и писцы казначейства, хранитель печати храмовой казны, хранитель большой печати дома Амона. Не столь всемогущий и прославленный, как Амон, но все же владыка Ипу (Ахмим) и Коптоса, бог Мин имел помимо многочисленных жрецов значительный административный аппарат — писцов, начальников работ, отвечавших за стада, за ткацкие мастерские, за транспорт, а кроме того, кладовщиков и счетоводов [3]. Как и во всех странах, чиновничье племя стремилось размножиться, а не сократиться. Рамсес III за тридцать один год своего правления обогатил всех богов Египта, и каждому расширению их владений соответствовало появление новых должностей. Требовалось все больше писцов, чтобы собирать налоги, следить за их перевозкой, надзирать за рабами, содержать в порядке каналы и дороги, набережные и склады.

II. НАБОР И ОБУЧЕНИЕ ЧИНОВНИКОВ

Основатель XIX династии, Парамсес (Рамсес I) за свою жизнь удостоился множества титулов, гражданских и жреческих, и одновременно ряда воинских званий. Когда фараон Хоремхеб призвал его и поручил управление всеми работами храма в Опете, Парамсес передал своему сыну Сети, который был уже во цвете лет, бо́льшую часть своих титулов и должностей [4]. Маленькие чиновники подражали большим. Некий Неферперит, находившийся в эскорте фараона, когда тот был в горах Речену, отправил в Египет четырех коров финикийской породы, двух — египетской породы и одного быка. Все они предназначались для божественного «Дома миллионов лет». За это его брат получил должность хранителя этого маленького стада, а сын — должность носильщика кувшинов с молоком. Не только эти должности были гарантированы им на всю жизнь, но и их титулы оставались в семье навсегда и переходили по наследству [5]. И никто не возражал. Наоборот, каждый отец семейства мечтал о такой чести. В одной из формул, адресованных посетителям гробниц, мы чита-

ем: «Если хочешь завещать свое место своим детям, скажи это...»

А тому, кто ведет себя в чужой гробнице недостойно, другая формула грозит страшной карой: «Тебя не будет. Твой сын не будет на месте твоем».

Существовал закон, по которому строптивого чиновника лишали должности и сурово наказывали и не только его, но и его детей лишали привилегий и низводили до простых ремесленников или слуг [6]. Однако из этих текстов вовсе не следует, что после смерти отца ответственная должность, требующая знаний и больших способностей, сразу же переходила к сыну. В действительности дети чиновников поступали на службу по окончании школы и поднимались по служебной лестнице в зависимости от своего усердия и таланта, а также от могущества их покровителей.

Школа обычно находилась при храме. Бакенхонсу, будущий верховный жрец Амона, двенадцать лет посещал школу письма в храме «Госпожи неба» [7]. В ограде Рамессеума, в Танисе, в Дейр-эль-Медина и в других святилищах найдены остраки и папирусы со школьными упражнениями. Обучение начиналось рано. Бакенхонсу исполнилось всего пять лет, когда его отправили в школу, но, возможно, его отец, прославленный жрец, считал его выдающимся ребенком и поспешил. Во всяком случае, когда маленькие мальчики переставали бегать голышом и повязывали свой первый поясок, приходила пора отправляться в школу.

Мы уже знаем, что будущего военачальника отнимали от семьи в юном возрасте, а учащиеся обычных школ жили дома. Маленький школьник брал из дома корзинку с хлебом и кувшинчиком пива, которую мать давала ему каждое утро [8]. По дороге в школу и на обратном пути он мог вволю браниться и драться со своими школьными друзьями. Одна недавно опубликованная египетская сказка рассказывает нам о способном ученике, превосходившем умом своих старших друзей. Однажды они узнали его тайну и спросили: «Чей ты сын? У тебя нет отца». Он ничего не ответил, поэтому его колотили и насмехались: «В самом деле нет у тебя отца!»» [9] («Сказка о Правде и Кривде»).

Ребенок прежде всего учился читать и писать. Папирус был слишком дорог, чтобы его давать школьникам, поэтому им раздавали полированные пластинки известняка, разграфленные в линейку или в клетку. В Фивах до-

Автопортрет художника Хеви (рельеф из Дейр-эль-Медина)

вольствовались грубо обтесанными каменными осколками. Это были «тетради» для упражнений. Школьники учились выводить на них отдельные иероглифы или скорописные знаки, делать маленькие рисунки, а позднее — переписывать все более и более длинные отрывки текстов. На некоторых есть даже даты. Если бы у нас было достаточно таких «тетрадок» и в комплекте, мы бы узнали, сколько времени требовалось египетскому школьнику, чтобы прочесть и заучить наизусть такие классические тексты, как «Гимн Нилу» или «Поучение Аменемхата» [10].

Перепортив достаточно этого дешевого материала, школьник, уже почти «студент», получал драгоценный чистый папирус, на который переписывал уже не отрывки, а целое произведение. Сидя на корточках, он разворачивал свиток ровно на ширину стандартного листа. Он готовил чернила, красные и черные, выбирал из пенала подходящие кисточки и принимался переписывать либо сказку, либо сборник стихов или притч или же копировал разные иероглифы. Заглавия и начальные строки писали красными чернилами, остальной текст — черными. Но каждый писец был в то же время рисовальщиком и художником. Для расцвечивания своего рисунка он пользовался разными красками — зелеными, синими, желтыми и белыми.

Образование заключалось в заучивании классических и священных текстов и обучении не только грамматике, но и письму и началам рисунка. Египетские чиновники выполняли самые разнообразные обязанности и с удивительной легкостью переходили с одной должности на другую. Уна был сначала стражником и судьей, затем занимался поиском камней (для царских памятников) в далекой стране, строил корабли, очищая каналы, а когда разразилась война, стал начальником штаба.

«Студенты» должны были знать законы и уложения, историю и географию и разбираться в основах техники.

Не знаю, проводились ли у них экзамены и получали ли они дипломы, по похоже, что нечто подобное было, если вспомнить, какие вопросы задавал писец Хори своему коллеге, желая уличить его в невежестве: «Каков рацион войска на марше? Сколько нужно кирпичей для постройки платформы заданных размеров? Сколько нужно людей для перевозки обелиска? Как поставить на пьедестал колоссальную статую? Как организовать военную экспедицию?» И под конец — целый ряд вопросов по географии Сирии. Короче — целая учебная программа! [11].

Разумеется, не все будущие писцы проявляли в учебе одинаковое рвение. Иногда учителя отчаивались, глядя на ленивых учеников.

«Пиши рукой своей,— без конца повторяет писец Аменемопе,— читай устами своими, советуйся со знающими больше, чем ты. Упражняйся в этом деле, и найдешь ты его [полезным] после [наступления] старости. Счастлив писец искусный в деле своем, владыка [обучения?]. Будь настойчив в работе ежедневно, и ты овладеешь им [своим делом]. Не проводи ни одного дня в безделье, иначе будут бить тебя. Уши юноши на спине его, и он внемлет, когда бьют его. Пусть внемлет сердце твое тому, что сказал я,— будет это полезно тебе. Обучают обезьян танцам, объезжают лошадей, помещают коршуна в гнездо и за крылья ловят сокола. Будь настойчив в получении советов! Не ленись! Пиши! Не поддавайся пресыщению [письмом], отдай ты сердце и внимай словам! Найдешь ты их полезными» (перевод М. А. Коростовцева) [12].

Этот педагог думает или делает вид, что думает, будто единственные враги учения «студента» — это лень и упрямство. Но раз уж укрощают и дрессируют животных, он рассчитывает, взывая к честолюбию и здравому смыслу, а главное — с помощью энергичных наказаний наставить заблудшего «студента» на путь истинный, который ведет к самым высоким должностям.

Увы, у молодых египтян были куда более пагубные склонности! Другой наставник, такой же ворчун, как Аменемопе, но более осведомленный, говорит:

«Говорят мне, что ты бросил писание и закружился в удовольствиях. Ты ходишь с улицы на улицу, [и исходит] запах пива [от тебя], куда бы ты ни пошел [?]. От пива он перестает быть человеком. Оно заставляет тебя блуждать, ты подобен кривому рулевому веслу судна, которое не слушается ни в одну сторону, ты подобен святилищу без бога его, ты подобен дому без хлеба. Ты обнаружен пере-

ползающим через стену, после того как ты разбил колодки, [надетые на тебя], и люди бегут от тебя, после того как ты нанес им ранения. О, если бы знал ты, как вино отвратно, ты отрекся бы от [напитка] шедех, ты не помещал бы кружку пива в сердце свое, ты забыл бы [опьяняющий напиток] тенерек» (перевод М. А. Коростовцева) [13].

Но бывало и хуже. Египтяне могли без помех приводить в дом наложниц, нанимать или покупать рабынь, и это в какой-то степени сдерживало распространение увеселительных заведений. Однако они существовали, и там не только принуждали клиента пить сверх меры, но и приводили к нему профессиональных певиц и танцовщиц, которые, даже будучи певицами Амона, были женщинами легкого поведения. Здесь знакомились с чарами иноземной музыки. Здесь пели и декламировали под аккомпанемент тамбурина и арфы. Здесь предавались и прочим наслаждениям, а потом оказывались на улице в безобразном одеянии и, шатаясь, тащились наугад, чтобы свалиться где-нибудь в сточную канаву или пострадать от бессмысленной драки [14].

III. ДОБРЫЕ И ЗЛЫЕ ЧИНОВНИКИ

Народ, ремесленники и земледельцы, страшился представителей закона даже самого низкого ранга. Их появление, как правило, возвещало о битье палками и о конфискации скромного имущества. Разумеется, моралисты советовали представителям власти проявлять умеренность и милосердие: «Не ленись при сборе налогов, но и не будь слишком суров. Если найдешь в списке большую задолженность бедняка, раздели ее на три части. Уступи две, чтобы осталась только одна часть» [15].

Некоторые чиновники напоминают в надписях на стелах или статуях в храмах или в своих гробницах, что руководствовались не менее гуманными принципами. Везир Птахмес говорит: «Я делал то, что хвалят люди и что угодно богам. Я давал хлеб голодному. Я кормил того, кто ничего не имел» [16].

Другой везир, Рехмира, заботливо управлял царскими владениями. Он наполнил храмы статуями и построил себе великолепную гробницу, но он также защищал слабого от сильного, покровительствовал вдове, у которой не было родни, а только дети [17].

Подчиненным Бакенхонсу, верховного жреца Амона, тоже не приходилось жаловаться на своего господина,

если верить его словам: «Я был отцом для моих подчиненных, обучал их юношей, подавал руку несчастным, обеспечивал жизнь тех, кто впадал в нужду. Я не угрожал слугам, а был для них отцом... Я обеспечивал похороны тому, кто не имел наследника, давал гроб тому, кто не имел ничего. Я защищал сироту, который взывал ко мне, я отстаивал интересы вдовы. Я не прогонял сына с должности отца. Я не отнимал малых детей у матери... Я открывал свои уши перед всеми, кто говорил правду. Я удалил всех, отягощенных пороками» [18].

А вот история бывшего царского писца и хранителя амбаров Хаемхата. Он «сошел» в некрополь после того, как был оправдан на земле. Против него не было выдвинуто обвинения... Когда он явился в большой зал суда, находящиеся там боги нашли, что все его поступки не отклоняют стрелки весов *. И сам Тот оправдал его на суде всех богов и богинь [19].

Все эти рассказы весьма утешительны. Однако один властитель, хорошо знавший людей, предостерегает своего сына от судей: «Знай, немилостивы они в тот час, когда они выполняют свои обязанности» («Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара»). Старый вояка Хоремхеб, который вклинился между потомками Эхнатона и Рамсесом I, не строил никаких иллюзий. Он знал, что в тревожные годы, последовавшие за религиозной революцией, писцы, сборщики налогов и все представители власти, до самых ничтожных, беспощадно притесняли простых людей, обкрадывая одновременно народ и фараона. Судьи без стеснения брали взятки, за деньги оправдывали преступника и осуждали невинного, слишком бедного, чтобы им заплатить. Хоремхеб нашел наконец способ покончить с несправедливостью и покарать тех, кто злостно нарушал свой долг. Он издал суровый указ — любой судья, уличенный в злоупотреблениях своим служебным положением, подвергался позорной казни: ему отрезали нос и ссылали в своего рода каторжный лагерь в Силе, на Суэцком полуострове [20].

Менмаатра (Сети I) в своем декрете довольно сурово обращается к везирам, знати, царскому сыну Куша, командирам лучников и хранителям золота, к вождям южных и северных племен, к колесничим и начальникам конюшен, к носителям зонта, ко всем стражникам царского до-

* На весах взвешивали сердце покойного — вместилище его деяний. См. главу XII, § 2.

ма и ко всем посланникам. Речь идет о защите от алчных чиновников «Дома миллионов лет», который он основал в Абидосе и щедро одарил его имуществом, людьми и стадами. У фараона есть все основания думать, что эти чиновники насильно уводят его пастухов, рыбаков, земледельцев и ремесленников, что они ловят рыбу в его прудах и охотятся в его охотничьих угодьях, что они конфискуют суда, особенно те, что возвращаются из Нубии с грузом товаров из южных стран. Каждый чиновник, который завладеет имуществом храма, будет наказан по крайней мере сотней палочных ударов, вернет все захваченное и заплатит штраф в стократном размере в возмещение причиненных убытков. В отдельных случаях наказание будет равняться двумстам палочным ударам и пяти «ранам». Особо провинившихся отдавали на земледельческие работы служителям храма, предварительно отрезав им нос и уши [21].

Остается лишь удивляться той ярости, с какой фараон ополчился на представителей своей же администрации, защищая привилегии жреческого государства в государстве. Впрочем, чиновники действительно далеко не всегда безоговорочно признавали привилегии жрецов [22]. Остается только выяснить, так ли сурово наказывались притеснители земледельцев и ремесленников. Вряд ли. Правда, история поселянина из Соляного оазиса при всей ее фрагментарности все же свидетельствует, что фараон по крайней мере старался править по справедливости.

IV. ОХРАНА ПОРЯДКА

При последних Рамсесах невероятные события происходили в Фивах и, несомненно, по всему Египту. Кражи, злоупотребления властью, прочие преступления случались во все времена и даже при лучших из фараонов, но еще никто никогда не видел организованных банд, которые грабили гробницы и храмы, где таились огромные богатства, охраняемые главным образом наивностью и суеверием народа. Начиная с Древнего царства египтяне высекали на видном месте большими иероглифами предупреждение тому, кто будет вести себя недостойно в гробнице, кто ограбит или повредит статую, росписи, надписи или любой предмет погребального культа. За это ему обещали жестокие кары: «Того, кто содеет подобное против того-то, да сожрет его крокодил в воде, да укусит его змея

на земле! Никогда ему не совершат [погребальных] церемоний. Сам бог осудит его» [23].

Позднее один номарх Сиута, который весьма опасался, что его гробницу могут осквернить, тем более что он сам захватил более древнюю гробницу, приказал в ней высечь более подробное предупреждение: «Любой человек, будь он писец, мудрец, горожанин или из простых людей, если он возвысит голос в этой гробнице, если он повредит надписи или разобьет статуи, испытает на себе гнев Тота, самого строгого из богов, испытает на себе ножи палачей фараона, пребывающего в великих дворцах. Его боги не получат хлеба».

И напротив, номарх благословляет почтительного посетителя, который доживет до старости в его городе и станет «имаху», почитаемым в его номе [24].

Египтяне Нового царства не утратили доверия к этим предупредительным надписям. Когда Менмаатра нашел воду в пустыне, поблизости от золотых рудников, он построил там святилище, посвященное Амону-Ра и другим божествам, не только им в благодарность, но главным образом для того, чтобы они защищали тех, кто моет золото и кто доставляет его в царскую казну. Если будущие правители исполнят волю Менмаатра, Амон, Хорахти и Татенен ниспошлют им сладостное царствование на земле и победу над всеми чужеземными странами и над Землей Лука. Но если какой-нибудь царь нарушит его планы, он ответит в Оне перед уже более страшным судом. «Князя», который угонит рудокопов и пошлет их на другие работы, ожидает еще более страшная кара: «Пламя сожжет его плоть! Сияющая растерзает его члены. И всякий человек, который останется глух к его повелениям, увидит: Осирис встанет за его спиной, Исида — за спиной его жены, Хор — позади его детей вместе с владыками Та-джесер, исполняющими свой долг» [25].

Верховный жрец Амона, Херихор, поставил свою статую в храме, чтобы она была поблизости от бога и народ приветствовал ее на торжественных процессиях. Горе тому, кто сдвинет ее с места, даже через многие годы! «Он познает гнев Амона, Мут и Хонсу. Его имя больше не будет существовать на земле Египта. Он умрет от голода и жажды» [26].

Аменхотеп III издал указ, определяющий статус дворца Ка его фаворита Аменхотепа, сына Хапу: святилище будет находиться под покровительством Амона-Ра, царя богов, пока оно стоит на земле. На любого, кто повредит

его, обрушится ярость Амона: «Он предаст их огню царя в день его гнева. Его урей извергнет пламя им в лицо, сожжет их плоть, растерзает их тела. Они станут подобны Апопи * утром дня Нового года. Они не смогут проглотить жертвоприношения покойным. Им никто не нальет воду реки. Их сыновья не займут их место. Их жен изнасилуют у них на глазах... Они погибнут от ножа в день побоища. Тела их истощатся и ослабнут, потому что они будут голодать и у них не будет пищи» [27].

Так было раньше. Страх перед богами, ужас перед загробными карами оберегали храмы и гробницы, пока честная и бдительная стража охраняла некрополь к западу от Фив. Но вот пришел день, когда стража забыла о своем долге. С этого дня все угрожающие надписи утратили свое могущество.

Первые ограбления некрополя произошли, как нам известно, на четырнадцатом году правления Рамсеса IX, однако в действительности они были далеко не первыми. Гробницы грабили годами, но отвечавший за некрополь «князь Запада», которому подчинялись стража, меджаи и многочисленные сторожа, не шевелил и пальцем, чтобы положить конец этим преступлениям. Только Пасер, «князь Города», которого такие дела в общем-то не касались, раскрыл этот скандал в донесении везиру и комиссии из высших чиновников. Донесение было тревожным. «Князь Запада», глава меджаев Паура, под давлением прямых улик был вынужден провести расследование силами своих стражей. Проверили ряд гробниц в северной части некрополя, начиная с гробницы Аменхотепа I, добрую память о котором хранили все жители левого берега. «Князь Города» в своем донесении утверждал, что гробница осквернена. Но он ошибся. Гробница оказалась в полной сохранности, как и гробница вблизи храма того же Аменхотепа, пользовавшегося большой популярностью, потому что там стояла статуя фараона Интефа с его собакой Бахика у ног. Грабители пытались ограбить две соседние гробницы, но им не удалось проникнуть в погребальные комнаты. Зато им удалось ограбить дочиста гробницу фараона Сехемрашедтауи, сына солнца Себекемсафа. Камера, где покоился фараон со своей супругой, царицей Небхас, оказалась совершенно пустой. Пять других царских гробниц уцелели, однако из четырех гробниц пев-

* Апопи, Апоп — гигантский змей, враг солнца, над которым Ра неизменно одерживал победу, благодаря чему наступал новый день.

цов храма Амона-Ра, царя богов, две были вскрыты. Что касается соседнего некрополя, где покоились певцы, их предки и простые горожане, то он представлял собой плачевное зрелище. Здесь все гробницы были ограблены. Преступники вытащили мумии из деревянных и каменных гробов и бросили на землю, сняв золотые и серебряные украшения и прихватив всю погребальную утварь. Кое-кого из грабителей удалось задержать. Протокол их допроса Паура тоже отослал следственной комиссии.

И ему, и судейским чиновникам нечем было гордиться, им следовало думать, как поскорее переловить грабителей и как наказать всех тех, кто по своей нерадивости или по сговору с ворами допустил все эти ужасные преступления. Вместо этого они обрушили свой гнев на «князя Города» Пасера, который пробудил их от сонного бдения, а теперь собирался послать доклад самому фараону, что грозило им всем арестом. Чтобы избавиться от этого возмутителя спокойствия, ему подсунули фальшивого свидетеля, медника Пахара, который рассказал, как он со своей шайкой грабил великие жилища предков. «Князь Запада» Паура, прекрасно зная, чего стоят эти россказни, провел по ним следствие и доказал свою полную невиновность в данном деле. Затем собралась комиссия во главе с везиром. Она вызвала медника Пахара с его мнимыми сообщниками, обвинителя и всех, кого он хотел притянуть к ответу. Везир изложил суть дела и выводы следствия:

«И вот, когда я... проверял эти великие гробницы, относительно которых „князь Города" сказал, что их достигли медники храма Усермаатрамериамона, да будет он жив, невредим и здоров, в доме Амона, мы нашли их целыми и мы нашли ложным все, что он сказал. Вот эти медники стоят перед нами; дайте им сказать все, что случилось» (перевод И. М. Лурье).

Работников допросили и устроили им очную ставку с Пасером. Выяснилось, что они не знали ни одного вечного жилища в некрополе фараона, о которых говорил «князь Города». Таким образом, Пасера уличили во лжи. Работники, припадлежавшие верховному жрецу Амона-Ра, царю богов, кстати личности весьма подозрительные, были освобождены [28].

Стражники хотели бы вообще закрыть глаза на преступления грабителей, но им в руки попались воры, которые обчистили гробницу фараона Себекемсафа. Благодаря дошедшим до нас отрывкам их допроса мы можем

представить, как они действовали. Каменотес по имени Аменпанефер из владений Аменхотепа, верховного жреца Амона-Ра, царя богов, сговорился с семью другими ремесленниками, такими же каменотесами, как он, или пленниками и одним перевозчиком, весьма необходимым для их дела, потому что без него невозможно было многократно пересекать Нил с награбленной добычей, не возбуждая подозрений любопытных горожан. Они работали вместе уже четыре года и наконец решились ограбить пирамиду Себекемсафа:

«Она не была похожа на пирамиду и гробницы знатных, которые мы обычно грабили».

С помощью медных орудий они прорубили в пирамиде узкий лаз. На это ушло много дней, но они смогли всетаки добраться до подземных покоев. Они зажгли светильники, убрали последние препятствия и очутились в помещении, где стояли саркофаги фараона и его супруги. Однако грабители проникли сюда вовсе не для того, чтобы заниматься кропотливыми археологическими исследованиями. Не медля ни минуты, они сбросили крышки саркофагов и увидели в них деревянные позолоченные гробы. Грабители их вскрыли. Благородная мумия фараона покоилась в гробу, рядом с нею лежал меч, должно быть украшенный пальметками и охотничьими сценами, как меч царицы Аххетеп. Золотая маска закрывала лицо. На шее висели ожерелья и амулеты. Вся мумия была покрыта золотом. Грабители забрали все золото, серебро, медь и драгоценности. Гробы они сожгли. Золото потянуло 160 дебенов (14,5 килограмма). Они разделили его на восемь равных частей и переправились через Нил. Возможно, кто-то из них не умел держать язык за зубами, а может быть, они возбудили подозрение у городской стражи; так или иначе, Аменпанефера схватили и повели к Пасеру. Однако грабитель дал писцу квартала гавани двадцать дебенов золота, и тот отпустил его без лишних разговоров. Аменпанефер отыскал своих сообщников, и они по-честному снова разделили добычу. На сей раз каждому досталось только по семнадцать с половиной дебенов. Надо было возместить такую потерю, и шайка опять принялась за свои дела, которые шли вполне успешно, пока их наконец не схватили. Но грабитель заявил: «Многие жители страны воровали так же, как и мы, и не менее виновны, чем мы!»

Какое-то время восемь грабителей содержались под стражей. Затем решили передать их верховному жрецу

Амона, но к моменту перевода из городской тюрьмы в храмовое узилище их осталось всего трое, да еще один вор из другой шайки, насчитывавшей семнадцать человек. Все остальные сбежали. Судьи рассудили, что теперь их должен искать сам верховный жрец.

Три месяца спустя каменотеса Аменпанефера, чья мать уже была выслана в Нубию, все-таки поймали, и он предстал перед судом. После того как его попотчевали как следует палками, преступник дал новые показания. Вместе со своими сообщниками он ограбил гробницу третьего пророка Амона. Их было пятеро. Они вынесли наружу позолоченный деревянный саркофаг, бросив мумию в углу усыпальницы. Переправившись на остров Амонемипет, они взяли все золото, поделили его, а гроб сожгли. Аменпанефер продолжал свои гнусные дела, его ловили, отпускали, и вот наконец новый арест поставил его перед судьями [29].

Гробницы фараонов и частных лиц вначале привлекали только работников каменоломен, каменотесов и ремесленников некрополя. Но вскоре к их шайкам присоединились мелкие чиновники западных храмов и самого некрополя, а также низшие жрецы. Бандиты шайки, в которой были жрец Пенунхеб и его четверо священнослужителей, Хапиур, его сын Паисем, Семди и Панхар, ухитрились снять ожерелье со статуи Нефертума, посвященной великому богу, фараону Усермаатра-сетепенра. Эта драгоценность, после того как ее переплавили, потянула на четыре дебена и шесть китов золота. Хапиур сам поделил добычу между сообщниками, видимо, как старший по возрасту [30].

Другая шайка, в которой были жрецы, писцы и погонщики волов, ограбила «дом золота» фараона Усермаатра-сетепенра. Мы не знаем, что такое этот «дом золота» и где он точно находился. Его внешняя дверь из гранита с острова Абу запиралась медными засовами. Створки были обшиты золотом. Наверное, эту гробницу плохо охраняли. Жрец Кер и четверо его собратьев наведывались сюда не раз и уносили золото, которое обменивали в городе на зерно. Однажды один из соучастников, пастух, затеял с ними ссору: «Почему вы мне даете так мало?»

Они вернулись к своей неистощимой сокровищнице и принесли еще пять китов золота. Купив за эти сорок пять граммов золота быка, они отдали его пастуху. Но писец царских документов Сетимес, услышав перебранку между жрецами и пастухом, сказал им: «Я пойду и доложу верховному жрецу Амона!»

Жрецы поняли с полуслова. За две вылазки в гробницу они вынесли четыре с половиной кита золота и этим купили молчание писца царских документов.

Жрец Тутуи, один из служителей «дома золота», решил расширить район своих операций. Вместе со жрецом Несиамоном он добрался до небесных врат, взял оттуда все золото, а остальное предал огню [31]. Точно так же погибло огромное количество драгоценной утвари. Однажды грабители утащили носилки верховного жреца Амона Рамсеснахта, который был совсем недавно погребен. А вскоре другая шайка похищает такие же носилки великого бога Усермаатра-сетепенра и сорок «домов» фараона Менмаатра Сети, хранившиеся в сокровищнице дворца Усермаатра [32].

Донесения и допросы по поводу этих грабежей составили довольно толстый том. Однако они касаются только второстепенных дел, потому что в этих записях упомянута лишь одна ограбленная гробница фараона. А на самом деле почти все гробницы в Долине царей и в Долине цариц были вскрыты и ограблены в начале царствования XXI династии, то есть менее чем за тридцать лет.

Чтобы спасти мумии фараонов, везиры и великие жрецы Амона решили извлечь их из саркофагов и захоронить без всяких украшений и золотых масок, в одних только пеленах и в простых гробах в каком-нибудь тайном месте.

Грабители, промышлявшие в этом районе, не добрались только до гробницы Тутанхамона и гробницы царицы Яххотеп. Мне кажется, гробницы Аменхотепов, Тутмосов, Сети и Рамсесов были ограблены работниками некрополя, хотя стражники могли бы легко покончить с этими бандами. Но при последних Рамсесах Египет раздирали междоусобные войны между приверженцами Амона и приверженцами Сетха, особенно многочисленными и активными в Коптосе, Оксиринхе, Телль-Модаме и Пер-Рамсесе. Наверное, во время этой жестокой гражданской войны сторонники Амона и Сетха, поочередно или все вместе, грабили великие гробницы под предлогом того, что противнику не должны достаться захороненные в них сокровища.

Пример был подан сверху, и маленькие люди с маленькими средствами последовали ему, тем более что в эти смутные времена жизнь неимоверно вздорожала. Продуктов не хватало, и меняли их только на золото или серебро. За быка просили сорок пять граммов золота. Со-

общники некоего Бухафа признаются, что за свою часть добычи приобрели кто поля, кто зерно и ткани, кто рабов. Покупка раба не могла остаться незамеченной, потому что подобные сделки регистрировались в официальных конторах. Поэтому судья, узнав, что люди малого достатка купили раба, интересуется, откуда такие средства.

«Судебный писец спрашивает фиванку по имени Иринефер:

— Что ты скажешь о серебре, которое принес Панехси, твой муж?

— Я его не видела.

Писец настаивает:

— На какие средства приобрела ты вместе с ним этих слуг?

— Я не видела серебра. Он приобрел их, когда он был далеко, когда он был там.

Судьи задают последний вопрос:

— Откуда серебро, которое Панехси велел переплавить для Себекемсафа?

— Я его выменяла на зерно в год гиен, когда все голодали» [33].

Суд не нашел нужным уточнять, что подразумевала обвиняемая под «годом гиен». Это было общепринятое выражение, однако нас оно немного смущает. Некоторые египтологи думают, что речь идет о тех годах, когда гиены забредали в Фивы, точно так же как волки иногда появлялись в предместьях наших больших городов в голодное время. Но другие полагают, что это всего лишь образное выражение. Возможно, «год гиен» — год, когда враги Амона захватили Фивы и разграбили все храмы и некрополи. Все были в панике. Один из грабителей кричит отцу одной женщины, который входил в шайку Бухафа: «Старый дурак, ни к чему не годный, если бы ты покончил с собой и бросился в Нил, кто бы тебя искал?» [34].

Рамсес III имел все основания молить богов, чтобы они даровали его сыну благополучное царствование. Он был провидцем и предчувствовал надвигающуюся катастрофу. Она произошла примерно через три четверти века после его смерти. Через четверть столетия или чуть больше Египет вышел из междоусобицы, потеряв почти все завоеванные земли, и обнаружилось то, чего не видывали со времен гиксосов,— разграбление вечных жилищ мертвых, но теперь этим занимались сами египтяне — ремесленники, писцы и жрецы.

Когда порядок был восстановлен, начались репрессии. Несомненно, уже при Рамсесе IX следственная комиссия под председательством везира, первого лица в Египте после фараона, занялась подсчетом убытков. Нам кажется, она не столько стремилась узнать истину, сколько старалась ее замолчать. Грабителей хватают. За малую толику золота их отпускают, и они снова берутся за свое дело. Они пользуются переводом из тюрьмы «князя Города» в тюрьму верховного жреца, чтобы преспокойно улизнуть. Но после того как в последние годы царствования Рамсеса IX ограбления гробниц возобновились, была создана новая следственная комиссия, в которую помимо везира входили царские кравчие, хранитель казны, два носителя опахал, писцы и глашатаи. На этот раз они действовали решительно. Довольно часто истцы обращались к статуе обожествленного царя, чтобы вернуть украденное или получить соответствующее вознаграждение. Однако дело слишком серьезное, поэтому священную статую оставляют в покое, а судьи, чтобы узнать истину, прибегают к испытанным средствам.

В начале судебного заседания, на котором происходил допрос главных обвиняемых по делу об ограблении великих жилищ, везир говорит пастуху Бухафу: «Ты был с шайкой. Бог тебя схватил. Он привел тебя сюда. Он отдал тебя во власть фараона. Назови мне всех людей, которые побывали вместе с тобой в этих великих жилищах!»

Обвиняемый не заставляет себя долго просить и называет шестерых сообщников. Но суду этого мало. Бухафа бьют палками. Он клянется сказать всю правду. Его допрашивают снова: «Скажи, каким путем ты добрался до великих жилищ, столь священных?»

Бухаф говорит, что гробница, куда он проник, уже была вскрыта, и его снова бьют палками, пока он не сдается: «Довольно, я [все] скажу!»

У него вырывают признание: он называет еще тринадцать имен и заявляет: «Как существует Амон, как существует правитель! Если будет обнаружен человек, который был вместе со мной, и я утаил его, я приму наказание вместо него!» [35].

И вот начинается долгий допрос сообщников, которые тоже называют во время следствия новые имена. Обвиняемые клянутся говорить только правду под страхом высылки в Нубию или быть изувеченными, или «поставленными

на дерево». Это выражение мы уже встречали неоднократно. Многие из тех, кто что-то замышлял против Рамсеса III, были «поставлены на дерево». Египтологи думают, что это означает «посадить на кол». Но мы в этом не уверены. На ассирийских рельефах мы видели посаженных на кол, но на египетских — ни разу. Зато иногда на них изображены привязанные к столбу преступники, избиваемые палками [36]. Поэтому я думаю, что преступника, которого «ставили на дерево», просто привязывали к столбу и, наверное, забивали палками насмерть. Иногда на вопросы судьи обвиняемый отвечал: «Горе мне, горе моей плоти!» Судья хладнокровно повторял вопрос и, если ответ, как обычно, его не удовлетворял, снова переходил к палкам. Били тремя способами, потому что в египетском языке для этого наказания было три термина: «беджен», «неджен» и «менини». Некоторые последовательно получали наказание всех трех сортов, но мы точно не знаем, чем они отличались. Били по спине, по ладоням и стопам. Это энергичное средство хорошо развязывало языки, однако не всегда. Часто судейский писец отмечает, что даже после второго и третьего битья обвиняемый ни в чем не признался. По-видимому, и после этого обвиняемого не отпускали. Иногда вставший в тупик судья, не получив от несчастного ни признаний, ни сведений, требовал, чтобы тот назвал свидетеля, который мог бы подтвердить правдивость его показаний. Освобождали обвиняемых редко.

Перед судом предстал трубач по имени Амонхау. Везир его спрашивает: «Каким способом ты вместе с возжигателем благовоний Шедсухонсу проник в великое жилище и вынес оттуда серебро, после того как там побывали воры?»

Тот отвечал: «Горе мне! Горе моей плоти! Это все Перипатау, трубач, с которым я поссорился и сказал ему: «„Ты будешь предан смерти за кражи, совершенные тобой в некрополе..“»

Его продолжали допрашивать, подвергнув битью палками по ладоням и стопам. Он сказал: «Я не видел никого, кроме того, кого уже назвал».

Его подвергли битью «неджен» два раза и битью «менини». Он сказал: «Я ничего не видел. О том, что видел, я уже сказал».

Допрос возобновился на десятый день четвертого месяца сезона «шему». Амонхау признали неповинным в этих кражах. Ему вернули воздух (свободу). Несчастный, право же, это заслужил [37].

Благодаря подобным документам мы присутствуем на многих допросах, однако решения суда до нас не дошли. Мы не знаем, какие были вынесены приговоры. Может быть, несчастные погибли под пытками, а может быть, окончили свои жалкие дни в рудниках или каменоломнях.

VI. ПРИЕМ ИНОЗЕМНЫХ ДАННИКОВ

Мы только что видели, что государственные служащие заботились главным образом о процветании царских владений, о сборе налогов, боролись с грабителями и творили суд. В голодные годы они кормили народ. Это были их обычные обязанности. Более почетные и лестные доставались немногим привилегированным. И, пожалуй, самой приятной обязанностью была встреча иноземных посланников, которые прибывали в Египет либо с военной контрибуцией, либо для того, чтобы быть принятыми «на воду фараона», либо чтобы сообщить ему, что в далекой стране заболела царевна и исцелить ее может только египетский врач или присутствие милостивого египетского бога.

Посланцы Речену, Нахарины и далеких азиатских стран могли по желанию прибыть по суше или морем. В первом случае их встречали пограничные отряды на заставе Пути Хора. Во втором — они приплывали на кораблях, очень похожих на египетские. И это неудивительно, потому что египтяне в корабельном деле были учениками корабелов Библа.

Прибыв в порт, сирийские капитаны возжигали смолистые курения и широкими жестами выражали свою радость по случаю счастливого завершения долгого плавания. Они быстро выгружали свои товары, а египтяне тем временем открывали на набережной «харчевни» и «пивнушки». Вскоре появлялся египетский чиновник и вел гостей к везиру. Шествие было веселым и пестрым. Поглазеть на него собирались, наверное, толпы. Художники, которым предстояло изобразить иноземных гостей в гробнице везира, изучали их с пристальным вниманием. Одни гости были в набедренных повязках, вышитых разноцветными шерстяными нитками, с кисточками,— другие — в длинных одеяниях с рукавами, с застежками спереди в виде шнурка или крючков, третьи — в широких шерстяных накидках. У некоторых висел на шее медальон. Женщины — в платьях с воланами.

Слуги вели лошадей, медведей, слонов ростом чуть больше теленка, несли на плечах кувшины с терпентином, смолой, медом и растительным маслом и корзины, полные золота или лазурита. Но больше всего египтяне ценили иноземные изделия — оружие и колесницы, украшения и металлические сосуды. Сирийцы достигли в изготовлении этих предметов поразительного мастерства. Они уже не довольствовались, как в начале XVIII династии, сосудами с ручками в виде растений, чашами со скромным рисунком или с искусственными цветами внутри, а производили теперь огромные вазы на ножках, сплошь украшенные гравировкой или инкрустацией, где растения, фигуры людей и животных переплетались вокруг ножки, на боках и на крышке. Здесь были и вазы с тремя горлышками. Крышки имели форму головы бога Бэса или грифона. Чаши напоминали теперь многоэтажные дворцы или подножия для сфинкса с женской головой. А иногда, наоборот, чашу поддерживали двое мужчин, стоящих спина к спине.

Отметим еще жезлы из настоящих или искусственных слоновых бивней с богатой резьбой и насаженными на них набалдашниками в виде головы бога Бэса или женской головки. Подобные вещи не имели никакого практического применения. Это были чисто парадные украшения. Возможно, поэтому они так нравились египтянам, которые в своих мастерских делали с них упрощенные копии. Насколько велик был интерес к этим иноземным безделушкам, можно судить по той тщательности, с которой они воспроизведены в ряде гробниц, например в гробнице Амисеба [38].

Посланцы южных стран не уступали по своей живописности азиатам. Увешанные ожерельями, с хвостами пантер, привязанными к рукам, с обритой головой, на которой оставались три пучка волос, они шли, приплясывая, под звуки тамбурина. Их жены в одной лишь юбке или в платье с воланами несли в корзинах на спине до четырех детей сразу. Мужчины приносили кожаные щиты, слоновую кость, страусовые перья и яйца, шкуры пантер, кувшины и мешки. Они вели за собой на веревке обезьян, гепардов и длинношеих жирафов.

Однако ни одно из этих шествий не может сравниться с торжественным кортежем царского сына Куша Хеви, представшим перед Тутанхамоном [39]. Большинство нубийцев надели египетское платье, однако сохранили кое-что из своих «национальных» украшений. Их длинные волосы

образуют на голове нечто вроде шапочки с диадемой и страусовым пером. В ушах у них тяжелые серьги. Шея охвачена ожерельем. На запястьях сверкают массивные браслеты. У некоторых на плечах шкура пантеры, а поверх нее — пояс, перевязь и передник с изображенными на них солнечными дисками с лучами. Вожди с достоинством выступают в прозрачных гофрированных одеждах, на груди у них — египетские ожерелья, на ногах — сандалии. У детей, как и у детей египтян, на правую щеку падает косичка. К рукам привязаны хвосты пантер. У носильщиков даров в ушах простые кольца, но у знати серьги представляют собой золотые диски с подвесками.

В шествии участвуют воины, которые преклоняют колени и просят даровать им «дыхание жизни». Носильщики протягивают на подносах мешочки с золотом и золотые кольца, другие несут шкуры пантер и жирафов, бычьи шкуры с головами. Группа вождей идет впереди колесницы своего царя, очень похожей на азиатскую или египетскую; над ней даже установлен великолепный зонт из страусовых перьев. Но влекут ее не кони, а два безрогих быка. За колесницей следуют несколько пленников со связанными руками и петлей на шее. Шествие замыкают негритянки со своими младенцами в заплечных корзинах и в окружении детей с выбритыми по их обычаю макушками. Они обнажены по пояс. Как и у мужчин, у них в ушах серьги, на запястьях — массивные браслеты, к рукам привязаны хвосты пантер.

Народы юга не были столь изобретательны, как финикийцы, но и у них имелись весьма искусные ремесленники. Похоже на то, что египетские правители Нубии, которых называли царскими сыновьями Куша, всячески способствовали развитию местного искусства. Об этом можно судить по тому, с каким удовольствием Хеви смотрит на выставленные перед ним товары, прежде чем преподнести их своему суверену. Нубийцы изготовляли не только предметы, похожие на египетские,— кресла, кровати, подголовники и колесницы,— но и свое оружие, отличавшееся от оружия египтян. Их кожаные щиты в металлической окантовке, укрепленные металлическими гвоздями, нередко украшали часто повторяющиеся сценки. На одних мы видим сфинкса с головой барана, попирающего своих врагов, на других — фараона, пронзающего копьем нубийца. Но египтяне еще больше ценили золотые макеты негритянских деревушек, стоящих на дне корзины или же на маленьком столике. Хижина в форме очень крутой пирамиды

прячется в тени финиковых пальм и дум-пальм. Обезьяны и дети взбираются на пальмы за плодами. По деревне разгуливают жирафы со своими проводниками. Вокруг макета — коленопреклоненные негры. Ножки столика сделаны в виде фигурок негров, привязанных к столбам, с нанесенными на них царскими картушами. Это шедевр нубийского мастера, вдохновленного египетскими образцами.

Царский сын Куша, доставивший из южных стран подобные сокровища, не говоря уже о слитках золота, черном дереве и слоновой кости, который мог похвалиться, что в его владениях царят мир и порядок, поистине заслужил награду фараона.

Глава XI

ХРАМЫ

I. НАБОЖНОСТЬ ЕГИПТЯН

Египтяне, по словам Геродота, были самыми набожными из людей [1]. Они верили, что все на свете принадлежит богам, что боги — источник всеобщего процветания, что они знают все их помыслы и желания и могут в любой момент вмешаться в дела людей. Рамсес II, покинутый своими воинами и окруженный врагами в битве при Кадеше, сумел преодолеть все опасности и победить лишь потому, что голос его долетел до Фив и был услышан Амоном. Яркое солнце озаряло путь его невесты, хеттской царевны, лишь потому, что бог Сетх ни в чем не мог ему отказать. И если его экспедиция нашла в пустыне Икаита воду, то это тоже лишь потому, что отец его Хапи любит Рамсеса II больше, чем других царей, которые были до него.

Вера в то, что боги покровительствуют отдельным людям, порождала иногда безумные идеи. Фараон Аменхотеп III, например, пожелал при жизни узреть богов [2]. Принц Хорнахт, сын Осоркона II и царицы Каромамы, потребовал, чтобы божественный коршун помогал ему, когда он будет среди антилоп и небесных птиц [3], очевидно, для того, чтобы узнать их язык, доступный лишь немногим избранным, и выслушивать с их помощью повеления богов. И многие египтяне верили, что такие избранные могут повелевать природой, что им покорны земля и небо, день и ночь, горы и воды, пространство и время [4].

Впрочем, это было временное безумие. Рамсес III в Большом папирусе Харриса просил богов Египта, великих и малых, о самых простых и разумных вещах: для себя — счастливую вечность, для сына — чтобы он стал могучим и почитаемым царем, правил долго и чтобы Нил одарял его щедрыми разливами. Он полагал, что заслужил это, ибо боги поставили Рамсеса на место его отца, как они поставили Хора на место Осириса. Он не угнетал людей. Он не крал. Он исполнял волю богов.

Желания простых людей, богатых или бедных, куда скромнее. Бездетные родители просят Имхотепа даровать им ребенка. Бата, которого преследует обезумевший от ярости брат, вспоминает, что Хорахти умеет отличать ложь от истины, и полагается на него. Все верили, что боги пекутся о бедняках. Когда все оборачивалось против них, бог оставался их опорой, неподкупным судьей: он не заставлял свидетелей менять показания. На суде бедняк, у которого нет ни серебра, ни золота для писцов, ни одежд для их слуг, вдруг видит, что сам Амон принял облик везира, чтобы правда восторжествовала и слабый одержал верх над сильным [5]. Писец надеется, что бог Тот поможет ему стать более искусным: «Приди ко мне, Тот, священный ибис, бог любящий Шмун, главный писец Эннеады богов. Приди ко мне, направь меня, сделай меня умелым в твоем искусстве, ибо твое искусство — самое прекрасное. Ведомо каждому: кто владеет им в совершенстве, становится вельможей» [6].

Эта пылкая и в то же время рассудительная набожность часто ставит нас в тупик. Тяга богов к роскоши свойственна всем странам во все времена. Однако богатства египетских храмов в период Нового царства поистине невообразимы. С момента прихода к власти фараона Яхмоса в них скапливаются все излишки, все, что удается сэкономить. Главной заботой фараонов становится постройка новых и восстановление старых святилищ. Они расширяют и украшают древние храмы, заново возводят их стены, заменяя кирпичные на каменные, ставят новые ворота, строят священные ладьи, умножают статуи, меняют отечественное дерево на экзотическое, покрывают золотыми пластинками пирамидионы обелисков и стены великих гробниц, устанавливают во всех их покоях мебель, инкрустированную золотом и драгоценными камнями. Разумеется, во времена Эхнатона и, может быть, в малоизвестные годы, предшествовавшие царствованию Сетхнахта, кое-что было разрушено и утрачено: происходила как бы репетиция того, с чем пришлось столкнуться последним Рамсесам. Однако изобильные и славные годы правления других фараонов с успехом возмещали этот ущерб.

Подобно грекам и римлянам, мы удивляемся количеству и разнообразию египетских богов. На одном из папирусов Каирского музея изображена царская дочь жрица Исетемхеб на берегу водоема. Грациозным движением она простирается перед крокодилом, который лежит под деревом на другом берегу [7]. Без тени отвращения она пьет

воду, где только что плескалось это равнодушно взирающее на нее чудовище, ибо крокодил — это Себек, один из самых почитаемых богов. Два главных центра его культа находились: один в Фаюме, позднее названном греками Крокодилополем, и другой в Сумену южнее Фив, а храмы — почти по всей стране.

Жители Мемфиса и Она предпочитали крокодилу быка, которого первые называли Апис, а вторые — Мерур (Мневис). Быка Аписа отличали по особым признакам, известным еще греческим авторам [8]. Когда его находили в стаде, жрецы праздновали его рождение и торжественно вводили в храм Птаха. Священному быку давали лучший корм и осыпали почестями до конца его дней, а когда он умирал, вся страна погружалась в траур. Тело Аписа, или Мерура, мумифицировали и хоронили, как «князя».

В Шмуне священными считались ибисы [9]. Избранному ибису поклонялись, как богу. Со всего Египта приносили мертвых или мумифицированных ибисов и хоронили в огромной пещере. Всюду почитались священные соколы, и не только в городе Нехене, который греки позднее назовут Гиераконполь, но также напротив Нехена, в Нехебе, а также в Даманхуре («Городе Хора») или Санхуре («Защите Хора») и в других городах, например в Атрибисе, где древний некрополь был полностью восстановлен Джедхором Спасителем, а также в Танисе, где наша экспедиция недавно нашла мумии соколов в маленьких сосудах.

Жители Бубаста поклонялись кошке. В Имете богиней была ужасная змея Уаджет. Крестьяне Фиваиды приносили в жертву змее, которую, правда, называли другим именем, Рененутет, первые снопы нового урожая.

Однако божественные почести доставались не только животным и птицам. Растения тоже пользовались большим почетом. Парами и поодиночке египтяне с благоговением подходили к сикомору и протягивали руки, чтобы получить воду от богини, скрытой в этом дереве. Каждый город поклонялся своему священному дереву, однако местного божества было недостаточно, чтобы утолить религиозную жажду. В каждом мало-мальски значительном городе кроме местного бога почитались и другие божества из соседних городов, а то и из далеких стран. Когда Рамсес II основал свою столицу в Восточной Дельте, он собрал там целый синклит богов, где Амон соседствовал с Сетхом, своим бывшим и будущим противником, а Атум из Она, Птах из Мемфиса и другие египетские боги стоя-

ли рядом с финикийскими и сирийскими богами, потому что египтяне начали принимать в свои святилища богов соседних стран, как будто им не хватало своих собственных *. Убийца Осириса сменил свою собачью голову на человеческую и предстал в облачении Баала: на нем расшитый передник с кистями и остроконечный шлем с солнечным диском, двумя острыми рогами и длинной лентой, свисающей до земли. Вместо прежней его сестры, Исиды, теперь его родственницей стала ханаанейская Анат [10]. Когда Астарта пришла в Египет, ее признали «царицей всех богов» [11]. Как мы уже знаем, Рамсес II, построив для ожидания своей невесты крепость между Египтом и Сирией, не мог ее оставить без божественных покровителей: он выбрал на эту роль двух египетских богов и двух азиатских [12]. Начиная с царствования Тутанхамона ханаанейский бог Хорон, который, как и Хор, имел облик сокола, приобретает все большее влияние и, похоже, вытесняет древнего покровителя фараонов [13]. Мемфис, где целый квартал принадлежал выходцам из Тира, представлял собой как бы музей всех египетских и иноземных культов [14]. А стовратные Фивы могли бы с тем же успехом называться городом ста богов.

II. ЖРЕЦЫ

Мы знаем, что каждый храм был маленьким городом, где за храмовой оградой чиновники, стражники, ремесленники и земледельцы жили, как в самом обыкновенном городе. Они зависели от храма, однако не были его служителями. Это понятие распространялось, во-первых, на тех, кого называли «уаб», «чистый» или «ит печер», «божественный отец», а также «раб бога» — «хем нечер» и «херихеб» — человек, который держал во время церемоний пергаментный свиток с программой празднества, и, во-вторых,

* Представляется, что П. Монтэ преувеличивает роль азиатских божеств в египетском пантеоне. Проникшие в Долину Нила культы сильно египтизировались, и к концу Позднего царства многие из чужеземных культов не отличались от египетских (например богиня Кедшет (Кудшу), первоначально изображаемая обнаженной на льве, уже изображается в платье и без своего культового животного). Сутех — это египетский Сетх, приобретший лишь некоторые черты иконографии Баала (Балу). Нельзя говорить и о вытеснении Хора Хороном, так как последний — ипостась первого, популярная в районе великих пирамид. Для признания Хорона азиатским богом — недостаточно данных.

на членов «унуита» числом не менее двенадцати, потому что слово «унут» означает «час». Эти жрецы сменяли друг друга днем и ночью, обеспечивая как бы постоянное дежурство при божестве. Во многих храмах один из жрецов занимался подготовкой религиозных действ, о которых мы поговорим чуть позже. Жрец-сем не фигурирует среди жрецов Амона, зато он играл значительную роль в Оне и в Мемфисе. В Фивах во главе жрецов Амона стояли четыре «хему нечер». «Первый раб бога», несмотря на свой простой титул, был одним из самых влиятельных лиц в Египте. В Оне глава жрецов Атума назывался «великим провидцем», глава жрецов Птаха в Мемфисе — «великим начальником ремесленников», а в Шмуне главным жрецом храма Тота был «великий пятерик».

Во многих храмах, как и в храмах Амона, главным персонажем был служитель бога. Мы переняли от греков обычай называть этих «хему нечер» «пророками», потому что им приходилось иногда истолковывать волю богов, но этим не ограничивались их обязанности, да и вообще мы не знаем, являлось ли прорицание их привилегией. Но как бы они ни назывались, жрецы со времен Нового царства явно старались выделиться из общей массы населения. Они презирали гофрированное платье с рукавами и ходили только в набедренных повязках с длинным передником. Они наголо брили голову, никогда не носили ни бороды, ни усов.

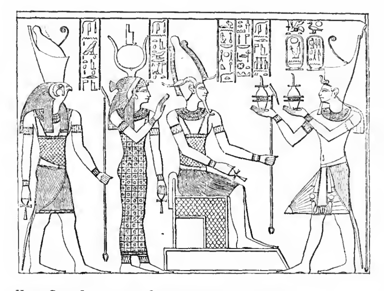
Точно так же как один храм принимал у себя многих богов, жрецы далеко не всегда служили всю жизнь одному и тому же богу. Сети, верховный жрец Сетха, был в то же время распорядителем празднеств Банебдеда и держателем свитка на церемониях Уаджет, «владычицы Обеих земель». Небуненеф, которого Рамсес II назначил верховным жрецом Амона, никогда до этого не принадлежал к служителям этого бога. Он был великим жрецом Инхара (греч. Онурис) в Тине и Хатхор в Дандара. Другой верховный жрец Амона, по имени Анен, не достиг у этого бога более высокой милости и утешился, когда его назначили великим провидцем и жрецом-сем в Оне Монту, городе в Фиванском номе.

В храмовых обрядах участвовало много женщин. У каждого храма были свои певицы, которые пели во время церемоний, потрясая систрами и трещотками. Они жили в семье, их присутствие в храме требовалось только в определенные дни, да и то на несколько часов. И наоборот, те, кого называли «хенеретет», постоянно находились в хра-

ме: слово «хенерет» означает одновременно тюрьму и самую закрытую часть храма или дворца. Их предводительница называлась «божественной женой» бога или «божественной рукой». Высказывалось предположение, что узницы этого божественного гарема были священными куртизанками, как в Библе. Однако у нас нет доказательств, что подобные священные блудницы существовали в Египте. Правда, некоторые певицы Амона отличались легкостью нравов и посещали порой злачные места, но судить обо всех служительницах бога по единственному примеру, приведенному в одном Туринском папирусе [15], было бы слишком строго. И это уж никак не доказывает, что храмовые певицы должны были, как женщины Библа в дни празднества Адониса, отдаваться чужеземцам и приносить в храм свои жалкие гроши, заработанные таким способом.

Точно так же как чиновниками обычно становились представители семей чиновников, жрецы почти всегда были сыновьями жрецов [16]. Мы уже знаем, что Бакенхонсу, сын второго жреца Амона, был отдан в школу в возрасте пяти лет, чтобы затем вступить в жреческое сословие. Все сыновья и внуки верховного жреца Рама-Раи тоже стали жрецами. Его старший сын оставался рядом с ним в качестве второго верховного жреца. Младший сын был жрецом в храме к западу от Фив. Внук стал уже «божественным отцом». Но бывало и так, что намерения семьи расходились с желаниями детей или менялись под влиянием обстоятельств. Одно официальное письмо сообщает нам, что везир представил трех юношей на должность жрецов при великой гробнице Мерентаха в храме Птаха. Однако какой-то дерзкий чиновник, наверное подобный тем, против кого ополчился Сети, пренебрег их саном, схватил трех юношей и отправил на север служить в войско. Это было явным превышением власти. Писец тотчас сообщил об этом факте и потребовал возвращения молодых людей [17].

Школьники, которые готовились стать жрецами, учились, как все дети, читать и писать, но кроме этого изучали еще многое другое. Они должны были знать образы богов, их эпитеты и атрибуты, все связанные с ними мифы и все относящиеся к ним обряды, что было далеко не просто [18]. По-видимому, по окончании обучения они держали экзамен. Тот, кто признавался достойным войти в жреческую корпорацию, снимал свои мирские одежды; его купали, брили наголо, умащали благовониями, и лишь затем в жреческом священном одеянии он вступал в «небес-

Царь Сети I приносит Осирису сосуды с вином. За Осирисом стоит его жена Исида и сын Хор

ный горизонт». Охваченный робостью перед божественным всемогуществом, он наконец приближался к богу в его святая святых [19].

III. КУЛЬТ

Обряд, совершаемый во всех храмах Египта во имя фараона и за его счет, происходил в глубокой тайне от всех, во мраке святая святых. Назначенный для этого жрец прежде всего очищался в «Доме Утра». Он брал курильницу, зажигал ее и шел к святилищу, очищая дымом терпентина все промежуточные покои. Наос, в котором находится статуя бога или богини из позолоченного дерева, еще закрыт. Жрец снимает глиняную печать, открывает обе створки, перед ним предстает статуя бога. Он простирается перед ней, обрызгивает статую благовониями, окуривает и читает над ней прославляющие молитвы. До сих пор бог был как бы безжизнен, а теперь жрец возвращает ему жизнь; он показывает ему сначала изображение глаза Хора, вырванного его врагом Сетхом и найденного богами, затем статуэтку Маат, богини истины, доче-

ри Ра. После этого бога выносят из наоса. Служитель совершает его туалет, как если бы перед ним находился сам фараон. Он омывает бога, умащает, одевает, обрызгивает благовониями, затем ставит его в наос и кладет перед ним пищу, которую позднее предают огню. После последних очищений натроном, водой и терпентином обряд завершается. Остается только закрыть наос, задвинуть засовы и наложить печать. Жрец удаляется, пятясь [20].

За эти заботы бог даровал фараону жизнь, и не только телесную, но и жизнь в единении с богом с бесконечными празднествами в грядущей вечности. Народ не принимал никакого участия в этом ежедневном обряде, но ему достаточно было знать, что фараон удостоился благословения своих божественных отцов и теперь их милости распространятся на весь Египет.

Простые люди брали свое в дни больших выходов бога к народу, но в ожидании этих великих празднеств каждый мог, должно быть за небольшое пожертвование, войти в дом бога, пересечь храмовой двор и священную рощу, приблизиться к парку, где разгуливал бык или баран, воплощавший бога, или к водоему, где плавал крокодил Себека. Ничто не мешало простому египтянину поставить, если он находился в Фивах, у подножия статуи Амона, а если дело происходило в Мемфисе — Птаха, маленькую известняковую стелу, на которой рядом с изображением бога были высечены ухо и глаз, но чаще множество ушей и глаз — три, девять, сорок восемь и до трехсот семидесяти восьми! Это — хитроумный способ заставить бога услышать и увидеть дарителя: теперь он мог просить бога о самых разных благах и милостях, кроме избавления от смерти, ибо смерть не внемлет мольбам [21].

Во всех храмах мы находим такие «целительные» статуи и стелы [22]. На одной стороне стелы обычно изображен голый младенец Хор, стоящий на крокодиле со змеями в руках, а над ним — гримасничающий Бэс. На другой стороне или на цоколе стелы начертан рассказ о том, как божественное дитя (Хор) в отсутствие его матери (Исиды) было ужалено змеей в болотах Ахбит. Царь богов, услышав стенания матери, повелел Тоту исцелить ребенка. Иногда надписи рассказывали, как Ра исцелил ужаленную скорпионом Баст, или о том, как Осирис, брошенный в Нил своим братом, чудом спасся от зубов крокодила. Статуи чаще всего изображали набожных людей, прославившихся при жизни как заклинатели змей. Статуя или стела обычно стояла на цоколе в центре маленького водоема, ко-

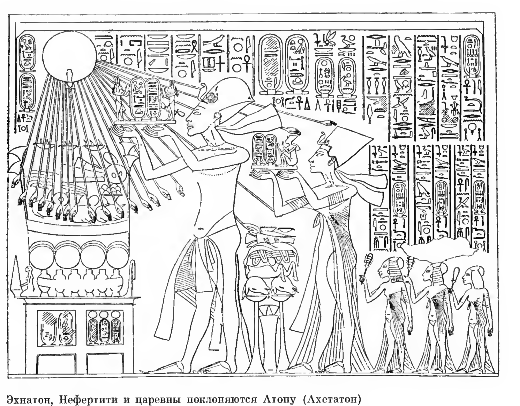
торый сообщался с другим, расположенным ниже водоемом. Когда приходил человек, укушенный змеей, статую или стелу обрызгивали водой. Стекая в нижний водоем, она приобретала целительные свойства и силу всех заговоров и заклинаний. Ее зачерпывали внизу, давали пить пострадавшему и говорили: «Яд не проникнет в его сердце, он не сожжет его грудь, ибо Хор его имя, Осирис — имя его отца, Нейт-плакальщица — имя его матери».

Исцеленному оставалось только отблагодарить «святого», спасшего ему жизнь горячей молитвой, что, впрочем, не избавляло его от необходимости оставить жрецу-уабу, или «божественному отцу», который зачерпывал целительную воду, маленький подарок.

Тем не менее эти скромные просители со своими скромными дарами чувствовали себя неловко в роскошных домах богов Мемфиса, Фив и больших городов. Они предпочитали видеть своих великих богов не в официальных храмах, а в маленьких святилищах.

Работники же некрополя избрали своей покровительницей богиню-змею Меретсегер, «Любящую молчание». Она обитала на вершине горы над поселком, и, когда они говорили «Вершина» («Вершина Запада»), трудно было понять, что они имеют в виду — богиню или ее жилище. Один служитель некрополя, по имени Неферабу, призвал однажды в свидетели правдивости своих слов Птаха и Вершину. Но оказалось, что он солгал. Вскоре он ослеп. Он признался в своем преступлении перед Птахом, погрузившим его во тьму среди бела дня. Он молил о милости этого бога, не оставляющего никаких проступков без справедливого суда. Однако это ему не помогло. Тогда Неферабу обратился с мольбой к Вершине Запада, великой и всемогущей. Эта богиня явилась к нему с прохладным ветерком. Она исцелила его от слепоты. «Ибо Вершина Запада милостива, когда ее умоляют» [23].

Маленькое святилище Меретсегер пользовалось большой популярностью, о чем можно судить по количеству найденных там стел и благодарственных надписей, причем эта богиня прекрасно уживалась с великими богами, чьи святилища располагались по соседству. Когда один работник некрополя заболел, его отец и брат обратились к Амону: он может спасти даже тех, кто уже на том свете. Царь богов явился, как северный ветер, как свежее дыхание, чтобы спасти несчастного, ибо он во гневе не каждый день. Гнев его быстро проходит, и от него не остается следа [24].

Эхнатон, Нефертити и царевны поклоняются Атону (Ахетатон)

Работники некрополя, избравшие своей покровительницей «Любящую молчание», имели еще одного покровителя, который первым из фараонов Нового царства повелел вырыть себе усыпальницу в Долине царей,— Аменхотепа I [25], первого работодателя и первого благодетеля для всех жителей района Дейр-эль-Медина. Его культ вскоре стал настолько популярен, что в Фивах на левом берегу ему воздвигли много святилищ. Были найдены остатки храма «Аменхотепа садов», «да будет он жив, невредим и здоров». Известны названия трех других храмов: «Аменхотеп — преддверие храма», «Аменхотеп, плывущий по водам» и «Аменхотеп — любимец Хатхор». Праздник в честь этого доброго покровителя длился четыре дня, и все эти дни работники некрополя со своими женами и детьми пили и пели не переставая. Все жрецы, несшие статую фараона, зонты и опахала, обрызгивавшие ее благовониями, служили в некрополе.

Они настолько верили в Аменхотепа, что обращались к нему за разрешением споров. Это мирное правосудие было куда более быстрое и несравненно менее накладное, чем правосудие везира и его писцов. Одна истица обращается к Аменхотепу с такими словами: «Приди ко мне, мой господин! Моя мать с моими братьями затеяли тяжбу со мной».

А дело заключалось в следующем: покойный отец истицы завещал ей две доли меди и назначил содержание в семь мер зерна. Мать же забрала всю медь и выдавала ей только по четыре меры зерна.

В другом случае столяр сделал гроб из своего дерева. Работу и материал оценили в тридцать один дебен. Однако хозяин соглашался уплатить только двадцать четыре дебена. Или еще. У резчика украли одежду. Он излагает свою жалобу статуе фараона: «Господин мой, приди сегодня! У меня украли мою одежду».

Писец читает список домов, видимо домов неплательщиков, и в том числе называет дом Амоннахта. Ответчик заявляет, что ни в чем не виноват: в то время он находился у дочери. Все обращаются к богу, и он подтверждает его слова. У другого работника некрополя, по имени Хаэмуас, несправедливо оспаривали право на дом. Снова обратились к статуе фараона, и она подтвердила права Хаэмуаса резким кивком головы.

Возможно, подражая обожествленному фараону, другие божества и даже великие боги тоже снисходили до простых смертных, давали им полезные советы или разрешали

сложные споры. Один начальник стражников присутствовал на процессии в честь Исиды. Божественный лик вдруг склонился к нему с борта священной ладьи. Вскоре этот человек получил повышение.

В столице чаще всего обращались за советом к великому фиванскому богу.

Одного из управляющих хозяйством Амона обвинили в хищениях. Статую бога поставили на священную ладью и перенесли в специальное помещение храма. Составили две противоречивые записки: «О Амон-Ра, царь богов, говорят, что этот Тутмос спрятал вещи, которые исчезли»,— гласила первая. На второй было написано: «О Амон-Ра, царь богов, говорят, что у этого Тутмоса нет ни одной вещи из числа тех, что исчезли».

Бога спросили, изволит ли он рассудить это дело. Бог ответил: «Да». Обе записки поместили перед ним, и Амон дважды указал на вторую, которая оправдывала обвиняемого. Тутмосу сразу вернули его должность и дали новые поручения.

Во время процессии верховный жрец спросил Амона, можно ли сократить срок изгнания одного человека, высланного в Большой оазис. Бог в знак согласия кивнул головой [26].

Царь богов не всегда отвечал простым смертным, зато с большой охотой разрешал важные государственные вопросы. Когда Рамсесу II в начале его царствования пришлось назначать верховного жреца Амона, он созвал совет, на котором в присутствии бога были названы один за другим все кандидаты, все, кто мог бы занять эту должность. Бог выразил свое удовлетворение, только услышав имя Небуненефа. Верховный жрец Херихор советовался с Хонсу по многим вопросам. Когда в Эфиопии трон остался без царя, многие вожди прошли перед Амоном, прежде чем он избрал одного из них правителем страны [27].

Имеющиеся у нас документы не дают достаточно ясного представления, каким образом бог выражал свою волю. Некоторые египтологи, очевидно припомнив известную главу из «Дон Кихота», решили, что египетские статуи тоже были подвижными и управлялись жрецами: они не могли говорить, однако могли поднять или опустить руку, кивнуть головой, открыть и закрыть рот. В Лувре хранится единственный известный нам экземпляр такой «говорящей» статуи. Это голова шакала с нижней подвижной челюстью. Анубис всегда стоял с открытой пастью; если потянуть за веревочку, пасть закрывалась [28].

В других случаях вопрошаемого бога жрецы вносили на носилках. Если он наклонялся вперед, значит, был согласен, если отклонялся назад или отступал, значит, не соглашался [29]. Не всегда ясны и последствия таких консультаций. Когда бог выбирал кандидата на какое-нибудь место, несомненно, выбор был сделан заранее. Когда бог оправдывал обвиняемого, дело прекращали. Ограбленному оставалось только продолжать поиски вора. Ну а если бог указывал на виновного? Самое лучшее было вернуть украденное или возместить его стоимость, потому что, если этот человек упорствовал, он рисковал получить за воровство и за ложь двойную порцию палок. Когда речь шла о разрешении спора, надо полагать, обе стороны заранее соглашались принять решение оракула, каким бы оно ни было. В храме Амона находилась тюрьма со стражниками-меджаями, всегда готовыми исполнить повеления бога.

IV. ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ВЫХОДЫ БОГОВ

Таким образом, верующие в любой момент могли прийти к богу в его храм, чтобы испросить совет, пожаловаться или поблагодарить. Но раз в год сам хозяин святилища торжественно выходил из своего обиталища и посещал город и его окрестности. Выхода бога ожидал с нетерпением и волнением весь город. Такие процессии некоторых богов привлекали жителей всего нома. Геродот видел ладьи, полные мужчин и женщин, которые плыли в Бубаст на празднества Баст. Женщины потрясали трещотками, мужчины играли на флейтах, пели и хлопали в ладоши. Когда они проплывали мимо города, веселье становилось еще более бурным. Паломники приветствовали горожан солеными шуточками. Те отвечали в таком же тоне. Многие, увлеченные общим порывом, бросали свои дела, покидали город и отправлялись на праздник. И он этого стоил: когда оканчивались обряды и жертвоприношения, семьсот тысяч паломников предавались безудержным наслаждениям. Веселье их было шумным и порой грубоватым, потому что, по словам Геродота, в эти дни в Бубасте выпивали больше вина, чем во всем Египте за целый год [30]. Впрочем, он, наверное, как всегда, немного преувеличивал.

V. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЫХОД МИНА

Присутствие фараона и его двора в столице придавало выходам некоторых богов размах всенародного празднества. При Рамсесе III день его коронации совпал с праздником Мина, покровителя Коптоса, «владыки пустынь» и бога плодородия; его отмечали в первый месяц сезона «шему», когда начинался сбор урожая[31]. Таким образом, фараон одновременно с богом становился героем торжества.

Великолепный, сверкающий, как восходящее солнце, Рамсес III, «да будет он жив, невредим и здоров», выходит из своего дворца. На парадных носилках он следует от дворца до жилища своего отца Мина, чтобы узреть его совершенство. Эти носилки представляют собой широкое кресло под балдахином с карнизом и четырьмя длинными ручками. Чтобы нести их, нужно по меньшей мере двенадцать человек. Боковины кресла украшают лев и сфинкс. Две крылатые богини изображены на спинке. Внизу укреплена скамеечка для ног с подушкой. Царские сыновья и высшие сановники государства спорят за честь нести парадные носилки фараона. Они защищают его от солнца зонтами из страусовых перьев и машут над ним опахалами на длинных ручках. Впереди идет внушительная группа из царских сыновей и сановников, которые несут символы царской власти: скипетр, бич, посох и мотыгу.

Среди жрецов можно заметить человека со свитком в руках; это — программа праздника, и он будет следить за ее соблюдением. Другой жрец протягивает фараону курильницу с благовониями в знак того, что последнему предстоит отпраздновать миллионы юбилеев и сотни тысяч лет вечности на своем троне. Перед самими носилками идет старший сын фараона, предполагаемый его наследник. За носилками следуют слуги и воины. Мы видим среди них тех, кто становился рядом с фараоном во главе войска, когда он бросался в бой или преследовал диких буйволов. Один из них несет скамеечку, на которую его величество поставит ногу, когда будет спускаться на землю. Воины вооружены булавами, щитами и копьями.

Когда кортеж доходит до жилища Мина, фараон сходит с носилок, становится лицом к святилищу и совершает обряд воскурения и возлияния. Затем он приносит жертвы своему отцу и получает от него дар жизни.

Двери святилища открываются. Теперь можно лицезреть красоту статуи бога. Строгое одеяние скрывает его

тело и ноги, которые Исида еще не отделила друг от друга, на голове у него ступообразный шлем с двумя прямыми перьями и свисающей от них до земли длинной лентой. К подбородку прикреплена накладная борода, на груди — ожерелье. В святилище Мина много различных элементов: коническая хижина в форме улья, похожая на хижины жителей Пунта, к ней примыкает тонкая колонна, увенчанная парой рогов, далее мачта с восемью растяжками, по которым карабкаются фигурки негров, и, наконец, грядка латука. Мин очень древний бог, он долго странствовал, прежде чем пришел в Коптос, и принес с собой довольно пестрый багаж.

Но вот прозвучал гимн, сопровождаемый танцами, статую бога выносят из святилища и ставят на носилки, которые поддерживают двадцать два жреца. Видны только их головы и ноги, остальное закрывает вышитая розетками накидка, свисающая с носилок. Другие жрецы идут спереди, сзади и по бокам, размахивая букетами цветов, опахалами и потрясая зонтами. Остальные несут ларцы с каноническими атрибутами божества. Небольшая группа жрецов поднимает на носилках ящик с латуком.

Теперь во главе процессии становится сам фараон. Он сменил синий шлем, в котором вышел из дворца, на корону Нижнего Египта, в руках у него посох и булава. Мы видим теперь и царицу, и еще одного участника процессии — белого быка; между рогами у него солнечный диск, украшенный двумя высокими перьями. Этот бык — воплощение бога; его называют «телец своей матери». Жрец с обритой головой и обнаженным торсом окуривает благовониями фараона, быка и статую бога.

За этой группой следуют носильщики с дарами и знаменосцы, которые несут штандарты и символы, сопровождавшие Мина в его выходах. Их обязательно выносят в дни его торжества. Это бич и булава, изображения шакалов, соколов, ибиса, символы номов, и среди них — II нома Нижнего Египта, родины Мина.

Далее идут жрецы с позолоченными деревянными статуями предков фараона на плечах. Первый несет статую, изображающую семью правящего фараона, второй — основателя царства, Мины (Менеса), третий — статую Небхепетра (Монтухотеп I), восстановившего единство страны, и далее — различных фараонов XVIII и XIX династий. В эту компанию не вошла царица Хатшепсут, которую ее племянник Тутмос III имел все основания ненавидеть. Разумеется, здесь нет и фараона-еретика Эхнатона с его пре-

емниками, и кое-кого из менее значительных правителей. Процессия совершает не одну остановку, прежде чем достигает специального алтаря, своей конечной цели. Во время одной из них исполняется второй гимн, сопровождаемый танцами, в котором, правда, почти ничего невозможно понять, потому что в нем множество тайных заклинаний, известных только самым ученым жрецам эпохи Рамессидов. Но чем непонятнее, тем лучше — значит, в этих заклинаниях истинная святость. Единственное, что можно уловить: боги танцуют перед Мином, а затем их сменяет негр, житель Пунта. Мина и в самом деле называли иногда «отцом негров» и изображали с черным лицом, потому что в жилах первых его почитателей была сильна примесь негритянской крови*.

Наконец процессия доходит до алтаря, места отдохновения бога. Мина ставят на алтарь. Двое жрецов с эмблемами богов-охранителей Востока стоят перед ним, пока фараон приносит богатые дары. Представления египтян о смысле этой части обряда — водружения статуи Мина на алтарь — объясняются словами гимна: «Приветствуем тебя, Мин, оплодотворяющий свою мать! Как таинственно то, что ты сделал с ней в темноте!»

И еще имеется отрывок из другого гимна, где говорится, что Мин, «телец своей матери», оплодотворил ее и посвятил ей свое сердце, когда его чресла были слиты с ее чреслами[32]. В действительности же Мин оплодотворил не мать, а Исиду, которая родит от него Хора, будущего повелителя Верхнего и Нижнего Египта.

В память об этом великом событии фараон надевает двойную корону. Его защищают теперь коршун Нехбет и урей Уаджет. Фараон должен послать стрелы во все четыре стороны света, чтобы поразить своих врагов, а затем выпустить четыре птицы, четырех детей Хора (Амсет, Хапи, Дуамутеф и Кебехсенуф); они оповестят всю землю, что фараон, повторив подвиг Хора, возложил на себя белую и красную короны.

Эти птицы — сизоворонки; они каждый год осенью прилетали с севера и весной улетали.

Восшествие на трон набожного и любимого богами фараона обеспечивало всему Египту процветание и всяческие

* Черный цвет скорее символизировал плодородие бога, так же как и его культовое растение — латук. Подробнее о египетском происхождении культа Мина см.: *Павлова О. И.* Мин — владыка чужеземных стран.— Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. Л., 1985, с. 34—44.

блага. Но теперь следовало еще восславить плодородие страны. Статуи богов ставятся на землю. Помощники распорядителя церемонии окружают царя и царицу. Один из них подает фараону серп из позолоченной меди и пучок «бедет» вместе с корнями и землей — символ безбрежных полей Египта, простиравшихся от моря до порогов. Фараон срезает колосья так же высоко, как жнецы Фиваиды, а в это время жрец поет новый гимн в честь «Мина-на-возделанном-поле».

Мин, «владыка пустынь», прежде чем завоевать Коптос, действительно остановился в некогда плодородной долине, которая тянулась от этого города до долины Рахену. Он создал здесь пастбища для многочисленных стад. Снопик «бедет» подносят фараону и богу, но каждый оставляет себе по колоску. Поют последний гимн, в котором мать Мина прославляет силу своего сына, победителя всех врагов.

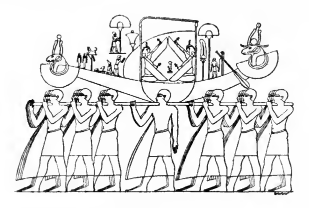
Этим гимном заканчивается церемония. Статую Мина относят обратно в храм. Фараон прощается с богом, возжигает благовония, совершает возлияния, жертвует новые дары. Мин коротко благодарит. Затем фараон вновь надевает синий шлем, который был на нем вначале, и возвращается во дворец.

Бог, фараон, члены царской семьи, жрецы и высшие чиновники являлись, насколько мы знаем, единственными актерами и статистами великого выхода Мина. Художники, изобразившие нам главные эпизоды этого действа на стенах Карнака и Мединет-Абу, забыли про народ. К тому же в это время года у земледельцев и без того хватало дел по горло. Но надо полагать, что в городах оставалось предостаточно незанятых людей, которые непременно выстроились бы вдоль всего церемониального пути бога Мина и его белого быка.

VI. ПРЕКРАСНЫЙ ПРАЗДНИК ОПЕТ

Веселый праздник Амона — Опет — в отличие от праздника Мина был поистине всенародным. Он происходил в течение второго и третьего месяца разлива, когда стояла самая высокая вода. Суда и лодки свободно ходили не только по Нилу и по каналам, но и прямо по затопленным полям [33]. Никто не решался передвигаться по дорогам-дамбам, подмытым волнами, зато на воду спускались все плавучие средства — от ладей до плотов.

Центром праздника был храм в Опете (Ипет-сут, совр. Карнак) [34]. У подножия гигантских пилонов располагались бродячие торговцы. Они предлагали арбузы, гранаты, виноград, фиги и смоквы, ощипанную и готовую для жарки или уже изжаренную дичь и, конечно, хлеб. В храме жрецы сбивались с ног. Прежде всего требовалось извлечь из хранилищ переносные ладьи фиванских богов. Самой большой была ладья Амона. Ее легко узнать по двум бараньим головам — на носу и на корме. Ладью богини Мут украшали две женские головы с головными убо-

Жрецы несут ладью Амона

рами в виде коршунов, потому что имя супруги Амона писалось с иероглифом «коршун». Третья ладья с головами соколов принадлежала Хонсу. Носильщики пересекали дворы с этими ладьями на плечах, проходили между пилонами и углублялись в аллею сфинксов с бараньими головами, которая входила в огромный храмовой комплекс. На них были надеты только длинные юбки с бретелькой через плечо. Впереди шагал музыкант с тамбурином. Жрецы в накинутых на плечи шкурах пантер возжигали в курильницах с ручкой терпентин, сыпали песок, размахивали зонтами и опахалами.

У набережной стояла целая флотилия. Настоящие ладьи Амона, его супруги и Хонсу не имели ничего общего с переносными моделями, только что извлеченными из храмовых тайников. Это целые плавучие храмы длиной от ста двадцати до ста тридцати локтей, то есть гораздо крупнее большинства нильских судов, от которых к тому же

отличались неслыханной роскошью. Они были построены из настоящей пихты и вполне годились для плавания, несмотря на огромный груз золота, серебра, меди, бирюзы и лазурита. Одного золота приходилось на судно четыре с половиной тонны! Корпус украшался наподобие храмовых стен рельефами, на которых фараон совершал ритуальные обряды в честь Амона. На палубе посередине ладьи возвышалась большая кабина, целый дом под балдахином, где хранились переносные ладьи, статуи и священные принадлежности для церемоний в храме. Перед этой кабиной, как перед настоящим храмом, стояли два обелиска и четыре мачты с лентами. Всюду на палубе видны статуи и сфинксы. Две гигантские головы барана украшали нос и корму. Ладьи Мут и Хонсу, а также царская ладья выглядели примерно так же и были чуть меньше ладьи Амона.

Чтобы вывести эти тяжелые суда на большую воду, мобилизовали целое войско, вооруженное копьями, щитами и топорами на коротких ручках. По бокам становились матросы и знаменосцы со штандартами. Сначала исполнялся гимн в честь Амона. Затем все брались за канаты и и по команде начинали тащить священные ладьи под ободряющие возгласы толпы, собравшейся на набережной. Женщины потрясали систрами и трещотками. Мужчины хлопали в ладоши и под аккомпанемент тамбуринов распевали ливийские и воинские походные песни. Негры кружились в пляске. Среди толпы шли трубачи и воины с перьями в волосах.

Но вот самое трудное позади. Священные ладьи спущены на воды Нила. Здесь их берут на буксир суда под парусами или на веслах, которыми управляют капитаны. Суда всех форм и размеров сопровождают эту помпезную флотилию. Среди них можно заметить небольшую, изящную ладью в форме водоплавающей птицы с резной человеческой головой на рулевом весле. Она до бортов нагружена всякой провизией. Один человек поправляет что-то на лотке, другой складывает целую пирамиду из овощей и фруктов.

С обоих берегов Нила за этим грандиозным спектаклем наблюдают жители всей округи и по-своему принимают участие в празднике. Повсюду расставлены палатки с едой и напитками. Провизию подвозят со всех сторон. Гонят целые стада быков и телят, ведут газелей, каменных козлов и ориксов, несут корзины с птицей, фруктами и горшки с терпентином для воскурения. Быков забивают тут же

под открытым небом, быстро разделывают, и носильщикам остается сделать всего два шага, чтобы донести куски мяса до небольших строений с тонкими колоннами, где без устали трудятся повара. Ливийские воины не переставая бьют в тамбурины. Обнаженные до пояса танцовщицы пляшут под звуки систров и трещоток.

Цель этого священного плавания — «Ипут». Амон из Карнака на несколько дней становился гостем Луксора, но нам неизвестно, как он проводил там время. В сущности, Амон — выскочка среди древних египетских богов. Он обосновался в Фивах, когда давно уже началась династическая эпоха. Египтяне дали ему в супруги Мут и сделали Хонсу его сыном, потому что как-то неудобно самому могущественному богу быть без семьи, но о нем нет ни одного мифа.

Правда, Амон унаследовал от Мина несколько эпитетов и атрибутов и мог с тем же успехом позаимствовать несколько эпизодов из мифов о нем *. Поэтому не исключено, что во время этих бесконечных празднеств показывались какие-то более или менее интересные эпизоды из деяний Амона, например в присутствии фараона могли вспомнить о его чудодейственной помощи Рамсесу II, окруженному «подлыми» воинами Хатти.

Праздник завершался не менее торжественным возвращением священной флотилии. С кораблей снимали переносные ладьи и уносили в чехлах, из которых они были извлечены двадцать четыре дня назад. Тот же самый кортеж под звуки тамбуринов, но, может быть, уже не так весело, проходил обратно по аллее сфинксов с бараньими головами до врат храма. Теперь фараон мог быть уверен, что боги даруют ему всевозможные блага и милости — «долголетие Ра, должность Атума, годы вечности на троне Хора в радости и мужестве, победу над всеми странами, силу отца его Амона ежедневно, царство обеих земель, молодость плоти, незыблемые памятники, вечные как небо.

Что касается народа, то он пил, ел, пел, плясал и веселился почти целый месяц. Он насытился великолепным зрелищем и чувствовал, что его благополучие и процветание, свобода и сама жизнь зависят от этого подобного богам человека, который сопровождал отца своего Амона на пути между двумя великими святилищами.

---

* См.: *Павлова О. И.* Амон фиванский. Ранняя история культа (V—XVII династии). М., 1984.

VII. ПРАЗДНИК ДОЛИНЫ

Священная ладья Амона еще раз снималась с якоря для другого празднества — праздника Долины [35]. Она пересекала Нил, «ведомая богами». Это выражение некоторые переводчики истолковывают в том смысле, что ладью вели на буксире люди в одеяниях и масках богов наподобие приверженцев фетишизма в Экваториальной Африке. Но такое объяснение слишком уж примитивно. С тем же успехом можно утверждать, что врачи, повитухи, сиделки и кормилицы, которые ухаживали за царицей и ее новорожденным, одевались богами, чьи изображения мы видим на стенах Луксора и Дейр-эль-Бахри. Эти изображения показывают, что боги внимательно следили за всем, что касалось фараона, и были ему благодарны за все труды и заботы, которые он проявил, украшая священный град Амона.

Праздник Долины не столь долгий, как праздник Опет: он длился всего десять дней. Фараон выходил из дворца в таком же парадном одеянии в сопровождении носителей зонта и слуг. Перед тем как войти в храм, он надевал роскошную набедренную повязку и один из самых богатых головных уборов, который состоял из солнечного диска, перьев, уреев, рогов быка и рогов барана. Он приглашал Амона посетить храмы левого берега. Главным его местом отдохновения будет гипостильный зал Рамессеума. Там к царю богов явятся боги-покровители мертвых. Например, жрецы, окруженные служителями с зонтами и опахалами, приносили на носилках статую обожествленного фараона Аменхотепа I из его храма. Священная ладья ожидала его на соседнем канале, чтобы переправить к праздничной ладье Амона [36]. Когда оба бога встречались, совершались церемонии во славу всех бесчисленных мертвецов, покоившихся в недрах Западных гор.

VIII. МИСТЕРИИ

Выходы богов не привлекали бы столько народа, если бы организаторы церемоний не разнообразили эти зрелища. Сколько можно любоваться раззолоченными ладьями и плясать под звуки тамбуринов? Для того чтобы вызвать интерес публики, жрецы издавна придумали изображать перед нею в лицах самые волнующие эпизоды из жизни богов и даже привлекать к этим действам самих палом-

ников, так что становилось еще интереснее. Египтяне знали: Осирис был милостивым и добрым богом, Сетх убил его и бросил тело в Нил, все знали, как оно доплыло до Библа и как было возвращено в Египет. Поэтому всех занимало представление этой великой драмы, и многие даже стремились в нем участвовать в качестве статистов, оставляя главные роли профессионалам.

Эти мистерии из жизни Осириса с особым блеском представляли в Абидосе и Бусирисе. Служители тщательно готовили костюмы, декорации и все необходимые аксессуары [37]. Представление начиналось с большой процессии во главе с богом Упуаутом — «Открывателем путей». «Враги» пытались ее задержать, но процессия все-таки вошла в святилище. На второй день «спектакль» продолжался: изображалось убийство бога или же о нем просто рассказывали. Участники выражали великую боль и горе. Большая процессия направлялась к гробнице. На последнем «представлении» зрители видели избиение врагов Осириса, и весь народ ликовал, когда воскресший бог возвращался в Абидос на ладье «нешмет» и входил в свой дворец. В Бусирисе воздвигали с помощью канатов фетиш Осириса. Толпа плясала и веселилась. Две группы статистов, представлявших жителей соседних городов Пе и Депа, дрались между собой кулаками и ногами, предваряя появление Хора.

В Саисе, где Геродот видел ночное представление на круглом озере, вероятно, изображали весь цикл страстей Осириса, вплоть до его чудесного возвращения из Библа и превращения бога в колонну.

Геродот сумел посетить на северо-востоке Египта город Папремис, посвященный Сетху, убийце Осириса. Там он увидел «представление» подобного же рода, и это неудивительно, потому что Сетх был воинственным божеством. Статую бога в наосе вынесли за пределы святилища и оставили под охраной жрецов. Когда настал момент возвращения, ее установили на четырехколесную повозку. Более тысячи мужчин, вооруженных дубинками, напали на маленькую группу, охранявшую статую. Но к ней подоспело подкрепление. Началась настоящая свалка! Никто уже не считал подбитых глаз и проломленных черепов, хотя местные жители утверждали, что это лишь игра. А речь шла о том, чтобы напомнить зрителям, как Сетх хотел войти к своей матери, а слуги не узнали его и не пускали. Сетх отступил, но вскоре вернулся с подкреплением и разбил всех, кто хотел его задержать [38].

В Омбосе, в Верхнем Египте, Ювенал * увидел аналогичное представление, но он был менее прозорлив, чем Геродот, и его ослепляло презрение к египтянам, а поэтому он решил, что присутствует при настоящем сражении между двумя враждебными кланами. Старая ненависть, говорит он, разделяет Омбос и Тентюру (Дандара), ибо каждый из этих городов презирает богов другого города. В одном из них шел праздник. Там установили столы и ложа на семь дней. Люди плясали под звуки флейт. Внезапно ворвались чужаки. Началась потасовка. Вначале дрались кулаками, потом камнями, а потом полетели стрелы. Наконец, жители Тентюры убежали, оставив на месте одного из своих. Жители Омбоса схватили его, разрубили на куски и сожрали сырым [39].

В действительности же Омбос, который египтяне называли Небетом, был городом Сетха, а Тентюра — владением Хатхор. Во многих соседних полях происходили сражения матери Хора и ее сподвижников с развратным и воинственным богом [40]. Именно такие сражения представлялись здесь в позднюю эпоху, и, конечно, они не обходились без ругани и увечий.

Во всех номах и городах местные мифы давали богатый материал для драматических представлений. Глядя на роскошь храмов, на многочисленных жрецов и служителей, которые участвовали в церемониях, трудно себе представить, какими смутьянами и фрондерами были египтяне в действительности.

Да, фараона почитали как бога и приближались к нему с трепетом, но в народных сказках фараона награждают пятьюстами палочными ударами [41], его обманывают жены, он ни на что не может сам решиться, он игрушка в руках своих советников и судей, строители обворовывают его как хотят.

Боги тоже наделены всеми грехами и пороками, всеми недостатками и смешными чертами жалкого рода людского. Верховное собрание богов должно было решить, кому достанется место Осириса — Хору или Сетху **. Восемьдесят лет они спорили, и восемьдесят лет оба кандидата ждали их решения. Распутство Сетха можно сравнить только с его глупостью и доверчивостью. Побитый, Хор

* Ювенал (ок. 60 — ок. 127 гг.) — древнеримский поэт-сатирик. Согласно античной традиции, умер в Египте, в ссылке.

** *Матье М. Э.* Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956, с. 103—111; Сказки и повести Древнего Египта. М., 1979, с. 108—128.

плачет, как ребенок. Нейт *, призванная к властелину вселенной, желая показать, как она относится к его решениям, бесстыдно задирает перед ним юбку [42]. В один прекрасный день богу Шу надоело править миром. Он улетает на небо. Его заместитель Геб задумал возложить на себя урея, который помогал Шу одерживать победы над всеми врагами. О тщеславный! Едва протянул он руку к ларцу с уреем, священная кобра поднялась из ларца и извергла на бога свой яд. Обожженный, Геб долго метался в поисках целительного средства [43].

В народных драмах, которые разыгрывались в самом храме или в ограде храма, перед колоннами или на священном водоеме, к богам относились довольно фамильярно. Актеры не только изображали эпизоды из мифов о божествах, но и заставляли говорить богов. До нас не дошло ни одной египетской драмы, поэтому нам приходится довольствоваться несколькими такими текстами, как, например, «драматический» папирус Рамессеума, скопированный по приказу Шабаки с оригинала. В текстах приведены только несколько заголовков отдельных сцен, а также реплики и обрывки разговоров, высеченные рядом со сценками из частной жизни в гробницах, прежде всего в гробницах Древнего царства.

Но существование такого театра можно считать доказанным, особенно после того, как экспедиция Французского института восточной археологии нашла в Эдфу стелу профессионального актера с такой надписью: «Я сопровождал моего господина в его поездках и всегда декламировал безупречно. Я всегда подавал реплики моему господину, когда он декламировал. Он был богом, я — его подданным. Если он убивал, я оживлял» [44].

Эти театральные представления, вне всякого сомнения, были основной приманкой на праздниках, которые продолжались много дней и все же не надоедали египетской публике.

IX. «ДОМ ЖИЗНИ»

В ограде многих храмов находились школы, но не просто школы, где дети учились читать и писать, а специальные школы для рисовальщиков, резчиков и скульпторов,

---

* Согласно мифу, это делает Хатхор, а не Нейт. Спорна мотивировка действий богини: скорее всего, она хотела развеселить Ра.

отдававших свой талант на прославление богов и фараона. При них были библиотеки, где хранились архивы храма и всевозможные тексты, переписанные армией писцов, а также назидательные и литературные произведения, которые могли понадобиться школьникам, и различные технические устройства.

Фараон Неферхотеп пожелал посоветоваться с книгами Атума. Придворный ему говорит: «Пусть твое величество войдет в библиотеки и пусть твое величество увидит все священные слова!»

Действительно, фараон нашел книгу дома Осириса-Хентиаментиу, властителя Абидоса [45]. А в некоторых храмах были еще более значительные учреждения, которые назывались «домом жизни» [46].

Фараон Рамсес IV часто посещал «дом жизни» в Абидосе. Изучая хранившиеся там «Анналы Тота», он узнал, что «Осирис — самый таинственный из всех богов. Он — луна. Он — Нил. Он — тот, кто царит в ином мире. Каждый вечер бог солнца спускается к нему, и [они] образуют душу единую, которая правит миром, и Тот записывает их повеления». Перечитывая эти «Анналы» — он знал их так хорошо, как будто написал сам,— фараон понял, какой это богатый и разнообразный материал, и как много можно извлечь из него полезного. Пожелав для себя саркофаг из камня «бехен» из долины Рахену, фараон нашел в «Анналах» рассказ о предыдущих экспедициях, доставлявших для некрополей и храмов саркофаги и статуи. Назначая «князей», военачальников и высших чиновников в штаб своей экспедиции, он не забыл включить в него писца «дома жизни». Другой Рамсес, который принимал посла царя страны Бахтан, прежде чем ответить ему, счел своим долгом проконсультироваться с писцом «дома жизни». При Птолемее Филадельфе нашли нового священного барана. Жители Мендеса направили фараону петицию с просьбой показать его писцам «дома жизни», чтобы они его осмотрели. Из Канопского декрета мы знаем, что эти писцы занимались астрономией. Но они занимались и политикой. Так, два писца «дома жизни» участвовали в заговоре против Рамсеса III.

Из этих и некоторых других свидетельств очевидно, что «дом жизни» был собранием ученых, жрецов и мудрецов. Они хранили религиозные традиции, составляли «Анналы» фараонов и храмов, записывали научные открытия и технические изобретения. Здесь, в «доме жизни», была придумана тайнопись — криптография. Вполне возможно,

что многие новшества и открытия появились в этих «домах жизни».

Таким образом, храм предстает перед нами как центр египетской жизни. Прежде всего это дом бога, где отправляют его культ, чтобы заслужить его милости. В то же время это экономический и интеллектуальный центр. Жрецы создали в храме мастерские и склады, школы и библиотеки. Именно в храме, и только в храме Платон мог встретиться с учеными и философами. И наконец, в храме появились и развились из мифов театрализованные мистерии, которые заменяли египтянам драму и комедию.

Глава XII

ПОГРЕБЕНИЕ

I. СТАРОСТЬ

Мудрец Птахотеп и авантюрист Синухет говорят о старости без всяких иллюзий. Это уродливый возраст физической и моральной немощи. Старик плохо видит. Он ничего не слышит. Он ничего уже не помнит. Он ничего не может сделать, потому что сразу устает. И все, что он ест, не идет ему впрок [1].

И все же египтяне, как и все люди, мечтали дожить до этого жалкого возраста. Старик, который благодаря заботам о себе сохранил облик юноши и все свои качества, вызывал всеобщее восхищение. Великий жрец Рама-Раи, который состарился на службе Амона и достиг высших почестей, признается: «Члены мои исполнены здоровья. Мои глаза все видят. Пища его храма остается у меня во рту» [2].

При дворе фараона рассказывали об одном человеке ста десяти лет, который с аппетитом съедал пятьсот хлебов и бычью лопатку и выпивал сто кувшинов пива, правда не уточняя, за какой срок — за день, месяц или целый год. Кроме того, этот мудрый старик был могущественным чародеем. Поэтому фараон решает призвать его. Он обещает кормить его самой лучшей пищей, предназначенной только для царской свиты, обещает заботиться о нем до конца его дней, пока он не присоединится к своим предкам в некрополе. Фараон отправляет за стариком-чародеем своего сына. Дорога неблизкая. Сначала он плывет на судне, потом его несут на носилках, потому что в те времена еще не было колесниц. Он находит старика на циновке перед дверью его дома. Один слуга обмахивает ему веером лицо, другой умащает ноги. На приветствие царевича старик вежливо отвечает: «Мир тебе, мир тебе, Дедефхор, царский сын, любимый отцом своим! Да наградит тебя отец твой, Хуфу правогласный! Да возвысит он тебя среди старейших! Да одолеет твой Ка врагов твоих, да ведает твой Ба дороги к вратам!»

Царевич протягивает ему руки, поднимает его и за руку ведет к пристани. Они благополучно доплывают до царской резиденции, и фараон их сразу принимает. Он удивляется, что до сих пор не знал самого старого из своих подданных. С благородной простотой, которая может служить примером тонкой лести, старик отвечает: «Приходит тот, кого зовут, о государь! Меня позвали — я пришел!» [3] («Сказки сыновей фараона Хуфу»).

Счастливая старость для египтян означала не только отсутствие всяких немощей. Для этого требовалось еще богатство или по крайней мере достаток. Тот, кто достиг звания «имаху» («почитаемый»), не только имел хлеб на каждый день, но и мог рассчитывать на пышное погребение.

Синухет по возвращении из добровольного изгнания получает в собственность дом, достойный придворного. Его строили многие мастера. Все деревянные части были из нового дерева, а не от старых, разрушенных домов. «Мне приносили кушанья из дворца три, четыре раза в день — сверх того, что давали царские дети». Затем Синухет получает от фараона пожертвование на погребение и сам следит за постройкой своего жилища вечности. Он подробно рассказывает о том, что находилось в его гробнице [4]. В этом — радость старика, особенно если он друг фараона. Звание «имаху» мог даровать только сам фараон; все зависело от его воли. Но поскольку, если верить придворным льстецам, он так же добр и справедлив, как всезнающ и всемогущ, все, кто верно ему служил, могли рассчитывать на такую милость [5].

Но фараон был примером, на который равнялись все великие мира сего. Каждый правитель города или нома, каждый верховный жрец и военачальник имел множество слуг и подчиненных. По мере того как они старели, добросердечный хозяин переводил их на должность, соответствующую их силам и возрасту, обеспечивал их кровом и пищей, а в будущем обещал достойное погребение. Фараон не прощал Синухета, пока тот был во цвете лет, но, когда узнал, что беглец стоит на пороге старости, решил не лишать его благ преклонного возраста.

В Египте давно уже не приносили в жертву детей и не убивали стариков. Но я не поручусь, что даже на этой благословенной земле не находилось нетерпеливых наследников, которые с удовольствием сократили бы дни своего предка, объявившего, что будет жить до ста десяти лет.

Мы знаем о фараонах, свергнутых с трона. Но в то же

время известно, что Аменемхат I после двадцати лет царствования передал бразды правления своему сыну, а сам после этого мирно прожил еще десяток лет, что позволило ему продиктовать на досуге свои пессимистические наставления *. Да и Априй мог бы дожить до старости даже после того, как потерпел поражение и лишился трона, если бы не ожесточил египтян своими зверствами **. В общем, Египет был такой страной, где старикам жилось совсем неплохо.

II. ОЦЕНКА ДЕЯНИЙ

Глубоко ошибается тот, кто думает, будто египтяне стремились покинуть землю живых. Они просто знали, что смерть не внемлет мольбам, что ее не смягчить никакими молитвами. Тщетно протестовать, ссылаясь на то, что ты еще молод! Ибо смерть «хватает ребенка, который еще при материнской груди, точно так же, как старого человека!» [6]. И к тому же «что означают все годы на земле, сколько бы их ни было? Запад — это земля сна и тяжкого мрака, место, где пребывают все, пришедшие туда. Они спят в своих пеленах и пробуждаются только для того, чтобы увидеть своих братьев. Они не замечают больше ни отца, ни матери. Сердце их забыло жену и детей. Вода, живая для тех, кто на земле, для меня вода гнилая. Она хороша для того, кто живет на земле, но, когда она доходит до меня, она гнилая» [7].

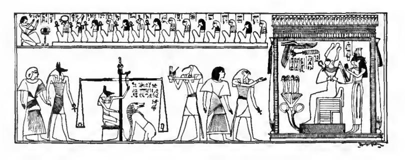
Самое лучшее, что может сказать глубоко верующий о загробном мире, так это то, что там нет ни врагов, ни соперников и можно наконец спокойно отдохнуть. Однако находились скептики, которые замечали: «Никто еще не возвращался оттуда, чтобы рассказать, хорошо ли умершим и чего им не хватает, и успокоить наши сердца, пока мы сами не придем в то место, куда они ушли».

Тот же мудрец говорил еще, что все гробницы превращаются в прах и даже гробницы древних мудрецов исчезают, как будто их и вовсе не было [8]. Однако он не делает из этого вывода, что не стоит заботиться о своей гробнице и думать о погребении задолго до смерти. Да если бы он это и сказал, ему не удалось бы убедить своих совре-

---

* «Поучения Аменемхета» принадлежат перу мудреца Ахтоя. Есть мнение, что фараон погиб в результате заговора.

** Геродот II. 161—163.

Суд Осириса

менников, которые во времена Рамсесов готовились к переходу из этого мира в иной так же тщательно, как во времена великих пирамид.

При входе в загробный мир умерших ожидало страшное испытание: оценка деяний, точнее — взвешивание деяний.

Старый фараон, который оставил наставления своему сыну Мерикара, предостерегает его от неправедных судей, угнетающих несчастных. Эта тема приводит его к иным судьям: «Судьи судят мудрого, знай, немилостивы они в тот час, когда они выполняют свои обязанности... Не надейся на долгие годы. Смотрят они на жизнь, как на один час. Остаются дела после смерти [человека], кладут их в кучу рядом с ним. Вечность — это пребывание там. Глуп тот, кто пренебрегает этим. Но тот, кто достиг этого, не делая греха, будет подобен богу, свободно шагающему, как владыка вечности» (перевод Р. И. Рубинштейн) [9].

Сетна, сын фараона Усермаатра, получил уникальную возможность побывать живым в загробном царстве Аментет. Вот что он там увидел: «Осирис, великий бог, восседает на троне из чистого золота в короне с двумя перьями; Анубис, великий бог, слева от него, великий бог Тот — справа, боги суда над людьми Аментета — справа и слева, а посередине перед ними стоят весы, на которых они взвешивают добрые и злые деяния, и великий бог Тот записывает, а великий бог Анубис произносит приговор».

Пришедших на суд разделяли на три группы. Тех, чьи злодеяния весили больше, чем добрые дела, отдавали на съедение «Пожирательнице». Тех, чьи достоинства перевешивали недостатки, причисляли к богам. А тех, у кого злых и добрых дел оказывалось поровну, заставляли служить Сокар-Осирису [10].

Египтяне сомневались, что есть безгрешные люди. Значит, надо было, чтобы боги простили грешнику неправедные дела и оправдали его. Надежда на милость богов была свойственна всем египтянам. Об этом часто упоминается в заупокойных текстах: «Мои грехи стерты, мои ошибки сметены, моя неправедность смыта [11]. Ты оставишь свои грехи в Ненинесуте» [12].

«„Великая магией" тебя очищает. Ты признаешься в своем грехе, и он будет уничтожен, чтобы все было так, как ты сказал [13]. Слава тебе, Осирис в Деду (греч. Бусирис.— *Ред.*)... Ты слышишь его речь. Ты стираешь его грехи. Ты делаешь его голос праведным против врагов и громким на его суде на земле» [14].

«Ты незыблем, а враги твои падают. Все плохое, что сказано о тебе, не существует. Ты предстаешь перед Эннеадой богов и выходишь, „правдивый голосом" *» [15].

Глава 125 Книги мертвых целиком посвящена избавлению грешников от их грехов. Египтяне переписывали ее на папирус и клали в гроб между ногами мумии. Когда читаешь такой папирус, кажется, что перед тобой отчет о будущем высшем суде, но таком суде, где все обернется наилучшим образом. Зал суда, уж не знаю почему, называется Залом Двух Истин. Осирис восседает на своем алтаре. Две его сестры, Исида и Нефтис, стоят за его спиной. Четырнадцать помощников выстроились в глубине. Посередине стоят весы, опору которых украшает голова Маат (Истины), а иногда — голова Анубиса или Тота. Весы охраняет чудовище. Тот, Анубис, а иногда Хор и две Маат держатся в центре зала. Анубис вводит покойного, облаченного в льняное одеяние. Он приветствует судью и всех богов:

«Привет тебе, великий бог, Владыка Двух Истин!

Я пришел, дабы узреть твою красоту!

Я знаю тебя, я знаю имена сорока двух богов, пребывающих здесь, на Великом Дворе Двух Истин,— они поджидают злодеев и пьют их кровь в день, как предстанут злодеи на суд Уннефера. Вот, я знаю вас, Владыки справедливости! К вам прихожу со справедливостью, ради вас отринул несправедливость».

Затем он произносит длинную оправдательную речь, состоящую из одних отрицаний:

---

* Термин, впервые зафиксированный в заупокойных текстах начала Среднего царства. В эпоху Нового царства употребляется и по отношению к живым.

Я не чинил зла людям.
Я не нанес ущерба скоту.
Я не совершил греха в месте Истины...
Я не творил дурного...
Имя мое не коснулось слуха кормчего священной ладьи.
Я не кощунствовал.
Я не поднимал руку на слабого.
Я не делал мерзкого пред богами.
Я не угнетал раба пред лицом его господина.
Я не был причиною недуга.
Я не был причиною слез.
Я не убивал.
Я не приказывал убивать.
Я никому не причинял страданий.
Я не истощал припасы в храмах.
Я не портил хлебы богов.
Я не присваивал хлебы умерших.
Я не совершал прелюбодеяния.
Я не сквернословил.
Я не прибавлял к мере веса и не убавлял от нее.
Я не убавлял от аруры.
Я не обманывал и на пол-аруры.
Я не давил на гирю.
Я не плутовал с отвесом.
Я не отнимал молока от уст детей.
Я не сгонял овец и коз с пастбища их.
Я не ловил в силки птицу богов.
Я не ловил рыбу богов в прудах ее.
Я не останавливал воду в пору ее.
Я не преграждал путь бегущей воде.
Я не гасил жертвенного огня в час его.
Я не пропускал дней мясных жертвоприношений.
Я не распугивал стада в имениях бога.
Я не чинил препятствий богу в его выходе.

Пер. М. А. Коростовцева

Так он отказывается от египетских грехов и в заключение говорит, что чист, ибо он — нос того, кто дарует дыхание, кто дает жизнь всем египтянам. Но, словно боясь, что ему не поверят, он возобновляет свои отрицания, обращаясь поочередно ко всем сорока двум богам, которых он приветствовал, входя в зал. Имена у них устрашающие: «Широко шагающий», «Глотатель тени», «Разбивающий кости», «Кровопийца», «Громогласный», «Предвестник битвы»... Он говорит, что не боялся смертного приговора на земле не только потому, что никогда не оскорбил ни

бога, ни фараона, но потому, что всегда делал то, что советуют люди и одобряют боги.

«Он давал богу все, что он любит. Он давал хлеб голодным, воду — жаждущим, одежду — нагим, одалживал свою лодку тому, кто хотел переправиться через реку. Он из тех, кому говорят, едва его завидев: „Добро пожаловать, добро пожаловать!“»

Он совершил еще немало богоугодных и похвальных поступков, например когда услышал разговор осла с кошкой, о котором, к нашему величайшему сожалению, мы ничего не знаем.

Теперь оставалось только сделать из всего сказанного практический вывод. На одну чашу весов клали сердце покойного, на другую ставили статуэтку Маат. Но что, если бы сердце вдруг заговорило и опровергло слова хозяина? Против этой опасности существовало заклинание, записанное в 30-й главе Книги мертвых: «О сердце мое, сердце моей матери, сердце моей плоти! Не вставай против меня в качестве свидетеля, не перечь мне перед судьями, не клади свой вес против меня перед владыкой весов. Ты — мой Ка, который во мне, ты Хнум, дающий целостность моим членам. Не допусти, чтобы имя мое плохо пахло... Не лги против меня перед богом!»

После этого заклинания сердце молча выслушивало обе стороны. Результат был предопределен заранее. Анубис останавливал колебание весов. Он говорил, что обе чаши находятся в равновесии, Тот записывал его слова и объявлял, что покойный прошел испытание и отныне может называться «маа хэру» — «правдивый голосом». В царство Осириса вошел еще один подданный. Чудовищу, которое надеялось сожрать новоприбывшего, придется подождать другого случая.

Неужели египтяне действительно верили, что достаточно отказаться в письменном виде от всех своих грехов, чтобы изгладить их из памяти людей и богов?

В некоторых недавних работах о египетской религии можно прочесть, что глава 125 Книги мертвых была магическим текстом, и это слово «магический», говорит о многом. Средство «для превращения старика в юношу» на самом деле было обычным рецептом для удаления морщин, прыщей, красных пятен и прочих неприятных признаков старости [16]. Мне кажется, что автор назиданий своему сыну Мерикара выражал общее мнение, когда говорил, что высшего судью нельзя обмануть. Можно утверждать, что, если египтянин объявлял себя чистым и так настойчиво

повторял, что не содеял никакого зла, он был уверен, что сумел еще при жизни избавиться от груза своих грехов. Только такая уверенность позволяла ему без страха предстать перед загробным судом.

Главное, чтобы тебя объявили «маа хэру» — «правдивый голосом». Однако заслужить этот титул можно было, только если ты устно отстаивал свою правоту на суде. Бесчисленное множество египтян, чьи имена мы читаем на стелах, саркофагах и на стенах гробниц, назывались «маа хэру». Высказывалось предположение, что это лишь набожное пожелание самому себе, или своим друзьям, или родственникам, но это пожелание могло быть исполнено только в ином мире, так что термин «маа хэру» практически стали считать синонимом слова «усопший» [17]. Однако мы знаем египтян, имевших это звание при жизни. Таков был Хуфу, обвиненный греками в безбожии. Он был «маа хэру», когда слушал своих сыновей, которые по очереди рассказывали ему истории про чародеев. Таков был Парамсес, когда Хоремхеб поручил ему управление всеми работами в храме Опета еще до того, как он стал Рамсесом I [18]. Таков был Шешонк, когда он еще не был фараоном Шешонком I [19]. Бакенхонсу, великий жрец Амона, тоже был «правдивый голосом», когда получил от Рамсеса II милостивое разрешение поставить свою статую в храме, чтобы она была в числе восхваляемых [20]. Ему шел тогда девяносто первый год, и он прожил еще несколько лет. Один из его преемников, Рамсеснахт, также называется «правдивый голосом» в надписи из Вади-Хаммамат, где рассказано о великой экспедиции, посланной Рамсесом IV к горе «бехена» на третьем году своего правления. Так вот, этот жрец еще жил на четырнадцатом году правления Рамсеса IV, а может быть, даже Рамсеса V! [21].

Этих примеров достаточно, чтобы утверждать: египтяне становились «маа хэру», когда они были еще живы и здоровы. Но как получали они этот прекрасный титул? Осирис стал первым «маа хэру». Когда его преданная супруга возвратила ему целостность и жизнь, он обвинил своего убийцу Сетха на суде богов под председательством самого Ра и добился его осуждения [22]. Исида не хотела, чтобы ее преданность была забыта, а потому учредила весьма назидательные мистерии, чтобы они служили примером и утешением для простых смертных. В этих мистериях еще во времена Геродота представляли страдания Осириса. В более древние времена показывали борьбу сторонников Осириса за тело своего бога и его триумфальное

возвращение в храм Абидоса. Далее разыгрывалась мистерия суда. Глава 18 Книги мертвых сохранила нам даже список городов, которые имели право на это представление: Он, Деду, Имет, Хем, Пе и Деп, Рехти в Дельте, Расетау (один из кварталов Мемфиса), Нареф, что при входе в Фаюм, и Абидос в Верхнем Египте. По всей видимости, желая обеспечить себе оправдание в будущей жизни, набожные египтяне брали пример с Осириса. В конце главы 125 Книги мертвых мы читаем обращение, которое могло быть адресовано только живым: «Прочитай эту главу четко и ясно, надень праздничное одеяние, обуйся в белые сандалии, подведи глаза черной краской, умастись наилучшими благовониями, а перед тем соверши полное жертвоприношение — быками, птицей, терпентином, хлебом, пивом и овощами».

И священный текст добавляет: «Кто это сделает для него, будет вечно зелен (здоров), дети его будут зелены. Он будет в чести у царя и великих людей. Он ни в чем не будет испытывать недостатка и наконец войдет в свиту Осириса».

Мы можем теперь представить эту мистерию загробного суда, где египтяне очищались от своих грехов. Все, кто полагал, что их дни сочтены, либо потому, что они были стары или больны, либо потому, что получили одно из тех тайных предупреждений, какие Осирис посылает иногда тем, кто скоро войдет в его царство [23], собирались толпами в одном из вышеназванных городов. Они исполняли все указанные в Книге мертвых предписания, а главное, не скупились на жертвоприношения.

Из главы 125 видно, что мистерия загробного суда состояла из двух актов. Сначала Осирис заставляет признать свою невиновность. Обращаясь к богу Ра, он тридцатью шестью фразами утверждает, что ни в один из дней года не совершал никакого зла. Верующие вторят ему и тоже успокаиваются, когда суд устанавливает невиновность бога. Но это не все. Теперь Осирис покидает скамью ответчика и занимает место судьи. Присутствующие повторяют вторую отрицательную исповедь, затем по очереди подходят к весам. На одну чашу весов кладут сердце из лазурита с выгравированным именем, на другую — статуэтку Маат *, и каждый мог убедиться, что чаши сохраня-

* Иногда мы видим изображение не статуэтки, а страусового пера — символа богини Маат.

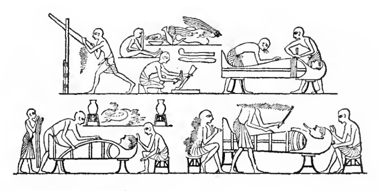
ют равновесие. После этого верующего торжественно провозглашали «маа хэру» и регистрировали. Он мог быть уверен, что отныне перед ним не закроют врата в мир иной.

III. ПОДГОТОВКА ГРОБНИЦЫ

Теперь уже со спокойной совестью египтянин мог позаботиться о своем жилище вечности.

Фараоны принимались за это загодя. Постройка даже средней пирамиды была непростым делом. Приходилось посылать целые экспедиции, чтобы доставить на плато Гизе или на плато Саккара гранитные и алебастровые блоки. С начала Нового царства фараонов начали хоронить в Долине царей к западу от Фив, где образовался новый некрополь. Потомки Рамсеса I хотя и были родом из Дельты, однако переняли обычай побежденных соперников и продолжали вырубать в фиванских горах подземные залы и ходы длиной иногда до сотни метров со странными росписями на стенах. Они изображают ночное путешествие Ра по двенадцати регионам потустороннего мира, но ничто не напоминает о подвигах Ра при жизни. Ибо царская гробница не предназначалась для посетителей, и даже вход в нее старались сделать потайным [24].

Совсем иначе обстояло дело с гробницами частных лиц, которые обычно четко делились на две части. Подземная камера на дне шахты предназначалась для покойного. Когда его укладывали в саркофаг и совершали последние обряды, камеру замуровывали, шахту засыпали, и никто больше не должен был тревожить его покой. Но над шахтой сооружали настоящий маленький храм, открытый для живых. Он выходил фасадом во двор, где стояли стелы с надписями: восхищенные потомки могли узнать о добродетелях и деяниях покойного. Иногда на таком дворе возле маленького водоема ухитрялись выращивать пальмы и сикоморы [25]. Со двора посетитель входил в прекрасно украшенный зал. Даже потолок был ярко расписан растительным или геометрическим многокрасочным орнаментом. На стенах и на колоннах изображали наиболее характерные сценки из жизни усопшего. Если он был знатным вельможей, он присматривал за работой в поле, охотился на антилоп в пустыне, бросал бумеранг в водоплавающих птиц, вонзал гарпун в гиппопотама, участвовал в рыбной ловле. Если управляющим мастерскими Амона — наблюдал за скульпторами, ювелирами и столярами. Если

Изготовление саркофага

важным чиновником — собирал налоги в казну. Если военачальником — обучал новобранцев. Мы видим его на приеме у фараона: он вводит длинную вереницу посланников далеких стран, которые не знали Египта. Они сгибаются под тяжестью дани и умоляют «даровать им дыхание жизни».

Совершив обход всего зала, посетитель входил в широкий коридор. На одной его стене он видел покойного на ладье, плывущей в Абидос, и другие эпизоды похорон, совершенных по всем правилам. Коридор приводил в последний зал, где были изображены богоугодные деяния покойного. Он поклоняется богам, совершает в их честь возлияния, подает им зажженную курильницу, поет гимны. А взамен все время получает свежую пищу как награду за свою веру и предусмотрительность [26].

Из всей погребальной утвари самым главным, естественно, являлся саркофаг. Неферхотеп еще при жизни неоднократно посещал мастерскую, где изготовляли саркофаг для его мумии. Он видел свое будущее пристанище, поставленное на два табурета, смотрел, как мастера, сидя или стоя, полируют его и раскрашивают. Он видел жреца, который окроплял саркофаг святой водой [27].

Фараону и знати было недостаточно одного гроба. Мумия Псусеннеса, уже защищенная золотой маской, покоилась в серебряном гробу, повторявшем очертания мумии, который, в свою очередь, стоял в саркофаге черного гранита, тоже похожем на стилизованную мумию. А этот саркофаг был помещен в прямоугольный каменный ящик, украшенный изнутри и снаружи божествами, в чьи обязанности входило охранять мумию. На выпуклой крышке

был изображен лежащий фараон с атрибутами Осириса, а с внутренней ее стороны — богиня неба Нут со всеми ее ладьями и созвездиями. Изображение ее стройного и грациозного тела находилось всего в нескольких сантиметрах над саркофагом из черного гранита, и фараон своими каменными глазами всегда мог созерцать красоту богини.

Так осуществлялась самая пылкая мечта египтян для своей загробной жизни: сделаться небожителем, странствовать среди звезд, которые никогда не стоят на месте, и среди бессмертных планет. Кроме того, на стенках саркофагов были выгравированы глаза; ими усопший фараон видел все, как Ра или Осирис, а также двери, через которые он мог выходить из своего дворца вечности и возвращаться, когда ему захочется.

Богатство и разнообразие погребальной утвари зависели, конечно, от средств хозяина гробницы. В этом отношении гробница Тутанхамона превосходит всякое воображение: парадные кровати, ложа для отдыха, колесницы и ладьи, ларцы и сундучки, кресла, стулья, табуреты, всевозможное оружие, всякие посохи и трости, лучшие в его время ювелирные украшения, игральные фигурки, предметы культа. В царстве Осириса фараон, как его подданный, должен был повторить все свои богоугодные деяния. А в качестве главы семьи и номарха ему предстояло принимать на том свете своих детей, родственников и друзей. Для этой цели усопшего фараона снабжали разнообразной посудой. В его гробнице рядом с царскими «сервизами» оставляли куски мяса, птицу, зерно, ви́на — короче, все, что едят и пьют живые.

Кроме саркофага в погребальную камеру ставили деревянный или каменный ящик с четырьмя сосудами, которые мы называем, кстати неправильно, канопами *. Они предназначались для различных органов, вынутых из тела перед бальзамированием и отданных под защиту четырех

---

* Антиквары XVIII в. называли так кувшинообразные изображения бога Канопа и сосуды для внутренностей, возможно, не только из-за их некоторого внешнего сходства, но и потому, что впервые подобные сосуды были обнаружены в г. Канопе. Согласно греческому преданию, город назвали в честь похороненного там кормчего Менелая. В греко-римский период культ героя Канопа, связанный с культами Осириса и Нила, приобрел заметную популярность, и его кувшинообразные «идолы» вывозили в Италию и Грецию. Обычай хоронить внутренности покойных в специальных сосудах никак не связан с поздним культом Канопа, а восходит к эпохе Древнего царства (древнейший из известных нам ящиков для каноп принадлежал матери Хуфу).

богов и четырех богинь. Один из этих богов, Амсет, имел человеческую голову; второй, Хапи,— голову павиана; третий, Дуамутеф,— голову шакала, а четвертый, Кебехсенуф,— голову сокола. Таким образом, крышка первого сосуда была в форме человеческой головы, а три остальные соответственно в виде голов павиана, шакала и сокола. Однако особо утонченным будущим покойникам и этого было мало. Они заказывали небольшие гробики из золота или серебра с внешними ящиками и крышками, как у настоящих саркофагов. В них укладывали маленькие свертки с мумифицированными органами, а затем эти четыре гробика опускали в алебастровые сосуды (так в погребении Тутанхамона).

Поля Иалу, где царил Осирис, были, как сад Кандида, самым прекрасным местом в мире. Но их надлежало возделывать, как настоящие: пахать, сеять, пропалывать, жать, заботиться об оросительных каналах и совершать еще множество работ, цель которых от нас ускользает, например переносить песок с одного берега на другой. Эти работы, вполне естественные для живого земледельца, казались невыносимыми для тех, кто провел земную жизнь в праздности или занимался совсем другим ремеслом. Ни один народ в мире не верил так свято, как египтяне, что изображение какой-то вещи или существа приобретает в загробном мире качества и способности оригинала. Выход из положения напрашивался простой: достаточно сделать статуэтку, чтобы она работала вместо покойного хозяина *. Статуэтки из глазурованного фаянса, а порой из бронзы имели форму мумии. Лицо иногда отличалось индивидуальными чертами. Мы думаем, мастера пытались добиться портретного сходства. Но даже если им это не удавалось, они все равно достигали своей цели, потому что на каждой статуэтке писались имя и титул хозяина, которого она замещала. Например: «Осирис N, первый пророк Амона-Ра, царя богов, Хорнахти». Часто более подробная надпись определяла обязанности статуэтки.

* Эти статуэтки впервые стали помещать в гробницы в эпоху Среднего царства; с III Переходного периода они назывались «ушебти» (букв. «ответчик») и должны были заменять хозяина гробницы, если его призовут на «всякие работы» (особенно тяжелыми считались «царские»). Их количество в одной гробнице могло доходить до 365 (на каждый день), причем при XIX династии на каждые 10 статуэток приходился один ушебти-надсмотрщик, а общее руководство этой трудовой «армией» осуществляли верховный надсмотрщик и писцы. В конце Нового царства сложилось представление об ушебти как о рабах хозяина гробницы.

«Осирис N говорит: „О ушебти", если Осирис N будет учтен, призван, назначен на всякие работы, которые должны быть сделаны там, в некрополе, как делает человек для себя, для плодородия полей, для орошения берегов, для переноски песка с востока на запад и обратно, для удаления сорняков, как делает человек для себя, ты скажешь: „Я сделаю это. Я здесь!"»

Однажды вступив на этот путь, египтяне стали множить такие статуэтки, чтобы избавиться в вечности от неприятных занятий. Они вкладывали им в руки или рисовали на спинах орудия труда и мешки. К статуэткам работников вскоре присоединились статуэтки писцов и надсмотрщиков, ибо за всеми земледельцами должен был надзирать чиновник. И наконец, египтяне начали делать для статуэток миниатюрные предметы из фаянса или бронзы: коромысла с кувшинами для воды или с тазами для песка, корзины, плетенки, мотыги и молотки. На этих модельках, чтобы их не украли и не использовали по другому назначению, тоже ставили имя хозяина гробницы, как на статуэтках [28].

Следуя той же идее, египтяне начали делать для усопших статуэтки обнаженных женщин. У фараонов и знати при жизни были наложницы, и они не хотели терять этого милого обычая в загробном мире. Мы нашли такие статуэтки в преддверии гробницы Псусеннеса. На одних было имя фараона, на других — женские имена. Но если живые оригиналы походили на этих кукол, нам остается только посочувствовать фараону [29].

Мумии «любили» украшения не меньше, чем живые. К тому же часто на них были те же самые украшения, которые покойный носил при жизни, но нередко для мумии делали новые. Вот список всего необходимого для мумии фараона или знатного лица [30]:

золотая маска для фараона и царевичей, раскрашенная маска из папье-маше или гипса для частных лиц;

воротник из двух жестких золотых пластин с перегородчатой эмалью, изображающих коршуна с распростертыми крыльями;

одно или множество ожерелий из золота, драгоценных камней, фаянса в виде многорядных бусин с одной или двумя застежками, которые иногда имели подвески из золота и граненых драгоценных камней, иногда их заменяли фаянсовые имитации;

одно или несколько нагрудных украшений, пекторалей, подвешенных на цепочках. Наиболее распространенными

были пекторали в виде крылатого скарабея с Исидой и Нефтис по бокам. На обратной стороне скарабея вырезали знаменитое обращение к сердцу: «О сердце мое, сердце моей матери, сердце моей плоти! Не вставай против меня в качестве свидетеля, не перечь мне перед судьями, не клади свой вес против меня перед владыкой весов. Ты — мой Ка, который во мне, ты — Хнум, дающий целостность моим членам. Не допусти, чтобы имя мое плохо пахло... Не лги против меня перед богом!»;

другие скарабеи, с крыльями или без крыльев, с надписями, но на сей раз без обрамления; лазуритовые сердца на цепочках с именем покойного;

браслеты, гибкие или жесткие, полые или массивные, для запястий, предплечий и лодыжек;

«напальчники» для рук и ног;

кольца на каждый палец;

сандалии;

амулеты и статуэтки разных богов, которые вешали на шею или подвешивали к пекторали.

Богами-охранителями мертвых были прежде всего Анубис и Тот, однако египтяне не пренебрегали помощью соколов и коршунов с распростертыми крыльями, змеиных голов, ибо змея — хранительница замко́в на дверях между разными отделениями потустороннего мира, а также гла́за «уджат» * и фетишей Осириса и Исиды.

К этим украшениям и амулетам следует добавить огромное количество миниатюрных моделей всевозможных предметов: тростей, скипетров, оружия, царских и божественных эмблем, которые всегда не мешало иметь под рукой.

Было совсем не легко выбрать и заказать все эти сложные и дорогие предметы и проследить за их изготовлением. Что бы там ни говорили некоторые скептики, а благополучие на том свете все-таки в основном зависело от забот человека о своем «доме вечности», о погребальной утвари и украшениях. Загробный мир вовсе не был местом отдохновения и спокойствия: усопшего подстерегали там опасности и ловушки и, чтобы их избежать, следовало заранее принять все меры предосторожности.

* Египетское обозначение глаза бога Хора, представление о котором занимало одно из центральных мест в религиозных воззрениях жителей долины Нила.

IV. ОБЯЗАННОСТИ ЗАУПОКОЙНОГО ЖРЕЦА (ЖРЕЦА КА)

Но вот наш старик египтянин построил себе «дом вечности». Он украсил его согласно своему вкусу и средствам. Он заказал столяру и другим мастерам всевозможную погребальную утварь. У ювелира он купил необходимые украшения и кучу амулетов и талисманов. Казалось бы, теперь у него есть все, что может понадобиться в загробном мире. Но он все еще не удовлетворен. Надо, чтобы наследники позаботились о нем после смерти и не просто достойно перенесли его в «жилище вечности», отдав последние почести, а помнили о нем всегда, из поколения в поколение. Вот что говорит один знатный египтянин: «Я передал мои должности сыну, когда был еще жив. Я завещаю ему больше, чем мой отец завещал мне. Мой дом прочно стоит на его фундаменте, моя земля на своем месте. Они непоколебимы. Все мое добро на своем месте. Мой сын даст жизнь моему сердцу на этой стеле. Он сотворил для меня наследника в качестве доброго сына».

Мысль о том, что сын не даст умереть имени своего отца и даже отцов его отца, очень часто встречается в заупокойных текстах. Хапиджефаи, правитель Сиута, назначил своего сына заупокойным жрецом (жрецом Ка) — мы бы сказали, исполнителем завещания. Все, что он получит как жрец Ка, выделяется в особую долю, не подлежащую разделу между другими детьми. Он, в свою очередь, не имеет права раздавать эту долю своим детям. Он может передать ее только целиком тому из сыновей, кого назначит на свое место, чтобы он продолжал заботиться о гробнице своего деда и лично участвовал во всех церемониях, совершаемых в его честь [31].

Эти церемонии устраивали обычно по случаю Нового года и праздника «уаг», который отмечался восемнадцать дней спустя. Они происходили в самой гробнице, в храме Упуаута, покровителя Сиута, и в храме Анубиса, покровителя некрополя.

За пять дней до Нового года жрецы Упуаута приходят в храм Анубиса, и каждый подносит его статуе небольшой хлебец.

Накануне Нового года жрец Упуаута приносит заупокойному жрецу свечу из своего храма. Жрец Анубиса поступает так же: он передает свечу, освещавшую храм Анубиса, начальнику всех служителей некрополя, который должен отнести ее в гробницу под эскортом стражи горы.

Там их встретит заупокойный жрец, и они отдадут свечу ему.

В день Нового года после освящения храма каждый жрец Упуаута кладет хлебец перед статуей Хапиджефаи. Затем они выстраиваются позади жреца Ка и чтят память усопшего. Глава некрополя и его стража тоже приносят в дар статуе хлеб и пиво и воздают ей почести.

Вечером того же дня жрецы Упуаута, которые дали жрецу Ка первую свечу, дают ему вторую. Великий жрец Анубиса делает то же самое и перед статуей усопшего; как и накануне, горят свечи, побывавшие в храмах.

Примерно те же самые церемонии происходят и на празднике «уаг». В храме Упуаута жрецы подносят статуе белые хлебцы и выстраиваются за жрецом Ка, чтобы восславить Хапиджефаи. Ночью перед ним зажигают третью свечу. Процессия жрецов Анубиса доходит до монументальных ступеней, ведущих в гробницу, и возносит хвалы усопшему. Каждый из жрецов кладет по хлебцу к подножию его статуи, озаренной освященной свечой.

Совершив ежедневные обряды, жрец храма приносит в дар статуе хлеб и пиво. Другой представитель некрополя, начальник стражи горы, тоже приносит хлеб и кружки с пивом жрецу Ка, чтобы тот передал этот дар статуе усопшего.

Хапиджефаи мог похвастаться, что его не забывали и в другие, пусть не столь торжественные праздники, как день Нового года, но тем не менее достаточно важные, например в праздники начала сезонов. Начальник некрополя со стражей горы приходили в сад перед гробницей, брали стоявшую там статую и относили ее в храм Анубиса.

И еще одно его желание тоже было исполнено. С тех пор как Хапиджефаи стал главой жрецов Упуаута, он привык получать в дни праздников, а их было, как мы знаем, великое множество, мясо и пиво. Поэтому в дни праздников его статуе всегда приносили мясо и пиво под присмотром жреца Ка.

Все эти услуги не были бесплатными. Чтобы их оплатить, Хапиджефаи использовал свою долю натуральных продуктов, которую получал как управляющий и как верховный жрец Упуаута. С неподражаемым эгоизмом присваивает он то, что полагается его преемникам по должности. Он уменьшает их доходы, ибо его преемник вынужден теперь каждый год отдавать двадцать семь дней храма, а день храма был не чем иным, как одной триста

шестидесятой частью всего, что поступало в храм за год. Хотя храм Упуаута провинциальный, но его доходы были довольно значительными, и преемники, вынужденные отдавать жрецам сумму, соответствующую примерно одной тринадцатой части годовых доходов храма Упуаута, лишались довольно жирного куска, тем более что основная часть должностного владения и без того была уменьшена из-за того, что Хапиджефаи подарил многие поля другим храмам. В связи с этим содержание гробницы могло обойтись намного дороже самой гробницы и Египет согнулся бы под грузом, который взвалили на его плечи мертвецы. Но Хапиджефаи невозмутимо замечает, что договор, заключенный им со жрецами его времени, должен соблюдаться неизменно и никакой будущий правитель не смеет его нарушать. К счастью, через два-три поколения доходы, предназначенные для их содержания, использовались на погребения других покойников [32].

Мы уже видели, что фараоны и частные лица считали богоугодным делом восстановление обветшалых гробниц и возобновление приношений на их жертвенные столы. Но многие гробницы и заупокойные храмы были окончательно разрушены во время войны с «нечистыми». Из-за этой войны и последовавшей за ней анархии Египет был почти разорен и настолько обеднел, что ему уже было не до забот о древних мертвецах.

V. БАЛЬЗАМИРОВАНИЕ

Ничто больше не удерживает на этой земле нашего египтянина! Предупрежденный Осирисом, он успел построить и обставить свой «дом вечности» и принял все меры для его содержания, какие подсказывали ему его набожность и обычаи. В тот день, когда он «отплыл к другому берегу» — египтяне не любили говорить: «он умер»,— его близкие погружались в траур по меньшей мере на семьдесят дней. Они прекращали дела и сидели дома в безмолвной скорби. Если им все же приходилось выходить, они мазали лицо илом, как это сделал Анупу, когда подумал, что его младший брат погиб («Сказка о двух братьях»), и беспрестанно били себя по голове обеими руками [33]. Но они не могли отложить самое срочное дело: труп надо было сразу передать бальзамировщикам и выбрать способ бальзамирования. Таких способов, если верить Геродоту и Диодору, насчитывалось три.

Бальзамирование «по первому классу» требовало много времени и забот. Из головы трупа извлекали мозг, из тела — все внутренние органы, за исключением сердца, обрабатывали и укладывали в сосуды-канопы. После двойной промывки внутренние полости вместо извлеченных органов заполняли благовониями. Затем тело помещали в натрон, который в изобилии добывали в Вади Натрон, долине к западу от Фаюма, а также в районе Нехеба и который египтяне использовали для самых разнообразных нужд, в частности для дезинфекции домов. Через семьдесят дней тело тщательно обмывали и заворачивали в пелены, широкие льняные полосы, пропитанные камедью и смолами. Для этой работы требовалось как минимум пятнадцать различных веществ: пчелиный воск, чтобы покрыть им уши, глаза, нос, рот и разрез, сделанный бальзамировщиком, кассия и корица, «кедровое масло», которое в действительности извлекали из можжевельника, камедь, хна, ягоды можжевельника, лук, пальмовое вино, всевозможные смолы, древесные опилки, вар и гудрон и, разумеется, натрон — главная составная часть всех смесей. Многие из этих компонентов были иноземного происхождения, в частности гудрон и вар; некоторые добывали из ливанского кедра. Поэтому, когда прервалась морская торговля с Библом, бальзамировщики и их заказчики впали в отчаяние от одной только мысли, что теперь им придется искать какие-то заменители [34].

Когда работа заканчивалась, тело представляло собой скелет, обтянутый кожей, однако покойного все-таки можно было узнать, несмотря на ввалившиеся щеки и сморщенные губы. Мумия Сети I и спустя множество веков позволяет нам воссоздать черты и выражение лица этого великого фараона. То же самое можно сказать и о большинстве других мумий.

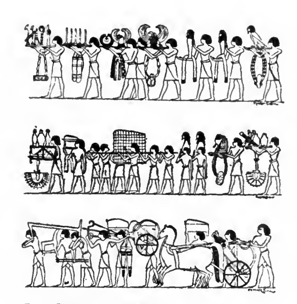
Наступало время одеть и украсить мумию. На нее вешали ожерелья, пекторали и амулеты, надевали браслеты, напальчники и сандалии. На разрез, сделанный бальзамировщиком, чтобы вынуть внутренние органы, клали толстый золотой лист с выгравированными на нем четырьмя божествами-хранителями канон по краям и глазом «уджат» в середине, который обладал свойством залечивать раны. Между ногами мумии клали копию Книги мертвых — необходимого путеводителя по загробному царству. Затем все тело забинтовывали льняными пеленами. На лицо клали маску. У частных лиц она делалась из полотна с гипсовой штукатуркой, у фараонов и знати — из зо-

лота, иногда она соединялась золотыми проволочками с накидкой или воротником из бус [35]. Все покрывал последний саван. Вместо этого савана мумия Шешонка, найденная в Танисе в переднем покое гробницы Псусеннеса, была защищена футляром из папье-маше, на котором с помощью золотых листочков и очень тонких накладок синего фаянса довольно наивно воспроизведены орнамент и украшения, обычно выгравированные или изваянные на серебряном саркофаге [36]. Если все это время изготовители погребального инвентаря, которым были розданы заказы, не сидели сложа руки, через два с половиной месяца после кончины можно было наконец положить мумию в гроб и приступить к похоронам.

VI. ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ

Египетские похороны были мрачным и одновременно красочным зрелищем [37]. Члены семьи усопшего безудержно рыдали и горестно заламывали руки на всем пути до гробницы. Кроме того, они нанимали профессиональных плакальщиков и плакальщиц, очевидно боясь, что сами не смогут показать всю глубину своей скорби. А те были поистине неутомимы. Вымазав лица илом, обнажившись до пояса, разорвав на себе одежды, они рыдали, стонали и били себя руками по голове. Солидные мужи в траурной процессии не предавались таким чрезмерным проявлениям горя, но вспоминали на ходу о достоинствах покойного: «Сколь прекрасна его судьба!.. Он заполнил сердце Хонсу в Фивах, и тот дозволил ему достичь Запада в сопровождении поколений и поколений его служителей» [38].

А в остальном погребальная процессия весьма напоминала переселение из одного дома в другой [39]. Первая группа служителей несла на коромыслах пирожки и цветы, глиняные кувшины и каменные вазы, ларцы со статуэтками-ушебти и их орудиями труда. Вторая, более многочисленная группа несла обычную погребальную мебель: кресла, кровати, ларцы и шкафчики, а кроме того — колесницу в разобранном виде. Личные вещи, ящики с канопами, трости, скипетры, статуи, зонты были доверены третьей группе носильщиков. Драгоценности, ожерелья, фигуры соколов или коршунов с распростертыми крыльями, птиц с человеческими головами и другие предметы роскоши несли на блюдах и явно выставляли напоказ, не опасаясь многочисленных зевак, наблюдавших за шест-

Погребальное шествие

вием. Саркофага почти не было видно на катафалке, который тащили две коровы; несколько мужчин подталкивали его. Этот катафалк состоял из деревянных раздвижных щитов или рамок, занавешенных вышитыми тканями или кожей. Он покоился на ладье со статуями Исиды и Нефтис с обеих сторон, а сама ладья стояла на санях с полозьями.

VII. ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ НИЛ

Процессия медленно приближалась к берегу Нила, где ее уже ожидала целая флотилия [40]. Главная погребальная ладья с грациозно изогнутыми внутрь носом и кормой в форме зонтиков папируса имела посередине большую кабину, увешанную изнутри расшитыми тканями и кожаными лентами. В нее и поставили катафалк вместе со статуями Исиды и Нефтис. Жрец в наброшенной на плечи шкуре пантеры возжигает благовония. Плакальщицы бьют себя по голове. Команда этой ладьи — единственный матрос, который прощупывает глубину длинным шестом, потому что погребальную ладью ведет на буксире другое

судно с многочисленным экипажем под командой капитана и кормчим у рулевого весла. На этом судне тоже стоит большая кабина. На крыше ее группа обнаженных по пояс плакальщиц продолжает рыдать и заламывать руки, повернувшись лицом к саркофагу. Вот одна из них возвышает голос:

«Скорее плывем на Запад, к земле Истины!

Женщины на библском корабле плачут и плачут. С миром, с миром на Запад, о достойнейший, иди с миром! Если угодно богу, когда день сменится вечностью, мы увидим тебя, увидим, как ты уходишь на ту землю, где все люди равны».

Непонятно только, при чем здесь библский корабль, то есть «кебенет», предназначенный для морского плавания, в то время как погребальная ладья служила только для переправы через Нил. Тем не менее между ними можно провести аналогию. Когда Исиде удалось заполучить священное дерево с телом Осириса внутри, она перенесла его на библский корабль, отплывавший в Египет, и всю дорогу держала в объятиях, обливая слезами. Так же выражали свое горе женщины из семьи усопшего на похоронной ладье во время переправы через Нил.

Еще четыре судна следовали за погребальной ладьей. На них взошли те, кто решил проводить покойного до конца, и туда же погрузили погребальную утварь. Оставшиеся на берегу обращались к своему другу с последними пожеланиями: «Желаем тебе в мире доплыть до Запада Фив!»

Или: «На Запад, на Запад, к земле праведных! Место, которое ты любил, ныне стонет и горюет».

В этот момент возвышает свой голос безутешная вдова:

«О мой брат, мой супруг, о мой друг, не уходи, останься на месте своем, не удаляйся от места, где ты пребываешь! Увы, ты уходишь, чтобы переправиться через Нил. О матросы, не торопитесь, оставьте его здесь! Вы вернетесь в свои дома, а он уходит в страну вечности».

VIII. ПОДЪЕМ К ГРОБНИЦЕ

На другом берегу процессию уже ждут [41]. Люди разбились на группы. Повсюду стоят маленькие лавочки со всевозможными амулетами, талисманами и прочими предметами культа для тех, кто не успел ими запастись в го-

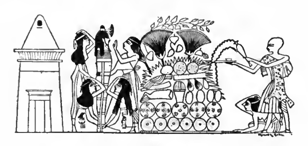
роде. Человек на причале придерживает за нос первую ладью, и все помогают переносить на берег катафалк и погребальную утварь. Вновь выстраивается похоронная процессия, не столь многочисленная, но примерно в том же порядке. Двух коров снова впрягают в сани, на которых стоит ладья архаического типа с саркофагом. Исида и Нефтис занимают свои места. Погонщики берут в руки кнуты. Вместе с ними идет человек со свитком. Женщины из семьи усопшего, дети и плакальщицы выстраиваются кто где может. Время от времени кто-нибудь из женщин потрясает трещотками. Друзья и подчиненные покойного с тростями в руках выступают в сопровождении носильщиков. Они говорят о своем покойном друге, о его вкусах и наклонностях, о превратностях судьбы, о непрочности и быстротечности жизни людской. Они проходят мимо легких навесов, перед которыми люди размахивают курильницами с благовониями. Так процессия пересекает возделанные поля и приближается к подножию Ливийских гор. Дорога идет вверх и становится все труднее. Коров отпрягают. Теперь сани тянут за собой люди, иногда саркофаг приходится нести на плечах. Впереди идет жрец, который все время окропляет саркофаг из чаши и протягивает в его сторону зажженную курильницу. На следующем изображении из горы появляется Хатхор в образе коровы, раздвигает заросли папируса, чудом выросшего на этих бесплодных скалах, и приветствует вновь прибывших.

IX. ПРОЩАНИЕ С МУМИЕЙ

Процессия с трудом добирается до гробницы [42]. Здесь тоже стоят маленькие лавочки, где торговцы разжигают курильницы с ручкой и охлаждают воду в больших глиняных кувшинах. Богиня Запада невидима и предстает перед людьми только в образе сокола на стеле. Саркофаг снимают с катафалка и ставят перед стелой. Вдова падает на колени и обнимает его обеими руками. Один из мужчин делает маленький колпачок из волос и благовоний, подобный тем, которые водружали на голову гостей в дни приемов. Плакальщицы, дети, члены семьи бьют себя руками по голове еще отчаяннее, чем в начале церемонии. Но жрецам необходимо выполнить очень важный обряд. Они уже расставили на столе самое необходимое для «тризны» — хлебцы и кружки с пивом, а рядом положили какие-то странные предметы: тесло, тесак в форме

страусового пера, муляж бычьей ноги, палитру с двумя завитками на краях. Эти предметы понадобятся жрецу, чтобы устранить последствия бальзамирования и вернуть усопшему возможность двигаться. Он снова сможет видеть. Он откроет рот, чтобы говорить и есть (так называемый обряд «отверзания уст и очей»).

Момент расставания приближается. Скорбь присутствующих достигает предела. Вдова начинает первой: «Я жена твоя, Меритра, о великий, не оставляй меня. Неужели ты хочешь, чтобы я от тебя удалилась? Если я уйду,

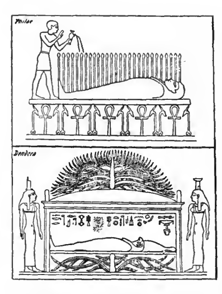
Прощание с покойным перед входом в гробницу

ты останешься один. Кто будет там с тобой, в твоем окружении? Ты так любил пошутить, а теперь ты молчишь, ты не говоришь со мной!»

Ей вторят хором женщины: «Горе, горе! Плачьте, плачьте, плачьте не переставая! Добрый пастырь ушел в страну вечности. Толпа людей удалилась от тебя. Теперь ты в стране, которая любит одиночество. Ты, кто любил шевелить ногами, чтобы ходить, теперь ты пленен, запеленат, связан. Ты, кто имел столько тонких одежд, теперь ты спишь в пеленах!»

Остается только спустить саркофаг в гробницу и расставить там погребальную утварь [43]. Катафалк теперь пуст. Давшие его напрокат жрецы отвезут его в город, где их уже дожидаются другие клиенты.

Гроб в форме мумии опускают в прямоугольный каменный ящик; он вырублен заранее, украшен рельефами и поставлен на место. Некоторые предметы — трости, оружие и, может быть, амулеты — кладут рядом с гробом и закрывают каменный саркофаг тяжелой крышкой. Около него ставят ящик с канопами, лари со статуэтками-ушебти и прочую утварь. Главное, не забыть то, что прежде

Изображение гробницы Осириса в храмах греко-римского периода (вверху — «прорастающий Осирис», внизу — Исида и Нефтис у гроба Осириса)

всего понадобится покойному,— пищу для его рта и, как мы их называем, «прорастающих Осирисов» — деревянные каркасы, напоминающие мумию Осириса, обтянутые грубой тканью. Их наполняли смесью ячменя с песком и поливали в течение нескольких дней. Ячмень прорастал. Когда побеги достигали двенадцати - четырнадцати сантиметров, им давали засохнуть на корню и затем заворачивали в пелены. Египтяне надеялись ускорить воскрешение усопшего, ибо Осирис прорастал точно так же до момента своего возрождения. В более древних гробницах той же цели служили вазы, разделенные на две части поперечной перегородкой с дырочками. В нижнюю часть наливали воду, в верхнюю клали луковицы водяной лилии. Она выпускала корни, которые через отверстия спускались к воде, а вверх луковица выбрасывала стебли через одну, а иногда через три горловины, и лилия расцветала. Этот обычай, очень распространенный в эпоху Среднего царства, позднее был забыт, когда на смену цветущим вазам пришли «прорастающие Осирисы» — еще одна победа культа Осириса над древним солнечным культом [44].

X. ПОМИНАЛЬНАЯ ТРАПЕЗА

Когда в подземной усыпальнице все было расставлено по местам, жрец и его помощники удалялись. Каменщик замуровывал вход. Однако родственники и друзья, которые проводили усопшего до его вечного жилища, не торо-

пились уходить. Такое горе и волнение пробуждали аппетит. Носильщики, доставившие все, что нужно покойнику, не забыли и о пище для живых. Все собирались в самой гробнице, либо перед входом в нее, либо чуть поодаль, в легких беседках [45].

Арфист, повернувшись лицом к тому месту, где покоилась мумия, начинал с восхвалений всего сделанного для усопшего: «Ты воззвал к Ра, тебе внимает Хепри и отвечает Атум. Владыка вселенной сделает все, что тебе нравится... Ветер Запада долетает до тебя, до твоего носа. Южный ветер для тебя превращается в северный ветер. Помещают твой рот к сосцам коровы Хесат. Ты становишься чистым, чтобы созерцать солнце. Ты совершаешь омовение в божественном водоеме... Все твои члены вполне здоровы. Ты оправдан перед Ра. Ты бессмертен перед Осирисом. Ты принимаешь наилучшие приношения. Ты насыщаешься, как на земле. Твое сердце успокоилось в некрополе. Ты пришел в свое обиталище с миром. Боги Дуата (преисподней.— *Ред.*) говорят тебе: „Приди к твоему Ка в полном спокойствии!“ Все люди другого мира — в твоем распоряжении. Ты призван излагать просьбы перед великим (богом). Ты вершишь правосудие, Осирис-Чанефер правогласный» [46].

В честь божественного отца Неферхотепа другой арфист произносит более грустные слова [47]. Все помнят, что усопший отмечен особыми привилегиями. Сколько гробниц разрушено, сколько исчезло! Им больше не приносят жертв, хлеб их покрылся пылью. «Но стены твоей гробницы тверды, и ты посадил деревья вокруг твоего пруда. Твой Ба отдыхает под ними и пьет их воду».

Арфисту кажется, что это самый подходящий случай немного пофилософствовать: «Тела уходят туда со времен богов, и молодое поколение занимает их место. До тех пор, пока Ра будет восходить на востоке, а Атум заходить на западе, мужчины будут оплодотворять, женщины — зачинать и все носы будут дышать. Но тот, кто рожден, однажды вернется на свое место».

Отсюда вывод: радуйся жизни, пока живешь! Но вот что странно: арфист обращался с этим советом к тому, кто покоился в саркофаге, а присутствующие принимали его на свой счет. Отдав должное еде и питью, они возвращались в свой город шумной, веселой толпой, совсем не похожей на похоронную процессию.

Вот так происходило погребение богатого египтянина. Вряд ли стоит говорить, что похороны простых людей об-

ходились без этих церемоний. Бальзамировщик даже не вскрывал тела и не вынимал внутренние органы. Он только вводил в тело через задний проход маслянистую жидкость со смолой можжевельника и выдерживал его в натроне. А для самых бедных смолу можжевельника заменяли дешевыми дезинфицирующими средствами. Подготовленную таким образом мумию укладывали в гроб и относили в старую, покинутую гробницу. Там эти гробы громоздились до потолка. Но все равно самая бедная мумия получала минимум необходимого из того, что ей могло понадобиться в загробном мире. Вместе с ней в гроб клали инструменты, сандалии, сплетенные из папируса, бронзовые или фаянсовые кольца, амулеты, скарабеев, глаза-«уджат» и фаянсовые статуэтки богов.

Но были люди совсем бедные — их ожидала общая могила. Посередине богатого некрополя Ассасиф сохранилось кладбище таких бедняков. Это была всего-навсего траншея, куда сбрасывали мумии, обернутые грубой тканью, слегка присыпали песком, а на них тут же сбрасывали другие мумии [48]. Счастливы оказывались те из этих бедняков, чьи имена или изображения оставались в гробнице везира или царского сына Куша! Они могли по-прежнему служить своему господину в загробном мире, как служили ему при жизни, и, поскольку любая работа заслуживает вознаграждения, могли рассчитывать на него и в будущей жизни. Может быть, им тоже перепадут крохи от милостей, дарованных избранным, которые почему-то считались праведниками.

XI. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЖИВЫМИ И МЕРТВЫМИ

Только крайне добрые и наивные люди представляли загробное царство Аментет местом мира и отдохновения. На самом же деле покойник был существом недоверчивым и мстительным. Он боялся воров, которых привлекали золото и серебро его гробницы, боялся злых умыслов или равнодушия бесчисленных посетителей огромного Города мертвых на западе. Он не доверял служителям некрополя. Тем, кто пренебрегал своим долгом и плохо заботился о гробницах, он грозил страшными карами: «Он предаст их огню фараона в день его гнева... Они опрокинутся в море, которое поглотит их тела. Они не получат почестей, предназначенных праведным людям. Они не смогут есть приношения покойным. Перед ними никто не

совершит возлияний свежей водой. Их сыновья не займут их места. Их жен изнасилуют у них на глазах... Они не услышат слов фараона в день его радости... Но если они будут хорошо заботиться о погребениях... они получат все наилучшее... Амон-Ра, царь богов, пошлет вам долгую жизнь. Царь, правящий в ваше время, вознаградит вас так, как следует вознаградить. Для вас будут умножены должности без конца, которые вы будете получать от сына к сыну и передавать от наследника к наследнику... Они будут погребены в некрополе, достигнув возраста ста десяти лет, и приношения им будут множиться» [49].

Но были и просто зловредные покойники. Одни потому, что их забыли потомки, другие потому, что им нравилось творить зло. Боги не могли помешать их злодеяниям, так как они обманывали богов, выходили из гробниц и преследовали живых [50]. Именно этих покойников и покойниц считали причиной большинства болезней. Матери боялись за своих детей: «Если ты пришла, чтобы обнять моего ребенка, я не позволю его обнять. Если ты пришла успокоить моего ребенка, я не позволю успокоить. Если ты пришла, чтобы унести его, я не позволю его унести!» [51].

Египтяне часто посещали «дома вечности» не только из почтения, но и из страха перед мертвецами. Родственники, дети и вдовы поднимались по склону горы и ставили на жертвенные столы перед погребальной стелой или между пальмами при входе в гробницу еду и кувшин с водой, произнося при этом угодные покойному слова: «Тысячи хлебов и кружек пива, быки и птица, масло и терпентин, лен и веревки, превосходные и чистые вещи, которые приносит Нил, которые дарит земля и которыми живет бог,— все это для Ка такого-то, правогласного».

В прежние времена не так-то просто можно было помолиться на могиле своего близкого. Мы уже приводили выше признания безупречного мужа и верной вдовы. О великих добродетелях несчастного мужа мы знаем лишь потому, что он подвергся тяжким испытаниям. Ему во всем не везло с тех пор, как он потерял свою жену. И тогда он написал ей длинное письмо, которое и дошло до нас. В нем он излагает печальные факты, напоминает обо всем, что сделал для нее до и после ее смерти, и горько возмущается: «Какое зло я содеял, чтобы попасть в положение, в котором я нахожусь? Что содеял я против тебя, чтобы ты подняла на меня руку, хотя я не сделал тебе ничего плохого? Я взываю к богам Запада словами

из моих уст, и пусть они рассудят тебя с тем, что написано» [52].

Автор этого письма жил при первых Рамсесах и лишь следовал старому обычаю, который подтверждается более древними текстами. Но это письмо доказывает, что египтяне по-прежнему верили в действенность таких посланий мертвецам. В эпоху Среднего царства покойнику предпочитали писать на перечне пожертвованных ему блюд, чтобы он заметил послание. Например, предка уведомляли, что его потомков пытаются лишить наследства. Не мешало бы покойному вмешаться. Пусть призовет он всех членов своей семьи и всех своих друзей на помощь тому, кого собираются обездолить. Ибо сын, создавая свой «дом вечности», заботится о доме его отцов и дает жизнь их именам. А если он разорится, горе будет его наследникам и наследникам его наследников.

Но при всем уважении египтянина к усопшим никакие угрозы, никакие заклинания не могли его заставить тратить время и средства на содержание могил далеких предков. И приходил день, о котором пел арфист; его предвидел и древний мудрец: «Те, кто строил из гранита, кто выкладывал усыпальницу в пирамиде... их жертвенные столы пусты, как у несчастных, которые умирают на берегу, не оставив потомства» [53].

Так постепенно некрополь становился местом, где прогуливались любопытные посетители, равнодушно читавшие надписи. Кое-кто из них, подобно современным туристам, оставлял памятку о своем визите, не забывая отметить свои благие намерения. Например, писцы такой-то и такой-то посетили гробницу Интефикера. Одни молились. Другие с радостью отмечали, что гробница хорошо сохранилась: «Они нашли, что внутри она подобна небесам».

Писец с искусными пальцами, писец, которому нет равных во всем Мемфисе, скромно называющий себя просто Аменемхат, посетил древнюю гробницу фараона Джосера. Он удивлен, что увидел там надписи с ошибками, начертанные, видимо, неразумной женщиной, а не ученым писцом, учеником Тота.

Поспешим заметить, что этот Аменемхат обрушился, и не без причины, на безграмотные и уродливые писульки, нацарапанные второпях его современниками, и вовсе не имел в виду прекрасных надписей, исполненных древними художниками.

Во времена Рамсеса II писец сокровищницы со своим братом, писцом везира, отправились погулять и пораз-

влечься в некрополь Мемфиса. «О все боги на Западе от Мемфиса, все боги, правящие на этой священной земле, Осирис, Исида и все великие боги, которые на Западе от Анхтаун, пошлите мне долгую жизнь, чтобы служить вашему Ка! Даруйте мне достойное погребение после прекрасной старости, чтобы я мог созерцать Запад Мемфиса, как высокочтимый писец и как вы сами!»

Некий Неферкаптах — герой романа, сочиненного в эпоху Позднего царства, но якобы живший во времена Рамсесов, должно быть, для того только и жил на свете, чтобы разгуливать по некрополю Мемфиса, читая вслух надписи в гробницах фараонов и на стелах жрецов «дома жизни», которые его, по-видимому, очень интересовали [54]. У этого Неферкаптаха был соперник, такой же мудрец и большой знаток древних надписей, Сатни-Хаэмуас, сын Усермаатра, то есть Рамсеса II, который нашел в Мемфисе под головой мумии магические формулы, содержащиеся в папирусе 3248, хранящемся в Лувре [55]. Добавим к этому, что недавно обнаруженная надпись на южной стороне пирамиды Униса в Саккара сообщает нам, что Рамсес II поручил царскому сыну Хаэмуасу, великому жрецу Она, восстановить имя Униса, властителя Юга и Севера, на его пирамиде, ибо царский сын Хаэмуас очень любил заботиться о забытых гробницах фараонов Юга и Севера, которым грозило разрушение [56].

Думал ли он, наш древний мудрец, предшественник О. Мариета и египетских ученых Службы древностей, что через века забвения потомки варваров, «не знающих Египта», начнут, в свою очередь, изучать некрополи Юга и Севера, чтобы воскресить имена его далеких предков и современников и получше познакомиться с ними?

Мы надеемся, что те, у кого хватило терпения дочитать до конца эту книгу, не будут судить слишком строго древних египтян и их образ жизни. Египетский народ вовсе не был, как полагал Ренан *, стадом рабов под игом равнодушного фараона и корыстных и фанатичных жрецов. Конечно, при Рамсесах было немало обездоленных. И палками тоже тогда злоупотребляли. И все же фараон и его слуги предстают перед нами как живые повелители живых людей. Религия их утешала. И я думаю, что в жизни этого маленького народа было больше хорошего, чем плохого.

* Ж. Э. Ренан — французский писатель, историк, филолог и востоковед XIX в., известный переведенными на многие языки трудами о христианстве, а также Библии.

ASAE: Annales du Service des Antiquités de l'Egypte, 39 vol., Le Caire, 1900—1939.
ZAS: Zeitschrift für aegyptische Sprache und Altertumskunde, 80 vol., Lpz., 1863—1940.
BIFAO: Bulletin de l'Institut français d'Archéologie orientale du Caire, 38 vol., Le Caire, depuis 1901.
Bibl. eg.: Bibliotheca aegyptiaca, Bruxelles, depuis 1931, contient en particulier:
I, *Gardiner Alan H.* Late-egyptian stories.
V, *Erichsen V.-W.* Papyrus Harris I.
VII, *Gardiner Alan H.* Late-egyptian miscellanies.
Caire, Cat. gén.: Catalogue général des antiquités égyptiennes du musée du Caire.
J. E. A.: Journal of Egyptian archaeology, L. (Exploration society), depuis 1914.
Kêmi, KÊMI: Revue de philologie et d'archéologie égyptiennes et coptes, 9 vol., P., 1928—1942.
Mem. Tyt.: Robb de Peyster Tytus Memorial series (New York, depuis 1917), contient:
I, *Garis-Davies N. de.* The tomb of Nakht at Thebes, 1917.
II, III, du méme, The tomb of Puyemrê at Thebes, 2 vol., 1922—1923.
IV, du même, The tomb of two sculptors at Thebes, 1927.
V, du même, Two ramesside tombs at Thebes, 1927.
Med. Habu: Oriental Institute of Chicago, Medinet-Habu:
I, Earlier historical records of Ramses III.
II, Later historical records of Ramses III.
III, The calendar, the slaughterhouse and minor records of Ramses III.
Miss. fr.: Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire, 18 vol., 1884—1896, en particulier, tome V (divers tombeaux thébains dont Rekhmarà, par Bénédite, Maspero, Scheil) et XVIII, Boussac, Le tombeau d'Anna.
Topographical bibliography: Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs and paintings, by Bertha Porter and Rosalind Moss, 5 vol., Oxf, 1927—1937.
Th. T. S.: The Theban tomb series, edited by N. de Garis — Davies and Alan H. Gardiner, 5 vol., 1915—1932; contient:
I, The tomb of Amenemhet (n° 82).
II, The tomb of Antefoker, vizier of Sesostris I, and of his wife Senet.
III, The tombs of two officials of Thutmosis the fourth (n^rs^ 75 and 90).
IV, The tomb of Huy, viceroy of Nubia in the reign of Tutankhamun (n° 40).
V, The tomb of Menkheperrasonb, Amenmose and another (n^rs^ 86, 112, 42 and 226).

Urk.: Urkunden des aegyptischen Altertums, in Verbindung mit K. Sethe und H. Schäfer herausgegeben von G. Steindorff:

I, Urkunden des alten Reiches (4 fasc.) [Lpz., depuis 1902].

II, Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit (3 fasc.).

III, Urkunden des älteren Aethiopenkönige (2 fasc.).

IV, Urkunden der 18. Dynastie (16 fasc.).

Wr. Atl.: Wreszinski, Atlas zur Altaegyptische Kulturgeschichte. 2 Teile, Lpz., depuis 1913.

Введение

[1] Например: *Juvénal*. Satire XV; Hérodote II, 35.

[2] *Montet*. Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'Ancien Empire. Strasbourg, 1925.

[3] *Newberry*. Beni-Hasan. T. I (L., 1893), табл. 28, 30, 31, 38.

[4] *Griffith* and *Newberry*. El Bersheh. T. I (L., 1894), табл. 13, 17.

[5] *Carter*. The tomb of Tut-Ankh-Aman. 3 vol. L., 1923—1933. *Montet*. Tanis. P., 1942, гл. VII.

[6] Об этой эпохе см.: *Montet*. Le drame d'Avaris. P., 1941, гл. III и IV.

Глава I

[1] План у *Petrie*. Illahun, Kahun and Gurob, табл. 14.

[2] Общее описание города и главных зданий см.: *Pendlebury*. Les fouilles de Tell el Amarna. P., 1936. План, с. 63.

[3] Общий план Карнака: Topographical bibliography, II, 2, 98.

[4] Wr. Atl., II, 30, 31.

[5] Topographical bibliography, II, 112; *Robichon et Varille*. En Egypte, couverture.

[6] The Oriental Institute of the University of Chicago, Communications, № 15, 1, 28; № 18, frontispice.

[7] Так, например, выглядят процессии в храмах Мединет-Абу и Абидоса (Medinet-Habu, Wr. Atl., II, 184—190.

[8] *Montet*. Le drame d'Avaris. P., 1941, главы II и IV.

[9] *Montet*. Tanis. P., 1942, с. 9, 23, 107, 128.

[10] Papyrus Harris I, 78, 8.

[11] Там же, с. 6.

[12] Там же, с. 27—29.

[13] *Chassinat*. Dendara. T. I, табл. 15; *Robichon et Varille*. Le temple du scribe royal Amenhotep, fils de Hapou. Le Caire, 1936, с. 35.

[14] *Pendlebury*. Ук. соч., с. 114, 140.

[15] *Fougerousse*. Le grand puits de Tanis.— Kêmi. V, 71—103.

[16] *Posener*. La première domination perse en Égypte. Le Caire, 1936, с. 15—16.

[17] ASAE, XVIII (1918), 145.

[18] Kêmi, VIII.

[19] ASAE, XXX, 40, 41.

[20] Bibl. eg., VII, 12; ср.: Drame d'Avaris, с. 135—136.

[21] The Oriental Institute of the University of Chicago, Communications, № 7, с. 1—23.

[22] ASAE, XI (1910), 49—63.

[23] Pap. Harris. I, 29, 8; *Montet*. Tanis. T. II.

[24] *Petrie*. Tell el Amarna, с. 2—4; *Davies*. Mural Paintings in the City of Akhenaten.— J. E. A., VII, табл. 1 и 2.

[25] Mem. Tyt., V, 28—29. О доме Табубуи см.: *Maspero.* Contes populaires. 4e éd., с. 147.

[26] *Davies.* Neferhotep, с. 14.

[27] *Pendlebury.* Ук. соч., с. 127—149.

[28] Там же, с. 152, 153.

[29] Wr. Atl., I, 60; Mém. Miss. fr., XVIII, I; Urk., IV, 1046—1047.

[30] Wr. Atl., I, 278 (Сад Миннахта).

[31] Сад Рехмира: Wr. Atl., I, 3; Сад Себекхотепа: там же. Т. I, 222; Сад Аменемхеба: там же. Т. I, 66; Сад Кенамона: *Davies.* Ken-Amun, 47; роспись из Британского музея, 37983: Wr. Atl., I, 92.

[32] *Davies.* The Town House in Ancient Egypt.— Metropolitan Museum Studies, I, may 1929, с. 233—255.

[33] Один из этих экспонатов — в Каирском музее, другие — в Лувре, cf. Kêmi, VIII.

[34] *Davies.* Ук. соч., с. 242, 243, 246, 247.

[35] Pap. Ebers, recettes 840, 852, табл. 97—98.

[36] Изящные кресла, прекрасно сохранившиеся, извлечены из гробниц Эйе и Тэйе и из гробницы Тутанхамона. В храмах и гробницах сохранилось множество великолепных изображений. Например: Mem. Tyt., V, 5, 9, 25; там же, IV, 7; Th. T. S., I, 15—16; там же, V, 41, 43.

[37] Роспись во дворце Эхнатона: *Pendlebury.* Ук. соч., с. 14; J. E. A., VII.

[38] Поразительная коллекция таких ваз, извлеченных из подземелий ступенчатой пирамиды, выставлена сегодня в музее Саккара. А те, что найдены в Абу-Роаше, см.: Kêmi, VIII.

[39] *Montet.* Vases sacrés et profanes du tombeau de Psousennès.— Monuments Piot. T. XXXVIII (1941), с. 17—39; *Maspero.* Essais sur l'art égyptien. P., 1912, с. 189—216; *Edgar.* The Treasure of Tell Basta.— Musée égyptien. T. II, с. 93, 108; *Vernier.* Cat. Caire, Bijoux et orfèvreries, с. 104, 106.

[40] Medinet-Habu, 38, 55.

[41] *Davies.* Ken-Amun, с. 13, 20.

[42] *Montet.* Vie privée, табл. 13 и с. 145.

Глава II

[1] *Maspero.* Hymne au Nil, с. 3, 8, 12.

[2] Pap. Harris, I, 37 b 1, 41 b 6; 54 a 2, 56 a 12.

[3] *Moret.* La mise à mort du dieu en Egypte. P., 1927, с. 10, 13.

[4] Канопский декрет: Urk., II, 138.

[5] Medinet-Habu, III, 152.

[6] Pap. Chester Beatty, I, verso C 1.

[7] Pap. Anastasy IV, 10, 1, 3.

[8] Гимн в честь Сесостриса III. *Sethe.* Lesestücke, с. 67.

[9] Надпись строителя Хорурра: Kêmi, II, 111—112.

[10] Pap. Ebers, 18, 2; 61, 4—5; 61, 65; Papyrus médical de Berlin, 11, 12; Pap. Hearst, 2 17; 10, 11.

[11] Strabon XVII, 46.

[12] Siout. I, 278 (вторая надпись Хапиджефаи).

[13] *Davies.* Ken-Amun, с. 38—39.

[14] ASAE, XXXIX, 219—399.

[15] Pap. Sallier IV, étudié par *Chabas.* Le calendrier des jours fastes et néfastes de l'année égyptienne, Paris et Chalon, 1870, et Bibliothèque égyptologique, XII, 127, et *Budge.* Fac-similé of Eg.

Hieratic papyri in the Br. Mus., II, табл. 88 и сл.; *Griffith.* The Petrie Papyri, с. 62 и табл. 25.

[16] Относительно Сетха (Ареса) см.: Геродот II, 59, 63.

[17] Часы дня: *Chassinat.* Edfou. T. III, с. 214, 229. Часы ночи: *Bucher.* Les textes des tombes de Thoutmosis III et d'Amenophis II, с. 8—77.

[18] Urk., 1, 106 (Ouni 36).

[19] Urk., 1, 130.

[20] *Erman-Ranke.* Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum, с. 399, 402; *Sloby R.-W.* Primitive Methods of Measuring Time.— J. E. A., XVII (1931), 166—178.

[21] J. E. A., XVII, табл. 19, 22; Kêmi VIII.

[22] J. E. A., XVII, 170—174.

[23] *Maspero.* Etudes égyptiennes. T. I, с. 185—186.

[24] Urk., IV, 655.

[25] *Sinouhit* B, 10, 12, 20; Bibl. eg., VII, 30; Bulletin de Qadech, 5.

[26] Diodore I, 70.

[27] Pap. Harris, 500, IV, 1, 2.

[28] *Vandier d'Abbadie J.* Les ostraca figurés de Deir el Medineh, 2337, 2339, 2342, 2344, 2347.

[29] *Maspero.* Histoire. T. II, с. 294—295.

[30] Там же, с. 433, 444.

[31] Urk., III, 61, 62.

[32] *Gardiner.* Hieratic Papyri in the British Museum, third series. L., 1935, т. II, табл. 5, 8.

[33] Там же. T. I, с. 20, 21.

[34] Hérodote II, 83. *Sourdille.* Hérodote et la religion de l'Égypte. P., 1910, гл. VI.

Глава III

[1] Ptah-hotep (éd Dévaud), maxime 21.

[2] Urk., IV, 2—3.

[3] Urk., IV, 30, 31.

[4] Louvre, C 100, *Maspero.* Etudes égyptiennes. T. I, 257, 8.

[5] Pap. Harris, 500, Chants d'amour, II, 9, 11; *Muller W.-M.* Die Liebespoesie der alten Egypten.

[6] *Gardiner Alan H.* The Chester Beatty Papyri, № 1, табл. 25, 6—26.

[7] Там же, табл. 22, 8.

[8] Там же, табл. 22, 8; табл. 23, с. 1.

[9] Там же, табл. 23, 2—4.

[10] Там же, табл. 24, 4—7.

[11] Там же, табл. 24, 10—25.

[12] Pap. Harris, 500, Chants d'amour, IV, 2; V, 3.

[13] *Maspero.* Contes populaires, 4e éd., с. 128.

[14] Там же, с. 197, 203.

[15] *Davies.* Neferhotep, с. 36, 37; Mem. Tyt., IV, 5; V, 5—7. Не следует забывать, что термины родства у египтян помимо прямого смысла имели более широкое значение. «Ит» — отец — означал иногда «предок». «Брат» и «сестра» означали иногда членов одной группы. Глагол «сенсен» означал «принадлежать», «присоединяться».

[16] *Maspero.* Contes populaire, 4e éd., с. 129, примеч. 1; *Moret.* Le Nil et la civilisation égyptienne, с. 110, 318—319.

[17] Hérodote III, 31.
[18] Th. T. S., I, c. 4; A2, XLVIII, 50.
[19] *Maspero.* Contes populaires, 4e éd., c. 130.
[20] *Cerny J.* La constitution d'un avoir conjugal en Égypte.— BIFAO. 1937, c. 41 и сл.
[21] *Linage*, dans BIFAO, XXXVIII, 233, 599.
[22] Один из многих примеров: Mem. Tyt., IV, 1.
[23] Ptah-hotep, éd. Dévaud, 309, 310.
[24] *Maspero.* Contes populaires, 4e éd., c. 29, 31.
[25] Там же, с. 3, 21.
[26] Там же, с. 38, 40.
[27] Там же, с. 43.
[28] Там же, с. 148, 169.
[29] Papyrus Chester Beatty, № 11, recto 4—5.
[30] Br. Mus., № 1027; *Maspero.* Études égyptiennes.
[31] Pap. de Leyde, 37; *Sethe* and *Gardiner.* Egyptian Letters to the Dead.
[32] Pap. d'Orbiney, VIII, 7, 8.
[33] Там же, IX, 8, 9.
[34] Pap. Westear; *Maspero.* Contes populaires, 4e éd., c. 28.
[35] Pap. moral de Boulaq, II, 13, 17. *Maspero.* Histoire. T. II, c. 502. Такая же угроза содержится в тексте: Ptah-hotep, éd. Dévaud, 287—288. «Этот миг краток, как сон. Хочешь познать смерть, и она приходит».
[36] Coffin texts., гл. 146, t. II, c. 180 и сл.
[37] Br. Mus., 10052, XV, 4. Другой грабитель тоже был многоженцем (*Peet.* Meyer papyri, 13 E, 6); ср.: *Erman-Ranke.* Aegypten..., 177.
[38] BIFAO, 1937, 41, 599.
[39] Naufragé, 168—169.
[40] BIFAO, XLI, 31.
[41] Strabon XVII, 2, 5.
[42] Diodore I, 80.
[43] См., например, советы Ханиджефаи своему сыну: Siout, 1, 269, 272.
[44] Pap. d'Orbiney, IX, 8—9.
[45] Pap. Harris, 500, V°—IV, 3, 4.
[46] Hérodote II, 82.
[47] Pap. Sallier IV (Bibliothèque égyptologique, XII, 153, 154, 160, 161).
[48] Pap. Ebers, 97, 13, 14 (recettes), 838, 839.
[49] *Maspero.* Contes populaires, 4e éd., c. 156, 157.
[50] *Gardiner.* The House of Life.— J. E. A., XXIV (1938), 175; ср.: *Maspero.* Contes populaires, 4e éd., c. 130, примеч. 1.
[51] Берлинский рельеф, 14506; Wr. Atl., I, 387.
[52] Papyrus moral de Boulaq, VI, 17 ssq.; ср.: Maspero. Histoire. T. II, c. 502, 503.
[53] *Davies.* Ken-Amun, табл. 51 и с. 9.
[54] Paheri, 4.
[55] Urk., IV, 34.
[56] *Davies.* Ken-Amun, 35: группа слуг позади кресла хозяина.
[57] Bibl. eg., VII, 3.
[58] Там же, VII, 66, 67.
[59] *Davies.* Neferhotep, c. 43.
[60] Urk., IV, 11.

[61] *Gardiner*. Four Papyri of the 18th Dynasty from Kahun, AZ XLIII, 27869.

[62] Pap. Br. Mus., 10052, XI, 4, 9. Другая обвиняемая говорит, что приобрела рабов на доходы со своего хозяйства (Там же. Т. X, с. 11 и сл.).

[63] *Gardiner*. Lawsuit Arising from the Purchase of Slaves.— J. E. A, XXI (1935), 140—146.

[64] Urk., I, 75.

[65] *Davies*. Five Theban Tombs. T. II, c. 25, 26, 27, 28.

[66] Mem. Tyt., V, 34.

[67] *Davies*. Five Theban Tombs, c. 4.

[68] Miss. fr., V, 547.

[69] *Vandier d'Abbadie J*. Catalogue des Ostraca figurés de Deir el Medineh, c. 2035, 2037, 2038, 2040.

[70] Там же, с. 2003, 2004.

[71] Wr. Atl., I, 123.

[72] *Newberry*. Beni-Hasan. T. IV, c. 5.

[73] Br. Mus. 37977 dans Wr. Atl., I, 423.

[74] Mem. Tyt., V, 25.

[75] Miss. fr., V, 552, на остраконе 21443 из Берлина (*Erman*. La religion des Egyptiens, c. 11) кошка играет с обезьяной.

[76] Archieves du Museum d'Histoire naturelle de Lyon, XIV, 21; tombeau 217 à Thèbes.

[77] Остракон 2201 из Дейр-эль-Медина.

[78] Mem. Tyt., I, 10.

[79] Mem. Tyt., V, 30.

[80] *Kuentz*. D'oie du Hil, archieves du Muséum d'Histoire naturelle de Lyon. T. XIV, c. 1—64.

[81] Bibl. eg., VII, 102 (Pap. Lansing, 3, 5, 8).

Глава IV

[1] Hérodote II, 37. Иногда встречаются мужчины-прачки: Wr. Atl., I, 57. Farina. La pittura egiziana, c. 165.

[2] Sinouhit B, 291—292.

[3] Там же, 293—295; *Montet*. Bablos et l'Egypte, c. 610.

[4] Jéquier. Les frises d'objets.

[5] Например, везир Птахмос; стела 88, хранящаяся в Лионе; опубликована в: *Varille*. Mélanges Loret.— BIFAO, 1930, c. 497.

[6] *Quibell*. The Tomb of Hesy, табл. 21.

[7] *Jéquier*. Ук. соч.; *Lucas*. Ancient Egyptian Materials and Pap. Ebers, 65, 10—11, recettes 453—463; 66, 7—9, industries, 2ᵉ éd.; 79—84, recettes 464—465; 66, 15, recettes 468.

[8] Pap. Hearst, 10, 4—11, recettes 144—148; Pap. Ebers, 86, 4. recettes 705; 87, 3—16, recettes 714—720; Pap. Ebers, 67, 3; Pap. Hearst, 10, 15, 15, 1, recettes 157—158.

[9] *Loret V*. Pour transformer un vieillard en jeune homme, Mélanges Maspero. T. I, c. 853—877.

[10] Wr. Atl., I, 44.

[11] Caire cat. gén.; *Bénédite*. Objets de toilette; *Erman-Ranke*, Aegypten..., табл. 17, Semblable: *Farina*. La pittura egiziana, c. 17.

[12] Pap. d'Orbiney, 2. 9, 3, 2.

[13] *Davies*. Five Theban Tombs, c. 4, 26; Th. T. S., V, 9, 10; IV, 17; Mem. Tyt., 1, 12, 18; IV, 7, 8, 11; V. 30.

[14] Urk., 1, 102.

[15] Две пары золотых сандалий были найдены в гробнице Псусеннеса: *Montet.* Tanis, с. 156.

[16] Pap. Ebers, 78, 4 ssq., recettes 616, 617, 620; 81, 2 ssq.; 647, 648; Pap. Hearst, 12, 8, recettes 173—205.

[17] *Davies.* El Amarna. T. IV, с. 26; Medinet-Habu, 75, 112.

[18] *Davies.* Neferhotep, с. 36, 37, 41, 50; Th. T. S., IV, 6; Mem. Tyt., IV, 1, 5; V, 1, 9, 25.

[19] *Davies.* Neferhotep, с. 15, 36, 37, 50, 52; Mem. Tyt., T. IV, 1, 5; V, 1, 7, 9, 25.

[20] Pap. Br. Mus., 10052, XI, 7—8; ср.: *Vandier.* La famine dans l'Egypte ancienne. Le Caire, 1931.

[21] Sinouhit B, 86—88.

[22] Naufragé, 47—52.

[23] Wr. Atl., II, с. 185—188; Medinet-Habu, 173.

[24] Pap. Harris, I, 13, 7—8; 20; 20 a, 3—11; 35 b, 8—14; 51 a 13.

[25] Pap. Harris, I, 20 a, 13—15; 71 b, 9—10.

[26] *Montet.* Vie privée, гл. V; для Нового царства см.: Wr. Atl., 188; Med. Habu, 173.

[27] Med. Habu, 148, 160, 152; Pap. Harris, I, 20 b, 53 b.

[28] Urk., III, 54 (Piankhi, 150—153).

[29] Pap. Harris, I, 20 b, 12—21 a, I; 65 с, 7—8.

[30] *Loret V.* L'ail chez les anciens Egyptiens, Sphinx, 1905, с. 135—147.

[31] Nombres, XI, с. 5.

[32] Hérodote II, 38; Diodore I, 2, 33.

[33] *Loret V.* La flore pharaonique, № 152, с. 128—129, 157.

[34] Pap. Chester Beatty I, II, 10—12; *Keimer L.* Die Gartenpflanzen im alten Egypten, с. 1—6.

[35] Diodore I, 34.

[36] *Loret V.* La flore pharaonique, № 146. Везир Рехмира в то же время прибирает к рукам весь урожай зерна и собранный мед (Urk., IV, 1040—1041); Medinet-Habu, 146, 1, 281, 286; Pap. Harris, I. 28, 46, 48.

[37] *Steindorff* und *Wolf.* Die Thebanische Gräberwelt, Lpz., 1932, с. 18.

[38] *Davies.* Ken-Amun, 58—59; Wr. Atl., I, 255, 286, 325—326, 356.

[39] Pap. Ebers, 6, 14, 10, 12, 13, 20, 20; Pap. Hearst, 2, 12, 3, 12, 34.

[40] Hérodote II, 77.

[41] Wr. Atl., I, 84; Mem. Tyt., I, 22, 11; Bull. Inst. d'Egypte, XXI, 215.

[42] Pap. Harris. I, 16, 20 b, 36 a, 65 с; Mem. Tyt., I, 26; Wr. Atl., I, 16, 22.

[43] Wr. Atl., I, 180, 356; *Montet.* Vie privée, с. 231—236; *Davies*, Five Theban Tombs, с. 38.

[44] Th. T. S., II, 11.

[45] *Pendlebury.* Les fouilles de Tell el Amarna, с. 139.

[46] *Montet.* Vie privée, с. 242—254; *Davies.* Ken-Amun, с. 58; Th. T. S., II, 8—10; *Davies.* Five Theban Tombs, с. 39.

[47] Bibl. eg., VII, 41—42.

[48] AZ, LVIII, 25.

[49] *Newberry.* Beni-Hasan. T. II, с. 6; BIFAO, IX, 8, 9.

[50] *Farina.* La pittura egiziana, с. 17.

[51] *Davies.* El Amarna. T. III., с. 4—6.

[52] Th. T. S., III, 6. Рельеф из гробницы Хоремхеба (Берлин, 20365).

[53] *Erman-Ranke*. Aegypten..., c. 218.

[54] Kêmi, VIII.

[55] Siout, I, V, VII и IX.

[56] *Davies*. A Peculiar Form of N. K. Lamp.— J. E. A., X, 9—14; ср.: Urk., IV, 117: «Могу ли я зажечь лампу для тебя, пока длится ночь и пока не взойдет солнце!»

[57] *Maspero*. Les enseignements d'Amenemhât Ier à son fils Sanouasrit Ier, c. 10.

[58] Bibl. eg., VII, 37, 38. Souhaits analogues: Bibl. eg., VII, 24.

[59] Bibl. eg., VII, 5—6; ASAE, XL, 605.

[60] Bibl. eg., VII, 7.

[61] Сцены пиров часто встречаются в фиванских гробницах: Paheri, 6—7; *Davies*. Neferhotep, c. 18; Th. T. S., 1, 6, 15; LII, 4—6; III, 21; Mem. Tyt., I, 15; IV, 5; Wr. Atl., I, 7; 1, 10; 8, 9, 91.

[62] Ptah-hotep, éd. Dévaud, maxime 18, 277, 288.

[63] К примечанию 61 можно добавить: Wr. Atl., I, 145; *Davies*. El Amarna. T. V, c. 5; *Loret*. Note sur les instruments de musique de l'Égypte ancienne.— L'Encyclopédie de la musique, de *Lavignac*. P., 1913, 1—34; *Gérold Th*. Histoire de la musique des origines à la fin du XIVe siècle. P., 1936, гл. I; Wr. Atl., I, 179; *Maspero*. Histoire. T. II, c. 529.

[64] Br. Mus. 37984; *Bénédite*. Le tombeau de Neferhotpou; Miss. fr., V, табл. 4, c. 529—531; *Maspero*. Etudes égyptiennes. T. I, c. 172—177.

[65] *Maspero*. Études égyptiennes. T. I, c. 178 и сл. (Leide K 6).

[66] Hérodote II. 78; Plutarque. Isis et Osiris, c. 17; *Lucien*. De Luctu, 21; *Pétrone*. Satiricon, c. 34.

[67] Paheri, c. 7.

[68] *Davies*. Neferhotep, c. 18; Wr. Atl., I, 392 (Bruxelles E 2877); Wr. Atl., I, 179.

[69] Wr. Atl., I, 49, 418; BIFAO, XXVII, табл. 7. (Tombeau 219 à Deir el Medineh); *Lefebvre*. Petosiris, c. 50; Piankhi, c. 133.

[70] *Montet*. Vie privée, c. 372—376; *Junker*, Giza. T. IV, c. 37.

[71] *Maspero*. Contes populaires, 4e ed., 142 (Сатни-Хаэмуас и мумии). Там же, c. 2.

[72] *Montet*. Vie privée, c. 368, 372. Совсем другие объяснения правил игры в козлят дал египетский египтолог, игравший в эту игру в детстве: *Saad Zaki*. Khasa Lawiza.— ASAE, XXXVII, c. 212 и сл.

[73] *Davies*. El Amarna. T. VII, c. 18.

Глава V

[1] Bibl. eg., VII, 104 (Lansing, V, 7; VII, 7); там же, VII, 83 (Sallier, I, V, VI, 9).

[2] Hérodote II, 14; Diodore I, 36.

[3] *Montet*. Vie privée, c. 258—260.

[4] Представлены в: *Davies*. Neferhotep, табл. 46—47; Mem. Tyt., V, табл. 28—29; исслед. см.: *Davies*. Neferhotep, c. 70.

[5] Бóльшую часть этих имен можно найти в: *Spiegelberg*. Bemerkungen zu den hieratischen Amphorinschriften des Ramesseums; AZ, LVIII, 25; ср.: *Montet*. Drame d'Avaris, c. 153—154; Mem. Tyt., V, 19. На путях Хора в Дельте тоже выращивали виноград.

[6] Pap. Harris, I, 7, 10, 12.

[7] Изображены в гробнице Paheri, табл. 4; Wr. Atl., I, 338, 282, 265; Th. T. S., III, 30; *Davies.* Neferhotep, табл. 48; Mem Tyt., I, 22; V, 30, 68, 345. 12, 230; *Lefebvre.* Petosiris, табл. 12.

[8] *Montet.* Vie privée, с. 267.

[9] Прекрасное изображение гробницы Пуиемра: Mem. Tyt., II, 12.

[10] Petosiris, тексты 43 и 44.

[11] Изображения зерновых культур даны в: Mem. Tyt., I, 18 (Nakht); Mem. Tyt., V, 30 (Apouy); Th. T. S., III, 9; Wr. Atl., 424 (Br. Mus. 37982); Wr. Atl., 231, 234 (Menna); Wr. Atl., I, 9, 51, 193—195 (Khaemhat); Wr. Atl., I, 83, 385, 422, 261, 58, 279, 366, 20, 11, 14, 142, 61, 112, 19; Paheri, 3.

[12] Orbiney, II, 2.

[13] Так действовали уже в Древнем царстве: *Montet.* Vie privée, с. 183 и сл.

[14] Wr. Atl., I, 112 (Panehsy).

[15] Paheri, с. 3.

[16] Petosiris, с. 13.

[17] Bibl. eg., VII, 104 (Pap. Lansing).

[18] Paheri, с. 3.

[19] Hérodote II, 14; Wr. Atl., I.

[20] De Iside et Osirise, 70.

[21] *Montet.* Vie privée , с. 191; *Moret.* La mise à mort du dieu en Égypte. P., 1927, с. 33—35.

[22] Deutéronome, 11, 10—11.

[23] Th. T. S., III, 10; Wr. Atl., I, II, 191, 232; ср.: *Berger Suzanne.* Some Scenes of Land Measurement.— J. E. A., XX, 54 и табл. X.

[24] Bibl. eg., IV, № 4; J. E. A., XIII, 193, ssq.

[25] Wr. Atl., I, 14, 19.

[26] Petosiris, надпись 52.

[27] *Montet.* Vie privée, с. 202.

[28] Petosiris, надписи 51 и 52.

[29] Рельеф из Лейдена, cat. № 50 (Wr. Atl., XX, 1, 422). Мемфисские рельефы времен Древнего царства подтверждают, что тогда урожай увозили на ослах (*Montet.* Vie privée, с. 206).

[30] Wr. Atl., I, 61 (Panehsy).

[31] Paheri, 3. Аналогичные изображения см.: Wr. Atl., I.

[32] Wr. Atl., I, 193, 346, 231.

[33] Mem. Tyt., I, 120, а также см. ссылку на примеч. 32.

[34] Psaueme 126, 5.

[35] Mem. Tyt., I, с. 64; *Blackmann Winifred S.* Some Occurrence of the Corn-Aruseh.— J. E. A., VII, с. 235.

[36] *Gauthier.* Les fêtes de dieu Min, с. 225.

[37] Mem. Tyt., V, 30; Wr. Atl., I, 19, 422 (Leide, cat. № 50), 193, 346. Кроме того, уборка льна изображена в гробницах Среднего царства в Бенихасане, Эль-Берше и Мейре; ср.: Petosiris, табл. 13.

[38] *Maspero.* Contes populaires, 4e éd., с. 43.

[39] *Gaillard.* Sur deux oiseaux figurés dans les tombeaux de Beni-Hassan.— Kêmi, II, 19—40.

[40] *Montet.* Vie privée, с. 260—265.

[41] Wr. Atl., I, 33 (Berlin, № 18540).

[42] Pap. Harris, I, 20 b, 8.

[43] *Gaillard.* Les tâtonnements des Egyptiens de l'Ancien Empire à la recherche des animaux à domestiquer.— Revue d'ethnographie et de sociologie, 1912.

[44] Pap. Lansing, табл. 3, 8, 10.

[45] «Князь» Эль-Каба, Ренни, насчитал 122 быка, 100 баранов, 1200 коз и 1500 свиней (Urk., IV, 75).

[46] Рамсес III всемерно старался увеличить поголовье скота в Египте: «Я дал тебе [Амону] стада на юге и стада на севере, быков и всякой птицы, и мелкого скота сотни тысяч, с надсмотрщиками за быками, писцами, надсмотрщиками за зерном, стражниками и многочисленными пастухами» (Pap. Harris, I, 7, 9). Ориксы всегда приносились в жертву в храмах, и Рамсес III посылает за ними охотников в пустыню (Pap. Harris, I, 28).

[47] Th. T. S., IV, 8.

[48] Остракон из Дейр-эль-Медина, 2159; *Maspero*. Histoire, T. II, с. 219 (всадник из гробницы Хоремхеба в музее Болоньи).

[49] *Maspero*. Egypte.— Ars Una.

[50] *Montet*. Vie privée, гл. III.

[51] *Newberry*. El Bersheh. T. I, с. 18.

[52] *Lefebvre*. Petosiris, тексты 46, 48.

[53] Mem. Tyt., II, 12 (Pouyemrê); Wr. Atl., I, 264 (Anna).

[54] Th. T. S., III, 31; Wr. Atl., I, 183 (Ouserhat).

[55] Mem. Tyt., V, 30 и 34.

[56] Wr. Atl., I, 395.

[57] *Montet*. Vie privée, вся гл. I; Wr. Atl., I, 433 (Br. Mus. 37977); Wr. Atl., I, 117 (Baki); Wr. Atl., I, 343 (Senemiôt); Mem. Tyt., I, 24 (Nakht); II, 9 (Pouyemrê); Wr. Atl., I, 2 (Menna).

[58] *Montet*. Vie privée, с. 73; Mem. Tyt., II, 15, 18, 19. Поучение Аменемхата, сына Дуауфа, § 19 и 20.

[59] Wr. Atl., I, 250.

[60] Wr. Atl., I, 250 (Horemheb); Mem. Tyt., V, 30, 35 (Apouy); Mem. Tyt., II, 65 (Pouyemrê); *Montet*. Vie privée, с. 23—41.

[61] Wr. Atl., I, 354, 117, 40, 343, 70, 294, 2, 183, 77; Mem. Tyt., I, 24; *Davies*. Ken-Amun, с. 51.

[62] Th. T. S., табл. 1 и с. 28 (Amenemhat); Wr. Atl., I, 271 (Amenemheb).

[63] Mem. Tyt., V, 30; Mem. Tyt., I, 24; Wr. Atl., I, 2, 343, 423.

[64] *Montet*. Vie privée, с. 42; Mem. Tyt., V, 30; Wr. Atl., I, 184, 24, 344; Mem. Tyt., I, 22—23; Mem. Tyt., II, 15; Wr. Atl., I, 249.

[65] *Montet*. Vie privée, с. 6—8, 66. В храме Эдфу богиня Сехет говорит фараону: «Я даю тебе всех птиц в их прудах» (Édf., II, 164).

[66] Th. T. S., V, 9.

[67] Pap. Harris, I, 28, 3—4.

[68] Th. T. S., II, 6—7; Th. T. S., I, 9; Wr. Atl., 1, 53; Mem. Tyt., II, 7; *Davies*. Five Theban Tombs, ç. 12, 22, 40.

[69] *Davies*. Ken-Amun, с. 48.

[70] *Davies*. Five Theban Tombs, с. 12.

[71] *Davies*. Five Theban Tombs, с. 23—24; Wr. Atl., I, 53, 32.

[72] Wr. Atl., I, 26.

Глава VI

[1] Стела VIII года, найденная в Опе: ASAE, 219.

[2] *Engelbach*. The Quarries of the Western Nubian Desert and the Ancient Road to Tuskha.— ASAE, 1938, 369; ср.: *Sethe*. Die Bau- und Denkmalsteine der alten Agypter und ihre Namen. B., 1933, с. 49.

[3] *Couyat* et *Montet.* Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du ouâdi Hammâmât. Le Caire, 1912.

[4] Там же, надписи 231—237, 240, 223, 12, 222, 219 и 87, 1, 10.

[5] Там же, надпись 19; ср.: с. 24.

[6] Там же, надпись 110.

[7] Там же, надпись 191.

[8] Там же, надпись 192.

[9] *Lucas.* Ancient Egyptian Materials and Industries. 2e éd.. L., 1934, с. 63.

[10] Th. T. S., IV, 4. Надпись Амени в Бени-Хасане *(Newberry.* Beni-Hassan. T. I, с. 8); Pap. Harris, I, 12 à 7. Карта золотых рудников из Туринского музея.

[11] Надпись в храме Редезие: *Golenischeff R.* Recueil de travaux. T. XIII, с. 75 и сл.; Bibl. eg., IV, № 4.

[12] По надписи на стеле Рамсеса II, найденной в Кубане, в 108 километрах к югу от Асуана. Ныне находится в музее Гренобля: *Tresson.* La stèle de Kouban. Le Caire, 1922.

[13] Diodore III, 11—13.

[14] Статуэтки, найденные в саркофаге Хорнахта в Танисе (Kêmi, IX, nos 94—102), сделаны из золота низкой пробы.

[15] *Lucas.* Ancient Egyptian Materials and Industries, c. 352; *Loret V.* La turquoise chez les anciens Egyptiens.— Kêmi, I, 99—114.

[16] *Lucas.* Ук. соч., с. 348; *Newberry*, dans Studies presented to *Griffith F. Ll.*, с. 320.

[17] *Loret.* Ук. соч..— Kêmi, I, 111—113.

[18] *Lepsius.* Denkmäler, III, 26, 1; ср.: Wr. Atl., I, 64, 341, 342.

[19] Wr. Atl., I, 5.

[20] *Newberry.* El Bersheh. T. I, с. 16—16.

[21] *Davies.* Ken-Amun, с. 38—40.

[22] Mem. Tyt., II, 23.

[23] Th. T. S., V, 11, III, 8.

[24] *Vernier.* La bijouterie et la joaillerie égyptiennes. Le Caire, 1907; 2 части.

[25] Wr. Atl., I, 316—317; *Newberry.* Rekhmara, с. 18. Дальнейшие работы златокузнецов описаны в: Th. T. S., III, 8; V, 11—12; Mem. Tyt., II, 23; IV, 11; Wr. Atl., I, 263, 59, 50, 229.

[26] *Montet.* Vie privée, с. 298—311; Wr. Atl., I, 314—315, 420. 384; Mem. Tyt., IV, 11.

[27] Mem. Tyt., V, 37.

[28] Th. T. S., V, 11—12, III, 10; Mem. Tyt., II, 23; Wr. Atl., I, 307, 227.

[29] Th. T. S., V, 12.

[30] *Montet.* Vie privée, с. 311—314.

[31] Encyclopédie photographique de l'art.— Les antiquités égyptiennes du Louvre, 74—77.

[32] *Montet.* Vie privée, с. 315—318; Wr. Atl., 312—313; *Newberry.* Rekhmara, с. 17—18.

[33] *Davies.* Ken-Amun, с. 13—24.

[34] Wr. Atl., II, 25; Urk., IV, 626—642.

[35] Mem. Tyt., II, 37—38.

[36] Urk., IV, 1154.

[37] Стела VIII года правления Рамсеса II: ASAE, 1939. Поучение Аменемхата, сына Дуауфа, § 111.

[38] Sallier, II, 3, 9; Pap. Anastasy, VII, 1, 1.

[39] Louvre, C 14; ср.: *Sottas.*— Le Recueil de travaux, XXXVI, 153.

[40] Th. T. S., I, 8.
[41] Urk., I, 23.
[42] Recueil de travaux, XXIV, 185.
[43] Tombeau 359 à Thèbes: ср.: ZAS, XLII, 128—131.
[44] Остракон 21447 из Берлинского музея в ZAS, LIV, 78; ср.: *Robichon* et *Varille*. Le temple du scribe royal Amenhotep fils de Hapou. Le Caire, 1936, с. 9.
[45] Wr. Atl., I, 319—321; Exode, I, 11—16; ср.: *Mallon A*. Les Hébreux en Egypte. Rome, 1921, с. 134—138.
[46] Поучение Аменемхата, сына Дуауфа, § VIII, Wb., V, 75 и II, 385.
[47] *Davies*. Ken-Amun, с. 59.
[48] Th. T. S., III, 1.
[49] Wr. Atl., I, 44.
[50] *Montet*.— Kêmi, IV, 178—189; Поучение Аменемхата, сына Дуауфа.
[51] *Lefebvre*. Histoire des grands prêtres d'Amon de Karnak, с. 161—162.
[52] Там же, с. 128.
[53] См.: Книга мертвых, глава 125 A, 6.
[54] *Maspero*. Histoire. T. II, с. 540—541; Pap. de Turin, 42, 2—3, 46—17.
[55] Wr. Atl., I, 200.
[56] *Daressy*. Une flottille phénicienne, d'après une peinture égyptienne.— Revue archéologique, 1895, с. 286—292 и табл. 14—15; *Montet*. Reliques de l'art syrien, с. 12.
[57] Urk., I, 157; Sottas, Etude critique sur un acte de vente immobilière au temps des pyramides. P., 1913.
[58] *Gardiner*. Four Papyri of the 18th. Dynasty from Kahun.— ZAS, 1906, с. 27—48.
[59] *Gardiner*. The Chester Beatty Papyri, № 1. L., 1931, с. 43—44.
[60] Pap. 10052 du Br. Mus., табл. 11, 14—30; Pap. 100053, V°, табл. 111, 6—16.
[61] Pap. Chester Beatty, I, V° D и с. 43.
[62] *Gardiner*. A Lawsuit Arising from the Purchase of Two Slaves.— J. E. A., 1935, с. 142.
[63] Ounamon. II, 40—42 (Bibl. eg., I).

Глава VII

[1] Coffin texts, I, 10,
[2] Orb., XIII, 1.
[3] Ouni, 19—20.
[4] Siout, III, 10—11.
[5] *Maspero*. Histoire. T. II, с. 123.
[6] Strabon XVIII, 44. Пловцы изображены в гробнице Мерерука.
[7] Papyrus 100052 du Br. Mus., с. XIII, 1—15.
[8] Pap. Chester Beatty, I, V, 3—6 (Horus-Seth).
[9] *Montet*. Vie privée, с. 379—380.
[10] Bibl. eg., VII, 37.
[11] Th. T. S., III, табл. VI.
[12] Th. T. S., табл. XII; Miss, fr., V, 582, 517; Wr. Atl., I, 308.
[13] Th. T. S., IV, табл. XI—XII.
[14] Th. T. S., IV, табл. XXXII—XXXII; Wr. Atl., I, 199, 323; El Am., I, 29.

[15] Wr. Atl., I, 129.
[16] Paheri, табл. III.
[17] Ham., 192.
[18] Wr. Atl., 121; Miss. fr., V, с. 277 и табл. III.
[19] *Newberry*. Beni-Hasan. T. I, табл. XXX; T. II, табл. IV.
[20] Wr. Atl., II, табл. VI.
[21] ASAE, XXXIX, с. 57.
[22] Ham., 199.
[23] Ham., I.
[24] Воспроизведено в Bibliothèque égyptologique. T. X, с. 183—230; ср.: *Gardiner* in: The Cairo scientific journal. T. VIII, с. 41.
[25] Pap. Harris, I, табл. 77—7—8.
[26] Naufragé, 149—151.
[27] Pap. Harris, I, табл. 28, 3—4, табл. 48, 2.
[28] *Montet*. Drame d'Avaris, с. 19—28, 35—43.
[29] *Montet*. Byblos et l'Égypte, с. 236—237, 295—305. *Dunand*. Byblia Grammata. Beyrouth, 1945.
[30] Ounamon, II, 51—52. Рассказ Унамона полностью переведен: *Maspero*. Contes populaires. 4e éd., с. 217—230.
[31] Pap. Harris, I, табл. VII, 8.
[32] *Montet*. Drame d'Avaris, с. 26—28.
[33] Главный документ о путешествиях египтян в Пунт находится в храме Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри (*Naville*. Deir el Bahari, III, 69—86.— Urk., IV, 315—355). О путешествиях при Тутмосе III ср.: Urk., IV, 1097; Wr. Atl., I, 334; при Аменхотепе II: Wr. Atl., I, 347—348; при Хоремхебе см.: Wr. Atl., II, 60; при Рамсесе II и Рамсесе III см.: Pap. Harris, I, 77—78.
[34] *Montet*. Drame d'Avaris, с. 131—133.
[35] Там же, с. 21.
[36] Ham., 114.
[37] Strabon XVI, 22.
[38] Это выражение встречается только в папирусе Харрис I и на стеле Тутмоса I (*Gauthier*. Dict. Geogr. T. III, с. 33). Обычно «Му-кеду» переводят как «перевернутая вода», потому что египтяне заметили, что Евфрат течет в сторону, противоположную Нилу, примерно с севера на юг. В действительности же египтяне, очень любившие каламбуры, писали название страны «Кеди», как производное от глагола «кеди».
[39] Надпись Тутмоса II в Джебель-Баркале: ZAS, LXIX, 24—39; ср.: C. R. Académie des Inscriptions, 1933, с. 331.
[40] *Lucas*. Ancient egyptian materials and industries. 2e éd., с. 347.
[41] Лазурит из Тефрера упоминается уже в Среднем царстве в надписи путешественника Хети (J. E. A., IV, табл. IX) и в списке драгоценных камней *(Chassinat-Palanque*. Fouilles d'Assiout, с. 108 и 212), а также в надписи Рамсеса II (*Piehl*. Inscr. hier., T. I, с. 145). Я нашел в гробнице Псусеннеса ожерелье из лазурита в золотой оправе, на подвеске которого сохранилась клинописная надпись. Г-н Дхорм расшифровал ее как название страны, соседней с Эламом, и имена царя и царевны (C. R. Ac. des Ins., 1945).
[42] Стела царя Бахтана. Надпись полностью переведена в: Contes populaires de *Maspero*. Более поздний перевод и фотография стелы опубликованы аббатом Трессоном в: Revue biblique, 1933.
[43] Например, врач Уджахореснет из Саиса был приглашен са-

мим Камбизом (*Posener*. Première Domination perse en Egypte, с. 1—2).

[44] *Arrien*. L'Inde, V, 5; Diodore I, 55; Strabon XVI, 4, 4.

Глава VIII

[1] Pap. Harris, I, 57, 3, ssq.

[2] *Kuentz*. Deux stèles d'Aménophis. T. II, с. 12.

[3] *Gauthier*. La grande inscription dédicatoire d'Abydos.— ZAS, XL, VIII, 52—66.

[4] Urk., IV, 765.

[5] *Moret*. Du caractère religieux de la royauté pharaonique. P., 1903.

[6] Piankhi, 25—26.— Urk., III, 14.

[7] Piankhi, 85—86.— Urk., III, 27—28.

[8] Piankhi, 103—105.— Urk., III, 38—40.

[9] *Montet*. Drame d'Avaris, с. 108—110.

[10] *Lefebvre*. Histoire des grands prêtres d'Amon de Karnak, с. 117 и сл.

[11] Stèle 88 de Lyon, Mélanges Loret, с. 505.

[12] Изображения фараона в праздничном одеянии имеются в Карнаке, Луксоре, Абидосе и в других храмах. Особенно интересные см. в: Medinet-Habu, 123—124.

[13] На мумиях Шешонка и Псусеннеса в Танисе я нашел богатую коллекцию царских украшений: *Montet*. Tanis, с. 146—157.

[14] Diodore I, 70.

[15] Kêmi, VIII.

[16] Надпись А в храме Редезие. Bibl. e. g., IV.

[17] Hammamat, 240 и 12. Однако Алан Гардинер считает маловероятным, чтобы сам фараон бывал в Хаммамате (J. E. A., XXXIV, 162).

[18] Эта стела из Кубана ныне хранится в музее Гренобля. Надпись опубликовал Трессон: La stèle de Kouban. Le Caire, 1922.

[19] Эти сведения нам сообщает сам Небуненеф в надписи его гробницы в Фивах: ZAS, XLIV, 30—35; *Lefebvre*. Ук. соч., с. 117 и сл.

[20] *Maspero*. Contes populaires. 4e éd., с. 79—103.

[21] Miss. fr., V, 496.

[22] *Davies*. El Amarna. T. VI, с. 29—30.

[23] Церемонии вознаграждения часто изображались в гробницах Нового царства: *Davies*. El Amarna. T. I, с. 6, 30; III, 16—17; IV, 6; VI, 4—6, 17—2 D; *Davies*. Neferhotep, с. 9—13; Louvre C 213; Miss. fr., V, 496; гробница 106 в Фивах (Porter et Moss, I, 134).

[24] *Davies*. Neferhotep, с. 14—18.

[25] Согласно рельефу из гробницы Хоремхеба, хранящемуся в Лейдене (Beschreibung der aegyptischen Sammlung, IV, 21—24).

[26] *Lefebvre*. Histoire des grands prêtres d'Amon de Karnak, с. 194—195; Inscriptions concernant les grands prêtres d'Amon Romé Roy et Amenhotep, табл. 11.

[27] Эти сцены подробно описаны в книге: *Montet*. Les reliques de l'art syrien dans l'Egypte du Nouvel Empire. P., 1937, гл. I.

[28] Diodore I, 53.

[29] Стела найдена в храме Монту в Ермонте. Ex oriente lux, 1939, с. 9.

[30] Большая стела, найденная в Гизе. Надпись см.: *Varille.* BIFAO, XLI, 31 ssq.

[31] *Kuentz.* Deux stèles d'Aménophis. T. II, c. 6—7. В других текстах прославляется физическая сила Аменхотепа II: Urk., IV, 976—977; ASAE, XXVIII, 126; Medamoud, 1326—1327, 145; Bulletin of the metropolitan Museum of arts. 1935, II, 449—53.

[32] Piankhi, 64—69, Urk., III, 21—22.

[33] Medinet-Habu, 109—110.

[34] Что он и сделал на стеле, воздвигнутой между лапами большого сфинкса. Надпись см.: *Erman.* Sitzungsberichten pr. AK. philosophpish-historischen Classe, 1904, 428—444).

[35] Согласно стеле из Напаты. Публикация Рейснера: Inscribed Monuments from Gebel Barkal.— AZ, LXIX, 24—39, и надпись Аменемхета: Urk., IV, 890.

[36] Medinet-Habu, 35, 116, 117.

[37] Poème de Qadech, éd Kuentz, c. 338—339.

[38] *Davies.* El Amarna. T. III, c. 30—34, 4, 6, 18, 13; IV, c. 15.

[39] Caire, Cat. gén. 36001.

[40] *Montet.* Drame d'Avaris, c. 116—129.

[41] Согласно свадебной стеле Рамсеса II: ASAE, XXV; Bibl. eg., VII, 12; ср.: *Montet.* Drame d'Avaris, c. 134—135.

[42] *Devéria Th.* Le papyrus judiciaire de Turin et les papyrus Lee et Rollin. P., 1868; Bibliothèque égyptologique, V.

[43] Pap. judiciaire de Turin, стб. IV, 2—6.

[44] Pap. Lee № 1 et pap. Rollin.

[45] Pap. judiciaire de Turin, стб. II.

[46] Там же, стб. III.

[47] Там же, стб. VI.

[48] *Maspero.* Momies royales, c. 782; *он же.* Histoire. T. II, c. 480.

[49] *Scharff.* Der historische Abschnitt der Lehre für König Merikaré. München, 1936; *Maspero.* Les enseignements d'Amenemhait Ier à son fils Sanouasrit Ier. Le Caire, 1914. Частные лица, особенно в период Среднего царства, публиковали наставления, в которых хвала фараону перемежалась с советами служить ему преданно и беззаветно. Ср.: *Kuentz.* Deux versions d'un panégyrique royal; Studies presented to *F. Ll. Griffith.* L., 1932.

[50] Pap. Harris, I; Bibl. eg., V.

[51] Pap. Harris, I, 79, 1—5.

[52] Там же, 22, 3—23, 4.

Глава IX

[1] Bibl. eg., VII, 26.

[2] Bibl. eg., VII, 27.

[3] Urk., IV, 999; *Vernier.* La bijouterie et la joaillerie égyptiennes, табл. 20.

[4] *Champollion.* Notices descriptives, c. 527—528; Urk., IV, 995.

[5] Urk., IV, 997.

[6] О карьере и вознаграждениях Небамона нам известно из текстов и изображений в его гробнице в Фивах: Th. T. S., III, табл. 24—29.

[7] Urk., IV, 911; Wr. Atl., I, 186, 280.

[8] Th. T. S., III, 21, 31—33.

[9] Poème de Qadech, éd. Kuetz, c. 172—185.

[10] Pap. Harris, I, 78.

[11] Hérodote II, 164—168; Diodore I, 73.
[12] Wr. Atl., I, 236.
[13] *Davies*. El Amarna. T. III, с. 31, 39; Wr. Atl., II, 13.
[14] Рельеф в храме Рамсеса II в Абидосе: *Kuentz*. La bataille de Qadech, табл. 22; Wr. Atl., II.
[15] Pap. Harris, I, 76.
[16] Это следует из: Medinet-Habu, 112.
[17] *Cavaignac*. Subbiluliuma et son temps. P., 1932, с. 70—72 (Annales de Subbil., с. 27).
[18] Табличка Карнавона в: J. E. A., III, 95—110; *Montet*. Drame d'Avaris, с. 94.
[19] Согласно стеле Сети I из Бейсана: *Loret V. Mélanges*. BIFAO, XXX.
[20] Что следует из Medinet-Habu, 29.
[21] *Montet*. Les reliques de l'art syrien, с. 32—33; Kêmi, IV, 200—210.
[22] Там же, 34—36.
[23] Wr. Atl., II, 1.
[24] *Montet*. Ук. соч., с. 37—38.
[25] Medinet-Habu, 16, 31, 62. Изображения Сетха см.: там же, 25; Wr. Atl., II, 18.
[26] Medinet-Habu, 17—31.
[27] Wr. Atl., II, 34, 40, 43, 44.
[28] Urk., III, 8 (Piankhi, 9—12).
[29] J. E. A., XXI, 219—223.
[30] Essais, éd. Firmin-Didot, I, с. 20. Я благодарен за эту цитату Ж. Йойотту. Подобные примеры см.: *Montet*. Drame d'Avaris. с. 29, 215.
[31] Livre des Morts, 125 B, phrase 25: «О Предвестник битвы из Унеса!» Унес — город Сетха.
[32] Urk., IV, 649 ssq.
[33] Pap. 1116 A du musée de l'Ermitage, 91—98. *Montet*. Drame d'Avaris, с. 29.
[34] Это следует из Поэмы, но особенно из отчета о битве при Кадеше: *Kuentz*. La bataille de Qadech. Le Caire, 1928; Wr. Atl., II.
[35] Согласно рельефу из гробницы Хоремхеба в Саккара, часть которого находится в Болонье, другая — в Берлине; Wr. Atl., I, 386; J. E. A., VII, 33.
[36] Urk., III, 14—17.
[37] Poème de Qadech, с. 295—320.
[38] Там же, с. 323—330.
[39] Medinet-Habu, 18—20.
[40] Там же, 72.
[41] Там же, 32, 37.
[42] Там же, 42.
[43] *Montet*. Les reliques de l'art syrien, с. 5—10.
[44] Medinet-Habu, 95.
[45] Там же, с. 94.
[46] *Montet*. Reliques, с. 10—11.
[47] Wr. Atl., II, 34—35.
[48] Medinet-Habu, 9; Wr. Atl., II, 165—166.
[49] Medinet-Habu, 10—11, 24.
[50] Wr. Atl., II, 39.
[51] *Kuentz*. Deux stèles d'Amenophis. T. II, с. 19—20.

[52] *Medinet-Habu*, с. 85—86 (поэма о втором походе в Ливию, строки 26—34). Сцена: там же, с. 75.

[53] Pap. Harris, I, 77.

[54] *Montet*. Reliques, с. 22—26.

Глава X

[1] *Maspero*. Un manuel de hiérarchie égyptienne.— Etudes égyptiennes. T. II, с. 1—66.

[2] *Lefebvre*. Histoire des grands prêtres d'Amon de Karnak, гл. II.

[3] *Gauthier*. Le personnel du dieu Min. Le Caire, 1931.

[4] См. стелу «400-летия»: Kêmi, IV, 210—212.

[5] Urk., IV, 1020—1021.

[6] Декрет из Наури: Bibl. e. g., IV.

[7] *Lefebvre*. Ук. соч., с. 127—128.

[8] Papyrus moral de Boulaq, VII (*Maspero*. Histoire. T. II, с. 503).

[9] Vérité et Mensonge, Pap. Chester Beatty, II, 5.

[10] *Maspero*. Hymne au Nil, табл. XIII и с. 19.

[11] Pap. Anastasy, I, 13, 5 ssq.: *Gardiner*. Eg. Hieratic Texts. Lpz., 1911, с. 16—34.

[12] Bibl. eg., VII, 23—24. Подобные тексты см.: Bibl. eg., VII, 35.

[13] Bibl. eg., VII, 47.

[14] Bibl. eg., VII, 47; *Pleyte* и *Rossi*. Les papyrus hiératiques de Turin; Pap. moral de Boulaq, с. 3—6, 11.

[15] Pap. moral de Boulaq.

[16] *Loret Mélanges*. BIFAO, XXX, 497.

[17] Urk., IV, 1044—1046.

[18] *Lefebvre*. Ук. соч., с. 127 и сл.

[19] ASAE, XL, 605.

[20] *Maspero*. Histoire. T. II, с. 347.

[21] Bibl. eg., IV.

[22] Bibl. eg., VII, 5. История трех учеников жрецов, взятых в войско фараона.

[23] Urk., I, 23.

[24] Siout, I, 223—229. В гробнице Пуиемра в Фивах — такое же предупреждение (Kêmi, III, 46—48).

[25] Надпись в храме Редезие: Bibl. eg., IV.

[26] *Lefebvre*. Ук. соч., с. 213.

[27] Stèle 138 du Br. Mus; *Robichon et Varille*. Le temple du scribe royal Amenhotep, fils de Hapou, с. 3—4.

[28] События известны из: Papyrus Abbott: *Moller*. Hieratische Lesestücke. T. III, с. 16 и сл. и см.: Papyrus Amherst et Léopold, édités par J. Capart et Alan H. Gardiner, Bruxelles, 1939.

[29] Pap. Br. Mus. 10054, R° 2, 7.

[30] Pap. Br. Mus. 10054, R° III, 7—9.

[31] Pap. Br. Mus. 10053, V° III, 6—16.

[32] Pap. Br. Mus. 10403 I 6 ssq; *Peet T. Eric*. The Mayer papyri A and B.

[33] Pap. Br. Mus. 10052, II, 14—30; XI, 4—9.

[34] Там же, III, 16—17.

[35] Там же, I, 6; II, с. 16.

[36] Гробница Мерерука, A 4 sud.

[37] Pap. Br. Mus. 1002, IV, 6—14.

[38] О свите посланцев северных стран см.: *Montet*. Reliques de l'art syrien dans l'Égypte du Nouvel Empire. P., 1937.

[39] Th. T. S., IV, 23—30. Comparer Wr. Atl., I, 35, 56, 224 (Amiseba); 247—248 (Haremheb); 265 (Anna); 270—284—285 (Amenmosé); 292, 293, 336, 337 (Rekhmarâ); *Maspero*. Histoire. T. II, c. 269 (temple de Neit Ouély); Medinet-Habu, 11.

Глава XI

[1] Hérodote II, 37.
[2] *Josèphe*. Contre Apion. T. I, c. 232, 254—255.
[3] Kêmi, IX, 40.
[4] Так же в «романе» Сатни-Хаэмуасе: *Maspero*. Contes populaires. 4e éd., c. 131.
[5] Bibl. eg., VII, 16, 17.
[6] Bibl. eg., VII, 60.
[7] *Kuentz*. Quelques monuments du culte de Sobok, табл. 11; BIFAO, XXVIII, 113—172.
[8] Hérodote III, 28—29; Strabon XVII, 1, 31; *Plutarque*. Isis et Osiris, c. 43; *Marcellin Ammien*. T. XXII, c. 14.
[9] Hérodote II, 67. Некрополь ибисов обнаружен в пустыне напротив города Шмуна вблизи гробницы Петосириса.
[10] *Montet*. Drame d'Avaris, c. 140—141 и табл. VI.
[11] *Gardiner Alan H*. The Astarte papyrus dans Studies presented to F. Ll. Griffith, 83.
[12] *Montet*. Drame d'Avaris, c. 134.
[13] Там же, c. 142—143.
[14] Bibl. eg., VII, 88—91.
[15] *Peyte* и *Rossi*. Les papyrus hiératiques de Turin.
[16] Хапиджефаи из Сиута, обращаясь к членам храмового совета, говорит: «Я сын жреца, как каждый из вас».
[17] Bibl. eg., VII, 5.
[18] Минмес жил во время правления Рамсеса III: Louvre C 218.
[19] *Erman*. La religion des Égyptiens, c. 223.
[20] Ритуал известен из трех папирусов Берлинского музея и по рельефу в храме Абидоса: *Moret*. Le rituel du culte divin journalier en Égypte. P., 1902.
[21] *Blok H. P*. Remarques sur quelques stèles dites «à oreilles» Kêmi, II, 123—135.
[22] *Lacau*. Les statues «guérisseuses» dans l'ancienne Égypte. Monuments Piot XXV (1922); *Erman*. La religion des Égyptiens, c. 355; *Lefebvre*. La statue guérisseuse du Louvre, Mélanges Loret, c. 89 и сл.
[23] Stèle 589 du Br. Mus. et stèle 102 de Turin; *Erman*. Denkstein aus der thebanischen Gräberstadt (Sitz. Berl. Ak., 1911, 1100).
[24] Stèle 23077 du musée de Berlin; *Erman*. Ук. соч., c. 1088—1097.
[25] *Cerny*. Le culte d'Amenophis Ier chez les ouvriers de la nécropole thébaine.— BIFAO, XXVII, c. 159 и сл.
[26] *Naville*. Inscription historique de Pinodjem III.
[27] Urk., III, 94—95 (stèle de l'intronisation I. 18—19).
[28] *Boreux*. Catalogue guide (Louvre, Antiquités égyptiennes, 534—535). Ср.: *Loukianoff*. Une statue parlante ou oracle du dieu Rê-Harmakhis.— ASAE, XXXVI, 187.
[29] *Cerny*. Questions adressées aux oracles. BIFAO, XXXV, 41; ср.: J. E. A., XI, 249—255; XII, 176—185.
[30] Hérodote II, 59—60.

[31] По рельефам из Мединет-Абу и Карнака, ср.: *Gauthier H.* Les fêtes du dieu Min. Le Caire, 1931.

[32] *Gauthier.* Ук. соч., с. 230—231, 239—240. Лефевр, Море и Готье полагали, что быка приносили в жертву, но это жертвоприношение нигде не изображено. О действительном изображении быка см.: *Jacobson.* Die Dogmatische Stellung das Königs in der Theologie der alten Eg. Gluckstadt; ср.: сообщения Пиндара, Страбона и Геродота.

[33] Надпись опубликована в: *Daressy.* Recueil de travaux. T. XVIII, с. 181 и сл.

[34] Основные эпизоды праздника изображены на рельефах храма в Луксоре по приказу Тутанхамона. См.: Wr. Atl., II, 189—202. Ср. с рельефами храма Рамсеса III в Карнаке (Ramsès III, temples, 86—92).

[35] *Foucart.* La belle fête de la vallée.— BIFAO, XVIV, 1924.

[36] Там же, табл. 14; Wr. Atl., I, 118—119.

[37] Стела 1204 из Египетского музея в Берлине: *Schaefer.* Die Osiris mysterien in Abydos. 11904; сцена из гробницы Херифуфа в Фивах: *Moret.* Mystères égyptiens. P., 1912, с. 11; стела Рамсеса IV: *Mariette.* Abydos. T. II, с. 54—55.

[38] Hérodote II, 63.

[39] Juvénal XV.

[40] Дандара была местом повержения Сетха перед этой богиней. *Brugsch.* Dict. géogr., с. 38; *Gauthter.* Dictionnaire des noms géographiques. T. V, с. 84—85.

[41] Фараон Менхеперрасиамун в действительной истории Сатни: *Maspero.* Contes populaires. 4e éd., 168—171.

[42] Pap. Chester Beatty I.

[43] *Goyon G.* Les travaux de Chou et les tribulations de Geb.— Kêmi, VI, 1—42.

[44] *Drioton.* Ce que l'on sail du théâtre égyptien (éditions de la revue du Caire, 1938).

[45] Stèle de l'an 2 de Neferhotep (*Mariette.* Abydos. T. II, с. 28—30).

[46] *Gardiner.* The house of life.— J. E. A., XXIV, 1938, с. 157—179.

Глава XII

[1] Maximes de Ptah-hotep, prologue. Sinouhit B., 168—170.

[2] *Lefebvre.* Grands prêtres d'Amon, с. 148.

[3] *Maspero.* Contes populaires. 3e éd., с. 30—34.

[4] Sinouhit B., 295—310.

[5] *Kuentz.* Deux versions d'un panégyrique royal.— Studies presented to F. Ll. Griffith, с. 39—110.

[6] Pap. moral de Boulaq, III, 16.

[7] Stèle 1027 du Br. Mus. (Maspero. Etudes égyptiennes, с. 187—188).

[8] *Erman.* La religion des Égyptiens, с. 177.

[9] Papyrus hiératique 1116 A, du musée de l'Ermitage, 1, 52—57.

[10] *Maspero.* Contes populaires. 3e éd., с. 133—138.

[11] ZAS XLVII, 165.

[12] *De Buck.* The egyptian coffin texts, с. 1, 13.

[13] Coffin texts, I, 146 (гл. 37).

[14] Coffin texts, I, 151 (гл. 37).

15 Bibl. eg., VII, 38.

16 *Loret V.* Pour transformer un vieillard en jeune homme: Mélange Maspero, 853 ssq.

17 *Erman.* Religion égyptienne, с. 262.

18 См. две статуи Парамсеса, найденные в Карнаке Легреном: ANAE, XIV, 29—40.

19 *Gauthier.* Livre des rois. T. III, с. 318.

20 *Lefebvre.* Grands prêtres d'Amon, с. 133—134.

21 Hammamat, с. 12; *Lefebvre.* Ук. соч., с. 264.

22 *Erman.* Religion égyptienne, с. 101.

23 См. письмо Осириса к Ра: Pap. Chester Beatty, I, табл. XV.

24 Urk., IV, 57.

25 См. виньетку, опубликованную Масперо: *Histoire.* T. II, с. 516, по стеле Нового царства из музея в Каире.

26 Подробнее см.: Введение к Th. T. S., т. 1.

27 *Davies.* Neferhotep, с. 27; Wr. Atl., I, 124.

28 *Speleers.* Les figurines funéraires égyptiennes, Bruxelles, 1923; Kêmi, IX, 82—83.

29 Kêmi, IX, 78—79.

30 Так в гробнице Псусеннеса: *Montet.* Tanis, с. 145—157.

31 См. надпись из Сиута: Kêmi, III, 52—69.

32 См. историю заупокойного храма: *Robichon* и *Varille.* Le temple du scribe royal Ammenhotep fils de Hapou. Le Caire, 1936.

33 Pap. d'Orbiney, VIII, 6—7 et le Commentaire de *V. Loret* dans Kêmi, IX, 105—106; ср.: Diodore I, 72.

34 Hérodote II, 86; Diodore I, 91; *Lucas.* Ancient egyptian materials and industries. 2e éd., T. VIII.

35 Золотая маска Шешонка I — замечательное произведение искусства, см.: Kêmi, XI, табл. 14—15.

36 Kêmi, IX, 62—64 и табл. XIII.

37 *Maspero.* Étude sur quelques peintures et sur quelques textes relatifs aux funérailles. Études égyptiennes. T. I, с. 81—194.

38 Там же, с. 134.

39 *Maspero.* Histoire. T. II, с. 512—313; Wr. Atl., I, 388—421.

40 *Davies.* Neferhotep, с. 22—23; Mem. Tyt., IV, 19, 24, 25.

41 *Davies.* Neferhotep, с. 20—21; Mem. Tyt., IV, 22.

42 *Davies.* Neferhotep, с. 24; Mem. Tyt., IV, 19, 21; Wr. Atl., I, 131, 166, 217.

43 *Davies.* Neferhotep, с. 25—26.

44 *Fraser J.-G.* Atys et Osiris, P., 1926, с. 112—113; Kêmi, IV, 161—168.

45 *Maspero.* Histoire. T. II, с. 523. Сцены пирушек очень часты в Фиванских гробницах, но следует различать поминальные трапезы и семейные торжества. См.: *Gardiner* в: Th. T. S., I, с. 36—41.

46 *Varille.* Trois nouveaux chants de harpistes.— BIFAO, XXXV, 155—157.

47 *Maspero.* Etudes égyptiennes, T. I, с. 172—177.

48 Hérodote II, 87—88; *Erman.* La religion des Égyptiens, с. 316—317; *Maspero.* Histoire. T. II, с. 525—526.

49 *Robichon* et *Varille.* Amenhotep fils de Hapou, с. 4—7.

50 Уже в эпоху пирамид царь опасался гнева умерших («руг. 63»). Это верование сохранилось в эпоху Нового царства: Pap. hiér. de Turin, 124, 13; Livre des Morts, гл. 92.

51 *Erman.* Zaubersprüche für Mutter und Kind. T. I, с. 9, 2, 6; там же. T. II, с. 7, 12, 3.

[52] Pap. 371 de Leyde: *Gardiner* и *Sethe*. Egyptian Letters to the Dead.

[53] *Erman*. Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele, с. 60 и сл.

[54] *Gardiner Alan H*. The House of Life.— J. E. A., XXIV, 175.

[55] *Maspero*. Contes populaires. 3e éd., с. 102, примеч. 2.

[56] *Drioton* и *Lauer*. Une inscription de Khamouas sur la face sud de la pyramide d'Ounas à Saqqarah.— ASAE, XXXVI, с. 201 и сл.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА *

IV тыс. до н. э.— *Додинастический период* (в конце — Нармер).
3000 г. до н. э.— 2778 г. до н. э.— *Раннее царство.*
I дин.: Аха (Менес), Ден.
II дин.: Санахт.
2778 г. до н. э.— 2263 г. до н. э.— *Древнее* (Старое) *царство.*
III дин.: Джосер
IV дин.: Снофру, Хуфу (греч. Хеопс), Джедефра, Хафра (греч. Хефрен), Менкаура (греч. Микерин)
V дин.: Сахура, Унис
VI дин.: Пепи I, Меренра, Пепи II.
2263 г. до н. э.— 2040 г. до н. э.— *I Переходный период.*
VII—X династии.
2160 г. до н. э.— 1785 г. до н. э.— *Среднее царство.*
XI дин.: Интеф I, Монтухотеп I, Монтухотеп III.
XII дин.: Аменемхат I, Сенусерт I, Сенусерт II, Сенусерт III, Аменемхат III.
1785 г. до н. э.— 1580 г. до н. э.— *II Переходный период.*
XIII—XVII династии (Последний: Камос).
1580 г. до н. э.— 1085 г. до н. э.— *Новое царство.*
XVIII дин.: Яхмос I, Аменхотеп I, Тутмос I, Тутмос II, Хатшепсут, Тутмос III, Аменхотеп II, Тутмос IV, Аменхотеп III, Аменхотеп IV (Эхнатон), Сменхкара, Тутанхамон, Эйе, Хоремхеб.
XIX дин.: Рамсес I, Сети I, Рамсес II, Мернептах, Сети II, Аменмес, Мернептах Рамсес Саптах.
XX дин.: Сетхнахт, Рамсес III, Рамсес IV, Рамсес V, Рамсес IX, Рамсес X, Рамсес XI.
1085 г. до н. э.— 715 г. до н. э.— *III Переходный период.*
XXI дин.: Псусеннес I, Псусеннес II.
XXII дин.: Шешонк I, Осоркон I, Такелот I, Шешонк II, Осоркон II, Такелот II, Шешонк III.
XXIII дин.: Осоркон III.
XXIV дин.: Тефнахт.
715 г. до н. э.— 332 г. до н. э.— *Позднее царство.*
XXV дин.: Пи (Пианхи), Шабака, Тахарка.
XXVI дин.: Псамметих I, Нехо II, Псамметих II, Априй, Амасис, Псамметих III.
XXVII дин.: Камбиз II.
XXVIII дин.
XXIX дин.
XXX дин.: Нектанеб I.
XXXI дин.
332 г. до н. э.— Александр Македонский завоевывает Египет.
305 г. до н. э.— 31 г. до н. э.— *Птолемеевский период.*
30 г. до н. э.— 395 г. н. э.— *Римский период.*

---

* Датировки даны по изд.: *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975. Они приблизительны, особенно для III тысячелетия до н. э. В списки занесены не только наиболее значительные правители, но и малоизвестные, которые упомянуты в книге П. Монтэ.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ БОЖЕСТВ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА, УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ

Амон (Амун) — «Сокровенный», или «Незримый». Имя этого бога упоминается уже в Текстах пирамид, но до прихода к власти XI династии культ Амона был второстепенным. В начале Среднего царства он отождествлнется в Фивах с Мином, Монту и, что более важно, с Ра: это позволяет ему стать в эпоху Нового царства универсальным божеством. Благодаря покровительству фараонов XVIII династии культ Амона становится общегосударственным. В Карнакском храме, главном центре его культа, в качестве его супруги почитали богиню Мут, а их сына — Хонсу (так называемая «фиванская триада»).

Обычно Амона изображали в антропоморфном виде в короне с двумя высокими перьями и солнечным диском, иногда с головой барана. Другими священными животными бога были гусь и змей. Греки отождествляли Амона с Зевсом.

Анат — сирийско-палестинская богиня-воительница и охотница; ее культ проникает в долину Нила в начале Нового царства. Особое покровительство культу Анат оказал Рамсес II: в надписи на статуе, найденной экспедицией П. Монтэ в Танисе, Анат названа его матерью. Вместе с Астартой Анат вошла в египетскую мифологию, где представляется женой Сетха (на родине она — сестра и возлюбленная Баалу, азиатской параллели Сетха).

Анти-Немти — см. Сетх.

Анубис — согласно Текстам пирамид, главный бог в царстве мертвых. Впоследствии эта роль перешла к Осирису, однако за Анубисом остались важные функции покровителя бальзамирования и некрополей. Изображался он в виде черного шакала, или собаки, или человека с головой шакала, посему центр его культа греки назвали «Кинополь» («Собакоград» — столица XVII верхнеегипетского нома).

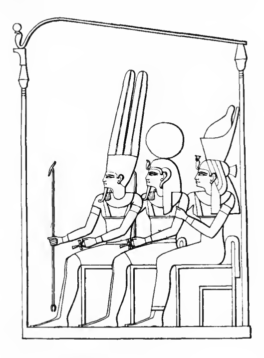
Апис — священный бык, божество плодородия, почитавшийся с начала династической эпохи до утверждения христианства. Главным местом его культа был мемфисский храм Птаха (Апис считался его воплощением). Апис был связан и с Осирисом. В начале Птолемеевского периода они оба послужили прообразом синкретического бога Сераписа.

Астарта (Аштарта) — сирийско-палестинская богиня, культ которой проник в долину Нила при XVIII династии. Она почиталась как воительница, покровительствующая царю, «владычица» колесниц и лошадей. Ее изображения редко встречаются на памятниках частных лиц — вероятно, здесь она представлялась исцелительницей, отгоняющей своим оружием (копьем и щитом, реже стрелами) демонов болезней.

Атон — живой солнечный диск; Аменхотеп IV (Эхнатон) на шестом году правления объявил это божество единым для всей страны, запретив культы других богов, особенно Амона фиванского, ставшего к этому времени главным в пантеоне. Атон изобра-

жался в виде солнечного диска, лучи которого заканчивались кистями рук с символами жизни. После смерти Эхнатона культ его как единого бога прекратился.

Атум — «Полный», «Совершеный» — бог-демиург, природа которого андрогинна. Глава порожденной им гелиопольской Великой Эннеады (Девятки) богов. Отождествлялся с Ра, причем считался воплощением заходящего солнца. Изображался в виде человека с короной Верхнего и Нижнего Египта на голове, реже — в образе змея, ихневмона.

Амон, за ним Хонсу и Мут

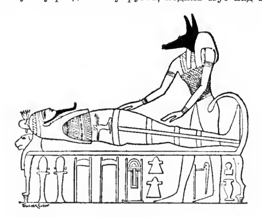
Баал (Баалу, Ваал) — сирийско-палестинский бог, чей культ, как и Астарты, процветал в эпоху Нового царства в Мемфисе и близлежащей гавани Перу-нефер. С эпохи гиксосов отождествлялся с египетским Сетхом. При XIX династии в текстах о военных кампаниях фараон часто уподобляется Баалу. В Мемфисе почитался и Баал Цапани — покровитель мореплавания.

Баст — богиня любви и женского веселья; центр ее культа находился в нижнеегипетском городе Бубасте. Священным животным богини была кошка. Однако, видимо, эта богиня могла быть и грозной, так как отождествлялась с львиноголовой Сехмет.

Бэс — покровитель семьи, материнства, охранитель от злых сил. Изображался в виде уродливого карлика с тиарой из листьев на голове. Амулеты в виде Бэса или его головы найдены во мно-

гих районах древнего мира, включая территории Северного Причерноморья, Средней Азии, Урала и Сибири.

Геб — «Земля» (египтяне представляли землю божеством мужского рода, а небо — женского!). Согласно гелиопольскому мифу, Геб был сыном Шу и Тефнут. Атум назначил его царем Египта, и он правил страной до Осириса. По другой версии мифа, Геб сверг с престола состарившегося Шу. Интересен миф о ссоре Геба с его женой и сестрой Нут («Небо») из-за того, что она каждый вечер глотала своих детей (небесные светила), а утром вновь их рождала. Поэтому Шу разделил супругов, подняв Нут над Гебом.

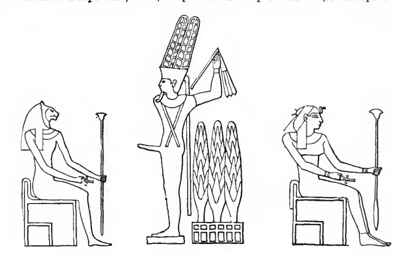
Анубис у мумии Осириса

Исида — богиня, вероятно, нижнеегипетского происхождения. Возможно, ее древнейшая функция — покровительство царской власти, так как ее символ — иероглиф «трон». Она считалась дочерью Шу и Тефнут, женой и сестрой Осириса, матерью Хора. Своей чрезвычайной популярностью в долине Нила, а в античную эпоху во всей ойкумене Исида обязана той роли преданной жены и самоотверженной матери, которая ей приписывается мифом об Осирисе (в наиболее полном виде он дошел до нас в изложении Плутарха). Исида была столь искусна в чарах, что заставила даже Ра поделиться с ней властью; она собрала и оживила куски тела Осириса, убитого Сетхом; ей удавалось обманывать Сетха, когда она боролась за престол для своего сына. Примечательно, что, по одному из вариантов мифа о борьбе Хора и Сетха, Исида оказывает помощь не сыну, а брату. Исследователи видят здесь реликт архаических представлений. В античную эпоху Исида приобретает некоторые функции Осириса и, отождествляемая почти со всеми богинями древности, становится универсальной и включается в пантеон Римской империи. Образ Исиды с Хором на руках оказал заметное влияние на сложение иконографии богоматери.

Маат — богиня истины, порядка как в космологическом, так и в социальном отношении (иногда ее имя переводится «Справедливость»). Она считалась дочерью Ра (порой — его Ка) и участвовала в сотворении мира, понимаемом египтянами как установление

порядка вместо хаоса. Все люди, включая царя, должны были «жить согласно Маат». Богиня изображалась в виде женщины; ее прическу украшало перо страуса. Сердце покойного, положенное на одну чашу весов на загробном суде Осириса, не должно было перевешивать это перышко — отягощенного грехами ожидала немедленная расправа (его пожирало сидящее рядом с весами чудовище).

Меретсегер — «Любящая молчание» — богиня, почитавшаяся особенно в Дейр-эль-Медина — поселении работников Фиванского некрополя, олицетворением и покровительницей которого

Баст, Мин, Мут

она считалась. Ее изображали в виде кобры или женщины с иероглифом «запад» на голове.

Мин — божество плодородия (земли, скота, людей); иногда поэтому он изображался итифаллическим. Цвет его кожи (черный) также подчеркивает основную функцию Мина: черной является и плодородная почва Нильской долины в отличие от красной земли пустыни. В качестве владыки Коптоса, откуда, возможно, и происходит его чрезвычайно древний культ, Мин представлялся покровителем дорог к Красному морю, охранителем экспедиций за ценным сырьем в Восточную пустыню.

Монту — бог-воитель, дарующий царю победу. Его культ, происходящий из фиванского нома, достигает расцвета при фараонах XI династии, но уже в период Среднего царства он был оттеснен на второй план культом Амона. В Медамуде поклонялись «Четырем Монту» — эта ипостась бога представлялась надежной защитой на случай вторжения, так как обеспечивала охрану со всех четырех сторон света. Изображался Монту в антропоморфном виде с головой сокола, часто с копьем.

Мут — «Мать» — первоначально почиталась в районе озера Ашеру к югу от Карнака; она изображалась в облике коршуна.

Значение ее культа стало расти со времени Среднего царства, так как она считалась женой Амона. Мут отождествлялась с львиноголовыми богинями и иногда изображалась с головой львицы.

Нейт — история культа этой богини примечательна двумя периодами расцвета: в начале и конце династической эпохи (I—II и XXVI династии). Она почиталась как богиня охоты и войны, на что указывают иероглифы, с которыми писалось ее имя, и ее атрибуты (стрелы, луки, щиты). Уже в эпоху Раннего царства она представлялась покровительницей царской власти и ассоциировалась с нижнеегипетской короной. Центром культа Нейт был город Саис на

Монту, Нейт, Немти

северо-западе Дельты, но памятники показывают довольно раннее его распространение по всему Египту.

Немти — см. Сетх.

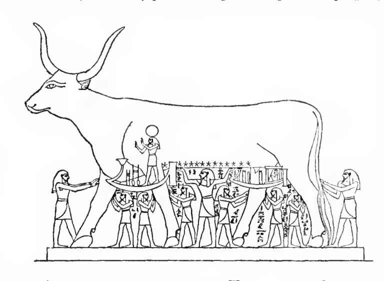
Нефтис (Нефтида) — согласно гелиопольскому космогоническому учению, дочь Геба и Нут, жена и сестра Сетха. Однако в мифах Нефтис выступает постоянно на стороне другого своего брата — Осириса, от которого рождает Анубиса. Вместе с Исидой Нефтис оплакивает Осириса; на некоторых памятниках изображались все четыре богини-покровительницы умерших: Исида, Нефтис, Нейт и Селкет (в гробнице Тутанхамона по четырем сторонам саркофага — позолоченные статуэтки богинь, как бы обнимавших его своими руками, охраняя от посягательств).

Нехбет — богиня Нехена (Иераконполя), древней столицы Верхнего Египта. Изображалась в виде коршуна и, возможно, с правления Менеса вместе с Уаджет, покровительницей Дельты, являлась символом власти царя над объединенным Египтом. От эпохи Нового царства сохранились свидетельства ее культа как богини, помогающей при родах.

Нун — олицетворение первозданного водного хаоса, из которого, по гелиопольской космогонии, появился демиург Атум. В гер-

мопольском учении о происхождении мира у Нуна есть женское дополнение — Наунет.

Н у т — «Небо» — супруга Геба и мать Осириса, Исиды, Нефтис и Сетха. Часто ее изображали в виде изогнувшейся дугой женщины, опирающейся на землю кончиками пальцев рук и ног и поддерживаемой богом воздуха Шу, или в виде огромной коровы, под телом которой плывут звезды и бог солнца в своих утренней и вечерней ладьях. Согласно одному мифу, она каждое утро рождала солнце, а каждый вечер проглатывала его. Ее изображение часто помещали на внутренней поверхности крышки саркофага,

Небесная корова, поддерживаемая Шу и другими божествами

чтобы каждый покойный мог видеть над собой охраняющее его небо.

О с и р и с — владыка загробного мира, бог-царь, интерпретация которого как бога умирающей и воскресающей природы, видимо, вторична. Согласно египетским текстам и трактату Плутарха «Об Исиде и Осирисе», он был старшим сыном Геба и Нут, братом и мужем Исиды, братом Сетха и Нефтис, отцом Хора. Получив трон по наследству, он справедливо управлял Египтом, но был погублен коварным Сетхом. Верная жена нашла его тело и с помощью своих чар зачала от мертвого ребенка. Спрятавшись от Сетха в болотах Дельты, она родила и вырастила Хора, победившего убийцу отца после длительной борьбы, ведшейся с переменным успехом. Осирис, оживленный с помощью Ока Хора (Око солнечного бога — одно из центральных понятий в египетской религии), стал царем мертвых, главой загробного суда. В Текстах пирамид с ним отождествляется умерший фараон, а в пришедших им на смену Текстах саркофагов — каждый покойный, чтобы после смерти он смог ожить подобно Осирису.

Одним из главных культовых мест бога был Абидос, где находился некрополь «Захват дыхания»; там мечтал быть погребенным или хотя бы поставить стелу со своим именем каждый египтянин, так как, согласно мифу, именно там Исида похоронила супруга. Изображали Осириса в виде спеленатой мумии в белой короне с двумя перьями, со знаками царской власти в руках. Тело окрашивали в зеленый цвет — цвет жизни.

Широко распространенный в Египте, этот культ был притягателен и для чужеземцев, хлынувших в Египет в I тысячелетии до н. э. Поэтому он стал одним из главных прообразов Сераписа.

Птах, Сехмет, Себек

Птах — согласно «Мемфисскому богословскому трактату», древнему тексту, дошедшему до нас в поздней записи, бог-творец, создавший мир посредством слова. Имя его иногда в текстах сопровождается эпитетом «Татенен» («Поднимающаяся земля») — так звали древнего локального мемфисского бога, отождествленного с Птахом. Женой Птаха считалась Сехмет, а сыном — Нефертум. Одной из наиболее заметных функций бога было покровительство ремеслам.

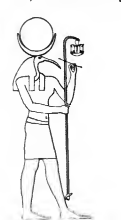
Ра — бог солнца, плывущий в своей дневной ладье по небесному Нилу, а в ночной — по подземному, где ему приходится сражаться с змеем Апопи (Апопом) и другими силами зла и мрака. Оттеснив Атума на роль вечернего солнца, Ра — дневное солнце — становится демиургом, из слез которого возникают люди, главой гелиопольской Эннеады, «отцом богов». Особый расцвет его культа происходит при V династии, когда строятся гигантские храмы в его честь, а фараоны включают в свою титулатуру эпитет «сын Ра», ставший ее неотъемлемой частью.

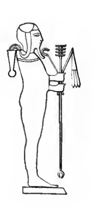
Популярность этого бога была столь велика, что с ним стремились отождествить разных богов, желая таким образом повысить их значение в пантеоне (яркий пример — Амон-Ра, также Монту-

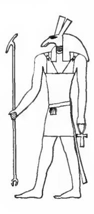
Ра, Ра-Хорахти). Изображался Ра, как и другие солнечные боги, в виде сокола или человека с головой сокола, в двойной короне с царскими инсигниями.

Себек — бог-крокодил, почитавшийся особенно в Фаюме (греч. Крокодилополь). Как владыка вод, он был связан с Нилом, приносящим земле плодородие. Тексты пирамид объявляют его сыном Нейт, а более поздние тексты сообщают о крокодилах-ткачах в Саисском храме.

Сетх (Сутех, Сет) — один из древнейших египетских богов, почитавшийся уже при II династии как покровитель фараонов.

Тот, Хонсу, Сетх

В Текстах пирамид он представлен воителем, спасшим Ра от Апопи. В то же время этот бог ассоциируется с бурей, грозой, пустыней, в мифах об Осирисе объявляется коварным убийцей. Плохую услугу культу Сетха оказало его отождествление с Баалу — богом гиксосов во II Переходный период. Постепенно начинают превалировать представления о нем как о воплощении зла, появляются специальные тексты проклятий Сетху, и даже его имя в надписях заменяется пустым местом. Одной из локальных ипостасей Сетха был Немти (прежде читали «Анти»).

Сехмет (Сохмет) — в Мемфисе считалась женой Птаха и матерью Нефертума. Грозная богиня войны, солнечного жара, изображалась с львиной головой. Она обладала эпитетом «Око Ра» и отождествлялась с другими могучими богинями: Тефнут, Мут, Хатхор. Сехмет могла наслать страшную болезнь и сама же могла исцелить ее — врачи в эпоху Древнего царства являлись ее жрецами.

Татенен — см. Птах.

Таурт — богиня, почитаемая как покровительница ро́дов и материнства, охранительница дома. Изображалась в виде самки гиппопотама. Сохранились сосуды (для молока?) в виде статуэток Таурт.

Т е ф н у т — в гелиопольской космогонии богиня влаги, дочь Атума, супруга Шу, мать Геба и Нут. Тефнут провозглашалась и дочерью Ра, его Оком, уничтожающим всех врагов. Отождествлялась с львиноголовыми Сехмет, Мут. Известен миф об уходе Тефнут — Ока в Нубию, вследствие чего в долине Нила наступила засуха. Миф завершается возвращением богини в Египет по просьбе Ра, пославшего за ней Тота и Шу (по другому варианту — Онуриса).

Т о т — один из самых интересных богов, центром культа которого был Шмун (греч. Гермополь). Он почитался как изобретатель иероглифики, покровитель мудрецов и писцов. Исполняя в пантеоне роль везира, он составлял письма к богам и обладал эпитетами «Сердце Ра», «Язык Птаха». Его магическая мощь покоилась на знаниях тайных имен божеств, что позволяло ему наблюдать за порядком во всей вселенной (возможно, из-за этой параллельности функций он считался мужем Маат). В качестве олицетворения Луны он представлялся создателем календаря, вел счет дням и записывал в специальные летописи дни рождений и смертей. Он же фиксировал результат взвешивания сердца покойного на загробном суде Осириса, следя при этом за точной работой весов.

Священными животными Тота были павиан и ибис. Представления о Тоте оказали влияние на античный образ Гермеса Трисмегиста.

У а д ж е т (У а д ж и т) — «Зеленая» — богиня-кобра, изображение которой (сначала как самостоятельное украшение, потом на короне) украшало голову царя с Древнего царства. В паре с коршуном Нехбет она символизировала власть фараона над Нижним и Верхним Египтом; их имена, как имена «обеих владычиц», включались в царскую титулатуру, видимо, с Менеса. Культовым центром Уаджет был город Пе (вместе с соседним городом Деп — греч. Буто), одна из древнейших столиц Дельты.

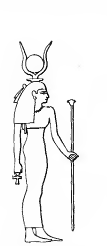
У п у а у т — «Открывающий пути» — бог в облике черного пса, в отличие от Анубиса изображался стоящим, а не лежащим. Богвоитель, проводник Осириса и Хора, поэтому его эмблему несли перед царскими и религиозными процессиями. Как и Анубис, считался богом умерших.

Х а п и — бог Нила, дарующего жизнь Египту, и поэтому любимый во всей Долине. Начало разлива Нила — «приход Хапи» — было праздником Нового года, когда реке приносили жертвы (в исторические времена — свитки папирусов со списками жертв). От времени Среднего царства дошли гимны, воспевающие Хапи как творца всего сущего. Изображали бога тучным человеком (андрогинные черты облика подчеркивают его сущность бога плодородия) с сосудами в руках, из которых льется вода (согласно представлениям египтян, Нил выходил из подземного царства в пещере на самом юге страны).

Х а т х о р — «Дом Хора» — богиня неба (обиталища солнечного бога). Изображалась в виде коровы или женщины с коровьими рогами и солнечным диском между ними. Видимо, главная богиня в пантеоне Раннего царства; она считалась матерью Хора, что отразилось и в Текстах пирамид. Потесненная в этой роли Исидой, Хатхор осталась одной из самых популярных богинь, отождествление с которой сулило локальным «владычицам» возвышение их культов. Обладающая эпитетом «Око Ра», она отождествлялась с

Тефнут (см. миф о возвращении из Нубии любимой дочери бога солнца), Сехмет (миф об истреблении людей), Исидой, Нейт, Баст и др. В то же время Хатхор — богиня любви, веселья, музыки, танцев, пирушек («владычица опьянения»). Уже в эпоху Раннего царства ее культ проникает за пределы страны — она считалась покровительницей экспедиций на Синай («владычица бирюзы»), в Пунт и Нубию. Образ Хатхор повлиял на иконографию некоторых богинь Восточного Средиземноморья.

Хнум — бог плодородия, демиург, слепивший на гончарном круге из глины людей и их Ка. Почитался по всему Египту, но

Хатхор, Хор, Хнум

особенно на юге (о-в Элефантина, Эсне), где его называли «владыкой порогов Нила». Изображался в виде барана или человека с головой барана.

Хонсу — «Странствующий» — в фиванской триаде сын Амона и Мут, бог луны, исцелитель, прогоняющий злые силы. Изображался в виде подростка или мальчика с «локоном юности» (прическа для несовершеннолетних), с серпом и диском луны на голове.

Хор — один из самых многозначных образов в египетском пантеоне, воплощавшийся в разных ипостасях, чаще всего сокола, или человека с головой сокола, или крылатого солнечного диска с двумя уреями по бокам. Он представлялся богом неба, глазами которого были солнце и луна, или самим дневным светилом. С додинастического периода он почитался как покровитель власти фараона, его земное воплощение (Осирис — умерший царь); его имя являлось частью царской титулатуры. Особую популярность приобрел Хор — сын Исиды, отомстивший Сетху за убийство отца — Осириса. Античному миру сын Исиды был известен под именем Харпократа.

Другой важной ипостасью этого бога был Хор Бехдетский, миф о победе которого над врагами Ра запечатлен в позднем храме Эдфу (его символ — крылатый солнечный диск с уреями). Другими образами бога были: Хор-Сематауи («Объединяющий Обе земли»), Хор-ур («Старший», или «Великий»), Хор-ахти («Хор горизонтов»).

Шу — бог воздуха, в гелиопольской Эннеаде — сын Атума, супруг Тефнут, отец Геба и Нут, разделивший ссорящихся супругов, подняв небо над землей. Изображался в виде человека или вместе с Тефнут в виде пары львов.

ЛИТЕРАТУРА

Для настоящего издания представляется целесообразным дать краткий перечень трудов античных авторов, переводов древнеегипетских текстов, а также научных и научно-популярных работ по египтологии на русском языке. В указанных трудах можно найти более подробные списки литературы по различным вопросам египтологии.

Геродот. История в девяти книгах. Пер. и комм. Г. А. Стратановского. Л., 1972.

Плутарх. Об Исиде и Осирисе. Пер. Н. Н. Трухиной.— Вестник древней истории. 1977, № 3—4.

Страбон. География в 17 книгах. Пер. и комм. Г. А. Стратановского. Л., 1964.

Викентьев В. М. Древнеегипетская повесть о двух братьях. М., 1917.

Коростовцев М. А. Путешествие Ун-Амуна в Библ. М., 1960.

Лирика древнего Египта. Пер. А. Ахматовой и В. Потаповой. М., 1965.

Лирическая поэзия древнего Востока. Сост. И. М. Дьяконов. М., 1984.

Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза. Пер. М. А. Коростовцева. М., 1978.

Поэзия и проза древнего Востока.— Библиотека всемирной литературы. Т. 1. М., 1973.

Сказки и повести древнего Египта. Пер. и комм. И. Г. Лившица. Л., 1979.

Тураев Б. А. Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий. М., 1915.

Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта. Сост. И. С. Кацнельсон. М., 1958.

Хрестоматия по истории древнего Востока. Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963.

Хрестоматия по истории древнего Востока. Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. Ч. I. М., 1980.

Антес Р. Мифология в древнем Египте.— Мифология Древнего мира. М., 1977, с. 55—121.

Берлев О. Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.

Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства: социальный слой царских ḥmww. М., 1978.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975.

Богословский Е. С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц. М., 1979.

Богословский Е. С. Древнеегипетские мастера. По материалам из Дер эль-Медина. М., 1983.

Брэстед Д. Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. Т. I—II. М., 1915.
Бузескул В. П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Т. I. Пг., 1923.
Волков И. М. Древнеегипетский бог Себек. Пг., 1917.
Всемирная история. Т. I. М., 1955.
Гонейм З. Потерянная пирамида. М., 1959.
Дженкинс Н. Ладья под пирамидой (Царская ладья фараона Хеопса). М., 1986.
Замаровский В. Их величества пирамиды. М., 1986.
История древнего Востока. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1979.
История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. II, М., 1988, гл. IV—X.
Источниковедение истории древнего Востока. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1984.
Кагаров Е. Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев Посад, 1915.
Картер Г. Гробница Тутанхамона. М., 1959.
Кацнельсон И. С. Тутанхамон и сокровища его гробницы. М., 1976.
Керам К. Боги, гробницы, ученые. М., 1960.
Кинк Х. А. Как строились египетские пирамиды. М., 1967.
Кинк Х. А. Древнеегипетский храм. М., 1979.
Кормышева Э. Е. Религия Куша. М., 1984.
Коростовцев М. А. Египетский язык. М., 1961.
Коростовцев М. А. Литература древнего Египта.— История всемирной литературы. Т. I. М., 1983.
Коростовцев М А. Писцы древнего Египта. М., 1962.
Коростовцев М. А. Религия древнего Египта. М., 1976.
Котрелл Л. Во времена фараонов. М., 1982.
Культура древнего Египта. М., 1976.
Лапис И. А., Матье М. Э. Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1969.
Лауэр Ж.-Ф. Загадки египетских пирамид. М., 1966.
Липинская Я., Марциняк М. Мифология древнего Египта. М., 1983.
Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958.
Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI—X веков до н. з. Л., 1960.
Масперо Г. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. I. Египет. М., 1916.
Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М.— Л., 1956.
Матье М. Э. Искусство древнего Египта. Л.— М., 1961.
Матье М. Э. Во времена Нефертити. М., 1965.
Матье М. Э., Павлов В. В. Памятники искусства древнего Египта в музеях Советского Союза. М., 1958.
Морэ А. Во времена фараонов. М., 1913.
Морэ А. Цари и боги Египта. М., 1914.
Нейгебауэр О. Точные науки в древности. М., 1968.
Павлов В. В. Скульптурный портрет древнего Египта. М. 1957.
Павлова О. И. Амон Фиванский. Ранняя история культа (V—XVII династии). М., 1983.
Перепелкин Ю. Я. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. I. М., 1967.
Перепелкин Ю. Я. Тайна золотого гроба. М., 1968.
Перепелкин Ю. Я. Кэйе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979.

Перминов П. Улыбка сфинкса. М., 1985.
Петровский Н. С. Египетский язык. Л., 1958.
Петровский Н., Белов А. Страна Большого Хапи. 2-е изд. Л., 1973.
Пиотровский Б. Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. М., 1983.
Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984.
Рубинштейн Р. И. Египетская мифология.— Мифы народов мира. Т. I. М., 1981.
Савельева Т. Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971.
Струве В. В. История древнего Востока. М.— Л., 1941.
Стучевский И. А. Рамсес II и Херихор. Из истории древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1984.
Тураев Б. А. Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры. Лейпциг, 1898.
Тураев Б. А. Египетская литература. Т. I. М., 1920.
Тураев Б. А. Древний Египет. Пг., 1922.
Тураев Б. А. История древнего Востока. Т. I—II. Л., 1935.
Флиттнер Н. Д. В стране пирамид. М.— Л., 1936.
Франк-Каменецкий И. Г. Памятники египетской религии в Фиванский период. Ч. I. М., 1917; Ч. II. М., 1918.
Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984.
Херст Г. Нил. М., 1954.
Чабб М. Здесь жила Нефертити. М., 1961.
Шампольон Ж.-Ф. О египетском иероглифическом алфавите. Пер. и комм. И. Г. Лившица. Л., 1950.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Настоящая книга П. Монтэ была написана для широкой публики, однако она насыщена качественной информацией, несомненно интересной и специалистам. Хотелось бы подчеркнуть, что в отличие от большинства книг, издаваемых в научно-популярных сериях, она является результатом работы крупного египтолога-профессионала [1]. Живое воображение, литературный дар, истинно французская легкость слога и мягкая ирония делают эту книгу увлекательным чтением, доступным читателям разного возраста и уровня образования. Однако за этой легкостью — обширные знания и труд.

Тема книги (французский оригинал ее озаглавлен «Повседневная жизнь египтян во времена Рамсесов») далеко не так проста, как это может показаться на первый взгляд. Предоставим слово ученым, ставившим перед собой такую же задачу. А. Эрман, основатель берлинской школы египтологов (у него учился замечательный русский востоковед Б. А. Тураев), признавался в 1923 г., что его решение в 1885 г. написать популярную книгу о египетской жизни в древности было «юношеским легкомыслием» — настолько сложной оказалась тема. Х. Ранке так же охарактеризовал свое согласие переработать это издание по просьбе А. Эрмана в 1908 г. [2].

А. Эрман одним из первых в египтологии стал последовательно применять принцип историзма, справедливо заметив, что описанные Дж. Вилькинсом [3] египтяне никогда и нигде не жили. Он анализировал источники разных периодов истории цивилизации в долине Нила, показывая изменения в ремеслах, одежде, обычаях и прочих областях жизни. Поэтому его книга о быте египтян стала классической, как и другие его работы (прежде всего «Египетская грамматика»).

Хотя заслуги А. Эрмана и Х. Ранке в данном направлении исследований совершенно очевидны, книга П. Монтэ продолжает традиции другой историографии — французской. Его достойными предшественниками были знаменитый Г. Масперо (основатель французского Института восточной археологии) и А. Морэ, популярные книги которых были переведены на русский язык еще до революции [4]. Для своей работы П. Монтэ избрал почти тот же временной период расцвета Нового царства, что и Г. Масперо. Однако в его распоряжении находился новый, чрезвычайно эффектный

материал, ставший достоянием науки в первой половине XX в., причем отчасти благодаря счастливой фортуне Монтэ-археолога.

Прежде чем, как это принято в послесловиях, коснуться спорных положений данной книги, привести новые взгляды на какие-либо проблемы, познакомить читателя с, возможно, неизвестными ему работами отечественной школы египтологов, обратимся к данным биографии П. Монтэ [5], к его посвященной науке жизни.

Пьер Монтэ родился 27 июня 1885 г. в небольшом городке на р. Соне (департамент Рона на юго-востоке Франции). Окончив лицей в Лионе, он занялся египтологией под руководством В. Лорэ, оставившего неизгладимый след в сердце ученика.

С 1910 г. П. Монтэ работает во французском Институте восточной археологии в Каире. Весьма оперативно им было подготовлено переиздание надписей из знаменитого Вади-Хаммамат. Он не только сверил уже известные тексты времени V—XXX династий, но и открыл много новых. Начинающий ученый скромен: на первом месте в заглавии публикации стоит имя работавшего с ним фотографа [6].

По совету В. Лорэ П. Монтэ обращается к изучению изображений в частных гробницах времени Древнего царства в Среднем Египте (особенно в районе Мемфиса). Первая мировая война прервала столь удачно начатую научную карьеру.

Исполнив долг перед родиной, наградившей его Крестом («за боевые заслуги») и «Военной медалью», П. Монтэ возвращается к любимой работе и становится руководителем археологической экспедиции в Библе (с 1920 по 1924 г.) — важном восточносредиземноморском форпосте египтян.

Одновременно начинается преподавательская деятельность П. Монтэ в университете Страсбурга, где в 1925 г. он защищает диссертацию [7]. Она была посвящена росписям гробниц Древнего царства — отсюда его знание реалий древнеегипетской жизни, впоследствии обогащенное опытом археолога. В той давней работе он систематизировал изображения, рассматривая их как определенный комплекс на каждой стене гробницы, а не выбирая отдельные понравившиеся ему сцены. Это позволило ему определить обычный набор сцен, собрать разные варианты росписей. Снабженная иллюстрациями, содержащая массу копий и переводов подписей к изображениям, книга П. Монтэ вошла в золотой фонд египтологии.

В 1928 г. под его руководством была проведена первая археологическая разведка в Танисе — на северо-востоке дельты Нила, где экспедиция П. Монтэ работала до 1951 г. В 1934 г. он получает звание профессора египтологии, в 1948 г. замещает П. Лако в Коллеж де Франс, в 1953 г. избирается членом Французской Академии. Он принимает участие в работе, а порой и возглавляет

разные научные учреждения и комиссии (в 1963 г. он был президентом Французского института — объединения пяти академий, президентом Академии надписей, в 1950—1956 гг.— президентом Французского египтологического общества). Республика оценила его заслуги — он стал командором ордена Почетного легиона. Выйдя в 1955 г. на пенсию, П. Монтэ продолжал египтологические изыскания до последнего часа (он умер в ночь с 17 на 18 июня 1966 г.).

Как справедливо отмечалось в некрологе, помещенном в одном специальном журнале, с уходом П. Монтэ из жизни завершился целый период истории французской египтологии, «счастливый период», когда один ученый мог охватить в своем творчестве разные области науки [8]. Именно таким ученым был П. Монтэ. Библиография, опубликованная его друзьями и коллегами, насчитывает кроме массы статей 50 (!) книг, посвященных проблемам истории, религии, географии, филологии древнего Египта [9]. Его имя прославлено удачными археологическими раскопками в Ливане и Египте, одними из наиболее значительных в нашем столетии. Расскажем о них чуть подробнее.

Четыре сезона провел П. Монтэ в качестве руководителя экспедиции в Библе, изучая древнеегипетские памятники и предметы, созданные местными мастерами под влиянием искусства долины Нила. Удача сопутствовала экспедиции: весной 1922 г. в результате схода оползня из-за дождей вблизи побережья открылась шахтовая гробница. Так был обнаружен царский некрополь Библа. Жемчужиной собранных коллекций стал саркофаг царя Ахирама с древнейшей финикийской алфавитной надписью и изображениями в египетском стиле.

В Библе были найдены остатки двух храмов, масса интереснейших памятников, позволяющих рассмотреть историю политических, экономических и культурных контактов Египта и Восточного Средиземноморья в древности [10]. П. Монтэ датировал некоторые обнаруженные в районе храмов архитектурные детали египетского происхождения временем Древнего царства и несколько поспешно сделал вывод о строительной деятельности фараонов эпохи великих пирамид в Библе. В настоящее время эти датировки оспариваются — полагают, что это памятники Нового и Позднего царств, а остатки фундамента показывают неегипетский способ построения [11].

Чрезвычайно ценные надписи о проникновении в Библ египетских культов П. Монтэ опубликовал в 1964 г.[12]. Он обоснованно датировал их Средним царством, когда связи Египта с Библом были весьма оживленными.

Библ традиционно копали французы: в 1860 г. здесь работала экспедиция знаменитого Э. Ренана, а с 1926 г.— М. Дюнана, получившая интересные результаты в «храме обелисков» [13].

П. Монтэ на протяжении всей жизни интересовался контактами Египта и Передней Азии. В 1937 г. вышла в свет его книга о влиянии сирийского искусства на египетское, где были использованы самые разнообразные источники: тексты, изображения, археологические находки. С этой темой связаны и раскопки экспедиции П. Монтэ в Сан-эль-Хагаре в 1929—1951 гг. (егип. Джане, греч. Танис), оказавшиеся триумфальными [14].

В Танисе французский ученый шел по следам двух крупнейших археологов — своего соотечественника, основателя Службы древностей О. Мариета (1861) и англичанина У. М. Флиндерса Питри (1883—1886). В 1939 г. мир услышал о сенсационном открытии практически не тронутого грабителями некрополя фараонов XXI—XXII династий, т. е. времени малоизученного III Переходного периода. Погребения находились в склепах внутри и вне ограды огромного храма Амона. Стены гробниц Псусеннеса I, Осоркона III и Шешонка III были покрыты рельефами и надписями, представлявшими огромную ценность для историков религии. Собрание памятников Египетского музея в Каире обогатилось серебряными саркофагами, золотыми масками мумий, различными ювелирными украшениями (ожерелья, пекторали, браслеты, кольца), драгоценными сосудами и другими предметами погребального инвентаря.

Вторая мировая война прервала чрезвычайно плодотворные раскопки. В 1943 г. в некрополь залезли грабители; они унесли большинство статуэток-ушебти, часть красивых фрагментов рельефов, а кроме того, повредили памятники, когда искали тайники с сокровищами. Еще более ловкие и наглые бандиты попытались вскрыть саркофаг Псусеннеса I, спрятанный от бомбардировок в подвалах Египетского музея в Каире. Энергично предпринятое расследование позволило вернуть бóльшую часть украденных предметов, но ожерелье царя и некоторые амулеты бесследно исчезли.

Находки в царском некрополе Таниса по своему значению сопоставимы с находками из гробницы Тутанхамона, открытие которой в 1922 г. обессмертило имя английского археолога Г. Картера. Кроме названных выше предметов следует упомянуть и великолепный внешний саркофаг Псусеннеса I из розового гранита; на внутренней поверхности его крышки в глубоком рельефе высечено изображение богини Нут.

Раскопки самого Таниса дали ценнейшие находки. Этот город, бывший столицей Египта в начале I тысячелетия до н. э.,— единственный на настоящий момент город Дельты, который благодаря своей сохранности может претендовать на роль музея под открытым небом. Здесь найдено такое количество скульптуры, что исследователи стали писать о «танисской школе» [15]. Экспедиция

П. Монтэ обнаружила две интереснейшие статуи Рамсеса II: одна изображала его восседающим на троне рядом с азиатской богиней Анат, другая — ребенком под покровительством гигантского сокола Хорона (высота статуи — 2 м 31 см). Вновь была открыта оставленная экспедицией О. Мариета знаменитая стела «400-летия эры Сетха», где он изображен подобно азиатскому Баалу. Танис, расположенный на рукаве Нила, служил важным центром торговли с Азией (именно из Таниса отправляется в Библ за лесом посланец бога Амона [16]), поэтому раскопки здесь полностью соответствовали научным устремлениям П. Монтэ.

Танис дал богатый материал по эпохе правления Рамсеса II Великого. В связи с этим необходимо коснуться проблемы локализации Пер-Рамсеса. Мысль о возведении Пер-Рамсеса, а затем и Таниса на месте Авариса, гиксосской столицы, была высказана Х. Бругшем еще в 1872 г. и активно поддерживалась П. Монтэ и другими египтологами (А. Гардинер, Х. Кеес, Ю. фон Бекерат [17]). Однако общепринятой гипотезой она не стала. Ее противники справедливо подчеркивали отсутствие в Танисе сооружений, датируемых временем до правления XXI династии, найденных in situ, т. е. памятники Рамсеса II попали сюда из другого места (знаменательная судьба для памятников фараона, любившего присваивать построенное и изваянное при его предшественниках!). Отсутствие в Танисе зданий, возведенных до правления Псусеннеса I, подтвердили и последние раскопки, проводившиеся французской экспедицией под руководством Ж. Йойотта. Что касается топографической идентификации Авариса и Пер-Рамсеса, локализуемых в настоящее время большинством ученых в местности Катаана — Кантир, то, видимо, она подтверждается источниками. М. Битак подчеркивает, что название «Аварис» при XX династии использовалось для обозначения гавани столицы Рамсеса II [18]. Иногда Аварис локализуют в районе Тель-эд-Дабаа, к югу от Катаана — Кантир, т. е. Пер-Рамсеса, что соответствует известному описанию границ столицы в папирусе Анастази IV (6,4—6,10), где говорится о культе на юге от столицы Сетха — египетского бога, отождествленного с азиатским Баалу и почитаемого гиксосами. Однако и эту локализацию нельзя пока считать окончательной: найденное здесь экспедицией М. Битака азиатское поселение отнюдь не уникально для Восточной Дельты [19].

Наиболее значимыми при решении данной проблемы представляются памятники культа Сетха. Действительно, локальные культы в долине Нила сохранялись на протяжении колоссального периода времени — с глубокой древности до греко-римской эпохи. Поэтому гипотеза о топографическом тождестве Авариса и Пер-Рамсеса выглядит весьма убедительно. Танис же располагался севернее этого района.

На наш взгляд, П. Монтэ, как и некоторые другие египтологи (Х. Кеес, Ю. фон Бекерат), придает излишнее значение религиозной стороне противоборства в конце Нового царства сторонников культов Амона и Сетха. Несколько раз он касается этого вопроса и в настоящей работе, поэтому представляются необходимыми некоторые замечания. По мнению П. Монтэ [20], конец правления XX династии ознаменовался гражданской войной приверженцев Амона с «нечистыми» — адептами культа Сетха. Сначала перевес сил был на стороне последних: в союзе с поселившимися в долине Нила азиатами они, якобы подобно гиксосам, уничтожали храмы и другие святыни по всей стране. Но фиванцы собрали войско и изгнали нечестивцев, разрушив дворец Рамсеса II и предав проклятиям культ Сетха. Главным свидетельством этой войны для П. Монтэ является сообщение Иосифа Флавия [21], который, как известно, пользовался трудами египетского историка птолемеевской эпохи Манефона. Из работы Иосифа Флавия П. Монтэ заимствует термин для обозначения сторонников культа Сетха, который с древнегреческого можно перевести как «(ритуально) нечистый», «нечестивый», «порочный», «обагренный кровью» и т. д.

Никто не спорит — III Переходный период был, как и два предыдущих, периодом смут, военных столкновений, вторжений извне [22]. Однако, на наш взгляд, настоящей гражданской войны между приверженцами культов Амона и Сетха не было. Рамессиды, уделявшие внимание своему родовому богу Сетху и нижнеегипетским богам (например, уже при Рамсесе II заметно возрос культ саисской Нейт), отнюдь не являлись противниками культа Амона. В честь последнего возводились гигантские храмы, а фиванскому жречеству дарились богатые пожертвования.

Упадок культа Сетха, трансформация его в некий прообраз дьявола в эпоху Позднего царства объясняются скорее тем, что его внешний облик, приобретший азиатские черты, ассоциировался с гиксосами. Это была «национальная» реакция египтян эпохи последнего возрождения страны на вторжения чужеземцев. В моду вошло все исконно египетское, причем идеалом, «золотым веком» представлялись не времена блестящей империи Нового царства, а период Древнего царства, когда умопомрачительная власть фараонов выразилась в великих пирамидах, а связи долины Нила с остальным миром были незначительны. Нельзя не учитывать и следующий факт: согласно мифу, Сетх — убийца добродетельного Осириса, культ которого (отчасти благодаря зарождающейся мировой славе его жены Исиды) переживает в Позднее царство новый расцвет.

Нельзя согласиться с П. Монтэ, определявшим Сетха как азиатского бога. Этот древний египетский бог приобрел лишь некоторые черты иконографии переднеазиатского Баалу. П. Монтэ скло-

нен переоценивать значение в пантеоне долины Нила азиатских богов: Анат, Астарты, Решепа, Хорона, Баалу. Их культы проникли в Египет во время III Переходного периода и Нового царства, однако они подверглись в Долине столь сильной египтизации, что на изображениях Позднего царства их порой невозможно отличить от местных богов. Чужеземные боги были включены в мифологию, получили высокие эпитеты владык неба, Обеих земель, всех богов.

За период, истекший с 1946 г., когда увидело свет первое издание данной книги П. Монтэ, естественно, некоторые положения автора оказались спорными и даже неверными. Мы попытались отметить их в примечаниях. Идеализация французским ученым египетской жизни в древности особенно бросается в глаза в главе III, когда речь заходит о слугах и рабах. Представить реальное, увы, далеко не столь идиллическое положение большинства египтян (не зря сам П. Монтэ расписывает пристрастие к палочным наказаниям в долине Нила) поможет указанная литература, прежде всего работы О. Д. Берлева и Е. С. Богословского. Нельзя не заметить, что П. Монтэ чаще приглашает читателя в увлекательные путешествия по дворцам фараонов и богатым усадьбам знати, чем заглядывает в дома простых смертных. Это объясняется не только большей привлекательностью парадной стороны жизни, но и характером сохранившихся источников. «Археология вещей», под флагом которой проходил грабеж национального достояния многих стран Востока, на наших глазах превращается в «археологию идей». Изучая жалкие остатки бедных поселений, историки могут взглянуть на жизнь древних значительно объективнее.

Надеемся, что незначительные замечания не будут даже каплей дегтя в той бочке меда, с которой хотелось бы сравнить книгу П. Монтэ. Обращение этого метра французской школы к теме «Повседневная жизнь в Египте во времена Рамсесов» закономерно следует из его научных интересов и, на наш взгляд, отвечает его человеческим качествам. Невозможно не почувствовать, с какой любовью не только к египтологии, о которой он, по отзывам коллег, мог говорить бесконечно, но и к жизни, людям была создана эта книга.

Уверены, что, переведенная на английский, немецкий, итальянский, испанский, португальский, датский, польский и другие языки, книга П. Монтэ доставит удовольствие и нашим читателям. Как писал во введении к «Апологии истории» М. Блок: «Зрелище человеческой деятельности... составляющей ее [истории] особый предмет, более всякого другого способно покорять человеческое воображение. Особенно тогда, когда удаленность во времени и пространстве окрашивает эту деятельность в самые необычные тона» [23].

В данное издание включены иллюстрации, отсутствующие во французском оригинале, хронологическая таблица и краткий словарь древнеегипетских божеств.

Там, где автор перевода с древнеегипетского языка не указан, сохранены переводы П. Монтэ. Имена собственные и географические названия даны в условном, так называемом «школьном» чтении, ставшем традиционным и поэтому более удобным для научно-популярных изданий.

[1] Пока в научно-популярной серии были изданы только две книги профессиональных египтологов — З. Гопейма и Ж.-Ф. Лауэра; обе они указаны в списке литературы.

[2] *Erman A., Ranke H.* Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum. Tübingen, 1923, с. V—VI, VII—IX.

[3] *Wilkinson J. G.* The Manners and Customs of the ancient Egyptians. Vol. I—III. L., 1878.

[4] См. список литературы.

[5] Данные биографии П. Монтэ даны по: *Robert L., Vandier J.* Discours de m. L. Robert et de m. J. Vandier à l'occasion de la mort de m. P. Montet, lu dans la Séance du 8 juillet 1966 des l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1966.

[6] *Couyat J., Montet P.* Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du ouâdi Hammâmât. Le Caire, 1912.

[7] *Montet P.* Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'Ancien empire. Strasbourg, 1925.

[8] *Walle B. van de.* Montet (1885—1966).— Chronique d'Egypte. Brussels, 1967, vol. 42, № 83, с. 124—125.

[9] Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. Cairo, 1958, vol. 57, с. XI—XXIV. Особо хотелось бы отметить важное значение одной из последних работ: *Montet P.* Géographie de l'Égypte ancienne. Vol. I—II. P., 1957—1961.

[10] *Montet P.* Byblos et l'Égypte. Quatre campagnes de fouilles à Gebeil, 1921—1922—1923—1924. P., 1928 (Texte), 1929 (Atlas).

[11] *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962, с. 21; *Stadelmann R.* Syrisch — Palästinensische Gottheiten in Ägypten (Probleme der Ägyptologie, Bd. 5). Leiden, 1967, с. 6—7.

[12] *Montet P.* Quatre nouvelles inscriptions hiéroglyphiques trouvées à Byblos.— Kêmi. 1964, vol. 18, с. 61—68; *Montet P.* Herichef à Byblos.— Kêmi. 1962, vol. 16, с. 89—90.

[13] *Dunand M.* Fouilles de Byblos. Vol. I—II. P., 1939—1954; *Dunand M.* Byblos, son histoire, ses ruines, ses legends. Beirut, 1965. Об археологических исследованиях Библа см: *Бернхардт К.-Х.* Древний Ливан. М., 1982; *Jidejean N.* Byblos through the Ages. Beirut, 1968; *Herm G.* Die Phönizier. Das Purpurreich der Antike. Düsseldorf, Wien, 1973.

[14] *Montet P.* Les reliques de l'art syrien dans l'Égypte du Nouvel Empire. Strasbourg, 1937; *Montet P.* La Nécropole royale de Tanis. Vol. 1—3. P., 1947—1960; *Montet P.* Les énigmes de Tanis. P., 1952.

[15] М. Э. Матье справедливо писала о скульптуре Пер-Рамсеса, а не Таниса: *Матье М. Э.* Искусство древнего Египта. Л.— М., 1961,

с. 472—475. Примечательно, что найденные в 1825 г. в Танисе статуи (экспедиция Рифо) попали в коллекции музеев Парижа, Берлина и Санкт-Петербурга (Lexicon der Ägyptologie (далее LÄ). Hrg. von W. Helck, W. Westendorf. Wiesbaden, Vol. I—VI, 1972—1986; vol. VI, kol. 199).

[16] *Коростовцев М. А.* Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. М., 1960, строки 1, 3—1, 4; 1. 6.

[17] *Brugsch H.* ÄZ., 1872, Bd. 10. Подробнее об этой проблеме см.: *Стучевский И. А.* Рамсес II и Херихор. Из истории древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1984. с. 67—77.

[18] LÄ. V, 128, 129, 133.

[19] LÄ. I, 552.

[20] *Montet P.* Le drame d'Avaris. P., 1941, с. 168—173.

[21] Contra Apionem I. 227—277.

[22] Трудные времена III Переходного периода отразились в повести о злоключениях жреца Атума: *Caminos R. A.* The Tale of Woe. Oxf., 1977.

[23] *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. Изд. 2-е. М., 1986, с. 8.

О. В. Томашевич

СОДЕРЖАНИЕ

Монтэ П.

М77 Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. Пер. с франц. Ф. Л. Мендельсона. Послесл. О. В. Томашевич.— М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989.— 376: ил. (По следам исчезнувших культур Востока).

ISBN 5-02-016592-1

Труд известного французского египтолога Пьера Монтэ посвящен самым разнообразным сторонам жизни в Египте во времена Рамсесов — от политики и религии до повседневного быта. Книга основана на богатейшем историко-культурном материале, написана живо и увлекательно.

М $\frac{0503010000\text{-}154}{013(02)\text{-}89}$ Без объявления **ББК 63.3(0)3**

Научно-художественное
издание

Монтэ Пьер
ЕГИПЕТ РАМСЕСОВ

Повседневная жизнь египтян
во времена великих фараонов

Редактор *Л. З. Шварц*
Младший редактор *Н. Л. Скачко*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор
Б. Л. Резников
Технический редактор
З. С. Теплякова
Корректоры *В. М. Кочеткова* и *П. С. Шин*

ИБ № 15556

Сдано в набор 14.11.88. Подписано к печати 02.06.89. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,58. Уч.-изд. л. 22,25. Тираж 50 000 экз. Изд. № 6307. Зак. № 4260. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва И-473, Краснопролетарская, 16

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

в серии «По следам исчезнувших культур Востока» в 1987—1988 г. вышли книги:

Бойс М. Зороастрийцы. Пер. с англ. 18 л.

Герни О. Р. Хетты. Пер. с англ. 14 л.

Археология Центральной Африки. Пер. с англ. 11,5 л.

Ковельман А. Б. Риторика в тени пирамид (Массовое сознание «римского» Египта). 12 л.

В 1989—1990 гг. выйдут:

Бартонек А. Златообильные Микены. Пер. с чешск. 24 л.

Заблоцка Ю. История Ближнего Востока в древности. Пер. с польск. 25 л.

Левек П. Эллинистический мир. Пер. с франц. 16 л.

Кленгель-Брандт Э. Вавилонская башня. Пер. с нем. 10 л.

Кравчук А. Троянская война: Миф и история. Пер. с польск. 11 л.

Крамер С. Н. История начинается в Шумере. 2-е изд. Пер. с англ. 15 л.

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию книга:

Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. 18 л.

В монографии рассматриваются формирование раннеклассового общества в Греции XI—VI вв. до н. з. и ее связи с ближневосточной цивилизацией. На основании письменных источников и данных археологии рассмотрены материальное и социальное развитие раннегреческих центров, характерные черты земельного строя, социальный механизм колонизационного движения в VIII—VI вв. до н. э., исследован процесс возникновения и становления полиса как основной формы раннеклассовой социально-политической коммуникации греческого общества. Впервые дан систематический очерк многообразных связей Греции со странами Ближнего Востока, оказавшими значительное воздействие на формирование раннегреческой цивилизации.

В ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию книга:

Государство и социальные структуры на древнем Востоке: Сборник статей. 12 л.

В сборнике рассматриваются проблемы воздействия государства и общественной надстройки на экономическую и социальную структуру общества. Сделана попытка выяснить, как надстройка содействует развитию и оформлению базиса в различных регионах Востока на протяжении всей древности. Предметом исследования являются также прямые усилия государства взять в свои руки контроль над социальной структурой общества и ее формированием, регламентировать через посредство права социальные отношения и способствовать укреплению того строя, который отвечает интересам господствующих классов.

277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199044 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142284 Протвино Московской обл., «Академкнига»;
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
701000 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 78 («Книга — почтой»).

